ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЛАСТНОЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

СЕЛЕМЕНЕВА ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА

ПРОСТЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ СО ЗНАЧЕНИЕМ «СОСТОЯНИЕ ПРИРОДЫ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XIX − XX ВЕКОВ

(структурно-семантический, парадигматический и лингвокультурологический аспекты)

Специальность 10.02.01 – русский язык

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Научный консультант –
доктор филологических наук,
профессор Никитин О.В.

Москва − 2013

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ……....9

ГЛАВА I. СТРУКТУРНАЯ СХЕМА ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ: ГЕНЕЗИС ПОНЯТИЯ И РОЛЬ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ МЕНТАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ СИТУАЦИЙ ВНЕЯЗЫКОВОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ……..…..30

§1. Внеязыковая ситуация и пропозиция……...30

1.1. О понятии «внеязыковая ситуация». Внеязыковые ситуации, связанные с описанием состояний природы …….....30

1.2. Пропозициональная номинация. Типовая пропозиция «состояние природы» и ее признаки…….....40

§2. Из истории изучения структурных схем простых предложений в отечественной лингвистике……55

2.1. Знаковый характер предложения……55

2.2. Формальный подход к структурной схеме простого предложения……...59

2.3. Трактовка структурной схемы с позиции выделения предикативного и номинативного минимумов……..64

2.4. Субъектно-предикатный подход к структурной схеме……67

2.5. Структурная схема простого предложения как знак типовой пропозиции……...72

2.6. Структурная схема предложения и позиционная схема высказывания……..75

§3. Лексическое наполнение структурных схем простых предложений……78

3.1. Роль типовой пропозиции «состояние природы» в лексическом наполнении структурных схем предложений……78

3.2. Дифференциация лексем по функциональной предназначенности……
……...83
§4. Семантическая категория «состояние» и предикаты состояния…….….86
4.1. «Широкий» подход к семантической категории состояния. Типы носителей состояния в предложениях с семантикой «состояние природы»……
…..86
4.2. Признаки семантической категории состояния и предикатов состояния……...94
§5. Роль синтаксических единиц в исследовании языковых картин мира
……...101
5.1. Понятие о когнитивной и языковой картинах мира в лингвистике.
……..101
5.2. Лингвокогнитивный аспект рассмотрения языковой картины мира через призму синтаксических конструкций ……105
5.3. Лингвокультурологический аспект изучения языковой картины мира посредством рассмотрения синтаксических единиц……..115
5.4. Выводы по I главе……121

ГЛАВА II. СТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОСТЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С СЕМАНТИКОЙ «СОСТОЯНИЕ ПРИРОДЫ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XIX – XX ВЕКОВ……..124
§ 1. Источники и способы формирования специализированных структурных схем простых предложений как знаков типовой пропозиции «состояние природы»…….124
1.1. Метаязык описания структурных схем простых предложений с семантикой «состояние природы»……124

1.2. Роль принципа *специализации* в классификации структурных схем простых предложений с семантикой «состояние природы» …….127

1.3. Формирование специализированных структурных схем «где само-происходит», «где пахнет чем», «покрывает что (В.п.) чем»……..…133

1.4. Формирование специализированных структурных схем «где есть каково», «где действует чем откуда/куда», «где перемещает что (В.п.) откуда/куда», «где создает что (В.п., Р.п.)» и «где разрушает что (В.п.)»……....138

1.5. Вопрос о временно́м периоде формирования специализированных структурных схем простых предложений со значением «состояние природы»……...
…….141

§ 2. Компонентный состав и лексическое наполнение специализированных структурных схем простых предложений со значением «состояние природы»…….148

2.1. Субъектив как конститутивный компонент специализированных структурных схем……148

2.2. Предикативы специализированных структурных схем……..….154

2.3. Облигаторные элементы трех- и четырехкомпонентных специализированных структурных схем……..…..157

§3. Использование неспециализированных структурных схем для обозначения типовой пропозиции «состояние природы»
……163

3.1. Структурные схемы «где есть какое состояние» и «где нет какого состояния» как репрезентанты типовой пропозиции «состояние природы»…….
…...163

3.2. Использование знака типовой пропозиции «инобытие объекта» для вербализации внеязыковых ситуаций, связанных с изменением состояний природы……173

3.3. Компонентный состав и лексическое наполнение структурных схем «что есть какое по состоянию», «что есть каково по состоянию» и «что есть в каком состоянии»…….176

3.4. Языковые знаки, репрезентирующие типовые пропозиции «наполнение объекта», «покрытие объекта» и «самостоятельное перемещение агенса» и используемые для овнешнения типовой пропозиции «состояние природы»……..…....181

3.5. Выводы по II главе……..…..195

ГЛАВА III. ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОЙ РЕАЛИЗАЦИИ И ПАРАДИГМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ПРОСТЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ СО ЗНАЧЕНИЕМ «СОСТОЯНИЕ ПРИРОДЫ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XIX – XX ВЕКОВ..... 198

§1. Грамматические модификации структурных схем простых предложений с семантикой «состояние природы»……...…..198

1.1. О понятии «модификация» или «регулярная реализация» структурных схем простых предложений……..198

1.2. Особенности грамматической модификации специализированных структурных схем простых предложений с семантикой «состояние природы»…….....201

1.3. Грамматическая реализация в речи неспециализированных структурных схем простых предложений со значением «состояние природы»..204

§2. Структурно-семантические модификации структурных схем простых предложений со значением «состояние природы»……206

2.1. Неполная модификация специализированных структурных схем простых предложений с семантикой «состояние природы»……...…..206

2.2. Фазовая и модальная модификации специализированных структурных схем простых предложений с семантикой «состояние природы»...210

2.3. Отрицательная, вопросительная модификации и модификация абстрактности специализированных структурных схем простых предложений с семантикой «состояние природы»…….212

2.4. Структурно-семантические реализации в речи неспециализированных структурных схем простых предложений со значением «состояние природы»……..214

§3. Усложнение пропозиций высказываний с семантикой «состояние природы» дополнительными смыслами……..…217

3.1. Темпоральные компоненты позиционных схем высказываний с семантикой «состояние природы»…….217

3.2. Каузаторы состояния природы в позиционных схемах высказываний……..…223

3.3. Особенности позиционных схем высказываний, в основе которых лежат неспециализированные структурные схемы предложений с семантикой «состояние природы»……...224

3.4. Эксплицирующие словоформы и их роль в позиционных схемах высказываний с семантикой «состояние природы»…….……227

§4. Синтаксическое поле структурных схем простых предложений с семантикой «состояние природы»…….232

4.1. Ядро синтаксического поля структурных схем простых предложений со значением «состояние природы»……..…232

4.2. Периферия синтаксического поля структурных схем простых предложения с семантикой «состояние природы»……...…235

4.3. Парадигматические отношения схем поля……236

4.4. Выводы по III главе……246

ГЛАВА IV. ВЫСКАЗЫВАНИЯ С СЕМАНТИКОЙ «СОСТОЯНИЕ ПРИРОДЫ» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА XIX − XX ВЕКОВ: ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ….250

§1. Способ восприятия состояний природы Наблюдателем как дифференцирующий критерий высказываний с семантикой «состояние природы» в русской языковой картине мира XIX – XX вв…...…….250

1.1. Человек-Наблюдатель как канал получения информации о мире……...…
250

1.2. Высказывания с семантикой состояния природы, определяемого на основе экстероцептивных ощущений Наблюдателя……..251

1.3. Полимодальные высказывания в русской языковой картине мира……..
….263

§2. Антропоморфизм как способ объективации состояний природы в русской языковой картине мира XIX – XX вв…….……269

2.1. Роль антропоморфной метафоры в познании мира…….….269

2.2. Отражение архаических воззрений славян на природу в русской языковой картине мира XIX – XX вв…….……...271

2.3. Антропоморфные состояния природы в русской языковой картине мира XIX – XX веков……..……282

§3. Классификация высказываний с семантикой «состояние природы» по способу проявления состояния в русской языковой картине мира XIX – XX вв. ……...…296

3.1. Высказывания с семантикой «состояние природы, проявляемое наличием или отсутствием света»……296

3.2. Высказывания с семантикой «состояние природы, проявляемое наличием или отсутствием цвета»……300

3.3. Высказывания с семантикой «состояние природы, проявляемое наличием или отсутствием покрытия какими-либо объектами»……308

3.4. Высказывания с семантикой «состояние природы, проявляемое наполнением природного объекта/метеорологического

пространства»…… ……314

3.5. Высказывания с семантикой «состояние природы, проявляемое движением каких-либо объектов»…….....321

3.6. Высказывания с семантикой «состояние природы, проявляемое изменением структуры объектов»……..…324

3.7. Высказывания с семантикой «состояние природы, проявляемое изменением температуры»…….……327

3.8. Высказывания с семантикой «состояние природы, проявляемое наличием/отсутствием звуков»……..…330

3.9. Высказывания с семантикой «состояние природы, проявляемое распространением веяний или запахов»……...335

3.10. Высказывания, репрезентирующие комплексные состояния....341

3.11. О дискретности типовой пропозиции «состояние природы» в русской языковой картине мира и каталогизации внеязыковых ситуаций, описывающих различные состояния природы……..…349

3.12. Выводы по IV главе…….…..357

ЗАКЛЮЧЕНИЕ……...360

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ…….….372

БИБЛИОГРАФИЯ……...382

ПРИЛОЖЕНИЕ……..…….448

ВВЕДЕНИЕ

Основными принципами современной лингвистики являются принципы антропоцентризма, экспланаторности, экспансионизма, функционализма, семантико- и текстоцентризма, позволяющие изучать научные объекты с учетом их роли для человека, описывать факты языка и находить им объяснение, рассматривать единицы языка «в действии», в тесной взаимосвязи плана выражения и плана содержания, искать точки соприкосновения лингвистики с другими дисциплинами – культурологией, этнологией, психологией, социологией и т.д. В отечественной и зарубежной синтаксической науке указанные принципы обусловливают плодотворное развитие так называемого активного синтаксиса, представленного, например, семантическим синтаксисом, функциональным, прагматическим, и ориентирующегося не столько на изучение закономерностей образования синтаксических единиц и формальную устроенность, сколько на их семантику, специфику функционирования в речи. В конце XX – начале XXI веков идеи активного синтаксиса определенным образом стимулируются за счет развития таких направлений, как лингвокультурология и когнитивная лингвистика. Эти научные направления опе-

рируют понятием человеческого сознания, реализуют интегративный подход к языку, рассматривают либо диаду «человек ↔ язык» (характерно для когнитивной лингвистики), либо триаду «человек ↔ язык ↔ культура» (свойственно лингвокультурологии). Основные векторы исследований указанных направлений преимущественно связаны с изучением концептов как единиц ментальной сферы (с акцентуацией их ценностно-культурной составляющей или с отсутствием таковой) и языковых картин мира как совокупности зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности.

Фрагмент русской языковой картины мира, описывающий различные состояния природы, является, по нашим данным, неизученным феноменом в лингвистике. А между тем взаимоотношения природы и человека насчитывают уже много тысяч лет и прошли длительный эволюционный путь: от полного слияния человека с окружающей природой в дородовом обществе, когда «внешнее было неартикулированной стороной внутреннего», а «внутреннее было неартикулированной стороной внешнего», до противопоставления единичности и множественности, субъекта и «надличностной всеобъемлющей силы» [Режабек 2003: 70, 93]. Природа, климат, рельеф местности наряду с культурно-бытовыми традициями и физиолого-антропологическими особенностями определяются рядом лингвистов как те специфические качества, которые способны формировать основу национального характера, темперамента, национальной ментальности [*см.*: Рядчикова, Тарасенко 2007; Ржепянская 2010; Корнилов 2011].

Опыт взаимодействия человека с природой отражает язык, являющийся «конституирующей когнитивной способностью человека» [Кубрякова 2003: 32]. Вся жизнь человека в мире, «пропущенная сквозь коллективное человеческое сознание», находит в языке соответствующие формы выражения, становясь содержанием коммуникации [Золотова 1982: 5]. Более того, язык способен не только отражать современный этап взаимодействия двух этих «составляющих» – человека и окружающего мира, – но и при изменении

внешних исторических условий бытования этноса сохранять в своих формах и транслировать новым поколениям мирооценку и мировосприятие в «готовом виде» [Корнилов 2011: 123]. Именно поэтому особенности русского национального характера, восприятия окружающего мира можно описывать не только вникая в идеи и образы литературы, фольклора, но и обращаясь к развитой системе русского языка [*см.*: Левина 2005; Буров 2007; Токарев 2008; Гехтляр 2009; Радбиль 2011]. Так язык становится своего рода «памятью народа», итогом «освоения многими поколениями природы, духа, мира в целом» [Буров 2007: 58].

Известно, что теми знаками языка, которые в значительной мере отражают совокупность представлений нации о действительности, являются лексемы и фразеологизмы. Лексемы получают статус «имен» концептов как единиц когнитивной картины мира и передают их содержание наиболее полно и адекватно [*см.*: Воркачев 2001, 2002, 2003 (а), 2003 (б), 2003 (в); Карасик, Слышкин 2001; Пименова 2007; Бабушкин 1996, 2001 и мн. др.], а фразеологизмы в силу своей символичности, эталонизированности образного основания отображают мировидение и миропонимание определенного этноса, транслируют «культурные смыслы, прескрипции культуры, стереотипные представления и т.п.» [Ковшова 2009: 5].

Взаимодействие теории номинации, базирующейся на идее отражательной потенции предложения, с когнитивной лингвистикой и лингвокультурологией позволяет наметить связь номинативной и познавательной деятельности человека в преломлении к синтаксису. Например, М.В. Всеволодова, на наш взгляд, справедливо отмечает, что грамматика (а не только лексика и фразеология) способна закреплять национальные и этнические приоритеты в необходимости выражения тех или иных смыслов для носителей каждого языка, специфику национального членения мироздания и социальных отношений [*см. подробнее*: Всеволодова 2007 (а)]. Б.Ю. Норман, интересующийся проблемами когнитивного синтаксиса – соотношением синтаксических структур с ментальными образованиями, представлением типовых ситуаций

через предикатно-актантные структуры, возникновением синтаксических преобразований как результата процессов компрессии, синтаксического смещения, частеречной конверсии и многими др. – указывает на заметную роль синтаксических единиц в познавательных процессах. Грамматические единицы и связи, с одной стороны, хранят «когнитивный опыт предшествующих поколений», а с другой, «позволяют носителю языка упорядочить, привести в систему новую, только что полученную информацию» [Норман 2013: 34]. С.Г. Букаренко одним из типов экспликации языковой картины мира видит предикативные стереотипные сочетания, фиксирующие ситуации «застывшего процесса установления типичного признака познаваемого объекта и его результата» (типа ***Дождь…→*** *идет*, ***Москва…→*** *– столица*, ***Рябина…→*** *красная*, ***Километр…→*** *пройден*) [Букаренко 2009: 5]. Стереотипные сочетания отражают «эталоны-инварианты наиболее значимых для человека ситуаций», а их сформировавшаяся система становится «зеркалом» системы фрагментов языковой картины мира в ее эталонно-предикативном аспекте [Букаренко 2009: 5].

Таким образом, не только словарь, но и грамматические категории, и синтаксические конструкции выступают «инвентарем, с помощью которого человек опознает ситуации действительности и, включая их в светлое поле сознания, категоризирует, относит их к тому или иному классу» [Норман 2013: 242]. Более того, на наш взгляд, абсолютно верным является утверждение Б.Ю. Нормана о том, что синтаксис – это «рельсы, по которым движется поезд познания» [Норман 2013: 57]. Соответственно, роль синтаксиса в процессе когниции заслуживает особого внимания.

Мы полагаем, что «специфика национального членения мироздания» через призму основной синтаксической единицы – простого предложения – и относительно изучаемого нами фрагмента языковой картины мира проявляется в двух существенных моментах.

1) В способности ряда структурно различных предложений, кодирующих определенные внеязыковые ситуации (ситуации существования объек-

тов в пространстве, ситуации самостоятельного перемещения объектов, ситуации, связанные с характеристикой существенных признаков объектов и т.д.), «представлять свою форму» для выражения абсолютно иного содержания (ситуаций, описывающих различные состояния природы). Причем, вероятно, что некоторые типы конструкций выступают таким «донорским материалом» для представления «инородной» их природе внеязыковой ситуации регулярно, другие – менее регулярно, третьи не выступают вообще.

2) В возможности выявления (посредством анализа высказываний с семантикой «состояние природы», в том числе и ряда метафорических высказываний) и описания совокупности ключевых идей, обеспечивающих единство того фрагмента русской языковой картины мира, который связан с ситуациями описания состояний природы.

Изучение способов мышления о мире в их связи с синтаксическим строем языка приводит нас к такой актуальной проблеме современной синтаксической науки, как проблема организации предложения и его типологии. Она представлена в ряде научных подходов, из которых наиболее интересным и ценным при изучении национальных языковых картин мира является ситуативный подход, акцентирующий внимание на предметных ситуациях объективного мира, отраженных сознанием человека и кодированных средствами языка [*см*.: Копров 2010: 8]. В настоящее время еще не выполнена работа по выявлению и способам «оязыковления» различных ситуаций объективного мира. Их полное описание требует значительных «творческих усилий» и невозможно в рамках одной диссертации. Ситуативный подход, восходящий еще к работам Э. Кошмидера (30-е гг. XIX в.), писавшем о «ситуационных типах» [Бондарко 2011: 42], выступает в лингвистических работах в различных вариантах: концепции функционально-семантических полей, функционально-коммуникативной грамматики, семантико-функционального сопоставительного синтаксиса (русского, английского, итальянского, немецкого, испанского и др. языков), теории синтаксических концептов (работы Н.Н. Арват [1974], А.В. Бондарко [1983, 2002, 2011], М.М. Булыниной

[2004], Т.В. Верниковской [2001], М.Д. Воейковой [2005], М.В. Всеволодовой [2000, 2005 (б), 2007 (а), (б), 2009], О.М. Дедовой [2002], Г.А. Золотовой [1973, 1982, 2005 (б)], В.И. Казариной [2002 (б)], В.Ю. Копрова [1999, 2000, 2010], М.И. Лазариди [2000, 2001], И.П. Матхановой [2002], З.Д. Поповой [2009] и др.).

Так, в работах лингвистов, развивающих принципы Петербургской (Ленинградской) типологической школы, прежде всего идеи А.В. Бондарко, анализируются статальные и квалитативные ситуации, ситуации, связанные с семантикой безличности [*см*.: Матханова 2005; Воейкова 2005; Недялков 2005 и др.].

А.В. Величко, Ю.А. Туманова и О.В. Чагина обращаются к описанию простых предложений русского языка, выражающих три ситуации: события речи, изменения количественных признаков объекта и наличия содержимого в объеме [*см*.: Величко, Туманова, Чагина 1986].

Семантическую структуру польских предложений с адресатной ситуацией анализирует Т.В. Верниковская [*см*.: Верниковская 2001].

З.Д. Попова через призму созданной теории синтаксических концептов обращается к средствам репрезентации в русском языке ситуаций, связанных с приписыванием объекту определенных признаков, воздействием агенса на объект, бытия, небытия и инобытия объектов и др., а М.М. Булынина – ситуациям перемещения объектов [*см*.: Попова 2000, 2006 (а), 2009; Волохина, Попова 2003 (а); Булынина 2004, 2009].

В.И. Казарина и ее ученики (Н.А. Пешехонова, Н.А. Бородина, О.В. Дронова и др.) выделяют и подробно описывают в лингвокогнитивном преломлении структуру и семантику совокупности простых предложений русского языка, связанных с различными ситуациями: ситуацией претерпевания одушевленным существом различного рода психологических и физиологических состояний; ситуацией создания объектов в результате трудовой деятельности; ситуацией интеллектуальной деятельности живых существ; ситуацией физического давления на предмет [*см*.: Казарина 2002 (б), 2003, 2007

(б), 2008, 2009, 2012; Пешехонова 2008; Бородина 2009, 2010; Дронова 2010, 2011].

В.Ю. Копров, А.Л. Лебедева, Т.Н. Козюра, О.М. Дедова, И.М. Сушкова, Е.Н. Дурова, работая в области сопоставительного синтаксиса разных языков (русского, английского, венгерского, испанского, немецкого, французского), берут для анализа ситуации физического воздействия субъекта на объект, зрительного восприятия, касания, обладания, принадлежности и т.д. [*см.*: Копров 1999, 2000, 2010; Дедова 2002; Семантико-функциональный сопоставительный синтаксис 2011; Дурова 2011].

Это далеко не полный перечень лингвистов и работ, посвященных языковым способам обозначения различных ситуаций окружающей действительности.

Несомненную значимость проблемы структурно-семантической организации предложений для отечественной синтаксической науки начала XXI века подчеркивает факт создания межнационального проекта, участниками которого на сегодняшний день являются Донецкий национальный университет (Украина, руководитель А.А. Загнитко), Белорусский государственный университет (Минск, руководитель С.А. Важник) и Московский государственный университет (Россия, руководитель М.В. Всеволодова). Его цель – реализовать программы исследования моделей славянских простых предложений с учетом их значений и функционирования в речи [*см.*: Всеволодова 2005 (а), 2005 (б), 2007 (б); Виноградова, Ситарь, Важник 2007 (а), 2007 (б)].

Неизученность фрагмента русской языковой картины мира, фиксирующего различные состояния природы, во многом обусловлена отсутствием описания семантики группы простых предложений, кодирующих внеязыковые ситуации «природа и ее состояние». А ведь одной из важнейших задач семантического синтаксиса разных языков является классификация предложений в соответствии с их семантикой. Предложения состояния выделяются практически во всех таких классификациях независимо от оснований, положенных в их основу: семантики признака, заключенного в предикате, или се-

мантики всей предикатно-актантной структуры. Факт наличия статальных предложений, сообщающих о состоянии среды, лица, предмета, в русском языке констатирует Г.А. Золотова [*см.*: Золотова 1982]; об однокомпонентных пропозициях предложений с семантикой состояния природы в русском языке упоминают П. Адамец и Т.В. Шмелева [*см.*: Адамец 1978; Шмелева 1994]; о предложениях состояния, выделенных с опорой на ономасиологический принцип классификации, пишет В.В. Бабайцева [*см.*: Бабайцева 1983] и др. Однако и в перечисленных, и в ряде других научных работ по русистике можно встретить лишь спорадические замечания о том, что предложения с семантикой «состояние природы» выражают «изменение состояния природы, связанные со сменой дня и ночи, температуры, атмосферно-метеорологические явления» [Лаврентьев 2011: 275]. Дальше подобной характеристики классификация предложений с семантикой «состояние природы» не идет. В то время как предложениям, репрезентирующим ситуацию «состояние живого существа», посвящено немало разноаспектных работ (затрагивается и семантический аспект), выполненных не только на материале русского языка, но и немецкого, испанского языков [*см.*: Казарина 2002 (б), 2003, 2007 (б), 2008, 2009; Кузьмина (2) 2009 (а); Лазариди 2000, 2001; Дурова 2011; Кабанова 2012 и др.].

Таким образом, **актуальность** диссертационного исследования определяется совокупностью факторов:

1) дальнейшей разработкой проблемы структурно-семантической организации простого предложения в свете ситуативного подхода, исходящего из возможности предложения представлять какую-либо ситуацию предметного мира;

2) отсутствием в русистике работ, предлагающих какие-либо критерии типологизации простых предложений с семантикой «состояние природы», их подробное системное описание;

3) изучением фрагмента национальной языковой картины мира, демонстрирующего представления человека о различных состояниях природы,

в лингвокогнитивном и лингвокультурологическом аспектах. Лингвокогнитивный аспект при этом связан с осмыслением типовой пропозиции «состояние природы» в качестве особого концептуального типа, обладающего группой признаков, предопределяющих компонентный состав структурных схем как средств кодирования типовой пропозиции и лексическое наполнение их компонентов в речевой реализации. А лингвокультурологический аспект заключается в исследовании семантики высказываний, фиксирующих состояния природы, в свете идеи о существовании в русской языковой картине мире связующих ключевых идей, которые являются отражением архаических воззрений восточных славян на природу.

Объектом исследования являются простые предложения со значением «состояние природы» в русской языковой картине мира XIX − XX веков.

Предмет исследования составляет структурная организация простых предложений с семантикой «состояние природы», их типология, речевые модификации, особенности полевой организации и парадигматических отношений.

Цель диссертационного исследования состоит в системном описании группы простых предложений как синтаксических знаков типовой пропозиции «состояние природы», представленной в качестве единицы хранения знания о категоризованных и классифицированных сознанием однотипных ситуациях экстралингвистической действительности.

Для достижения этой цели в диссертации ставятся и решаются следующие **задачи**:

1) с учетом ситуативного подхода к предложению выявить совокупность простых предложений разной структуры, репрезентирующих типовую пропозицию «состояние природы» в русском языке XIX − XX веков;

2) рассмотреть типовую пропозицию «состояние природы» как концептуализированное знание о мире и представить полевую стратификацию ее содержания;

3) описать структурную организацию простых предложений с семантикой «состояние природы» и изучить специфику их реализации в речи;

4) смоделировать синтаксическое поле структурных схем простых предложений с семантикой «состояние природы» и выявить парадигматические отношения, установленные между схемами поля;

5) представить классификацию высказываний с семантикой «состояние природы» с учетом двух оснований: способа получения информации о состоянии природы Наблюдателем и способа проявления состояния;

6) проанализировать высказывания с семантикой «состояние природы» в качестве носителей этнокультурной информации;

7) выявить ключевые идеи, которые обеспечивают единство того фрагмента русской языковой картины мира XIX – XX веков, что фиксирует состояния природы.

Гипотеза исследования. Типовая пропозиция «состояние природы» представляет собой особый концептуальный тип, обладающий свойством дискретности. Содержание типовой пропозиции, образованное рядом когнитивных признаков, способно к полевой стратификации по результатам вычисления индексов яркости каждого признака.

Синтаксическими знаками типовой пропозиции «состояние природы» в русском языке XIX − XX веков выступают структурные схемы простых предложений с семантикой «состояние природы». Часть из схем появилась в ходе исторического развития русского языка специально для представления типовой пропозиции «состояние природы», а часть вербализует иные мыслительные образы внеязыковых ситуаций («предмет/лицо и его признак», «бытие объекта», «небытие объекта», «инобытие объекта» и др.) и лишь «предоставляет» свою «форму» для выражения иного содержания.

В процессе речевой реализации схемы претерпевают разного рода модификации и обогащение пропозиций высказываний дополнительными смыслами. Структурные схемы простых предложений с семантикой «состоя-

ние природы» образуют синтаксическое поле и вступают в а парадигматические отношения.

Рассматривая предложение как двустороннюю единицу (не только как единицу языка, но и как единицу речи), полагаем, что совокупность знаний человека о фрагменте экстралингвистической действительности, описывающем состояния природы, закреплена в семантике ряда высказываний, классифицированных с учетом двух критериев: способа восприятия состояния природы Наблюдателем и способа проявления состояния природы Анализ этих высказываний позволяет выделить ряд ключевых идей, объединяющих указанный фрагмент внеязыковой действительности. Особое место отводится метафорическим высказываниям с семантикой «состояние природы» как способным демонстрировать взаимодействие языка и культуры.

Источниками исследования стали разножанровые тексты художественных произведений отечественных авторов XIX – XX веков: С.Т. Аксакова, М.П. Арцыбашева, В.П. Астафьева, Ю.В. Бондарева, И.А. Бунина, Н.Э. Гейнце, И.А. Гончарова, Ю.О. Домбровского, Ф.М. Достоевского, И.А. Ефремова, С.П. Залыгина, В.Г. Короленко, А.И. Куприна, Д.Н. Мамина-Сибиряка, Б.Л. Пастернака, К.Г. Паустовского, М.М. Пришвина, К.М. Симонова, А.Н. Толстого, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, А.П. Чехова, М.А. Шолохова, А.И. Эртеля и мн. др.; художественные тексты, вошедшие в состав информационно-справочной системы «Национальный корпус русского языка» (*www.ruscorpora.ru*), созданные в период с 1800 по 2000 годы, и в состав собрания русской классики «Библиотеки Максима Мошкова» (*электронное издание*).

Привлекались также для анализа фольклорные тексты (сказки и былины), размещенные на сайте Фундаментальной электронной библиотеки «Русская литература и фольклор» (*http://feb-web.ru*), тексты древнерусской литературы XI – XVII вв., входящие в фонд Библиотеки литературы Древней Руси (Институт русской литературы РАН; *www.pushkinskijdom.ru*), и тексты

русской литературы XVIII в. (Электронная библиотека русской литературы XVIII – начала XIX века//*www.rvb.ru/18vek*).

Материалом исследования послужила авторская картотека, включающая несколько выборок высказываний с семантикой «состояние природы». Две выборки являются базовыми. Первая из них сплошная, состоящая из 9367 предложений с семантикой «состояние природы», изъятых из произведений отечественных авторов XIX – XX веков. Вторая представляет собой совокупность высказываний с лексемой *природа* и однокоренными образованиями, отобранными системой «Интеллектуальный поиск» из «Библиотеки Максима Мошкова» и информационно-справочной системой «Национальный корпус русского языка» (объем – 11 147 примеров).

Остальные выборки носят иллюстративно-прикладной характер. Это, во-первых, выборка высказываний с семантикой «состояние природы» объемом в 891 высказывание, извлеченных из художественных текстов XIX – XX веков с использованием системы «Интеллектуальный поиск» в информационно-справочной системе «Национальный корпус русского языка». Во-вторых, сплошная выборка высказываний с семантикой «состояние природы» из текстов литературы Древней Руси (81 высказывание), текстов XVIII века (117 высказываний) и фольклорных текстов (69 высказываний).

Таким образом, весь объем выбранного для анализа материала составил 21672 высказывания.

Характер изучаемого материала обусловил использование в работе следующих общенаучных и специальных **методов исследования**: *описательно-аналитического метода*, включающего приемы наблюдения, интерпретации, систематизации; *структурного метода* с приемом моделирования; *сопоставительного* метода, представленного приемами признакового сопоставления и сопоставительной интерпретации; *метода количественного анализа* с приемом количественных сопоставлений и приемом статистической обработки полученных результатов исследования; *метода контекстного анализа*, включающего прием выявления контекстных особенностей реализации зна-

чения отдельных слов в тексте; *дистрибутивного метода*, направленного на исследование сочетаемости конкретных лексем; *синхронно-диахронического метода*, позволившего сопоставить высказывании, извлеченные из текстов, относящихся к разным историческим периодам; методики *лингвокогнитивного анализа*, представленной взаимодействием логического и семантико-когнитивного подходов, ориентированных на выявление признаков исследуемой типовой пропозиции.

Совокупное использование данных методов позволило провести отбор, систематизацию и описание языкового материала, что соответствует поставленным задачам.

Научная новизна работы состоит:

1) в представлении типовой пропозиции «состояние природы» в качестве единицы ментальной сферы, обладающей свойством дискретности и рядом когнитивных признаков. Вычлененные когнитивные признаки обусловливают компонентный состав структурных схем как синтаксических знаков указанной типовой пропозиции, лексическое наполнение компонентов и возможность разграничения типовых пропозиций;

2) в анализе простых предложений с семантикой «состояние природы» с позиции асимметрии их формально-синтаксической организации и семантико-когнитивной природы. Подобный подход приводит к осмыслению односоставных предложений как речевых реализаций минимум двухкомпонентных (и более) структурных схем, не несущих новой типовой пропозиции по сравнению с традиционно двусоставными;

3) в исследовании структурных схем, которые, кодируя определенную типовую пропозицию («инобытие объекта», «бытие объекта», «небытие объекта» и др.), способны в русском языке «предоставлять» свою «форму» для маркирования типовой пропозиции «состоянии природы»;

4) в систематизации лексической и формально-грамматической выраженности компонентов всех выделенных структурных схем простых предложений с семантикой «состояние природы», особенностей их модификации в

речи; в выявлении специфики функционирования эксплицирующих словоформ и способности означаемого позиционных схем высказываний усложняться дополнительными смыслами; в моделировании синтаксического поля структурных схем простых предложений с семантикой «состояние природы» и описании установленных парадигматических отношений между ними;

5) в классификации высказываний с семантикой «состояние природы» с учетом двух оснований (способа получения информации о состоянии и способа его проявления) и их рассмотрении как «носителей» ключевых инвариантных идей, «связующих» тот фрагмент русской языковой картины мира XIX – XX вв., что описывает различные состояния природы;

6) в выявлении возможности закрепления высказываниями с семантикой «состояние природы» этнокультурных представлений о природе и ее состояниях (восприятие природы как живого существа, в частности восприятие Земли как матери всего сущего, некого созидательного начала; осмысление мира в двоичных системах; понимание времени не как линейно текущего, а как циклического; трактовка происходящих в природе изменений как имманентных, присущих самой природе и от нее исходящих).

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в следующем:

1) в предложенной методике анализа типовой пропозиции «состояние природы» как особого концептуального типа, обладающего рядом когнитивных признаков, способных к полевой стратификации путем подсчета индекса яркости каждого признака;

2) в углублении теоретических проблем структурной организации простых предложений с семантикой «состояние природы», их речевых реализаций, полевого моделирования и парадигматических отношений;

3) в разработке классификационных критериев для высказываний с семантикой «состояние природы» посредством развития теории Наблюдателя как системообразующего фактора в языке;

4) в создании «каталога ситуаций» для фрагмента русской языковой картины мира, фиксирующего физические и антропоморфные состояния природы;

5) в выявлении и систематизации ряда ключевых идей того фрагмента русской языковой картины мира, который связан с описанием различных состояний природы, на базе реализации идеи об упорядоченном характере когнитивной картины мира в сознании человека;

6) в развитии идеи о способности метафорических высказываний с семантикой «состояние природы» отражать взаимодействие языка и культуры, фиксировать архаические воззрения восточных славян на природу и передавать их из поколения в поколение.

Практическая значимость диссертации. Результаты исследования могут быть использованы в курсах общего и частного языкознания, современного русского литературного языка, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, коммуникативной лингвистики, этнопсихолингвистики, фольклористики и др.

Языковой материал, представленный в работе, и предложенные для него классификации могут быть внедрены в практику составления *экспериментальных синтаксических словарей*, интерпретирующих взаимодействие лексики и синтаксиса, дополняющих идеографический подход к описанию лексики семантико-синтаксическим аспектом ее рассмотрения; *семантических словарей* русского языка, представляющих многоступенчатую классификацию лексики, дающую представление о том или ином фрагменте языковой картины мира, а также *тематических словарей* (тематический раздел «Природа»), значительно облегчающих работу по развитию связной речи (построение связных высказываний по определенной теме) на основе установления ассоциативных связей между тематически однородными словами [*см.*: Саяхова, Хасанова 1976; Русский семантический словарь 1998; Экспериментальный синтаксический словарь 2002].

Результаты исследования могут быть полезны в методике преподавания РКИ на коммуникативной основе, предполагающей особую подачу материала – от семантики ко множеству выражающих заданный смысл структурам. Именно такой подход преподавания русского языка в иноязычной аудитории представляется перспективным в силу действенности его результатов: системного описания групп предложений как знаков внеязыковых ситуаций, установления и выявления отношений между ними.

Теоретическая база исследования подтверждается применением работ отечественных и зарубежных ученых в следующих областях научного знания:

1) традиционных направлений в истории изучения отечественного синтаксиса (преимущественно в области односоставного безличного предложения) (Ф.И. Буслаев[1], А.Х. Востоков, Н.И. Греч, И.И. Давыдов, В.И. Классовский, В. Новаковский, Д.Н. Овсянико-Куликовский, А.М. Пешковский, А.В. Попов, А.А. Потебня, А.А. Шахматов и др.);

2) формально-грамматического направления XX века и функционального направления в изучении синтаксических единиц, касающихся проблем структурной схемы простого предложения, ее природы, регулярных речевых реализаций, детерминирующих конструкций, типологии простого предложения, парадигматических отношений между предложениями, предикативности как конститутивного признака предложения, синтаксической семантики и т.д. (В.Г. Адмони, Т.Б. Алисова, Н.Н. Арват, Н.Д. Арутюнова, В.В. Бабайцева, В.А. Белошапкова, А.В. Бондарко, М.М. Булынина, А.В. Величко, Т.В. Верниковская, М.В. Всеволодова, Н.А. Герасименко, В.Г. Гак, Е.М. Галкина-Федорук, Ю.Т. Долин, Г.П. Дручинина, Г.А. Золотова, В.И. Казарина, С.И. Кокорина, В.Ю. Копров, С.Е. Кузьмина, М.И. Лазариди, П.А. Лекант, Т.П. Ломтев, Г.Н. Манаенко, Л.Н. Омельченко, Н.К. Онипенко, А.В. Петров, З.Д. Попова, И.П. Распопов, М.Ю. Сидорова, Е.С. Скобликова, Ю.А. Туманова, В.А. Федоров, С.Н. Цейтлин, О.В. Чагина, Т.Е. Шаповалова, И.Б. Шатуновский, Н.Ю. Шведова, В.С. Юрченко и др.);

[1] Здесь и далее не указаны библиографические данные ученых, труды которых используются автором диссертации в тексте со ссылками.

3) грамматики индоевропейских языков и исторической грамматики русского языка (В.И. Борковский, В.Л. Георгиева, В.В. Иванов, П.С. Кузнецов, В.В. Колесов, Ю.С. Степанов, О.В. Тюкинеева);

4) лингвокогнитологии и лингвокультурологии, связанных со структурированием национальных концептосфер (как в узком, так и широком понимании термина), картинированием мира языком, типологией картин мира и их единиц, лексическими, морфологическими, синтаксическими и др. средствами представления когнитивной картины мира в языке, когнитивной и языковой метафорой и под. (О.А. Актисова, Н.Ф. Алефиренко, А.П. Бабушкин, Н.А. Беседина, Н.Н. Болдырев, М.М. Булынина, А.А. Вежбицкая, Т.Л. Верхотурова, С.Г. Воркачев, А.А. Зализняк, В.И. Казарина, В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов, Г.В. Колшанский, О.А. Корнилов, С.А. Кошарная, А.В. Кравченко, Е.С. Кубрякова, И.Б. Левонтина, И.Н. Очирова, М.В. Пименова, З.Д. Попова, Т.Б. Радбиль, Ю.А. Рылов, О.Н. Селиверстова, Б.А. Серебренников, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, В.Н. Телия, С.Г. Тер-Минасова, О.С. Фисенко, Л.А. Фурс, Э.Р. Хамитова, А.Т. Хроленко, Н.В. Уфимцева, О.В. Шаталова, А.Д. Шмелев, Е.С. Яковлева и др.);

5) по теории и практике фольклористики и этнолингвистики, позволивших воссоздать картину мира древних славян (восточных славян) и сопоставить с русской языковой картиной мира XIX − XX веков (Т.А. Агапкина, А. Афанасьев, Н.И. Кареев, И.В. Ржепянская, Б.А. Рыбаков, С.М. Толстая, В.Н. Топоров, Ю.Н. Тимкин).

На защиту выносятся следующие положения.

1. Типовая пропозиция «состояние природы», обладая свойством дискретности, представляет собой единицу хранения знания о категоризованных и классифицированных ситуациях внеязыковой действительности в сознании человека. Ее содержание слагается группой когнитивных признаков, ранжирующихся по индексам яркости и тем самым обеспечивающим возможность полевой стратификации.

2. Синтаксическими знаками типовой пропозиции «состояние природы» в русском языке XIX – XX веков выступает совокупность структурных

схем простых предложений, не составляющая однородной группы ни по компонентному составу, ни по продуктивности реализации в речи, ни по предназначенности или непредназначенности схемы для «оязыковления» указанной типовой пропозиции.

3. Выделенные структурные схемы простых предложений с семантикой «состояние природы» претерпевают различные грамматические и структурно-семантические модификации. Специфика модификаций обусловлена не только интенциями и отношением говорящего к конкретной ситуации, но и предназначенностью или непредназначенностью схем для маркирования типовой пропозиции «состояние природы».

4. Структурные схемы простых предложений с семантикой «состояние природы» образуют синтаксическое поле и, вступая в парадигматические отношения, формируют синонимические и антонимические ряды.

5. Для систематизации высказываний с семантикой «состояние природы» в русской языковой картине мира XIX – XX веков можно использовать два классификационных критерия: способ восприятия Наблюдателем состояния и характер проявления состояния.

6. Фрагмент русской языковой картины мира XIX – XX веков, описывающий состояния природы, объединяется совокупность ключевых идей: идея одушевления природы, идея целостности природы и человека, идея цикличности изменений состояний природы, идея укрытия, идея пространственной беспредельности, идея дихотомичности состояний природы. Перечисленные идеи восходят к архаическим представлениям славян о природе и в разной мере реализуются в высказываниях с семантикой «состояние природы». Особая роль отводится метафорическим высказываниям с семантикой «состояние природы» как способным фиксировать взаимодействие языка и культуры.

Степень достоверности полученных результатов исследования подтверждается большим объемом теоретического и фактического языкового материала, обобщенного и проанализированного автором в работе; апробиро-

ванными исходными положениями и методами, принятыми в теоретических исследованиях.

Апробация работы. Содержание работы обсуждалось на заседаниях кафедры истории русского языка и общего языкознания Московского государственного областного университета.

Результаты исследования докладывались на конференциях и семинарах различных уровней:

▪ ***на международных научных конференциях*** («*Пушкинские чтения*» (Пушкин, 2005 г.); «*IX Виноградовские чтения. Актуальные вопросы филологии и проблемы столичного образования*», «*Славянская культура*: *истоки, традиции, взаимодействие. XIII Кирилло-Мефодиевские чтения*» (Москва, 2005, 2012 гг.); «*Творчество И.А. Бунина и философско-художественные искания на рубеже XX – XXI веков*», «*Тихоновские чтения. Теория языка. Словообразование. Лексикография*», «*И.А. Бунин и XXI век*», «*Селищевские чтения*» (Елец, 2005, 2006, 2010, 2011 гг.); «*Русский язык и русская речь в XXI веке*: *проблемы и перспективы*» (Ижевск, 2006 г.); «*Русский синтаксис в лингвистике третьего тысячелетия*», «*Русский язык в условиях интеграции культур. XXVI Распоповские чтения*», «*Русское национальное сознание в его языковом воплощении: прошлое*, *настоящее*, *будущее*. *XXX Распоповские чтения*» (Воронеж, 2006, 2008, 2012 гг.); «*Изменяющаяся Россия*: *новые парадигмы и новые решения в лингвистике*» (Кемерово, 2006 г.); «*Актуальные проблемы науки в России*» (Кузнецк, 2007, 2009 гг.); «*Языковая система и речевая деятельность*: *лингвокультурологические и прагматические аспекты*», «*Язык как система и деятельность-2*» (Ростов-на-Дону, 2007, 2010 гг.); «*Язык и мышление*: *психологические и лингвистические аспекты*» (Ульяновск, 2008 − 2011 гг.); «*Предложение и Слово*» (Саратов, 2010 г.); «*Стратегии исследования языковых единиц*» (Тверь, 2011 − 2012 гг.); «*Язык и межкультурная коммуникация*» (Великий Новгород, 2011 г.); «*Язык и культура*» (Киев, Украина 2011 г.); «*Русский язык в контексте национальной культуры*» (Саранск, Республика Мордовия, 2012 г.); «*Новые парадигмы и*

новые решения в когнитивной лингвистике» (Барнаул, 2012 г.); «*Science progress in European countries: new concepts and modern solutions*» (Штутгарт, Германия, 2013 г.); «*Новости науки – 2013*» (София, Болгария, 2013 г.));

▪ ***на всероссийских научных конференциях*** («*Язык и мышление*: *психологический и лингвистический аспекты*» (Пенза, 2005 г.); «*Актуальные проблемы науки в России*» (Кузнецк, 2005 г.); «*Язык как система и деятельность*» (Ростов-на-Дону, 2005 г.); «*И.А. Бунин и русский мир*» (Елец, 2008 г.), «*Язык как система и деятельность*» (Елец, 2008, 2011 гг.); «*Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания*: *традиции и инновации*» (Москва, 2011 г.); «*Филологические знания на современном этапе*» (Курган, 2012 г.); «*Жизнь языка. Жизнь в языке*» (Липецк, 2013 г.));

▪ ***на региональных научных конференциях и семинарах*** («*Актуальные вопросы гуманитарной науки*» (2010 г.); «*Школа молодых ученых по гуманитарным наукам*», «*Русский язык в современных социально-политических условиях*» (Елец, 2011 – 2013 гг.); «*Русский язык как государственный язык Российской Федерации в условиях полиэтнического и поликультурного региона*» (Саранск, Республика Мордовия, 2013 г.)).

Основное содержание диссертации отражено в **86 публикациях** автора (3 – в соавторстве), среди которых ***1 монография*** (11,5 п.л.), ***4 учебных пособия*** (31 п.л.), ***22 статьи*** (12,15 п.л.) и ***3 рецензии*** (0,75 п.л.) в изданиях, включенных в Перечень ВАК («*Филологические науки*» (№2, 2011), «*Вопросы когнитивной лингвистики*» (№1, 2012), «*Вестник Московского университета*» (Сер. 9. «Филология») (№4, 2012), «*Русская речь*» (№5, 2010; №2, 2011; №3, 2012), «*Русский язык в школе*» (№3, 2010), «*Проблемы истории, филологии, культуры*» (№2, 2012), «*Филология и человек*» (№3, 2012), «*Вестник Московского государственного областного университета*» (Сер. «Русская филология» (№3, 2010); Сер. «Лингвистика» (№3, 2010)), «*Вестник Российского университета дружбы народов*» (Сер. «Русский и иностранные языки и методика их преподавания») (№2, 2011), «*Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*» (Сер. «Филология»)

(№4, 2010), «*Теория и практика общественного развития* (электронный журнал)» (№2, 2012), «*Филологos*» (Выпуск 9, 2011; Выпуск 12, 2012; Выпуск 16, 2013), «*Личность. Культура. Общество*» (№№67–68, 2011), «*Известия Смоленского государственного университета*» (№2, 2012), «*Вестник Вятского государственного университета*» (Сер. «Филология и искусствоведение») (№2, 2010), «*Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*» (№1, 2011), «*Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета*» (№1, 2011), «*Вестник Челябинского государственного университета*» (Сер. «Филология. Искусствоведения») (№32, 2010; №28, 2011), «*Филологические науки. Вопросы теории и практики*» (№2, 2013)); а также материалы − ***статьи и тезисы*** − конференций разного уровня (19,85 п.л.).

Общий объем публикаций по теме исследования составляет 75,25 п.л.

Структура и общий объем работы. Структура диссертации определяется целями и задачами исследования. Работа состоит из Введения, четырех глав, Заключения, Списка источников материала исследования, Библиографии, включающей 548 наименований, и Приложения, насчитывающего нескольких диаграмм, таблиц, схем (*графической схемы*, представляющей предложение как двустороннюю единицу, выполняющую не только коммуникативную, но и номинативную функцию, единицу, имеющую знаковой характер; *таблицы частотности* реализации в речи специализированных и неспециализированных структурных схем простых предложений, репрезентирующих типовую пропозицию «состояние природы» в русском языке XIX − XX веков; *столбчатых гистограмм* грамматических и структурно-семантических модификаций специализированных и неспециализированных структурных схем простых предложений с семантикой «состояние природы» в русском языке XIX – XX вв.; *схемы классификации высказываний* с семантикой «состояние природы» в русской языковой картине мира XIX – XX вв.; *линейной гистограммы* частотности высказываний, классифицированных по

способу проявления состояния, в русской языковой картине мира XIX − XX веков).

Общий объем работы составляет 457 страниц.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СТРУКТУРНАЯ СХЕМА ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ: ГЕНЕЗИС ПОНЯТИЯ И РОЛЬ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ МЕНТАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ СИТУАЦИЙ ВНЕЯЗЫКОВОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

§ 1. Внеязыковая ситуация и пропозиция

1.1. О понятии «внеязыковая ситуация». Внеязыковые ситуации, связанные с описанием состояний природы.

Доминирующая на сегодняшний день когнитивная гипотеза приписывает человеческому поведению интенциональность, т.е. способность представлять неким образом окружающий мир [*см*.: Searle 1983]. Информацию об этом «окружающим мире» с реалиями и взаимоотношениями между ними передает язык. В различных моделях системы языка – уровневой (Э. Бенвенист, Г. Глисон, Д. Локвуд, С. Лэмб, И.П. Распопов и др.), полевой (В.Г. Ад-

мони, А.В. Бондарко, Г.С. Щур и др.), многослойной (Д.Л. Спивак) и др. [*см.*: Спивак 1983; Теория функциональной граммтики 1987; Попова 1999; Щур 2009 и др.] – под разными названиями вычленяются фонетическая, лексическая, словообразовательная, морфологическая и синтаксическая подсистемы, каждая из которых имеет внутреннюю структуру и элементы. Многочисленность синтаксических объектов (синтаксическая форма слова, словосочетание, простое предложение, сложное предложение, текст) обусловила многолетний поиск лингвистами той единицы синтаксической подсистемы, которую можно было бы положить в основу исследования. Такой исходной единицей стало простое предложение, образно названное французским лингвистом Л. Теньером «маленькой драмой», в которой действующие лица в определенных обстоятельствах совершают определенные действия [Теньер 1988: 117]. В пользу подобного выбора свидетельствовал тот факт, что простые предложения, в отличие от словосочетания и сложного предложения, наличествуют во всех языках мира: «Ни один человеческий язык без простого предложения не существует» [Попова, Стернин 2004: 142].

Предложение «рождается» из желания, потребности человека выразить мысль. По своей сути оно является языковой материализацией представления человека о тех отношениях, которые существуют между живыми и неживыми предметами реального или воображаемого фрагмента действительности. Иными словами, каждое предложение как основная единица синтаксической подсистемы содержит информацию о некой *внеязыковой ситуации*.

Проблема определения внеязыковой ситуации восходит к 80-м годам XIX века – работам отечественного логика М.И. Каринского. Именно он связал *суждение* с *экстралингвистическим пространством* и определил соотношение с ним субъекта и предиката: субъект устанавливает связь суждения с вещным миром, а предикат – с миром ментальным [Каринский 1956: 62]. Другой логик, уже австрийский, Л. Витгенштейн в первой четверти XX века проблему связи ситуации предметного мира и предложения обозначил так:

«Конфигурация простых знаков в знаке-предложении соответствует конфигурации объектов в определенной ситуации» [Витгенштейн 1994: 12].

Одним из распространенных определений термина «ситуация» с позиций лингвистики является дефиниция В.Г. Гака, который, увидев референтом высказывания ситуацию, определил последнюю как «*совокупность элементов*, присутствующих *в сознании говорящего* [курсив наш. – О.С.] в объективной действительности в момент “сказывания” и обусловливающих в определенной мере отбор языковых элементов при формировании самого высказывания» [Гак 1973: 358]. Из этого определения становится очевидно, что высказывание соотносимо не с ситуацией экстралингвистической действительности, а с ее отображением в сознании говорящего. Получается, что ученый дефинирует не столько термин «внеязыковая ситуация», сколько термин «ментальный образ ситуации».

Близкое В.Г. Гаку понимание ситуации высказывают Б.В. Якушин и Е.М. Ярославцева. Используя термин «умственные ситуации», они отмечают: «Ситуации в той мере, в какой составляющие их предметы и связи между ними участвуют в решаемой субъетом задаче, отображаются в его сознании, откладываются в памяти, становясь единицами его опыта – умственными ситуациями. При этом предметы замещаются их умственными образами, а связи – отношениями между образами в сознании» [Якушин, Ярославцева 1980: 549]. Однако указанные авторы, помимо собственно «умственных ситуаций», выделяют и *ситуации объективной действительности*. Именно эти ситуации и обусловливают существование «умственных ситуаций» в сознании человека: «Ситуация – это совокупность связанных между собой предметов действительности, соединенная с наблюдающим ее субъектом» [Якушин, Ярославцева 1980: 549]. Одним из ключевых элементов данного определения, на наш взгляд, является понятие *наблюдающего субъекта*. Ведь для того, чтобы описать и зафиксировать посредством единиц языка ситуацию, ее надо воспринять. А кто же внеязыковую ситуацию может «увидеть», «услышать», «почувствовать»? Конечно, человек.

Фигура такого человека-Наблюдателя уже прочно вошла в обиход отечественного языкознания конца XX – начала XXI вв. [*см.*: Кравченко 1993, 2001; Падучева 1993; Лучик 2004, 2005; Верхотурова 2006, 2008, 2009 и др.]. Этот факт обусловлен тем, что в основе мысли, выраженной посредством языка, лежит *восприятие* как «одна из главных характеристик человека и один из главных каналов получения информации о мире» [Кустова 1999: 230]. Именно особенностями восприятия как свойства, присущего человеку, объясняют явления языкового антропоцентризма, когда человек становится центром, «через который проходят координаты, определяющие предмет, задачи, методы, ценностные ориентации современной лингвистики» [Попова 2002: 69]. Так термин Наблюдатель обнаруживает тесные связи с психологическим термином «*субъект восприятия*», под которым понимают человека как функционально-психическое образование, складывающееся, развивающееся и проявляющееся в самом процессе восприятия и вне его не существующее [Авдевнина 2011: 7]. Позиция субъекта восприятия прочно «закрепляется» в языке за счет вербализации всякой перцептивной информации, перцептивного опыта.

Состояния природы, во взаимодействие с которой вступает человек, прежде всего диагностируется и классифицируется на основе различных экстероцептивных ощущений. См., например, высказывания: *В воздухе пахло горьким ароматом набухавших почек* (Мамин-Сибиряк. Три конца) (восприятие обонянием); ***А когда стемнело*** (восприятие зрением) *и на мачту подняли фонарь*, ***стало холодно*** (восприятие осязанием), ***слегка туманно*** (восприятие зрением), *и*, *глядя вперед*, *на восток*, *я уже не видел берегов* (Бунин. «Казацким ходом») и др. Поэтому мы в качестве составного и неотъемлемого элемента ситуаций экстралингвистической действительности, связанных с описанием различных состояний природы, видим фигуру воспринимающего окружающую действительность субъекта, Наблюдателя. *Способ восприятия состояния природы Наблюдателем* становится в диссертационном исследо-

вании одним из центральных классификационных критериев для высказываний с семантикой «состояние природы».

Говоря о внеязыковых ситуациях, невольно задаешься вопросом: а где заканчивается одна и начинается другая ситуация? Попытки ответить на этот вопрос предпринимались в лингвистике. Так, Б.В. Якушин и Е.М. Ярославцева полагали, что границы между ситуациями внеязыковой действительности определяются изменением поведения субъекта, поскольку именно человек «живет в ситуациях, переходя от одной к другой» при возникновении новой задачи [Якушин, Ярославцева 1980: 549].

А.Е. Кибрик, рассматривая внеязыковую ситуацию как отрезок внеязыковой действительности, образованный событием, трактующимся как свойство или отношение, и его участниками – партиципантами, способ членения действительности на ситуации определяет как «неоднозначный»: «Один и тот же фрагмент действительности может рассматриваться как одна ситуация или как совокупность ситуаций, т.е. объем ситуации зависит от избранного масштаба рассмотрения» [Кибрик 1980: 198]. Внеязыковые ситуации, по А.Е. Кибрику, в зависимости от «масштаба рассмотрения» делятся на две группы: неэлементарные и элементарные.

Мы полагаем, что выделение «границ» и уточнение «масштаба» внеязыковых ситуаций – субъективный критерий. Здесь трудно предложить лингвистические основы для составления некого типологического списка, «каталога» ситуаций. Однако перспективы такой работы все же существуют. Существуют благодаря интересу современных лингвистов к проблемам семантического и когнитивного синтаксиса. О возможности «дробления» внеязыковых ситуаций, выделения неких общих и частных ситуаций можно говорить, если подвергать анализу целые группы высказываний определенной семантики, выявляя сходства и различия их позиционных схем, означаемого этих схем, и выстраивая типологию от общего к частному. Или если оперировать основным термином когнитивной лингвистики – концептом, моделируя его содержание и выявляя совокупность образующих это содержа-

ние когнитивных признаков, дифференцируя их на те, что «роднят» изучаемый концепт с другими в концептосфере, и те, что отличают его от других. В данном случае мы имеем в виду так называемые синтаксические концепты, репрезентируемые структурными схемами простых предложений.

Возвращаясь к термину «ситуация», отметим, что в ряде лингвистических работ он синонимичен термину «*событие*» и «вбирает» в себя обозначение действий, состояний, свойств и др. процессуальных явлений действительности [*см.*: Гак 1973; Арутюнова 1976 (в); Кибрик 1980 и др.]. Например, Н.Д. Арутюнова, формулируя цель денотативной концепции предложения, ставит знак равенства между понятием события и ситуации: «Она [концепция. – О.С.] имеет своей целью определение отношения между высказыванием и обозначаемой им *экстралингвистической ситуацией*, или *событием* [курсив наш. – О.С.]» [Арутюнова 1976 (в): 6]. Однако существует и другая интерпретация данных понятий, когда событие обозначает любое изменение состояния, а ситуация описывается как более емкое и широкое понятие, включающее в себя все то, что может быть описано предложением [Николаева 1985: 31−32]. Такое понимание ситуации коррелирует со взглядом швейцарского лингвиста, представителя Женевской школы Ш. Балли. Он писал: «Но то, что мы называем ситуацией, имеет более широкое значение: здесь налицо не только элементы, воспринимаемые чувствами в процессе речи, но и все известные собеседником обстоятельства, которые могут служить мотивом для их разговора» [Балли 1955: 52]. Этот подход к разграничению терминов «событие» и «ситуация» представляется нам актуальным, поскольку зачастую внеязыковая ситуация, представленная в высказывании, «требует» для своего понимания, «дешифровки» неких фононовых знаний. Такие знания помогают правильно «считать» информацию, интерпретировать ситуацию.

Мы под *внеязыковой ситуацией* будем понимать «отрезок» действительности, «совокупность существующих вне сознания человека и независимо от него материальных предметов, явлений, их отношений и взаимосвязей»

[Философский словарь 1963: 73], и исходить из того, что одна реальная ситуация может получать разные речевые номинации «сколь угодно большое число раз, оставаясь – все в том же реальном мире – тождественной самой себе» [Переверзев 1998: 28].

Соответственно, под *ситуациями внеязыковой действительности*, *описывающими состояния природы* (которые и «формируют» или составляют целый фрагмент внеязыковой действительности), понимаем те *ситуации*, *когда определенного рода физическое или «антропоморфное» состояние приписывается Наблюдателем природному пространству в целом*, *его части или какому-либо природному объекту*. Исходя из такого определения, отбирался фактический языковой материал для исследования. Например: *Илья пришел в себя минут через сорок*, ***и если бы в природе*** (весь органический и неорганический мир в его противопоставлении человеку) ***было чуть холоднее***, *он мог бы и вовсе остаться по другую сторону бытия*, *замерзнув в ледышку* (Липскеров. Последний сон разума); ***В пустыне*** (большое, не заселенное людьми пространство, лишенное растительности или со скудной растительностью) ***смерклось***, *наступила ночь*, *и она прошла во тьме* (Платонов. Джан); *В розовом сиянии неба померкли над головой звезды*, ***и в саду*** (участок земли, засаженный деревьями, кустарниками, цветами) ***было страшно светло***, *как не бывает ни днем*, *ни в царственные лунные ночи…* (Андреев. Набат) и под. В данном нами определении внеязыковых ситуаций, связанных с приписыванием природе различных состояний, возникает понятие «пространства». На первый взгляд, оно кажется неким «инородным телом» в представленной дефиниции. Однако при рассмотрении совокупности предложений заявленной семантики эта «инородность» не ощущается. Связь любой ситуации с категорией вроде бы совсем не лингвистической – категорией пространства – отмечалась в научной литературе. Например, В.Г. Гак, выделяя несколько типов ситуаций (*ситуации-манифестации* с преобладанием временной координации; *ситуации-отношения* с преобладанием пространственной координации; *смешанные ситуации*), писал, что «временная и

пространственная координация – единственный способ включить объект в ситуацию, “заставить” существовать его» [Гак 1973: 360]. В нашей картотеке примеров пространство становится не просто «способом включить объект в ситуацию», а неотъемлемым «участником» ситуации, неким облигаторным элементом. Лексемы, вербализующие носителей состояния в высказываниях с семантикой «состояние природы», часто имеют «пространственную» составляющую. Например: ***В лесу*** (‘множество деревьев, растущих на большом пространстве с сомкнутыми кронами’) *было сыро* (т.е. = ‘*на большом пространстве*, *поросшем деревьями с сомкнутыми кронами*, *было сыро*’), *и с деревьев нас шумно осыпало крупным дождем* (Шишкин. Всех ожидает одна ночь); ***В море*** **(**‘часть океана – большое водное пространство с горько-соленой водой’) *было еще светло* (т.е. = ‘*на большом водном пространстве было светло*’) (Катаев. Белеет парус одинокий); ***В небе*** (‘все видимое над Землей пространство’) *было еще совсем темно* (т.е. = ‘*во всем видимом над Землей пространстве было еще совсем темно*’) (Бианки. Лесные были и небылицы) и др. примеры.

Важная конструктивная роль лексем с пространственным значением в высказываниях с семантикой «состояние природы» (полагаем, и для многих других высказываний) не случайна. Ведь пространство является обязательным атрибутом осознания человеком мира, одной из первых «реалий бытия» [Гак 2000: 127], характеризующих протяженность мира, его связность, непрерывность, трехмерность или многомерность [Бреус 2008: 142]. Оно организуется вокруг человека, «ставящего себя в центр микро- и макрокосмоса» [Гак 2000: 127].

К анализу пространства с разных точек зрения обращались математики, физики, философы, литературоведы, лингвисты: И. Ньютон, Г.В. Лебниц, А. Эйнштейн, М. Палладий, Г. Минский, Дж. Локк, П.А. Флоренский, Л.Т. Тханг, Ю.М. Лотман, Е.С. Яковлева, В.Н. Топоров, В.И. Вернадский и мн. др. [*см*.: Бреус 2008]. Понимание категории пространства на разных эта-

пах существования и развития человеческой цивилизации трансформировалось, менялось.

Первоначальное, архаичное понимание пространства, составляющее часть мифопоэтической картины мира, наделено было свойствами неотделимости от времени; неразрывной связи с вещами, конституирующими и организующими его структурно (первотворец, боги, люди, растения, животные и т.п.); отдаленностью пространства от того, что им не является. Такое пространство «состоит из частей и фрагментов, которые человек наделяет символическими значениями и выстраивает в ценностную (аксиологическую) систему в определенной последовательности» [Славянские древности 2009. Т.4: 304].

Развитие естественных наук приводит к появлению научных концепций пространства. Например, у И. Ньютона пространство – первичная самодостаточная категория, бесконечная протяженность, вмещающая в себя всю материю, но не определяемая материальными объектами. Концепции «пустого» пространства И. Ньютона противостоит теория «объектно-заполненного» пространства Г. Лейбница [Кобозева 2000 (б): 153]. Если понимание пространства по Ньютону отвлечено от человека-наблюдателя, то по Лейбницу – напротив, «одушевлено» его присутствием, ньютоновское пространство принадлежит физике и геометрии; а лейбницевское «относится, скорее, к области человеческих представлений о мире» [Кубрякова 2000 (б): 90].

В современной научной картине мира, синтезирующей результаты развития философии и естественных наук, противоположность указанных концепций снимается. Под пространством понимают всеобщую форму бытия материи и ее важнейшие атрибут [Кобозева 2000 (б): 153].

Вербальные описания пространства вне философского и научного контекстов воплощают *стандартно-бытовое понимание* пространства. Это обыденное понимание отличается как от научного, так и от мифопоэтического, при этом имея с ними ряд общих черт: «Общим для всех концепция пространства (кроме ньютоновского “пустого”) является его неразрывная связь с

вещами (материальными объектами). Обыденное описание пространство, будь то ландшафт, интерьер или “то, что лежит на столе”, представляет собой, по сути, перечисление размещающихся в нем “вещей” с указанием ориентации одной вещи относительно другой. Таким образом, обыденное пространство есть объектно-заполненное пространство» [Кобозева 2000 (б): 154; *о том же*: Бреус 2008: 142; Мухачева 2008: 212].

А.М. Мухачева, проанализировав лексику, репрезентирующую пространство, выделила два семантических класса *пространства*:

1) пространство-среда, в которой объединяются лексемы, имеющие значение пространственной целостности, вместилища, в котором находятся какие-то объекты, определяющие его состав;

2) пространство-организация: сюда включены лексемы, в исходном значении имеющие указание на форму предметов и явлений физического мира, на установление связей между ними [Мухачева 2008: 212].

Таким образом, мы в понимании *природного пространства* исходим из стандартно-бытового понимания его как объектно-заполненного, как *пространства-среды*, способной «вмещать» состояние, быть носителем различных типов состояний. На уровне повседневного восприятия природное пространство интуитивно понимается нами как арена действий, общий «контейнер» для рассматриваемых природных объектов. Человек-Наблюдатель изначально вписан в этот «пространственно-временной континуум» природы и является диагностом различного рода состояний.

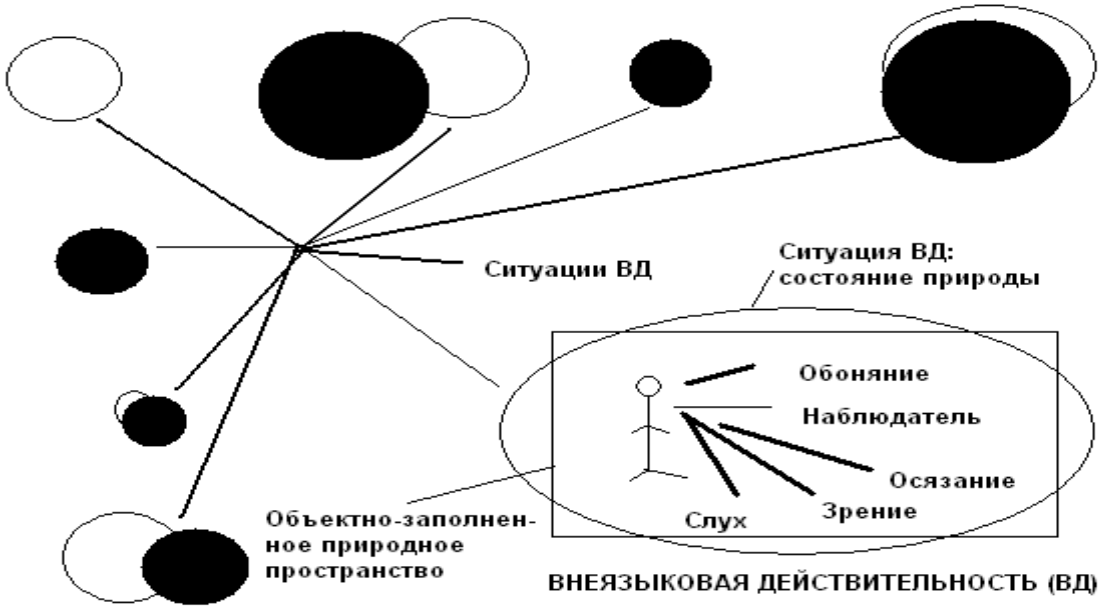
Возвращаясь к экстралингвистическим ситуациям, связанным с описанием различных состояний природы, основными их признаками считаем:

1) *перцептивность*. Ситуации экстралингвистической действительности, связанные с диагностированием различных состояний природы, «точкой отсчета» имеют фигуру человека-Наблюдателя, воспринимающего состояние природы посредством слуха, зрения, осязания и обоняния;

2) *пространственную локализованность состояния*. Носителями состояния выступает объектно-заполненное природное пространство.

Взаимосвязь Наблюдателя – внеязыковой действительности – конкретных ситуаций экстралингвистической действительности, связанных с фиксацией природных состояний, – можно представить на рисунке.

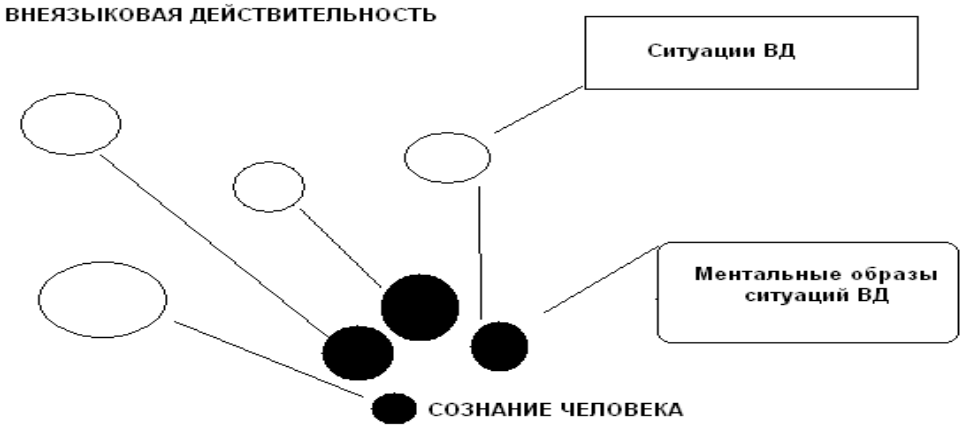
РИС. 1.

1.2. Пропозициональная номинация. Типовая пропозиция «состояние природы» и ее признаки.

Идея соотношения предложения с неким отрезком действительности положена синтаксистами в основу денотативной концепции предложения. Ее в отечественной лингвистике, например, активно развивал В.Г. Гак, полагавший, что предложение, как любой знак, имеет означаемое и означающее. Его референтом является некая ситуация-идея, структура которой изоморфна структуре ситуации действительности [*см.*: Гак 1969, 1973 и др.]. При таком подходе к означаемому предложения возникает вопрос о целесообразности использования в научном обиходе термина «внеязыковая ситуация», т.к. происходит оперирование не столько реальной ситуацией, сколько представлением о ней. Ведь внеязыковая ситуация, отражаясь в сознании человека, создает *ментальный образ* этой ситуации.

РИС. 2.

Идея опосредованного (через мышление) представления мира в языке находит отражение в ряде лингвистических работ. Например, А.М. Ломов отмечает: «…Объективность запечатленного предложением фрагмента мира оказывается “зараженной” субъективными человеческими устремлениями и даже более того – существенно преобразованной ими» [Ломов 1994: 34]. О вторичности мира в сознании человека и первичности материального мира, их качественном различии пишет Г.В. Колшанский: «Идеальный мир человека является <…> вторичным миром, а, следовательно, не самостоятельным, зависимым от материального и порождаемым этим материальным миром. Понятийный мир человека является как бы отчужденным объективным миром, отношения между ними складываются на основе зависимости и последовательности (первичность, вторичность). Более того, в сознании объективный мир выступает качественно иным…» [Колшанский 2006: 10−11]. В другой своей работе («Логика и структура языка») ученый проводит красной нитью ту же мысль: «Язык не соотносится непосредственно с физическим миром, а остается только формой проявления мышления (не мира)» [Колшанский 2012: 16]. При этом и мышление, и язык соотносятся с предметами и явлениями действительности, но «первое соотносится с ними отношением отражения, второй – отношением обозначения» [Колшанский 2012: 17]. Получается, что отражение реальных экстралингвистических ситуаций в языке

является весьма приблизительным. Подтверждение этой мысли находим, например, в работах Н.Д. Арутюновой: «Между естественной дискретностью мира и ее отражением в языке нет полного тождества, но между ними необходимо существует соответствие, без которого язык не мог бы выполнять своего коммуникативного назначения» [Арутюнова 1976 (в): 173]. Т.П. Ломтев придерживается такого же взгляда на соотношение знаков естественного языка и действительности: «Их [знаки естественного языка. – О.С.] отношение к действительности *опосредовано сознанием*, *отражением действительности в голове человека*» [Ломтев 1979: 14]. Все сказанное порождает мысль о том, что языковой номинации подлежат не сами ситуации, а лишь представление о них, представление, которое появилось в результате отражательного акта, классифицирующей деятельности сознания человека. А вот внеязыковая ситуация – явление онологическое, существующее независимо, абсолютно автономно от сознания человека.

В свете идеи опосредованного (через мышление) отражения языком действительности, правильнее было бы говорить, на наш взгляд, о том, во-первых, что предложение *как бы* номинирует реальную ситуацию внеязыковой действительности, а, во-вторых, что между внеязыковой ситуацией и ее отражением в языке отсутствует изоморфность. Последнее, например, проявляется в возможности внеязыковой ситуации быть представленной различными структурами: 1) ***Но накануне загнул такой лютый мороз***, *что Таня*, *так и не сказав Сергею о своих тайных планах*, *поездку отменила* (Улицкая. Казус Кукоцкого). – 2) ***Было морозно***, *снег скрипел под ногами*, *меж сосен мелькали яркие планеты* (Аксенов. Пора, мой друг, пора). – 3) *Стало темнеть*, ***морозило***, *мы медленно вышли из ворот*, *возле которых покорно сидел на козлах мой Федор* (Бунин. Чистый понедельник) и др. В основе приведенных высказываний лежит один и тот же фрагмент внеязыковой действительности: ситуации описания состояния природы, проявляемого изменением температуры, точнее, похолоданием. Но первое высказывание из всех трех наиболее эскпрессивно-эмоционально за счет использования глагола *загнул* и

эксплицирующей словоформы *лютый*; второе − нейтрально в эмоциональном и стилистическом плане; третье за счет использования глагола *морозило* подчеркивает некую «процессуальность» состояния, временную прикрепленность. Выбирая ту или иную конструкцию для представления ситуации, человек делает шаг в сторону ее «расчленения», установления «своего отношения к происходящему и его участникам, в определении их ролей», т.е., иными словами, он принимает «определенное решение относительно способа представления ситуации» [Кубрякова 2012: 103].

Способность предложения репрезентировать ситуацию экстралигвистической действительности понимается в лингвистике как его *номинативная функция*. Однако в отличие от слова, которое номинирует предметы действительности, предложения номинируют ситуации, представленные совокупностью предметов и устанавливаемыми между ними отношениями. Психологи отмечают, что многократное восприятие каких-то однотипных реальных ситуаций приводит к возникновению в сознании говорящего «синтаксического динамического стереотипа», а в результате постоянного повторения этого процесса образуется целая система таких «стереотипов» [Ушакова 1979: 191–192].

За образом номинируемой предложением внеязыковой ситуации, за «шаблоном», по которому строится любое высказывание [Верниковская 2001: 8], за «объективным компонентом содержания предложения» [Кобозева 2000 (а): 218] и закреплен термин «пропозиция». Пропозиция служит «константным номинативным ядром» предложения [Ломов 1994: 36], «формой хранения знаний в человеческой психике» [Манаенко 2004: 59–60], «ментальным коррелятом онтологической ситуации» [Дворецкая 2008: 92].

Понятие «пропозиция» в лингвистику пришло из логики, где оно прошло несколько этапов в своем формировании. На первом этапе – в классической формальной логике – термин «пропозиция» соответствовал понятию логического суждения как определенной формы мысли, утверждающей или отрицающей нечто о предметах действительности [Арутюнова 1976 (б): 46].

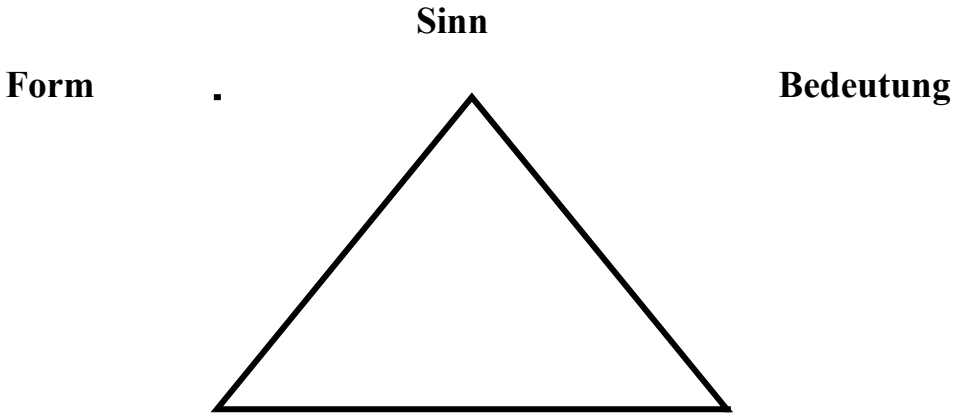
Например: *Человек смертен.* Именно в этом значении термин «пропозиция» и был первоначально воспринят лингвистами, применившими его к языковой форме выражения суждения – к повествовательному предложению. Затем понятие «пропозиции» стало характеризоваться не как «выражение истинное или ложное, а как способное выражать истинностное значение, соединяясь с коммуникативной целью утверждения» [Кобозева 2000 (а): 218]. На третьем этапе был сделан вывод о том, что пропозиция имеется не только в отрицании или утверждении, но и во всех других коммуникативных типах предложений [Кобозева 2000 (а): 218].

Такое трансформирование понятия «пропозиция» в логико-философских школах стало следствием изменения общего взгляда на мир как объект исследования и логического осмысления: «модель мира в виде совокупности объектов, сущего, отвечающая статической философии, уступила место представлению о мире как о совокупности фактов, а не наборе естественных реалий и артефактов» (например, работы австрийского философа *Л. Витгенштейна*, представителя лингвистической философии *З. Вендлера*) [Арутюнова 1976 (б): 46].

Интерес к «фактическому» аспекту мира, к протекающим в нем процессам обусловил естественный переход логиков от разработки семантических моделей имени или знаков предметов к изучению значения предложения, понимаемого уже как знак события [Арутюнова 1976 (б): 47]. Иными словами, те категории и понятия семантики, которые уже были выработаны логиками применительно к имени, стали перемещаться в сторону предложения. Одним из первых к номиналистической теории предложения обратился немецкий логик и математик конца XIX – начала XX вв. *Г. Фреге*. Широко известна его работа, посвященная «логическому треугольнику» (или «семантическому треугольнику») – графической формуле знака, – «Значение значения» (в других переводах – «О смысле и значении» или «Смысл и денотат») [*см.*: Frege 1952]. В ней Г. Фреге предложил различать *Form* (знак), *Sinn* (смысл, концепт, понятие в сознании) и *Bedeutung* (буквальный перевод с немецкого –

«значение», однако у Г. Фреге этим словом обозначен предмет, находящийся во внеязыковом мире, т.е. то, что называется денотатом).

РИС. 3.

Первоначально приложимая к имени, данная модель была экстраполирована на предложение, которому тоже присущи и смысл, и значение. Рассматривая повествовательные предложения, немецкий логик смыслом предложения считал выражаемую мысль, а денотатом – истину (то, что имеет место в мире) или ложь (то, его нет на самом деле). Сочетание мысли с истинным значение и открывает путь к познанию действительности. По Г. Фреге, в любом суждении уже сделан шаг к утверждению некоторого содержания как истинного или ложного [Frege 1952: 63].

Именно семантическая модель Г. Фреге легла в основу практически всех дальнейших логических теорий значений имени и предложения. Например, *Б. Рассел*, поставив объективное содержание предложения в прямую связь с действительностью, описал пропозицию как «содержание веры», как нечто, представляющее факт речи и обладающее определенным строением, изоморфным структуре действительного факта, способное выражать истинностное значение [Russell 1956: 314]. Идеи английского философа были близки *Л. Витгенштейну*, который видел в предложении модель мира, также повторяющую структуру того или иного факта. Л. Витгенштейн смог углубить теорию Б. Рассела, сформулировав различие между простым знаком (именем)

и пропозициональным знаком: «Объекты я могу только называть. Знаки замещают их. Я только могу говорить о них, но не высказывать их. Предложение может только сказать, *как* [курсив наш. – О.С.] существует предмет…» [Витгенштейн 1958: 38]. Важность термина «пропозиция» для логики подчеркивали и *А. Черч*, и *К. Айдукевич*, и *К. Льюис*, и многие другие логики [*см. подробнее*: Арутюнова 1976 (б)], соотносившие пропозицию с действительностью и указывающие на ее связь с истинностным значением.

Исследование генезиса понятия «пропозиция» в истории логико-философской мысли не входит в задачи нашего исследования, поэтому вернемся к специфике терминологического определения пропозиции в синтаксической науке.

Пропозицию лингвисты описывали не раз и под разными именами: *глубинная структура*, *денотативная структура*, *семантическая структура*, *типовое значение*, *смысл* [*см.*: Арутюнова 1972, 1976 (в); Всеволодова 2007 (б); Гак 1969; Золотова 1967, 1973, 2005 (б); Золотова, Онипенко, Сидорова 1998; Кокорина 1975; Москальская 1974; Новоженова 2001; Шведова 1973 (в)] и др. Такое неоднозначное терминирование пропозиции было связано с разницей в понимании ее природы (семантической, логической, рече-мыслительной и т.д.). Например, В.Г. Гак под *глубинной структурой* мыслил «лексико-семантическую структуру, изоморфную ситуации» [Гак 1969: 78]. Н.Ю. Шведова под *семантическую структуру* подводила иформативное содержание предложения, представленное в абстрагированном виде как закрепленное в языковой системе соотношение типизированных элементов смысла [*см.*: Шведова 1973 (в)]. При этом важнейшим из компонентов семантической структуры предложения она называет предикативный признак [Русская грамматика 1980: 124]. О.И. Москальская семантическую структуру определяла как «тот или иной стереотип структурирования мысли, выработавшийся на протяжении истории языка и мышления и, безусловно, принадлежащий к области речемыслительных универсалий» [Москальская 1974: 37]. Г.А. Золотова под «типовым значением» понимает смысловой результат «предиктаив-

ного сопряжения субъектного и предиктаного компонентов» [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 104]. М.В. Всеволодова денотативный уровень предложения, передаваемое событие называет «*типовой ситуацией*» и указывает на то, что такие «типовые ситуации» представляют собой лингвистические универсалии, тождественные во всех языках независимо от формы их представления и типа языка. Конфигурации предиката и партиципантов получают терминирование «*денотативная структура*» [Всеволодова 2007 (б): 760]. С.Д. Кацнельсон, пользуясь термином «пропозиция», характеризует ее как результат той речемыслительной ступени порождения речи, на которой содержание процессов определяется «не структурами отдельных языков, а универсальной структурой человеческого мышления». Таким образом, пропозицию формируют «живые образы вещей, наглядные представления» [Кацнельсон 1972: 123–125]. Г.А. Волохина и З.Д. Попова утверждают состав пропозиции в качестве «чисто смыслового концептуального набора компонентов», которые говорящий стремится вербализовать: ‘деятель’, ‘действие’, ‘инструмент’, ‘объект действия’, ‘состояние’ и т.п. [Волохина, Попова 2003 (а): 5]. В таком обилии дефиниций термина «пропозиция» можно все же увидеть общее: во-первых, связь пропозиции с ситуацией с одной стороны и со знаком-предложением с другой, а во-вторых, универсальный характер пропозиции.

Мы под *пропозицией* понимаем некий мыслительный образ номинируемой предложением экстралингвистической ситуации. Этот конструкт не имеет формальной структуры, он представлен смысловым набором компонентов, классифицированных и типологизированных сознанием человека. Например: *Высланные вперед саперы… построили красивый зеленый шалашный городок с прямыми аллейками*, *четкими стрелками указок и опрятными*, *покрытыми хвоей шалашами* (Казакевич. Звезда). В основе данного высказывания лежит структурная схема «кто создает что», репрезентирующая пропозицию «создание объекта в результате физического труда», представленную смыслами: ‘агенс’ – ‘физическое действие-создание’ – ‘созданный объект’. При этом

производитель действия-создания в структурной схеме «кто создает что» маркирован именем существительным в форме И.п. *саперы*, действие-создание – личным глаголом с семой ‘создание’ *построили*, объект, подвергающийся воздействию, – именем существительным в форме В.п. *городок.* Ср.: *Он поймал себя на мысли*, ***что думает о какой-то ерунде***: *нужно бы сосредоточиться*, *вслушаться*, *напрячься*, *заставить себя сделать еще одно последнее усилие*, *последний рывок – а он уже не может* (Житков. Кафедра). В основе выделенной жирным шрифтом единицы лежит схема «кто думает о ком/о чем», представляющая уже иную пропозицию – «мыслительная деятельность субъекта», сформированную тремя смыслами: ‘субъект мыслительной деятельности’ – ‘мыслительная деятельность’ – ‘объект мыслительной деятельности’. Словоформа со значением субъекта эллиптирована в речевой реализации, но может быть восстановлена из контекста (*он*), словоформа со значением предиката мыслительной деятельности представлена личным глаголом *думает*, словоформа со значением объекта мыслительной деятельности – существительным предложного падежа *о ерунде.*

Пропозиции в языке репрезентируются различными средствами. Разница этих средств вербализации позволяет дифференцировать пропозиции на *полные* (*базисные*) и *неполные* (*небазисные*, *свернутые*) [*см.*: Казарина 2002 (б), 2004 (б), 2005, 2011; Дворникова 2011 и др.]. Если пропозиция маркируется предложением, то она терминируется полной, а если словоформой или словосочетанием, то неполной. Свертывание полной пропозиции обусловлено разными процессами: процессами *номинализации* (свертывание предложения в именную конструкцию), *инфинитивизации* (свертывание предложения в инфинитив), *адвербиализации* (свертывание предложения в деепричастный оборот) и *атрибутивизации* (свертывание предложение в причастный оборот) [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 55]. Например: ***Но Сильвия Яновна от гнева стала во много раз сильней***, *наконец*, *она отбросила бьющуюся в истерике няню*, *тщательно заперла входную дверь*, *демонстративно*, *на глазах Аглаи*, *опустила ключ в карман и пошла вызывать милицию* (Донцова.

Микстура от косоглазия) (‘Сильва Яновна во много раз стала сильней, потому что она гневалась’). Или: *Написание ЕГЭ по русскому языку одиннадцатиклассниками затянулось* (‘Одиннадцатиклассники пишут ЕГЭ; написание ЕГЭ затянулось’) и др. В приведенных примерах свертывание полных пропозиций обусловлено процессами номинализации.

В последнее десятилетие вербализация свернутых пропозиций номинативными знаками становится предметом изучения уже не столько семантического синтаксиса, сколько деривационной ономасиологии (например, анализ образования отвлеченных имен существительных с семантикой состояния) [*см.*: Косова 2006]. Учитывая разницу в средствах репрезентации пропозиций, следует отметить, что приоритет в выражении пропозиции лингвистами отдан все же предложению, а не отдельным словоформам, словосочетаниям, способным отражать ситуацию, но отражать ее «менее полно и дифференцированно» [Матханова 2005: 104].

В конктретном высказывании одновременно может быть представлена и полная, и свернутая пропозиция. В результате такого «сочетания» пропозиций формируется семантически сложное высказывание. Например, в высказывании *...И днем было темно от туч…* (Бунин. Ермил) присутствует и основная, базовая пропозиция – «состояние природы, проявляемое наличием/отсутствием света» (‘*было темно в природе*’; носитель состояния в речевой реализации структурной схемы эллиптирован; эта пропозиция маркирована выделяемой нами структурной схемой простого предложения «где есть каково») – и две свернутые, небазисные, представленные соответственно темпоральным и причинным детерминантами: *и днем* (‘*был день*’), *от туч* (‘*на небе были тучи*’).

Таким образом, под *пропозицией высказывания* мы понимаем *мыслительный конструкт конкретной реальной ситуации внеязыковой действительности*, *представленный пропозициональными смыслами*, *соотносимыми с участниками этой конкретной ситуации и теми* «*обстоятельствами*», *в которых она* «*протекает*». Следовательно, пропозиция высказывания

способна «включать» не только базовую, основную пропозицию, но и свернутые пропозиции. Вербализация пропозиции высказывания осуществляется синтаксической конструкцией, для которой З.Д. Попова предложила термин «*позиционная схема*» (более подробно о позиционной схеме будем говорить ниже). Так, в вышеприведенном примере из рассказа И.А. Бунина «Ермил» позиционная схема выглядит так: *и днем – было темно – от туч.*

От пропозиции высказывания мы отличаем типовую пропозицию (*термин З.Д. Поповой*). Типовая пропозиция представляет собой тоже ментальный образ ситуации, но уже очень высокого уровня абстракции. *Типовую пропозицию определяем как мыслительный конструкт совокупности реальных ситуаций внеязыковой действительности*, *возникший в результате категоризующей и классифицирующей деятельности человеческого сознания*, *направленной на установление отношений между сущностями внеязыковой действительности*. В нашем материале этот тот фрагмент внеязыковой действительности, который связан с описанием различных состояний природы.

Типовые пропозиции, зафиксированные структурными схемами простых предложений, были названы З.Д. Поповой «*синтаксическими концептами*» [*см*.: Волохина, Попова 2003 (а); Попова 2006 (а), 2006 (б), 2009 и др.]. В.А. Федоров дефинирует указанный термин следующим образом: «Синтаксический концепт – это обобщенный мыслительный образ отношений между актантами и ситуантами предложения (типовая пропозиция), зафиксированный конкретным типом конструкции в сознании человека» [Федоров 2013: 34].

Появление термина «синтаксический концепт» было обусловлено формированием когнитивного синтаксиса, возникшего в свою очередь под влиянием когнитивной лингвистики, ориентированной на выявление и исследование концептов как ментальных образований, мыслительных образов, стоящих за языковыми знаками.

В когнитивном синтаксисе пропозиции – «наиболее распространенный способ концептуальной организации …знания» [Рудакова 2004: 40]. Так, ра-

ботая с типологией концептов, Н.Н. Болдырев выделяет наряду с конкретно-чувственным образом, представлением, схемой, понятием, прототипом, фреймом, сенарием (скриптом), гештальтом и такой тип концепта, как *пропозиция*. Пропозиции в понимании ученого – это концепты, имеющие объективный, логический характер, передающие те или иные сущности с их свойствами и реально существующими отношениями [Болдырев 2002: 36–38].

Особенно актуальны исследования синтаксических средств репрезентации типовых пропозиций в лингвокогнитивном преломлении для работ представителей Воронежской теоретико-лингвистической школы и Тамбовской когнитивной школы. Например, З.Д. Попова (Воронежская теоретико-лингвистическая школа), постепенно двигаясь от синтаксических структур и изучения их семантики к стоящим за ними концептуальным смыслам, смогла выявить и описать восемь синтаксических концептов – «бытие объекта», «бытие признака объекта», «инобытие объекта», «самостоятельное перемещение агенса», «агенс воздействует на объект», «речемыслительная деятельность человека», «пациенс претерпевает состояние», «небытие объекта», – входящих в семантическое пространство русского языка, организующих его и наделяющих это пространство жизнью и движением [*см.*: Волохина, Попова 2003 (а); Попова 2009]. Знаками данных синтаксических концептов являются следующие структурные схемы: «кто/что есть где», «кто/что есть какой», «кто/что действует чем», «кто идет куда», «кто делает что», «кто говорит/думает о чем», «кому есть каково» и «кого/чего нет где».

В.А. Федоров, опираясь на теорию синтаксических концептов З.Д. Поповой, занимается пролемой выявления соотношения синтаксических концептов разноструктурных языков (французский и русский языки) [*см.*: Федоров 2009 (а), 2010, 2013].

А Л.А. Фурс (Тамбовская когнитивная школа), полагая, что синтаксическая репрезентация как «процесс представления различных элементов картин мира в их взаимных связях и отношениях посредством конструкций про-

стого предложения обеспечивается существованием концептуального уровня, на котором сопрягается языковое и неязыковое знание» [Фурс 2004: 326], вычленяет целый ряд синтаксических концептов современного английского языка типа *акциональность*, *каузативность*, *процессуальность*, *состояние*, *свойство*, *релятивность*, *наличие* и др. и анализирует специфику вербализующих их конструкций.

Возвращаясь к исследуемой типовой пропозиции «состояние природы», рассматриваемой нами в качестве единицы ментальной сферы, отметим, что эта пропозиция обладает рядом специфических признаков, образующих ее содержание [*см*.: Селеменева 2012]: ‘*стихийность*’, ‘*перцептивность*’, ‘*локализованность*’, ‘*временность*’, ‘*итеративность*’, ‘*фазовость*’, ‘*интенсивность*’, ‘*каузативность*’, ‘*пациентивность*’, ‘*свечение*’, ‘*колористичность*’, ‘*звучность*’, ‘*покрытие*’, ‘*наполнение*’, ‘*движение*’, ‘*температура*’, ‘*насыщение*’, ‘*распространение*’, ‘*антропоморфность*’, ‘*зооморфность*’, ‘*эмоциональность*’, ‘*объектность*’, ‘*видоизменение*’, ‘*директивность*’, ‘*оптативность*’. О наличии таких признаков можно говорить с опорой на анализ высказываний с семантикой «состояние природы»: анализ лексического наполнения компонентов специализированных структурных схем, лежащих в основе таких высказываний, особенностей их грамматических и структурно-семантических модификаций в речи, обогащение пропозиций высказываний дополнительными смыслами, анализ эксплицирующих словоформ, имеющих регулярную повторяемость. Представить содержание типовой пропозиции «состояние природы» можно с использованием полевой стратификации, в терминах ядра, ближней, дальней и крайней периферии. Граница между зонами полевой структуры проводится по линии наибольших спадов частотности реализаций признака, а индексы яркости когнитивных признаков определяются как *отношение количества высказываний*, построенных *по той или иной схеме*, *объективирующих данный признак*, *к общему количеству высказываний выборки*, *в основе которых лежат специали-*

зированные[2] (т.е. структурные схемы, предназначенные именно для объективации типовой пропозиции «состояние природы») *структурные схемы*, умноженное на *100*.

РИС. 4.

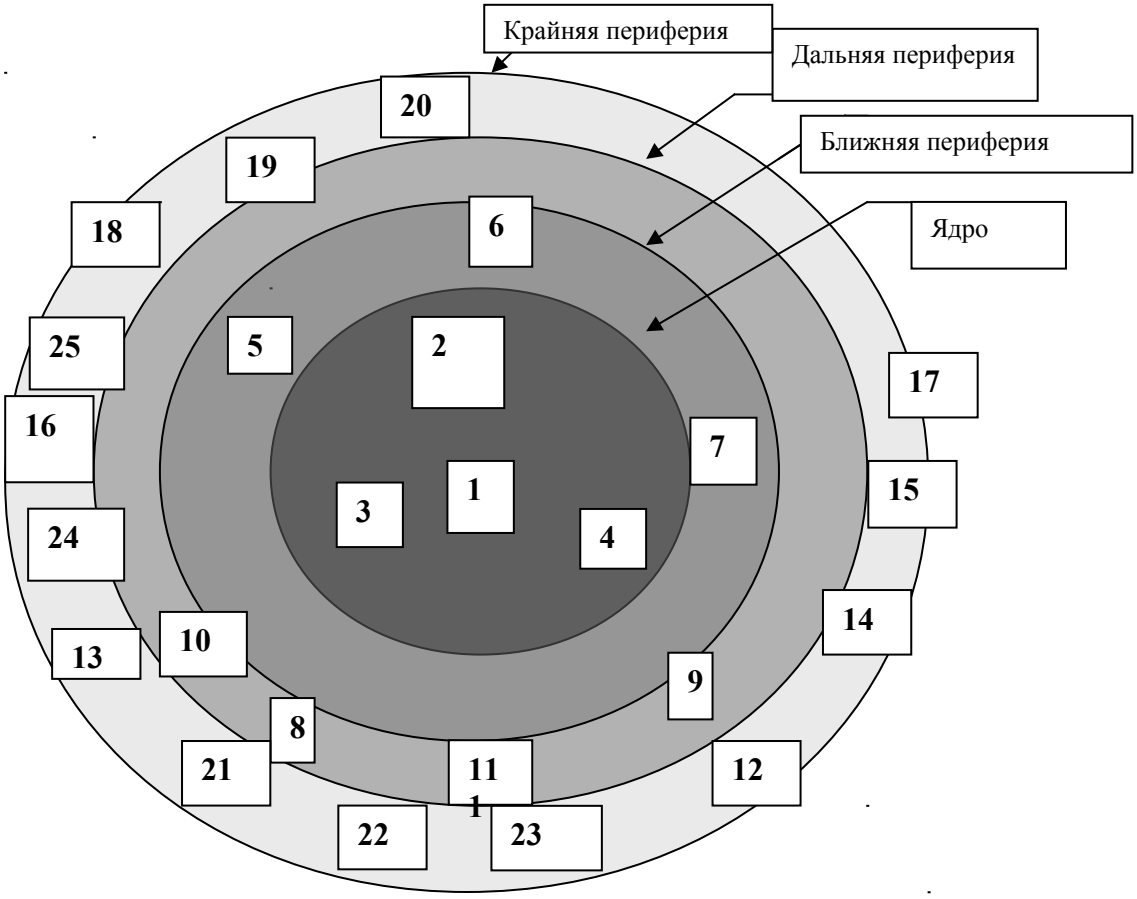
$$h = \frac{M}{n} \times 100,$$

h - индекс яркости признака;
m - количество высказываний, построенных по той или иной специализированной схеме и объективирующих данный признак;
n - общее количество высказываний выборки, в основе которых лежат специализированные структурные схемы.

Результатом такого подхода является следующее представление содержания типовой пропозиции «состояние природы»: **ядро**: **1.** *стихийность* (индекс яркости – 100), **2.** *перцептивность* (индекс яркости – 91), **3.** *временность* (индекс яркости – 78), **4.** *локализованность* (индекс яркости – 67); **периферия**: **5.** *свечение* (индекс яркости – 32), **6.** *интенсивность* (индекс яркости – 28), **7.** *фазовость* (индекс яркости – 25) **(ближняя)**; **8.** *температура* (индекс яркости – 17), **9.** *звучность* (индекс яркости – 14), **10.** *распространение* (индекс яркости – 11), **11.** *антропоморфность* (индекс яркости – 8) (**дальняя**); **12.** *покрытие* (индекс яркости – 5), **13.** *итеративность* (индекс яркости – 4,5), **14.** *каузативность* (индекс яркости – 3,4), **15.** *пациентивность* (индекс яркости – 3,2), **16.** *наполнение* (индекс яркости – 3,1), **17.** *движение* (индекс яркости – 2,9), **18.** *видоизменение* (индекс яркости – 2,5), **19.** *колористичность* (индекс яркости – 1,8), **20.** *директивность* (индекс яркости – 1,6), **21.** *эмоциональность* (индекс яркости – 1,7), **22.** *насыщение* (индекс яркости – 1,5), **23.** *объектность* (индекс яркости – 1), **24.** *зооморфность* (индекс яркости – 0,9), **25.** *оптативность* (индекс яркости – 0,3) **(крайняя)**. Графически вышеизложенное можно представить так:

[2] См. подробнее Главу II.

РИС. 5.

Так как мышление предполагает категоризацию предметов мысли, а категоризация – упорядочивание ее объектов, можно говорить о способности типовой пропозиции «состояние природы» вступать в системные отношения сходства, различия, иерархии с другими типовыми пропозициями. Наиболее «родственной» для нее является типовая пропозиция «состояние среды в искусственно созданных помещениях». Например: ***В комнате было очень холодно***, *не было денег на дрова* (Паустовский. Романтики); *В аптеке было пусто*, *полутемно* (Паустовский. Романтики) и др. Близость типовых пропозиций проявляется в возможных пересечениях нескольких или целого ряда признаков (например, признаки ‘*стихийность*’, ‘*перцептивность*’, ‘*локализованность*’, ‘*временность*’, ‘*фазовость*’ и некоторые др.), различия – в отсутствии каких-то признаков у той или иной типовой пропозиции (например, признаков ‘*антропоморфность*’, ‘*зооморфность*’, ‘*эмоциональность*’ для типовой пропозиции «состояние среды в искусственно созданных помещениях»), колебаниях индекса яркости того или иного признака. Также типовая

пропозиция «состояние природы» находится во взаимодействии с другими типовыми пропозициями (типа «физиологическое и психологическое состояние одушевленного субъекта (живого существа)», «инобытие объекта», «бытие признака объекта» и др.), о чем будет свидетельствовать использование структурных схем этих пропозиций в русской языковой картине мира для вербализации типовой пропозиции «состояние природы» [*см*. *подробнее*: Селеменева 2011].

Осмысление структурных схем простых предложений как знаков типовой пропозиции «состояние природы» не позволяет нам обойти вниманием вопрос об истории изучения данного языкового феномена в лингвистике.

§2. Из истории изучения структурных схем простых предложений в отечественной лингвистике

2.1. Знаковый характер предложения.

Вопрос о знаковом характере предложения связан с вопросом о статусе предложения как языковой или речевой единицы. Любая языковая единица должна храниться в памяти человека и воспроизводиться в готовом виде в необходимый момент. По отношению к фонемам, морфемам, лексемам, фраземам это правило безотказно действует и не вызывает сомнений. А вот взгляды на сущность предложения в науке кардинально расходятся. На одном «полюсе» сосредоточивается оценка абсурдности предполагаемого хранения предложений в готовом виде в человеческой памяти: «Предложение – образование неопределенное, неограниченно варьирующееся; это сама жизнь языка в действии. С предложением мы покидаем область языка как системы знаков и вступаем в другой мир, мир языка как средства общения, выражением которого является речь» [Бенвенист 1974: 139]. На другом «по-

люсе» находится признание наличия неких грамматически закрепленных структур, к которым «восходят все без исключения своеобразные черты спонтанной разговорной речи» [Адмони 1994: 60]. В соответствии с этой второй точкой зрения, предложения в речи человека все же строятся по одним и тем же образцам. «Говорящий (или пишущий) не творит все, что он говорит (или пишет), каждый раз заново, а пользуется какими-то элементами, уже знакомыми ему (и его собеседнику или читателю), содержащимися в его памяти, черпает их оттуда и даже комбинирует каждый раз по каким-то уже имеющимся шаблонам», – писал П.С. Кузнецов [Кузнецов 1961: 61].

О роли неких синтаксических моделей в мыслительной деятельности, «воспроизводимости» «образцов» говорил в 1929 году еще неогумбольдтианец Й.Л. Вайсгербер: «…Схемы предложений зачастую уже присутствуют до того, как будет найдено слово, то есть на очень раннем этапе формирования мысли» [Вайсгербер 2009: 76]. Этот вывод лингвиста не был безосновательным. Й.Л. Вайсгербер в своих суждениях опирался на данные опытов немецкого психолога Отто Зельца. Суть опыта была проста: участникам предлагалось дать дефиниции определенным словам. Один из участников, объясняя, что такое *Werkzeug* (инструмент), сказал следующее: «Я прочитал задание и сразу же стал говорить: “Инструмент – это…”, но не мог продолжать, поскольку не нашел слов» [Вайсгербер 2009: 75]. Результатом опыта стало постулирование идеи О. Зельца о том, что с возникающим мыслительным содержанием связана определенная схема предложения, «которая актуализируется в первую очередь и определяет дальнейший процесс» [*цитир. по*: Вайсгербер 2009: 76].

На наш взгляд, абсолютно справедливы слова Б.Ю. Нормана, утверждающего, что неким «шаблонам», «образцам» нас учат с детства, что, открывая азбуку, мы уже видим «серийные примеры» типа *У Маши машина*; *У Шуры шары*; *Мама мыла раму*; *Маша ела кашу* и т.д. И «взрослый человек даже самой творческой натуры, разумеется, использует в своей рече-

вой деятельности готовые грамматические схемы – модели предложений» [Норман 2013: 36].

«Первая волна» активизации изучения синтаксических моделей или, в другой терминологии, структурных схем простых предложений в русистике относится к 60 – 80-м гг. XX века. Это было время расцвета, с одной стороны, *формально-грамматического направления*, а с другой стороны, – *функционального направления*, основывающегося на семантическом и прагматическом подходах к языковым явлениям. Если формально-грамматическое направление предложило излишне морфологизированное представление о структурной схеме, то семантический синтаксис, сконцентрировавшись на соотношении информативного компонента предложения с референтной ситуацией, «вывел» на научную арену субъектно-предикатный подход к структурным схемам и понимание структурной схемы как некой «системы с отношениями».

«Вторая волна» интереса к изучению структурных схем, относящаяся к концу XX – началу XXI вв., была обусловлена появлением работ лингвистов, занимающимися проблемами когнитивного синтаксиса. Прежде всего это работы представителя Воронежской теоретико-лингвистической школы З.Д. Поповой. З.Д. Попова опиралась на когнитивное понимание языка как системы, аналогичной системе математической. Математическая система состоит из символов (цифры, буквы) и операций над ними, графически изображаемых на письме (плюс, минус, двоеточие, корень квадратный и т.п.). Вот что-то подобное представляет собой и языковая система: *лексемы* и *фразеосочетания* – это *знаки*, *представляющие образы вещей*, *понятий*, *явлений*, *их совокупностей и множеств*, денотатами которых являются наблюдаемые в объективном мире или воображаемые, но мыслимые в качестве вещей или явлений, сущности; а *структурные схемы простого предложения* – знаки *разных видов отношений между этими сущностями*, наблюдаемые, осмысливаемые и оформляемые людьми в виде суждений [Волохина, Попова 2003 (а): 4–5].

Если понимать структурную схему простого предложения как знак определенного типа отношений между объектами, а не отдельного объекта, то этот знак можно квалифицировать как *сложный* [Фомина 2007: 40], *расчлененный*, *комбинированный*, *не единый* [Ольшанский 1983: 54], *комплексный*, соединяющий в себе содержательные стороны трех ипостасей*: внеязыковая действительность – человек – язык* [Монина 1995: 53].

Вообще вопрос о видах и природе языкового знака в отечественной грамматкике поднимался рядом лингвистов: Т.Б. Алисовой [1971], В.Г. Гак [1998], С.Д. Кацнельсоном [2001], А.А. Уфимцевой [1974] и др. Например, А.А. Уфимцева предложения называла *речевым*, *актуальным знаком*, а слова – *знаками обобщенными*, *виртуальными*, представляющими область классификационной сферы языка [Уфимцева 1974: 31–34]. В.Г. Гак дифференцировал языковые знаки на *полные* и *частичные*. В качестве полного знака он мыслил предложение, являющееся законченным «продуктом семиозиса» и непосредственно соотносимое с ситуацией [Гак 1998: 206]. Частичными знаками В.Г. Гак представлял слова, входящие в состав предложения и передающие некий отдельный аспект события. С.Д. Кацнельсон высказывал идеи, близкие мыслям В.Г. Гака. Он тоже отмечал, что слова передают лишь знание об отдельных предметах и явлениях, а реальный мир – это «не вещевой склад, на полках которого лежат рассортированные по классам предметы и признаки» [Кацнельсон 2001: 141].

Т.С. Монина сопоставляет слово и синтаксическую конструкцию и указывает при этом, что слово отображает отдельный предмет или явление объективной действительности, а синтаксическая конструкция репрезентирует «сложный референт – взаимосвязь предметов и явлений – отрезок ситуации в целом». И если денотатом слова является понятие о классе однородных предметов, то денотатом предложения – понятие о классе ситуаций [Монина 1995: 39].

М.М. Булынина сравнивает знаковость лексических и синтаксических единиц на трех уровнях: 1) когнитивном уровне; 2) на уровне плана выраже-

ния; 3) на уровне плана содержания. У слова на первом уровне мыслительным предметом является лексический концепт, планом выражения – лексема, планом содержания – семема. У предложения первому уровню соответствует синтаксический концепт, или типовая пропозиция, второму – комплекс языковых единиц с соблюдением грамматических норм последовательности словоформ, третьему – предикативность, отражающая семантическую сторону структурных схем простых предложений. В речевом общении все три компонента существуют в постоянном единстве [Булынина 2004: 16].

Суммируя высказанные мнения, отмечаем, что знак-слово и знак-предложение соотносятся как простое и сложное. При этом только предложение сохраняет «живые связи языка» с отображаемой сознанием человека действительностью: «Слова и их значения в своем отношении к сознанию и реальной действительности опосредованы предложением и вне предложения являются лишь потенциальными единицами». Находясь вне конситуации, слово ничего «не высказывает о реальных фактах, не воспроизводит их» [Кацнельсон 1972: 141].

В диссертационном исследовании мы рассматриваем *предложение* как *двустороннюю единицу*: единицу языка и единицу речи одновременно. В качестве *единицы языка* под предложением понимаем *структурную схему*, а в качестве *единицы речи* видим лексически определенное, актуализированное *высказывание*, которое «имеет непосредственное отношение к действительности и к живому говорящему человеку» [Иванова 2001: 19]. Высказывание рассматривается как «проявление сущности языкового знака в его материальном функционировании» [Монина 1995: 29]. Предложение и высказывание не отрицают, а, напротив, взаимопредполагают друг друга.

2.2. Формальный подход к структурной схеме простого предложения.

Учение о структурной схеме простого предложения восходит к работам Вилема Матезиуса (1882–1945), основоположника Пражской школы функци-

ональной лингвистики. В своей статье «О системном грамматическом анализе» чешский языковед определил предложение как «абстрактную модель», реализующуюся в речи как конкретное высказывание [Матезиус 1967: 237]. «Увидев» в предложении как единице речи конкретное высказывание, а в единице языка – знак не создаваемый, а воспроизводимый в процессе речи, ученый по сути признал за предложением статус двусторонней единицы.

В России начало разработки учения о структурной схеме связывают с именем Н.Ю. Шведовой. Хотя нельзя не отметить, что первые шаги в направлении моделирования простого предложения русского языка в 60-е годы XX века были сделаны Т.П. Ломтевым. Лингвист уже тогда «ощущал» двустороннюю природу предложения, заковый характер предложения, но он не смог прояснить и развить свое понимание объекта [*см*.: Черемисина 1997].

Целая серия работ Н.Ю. Шведовой, представившей типологию структурных схем простого предложения и сформировавшей *формальное направление* в подходе к данному явлению, выходит в 60-е –70-е годы XX столетия [*см*.: Шведова 1969; Шведова 1973 (а); Шведова 1973 (б); Шведова 1974 и др.]. В понимании ученого, структурная схема – это абстрактный образец, «по которому может быть построено отдельное минимальное относительно законченное предложение» [Грамматика 1970: 546; Русская грамматика 1980: 92].

«Конституирующими элементами» структурной схемы являются «формы слов, организующие предикативную основу предложения» [Грамматика 1970: 546; *о том же*: Русская грамматика 1980: 85]. В предложении такие компоненты представляют собой его главные члены, компоненты, связанные с выражением предикативности: грамматический субъект и грамматический предикат.

«Синтаксический образец» обладает несколькими «иерархически организованными языковыми значениями», среди которых главное место занимает предикативность как «нечто общее для всех таких образцов», способству-

ющее их объединению в «синтаксическую категорию простого предложения» [Русская грамматика 1980: 83–85].

Теоретическая платформа Н.Ю. Шведовой позволила дифференцировать структурные схемы в «Грамматике современного русского литературного языка» (1970) на *двусоставные* (подлежащно-сказуемостные) и *односоставные* [Грамматика 1970: 546], среди односоставных были выделены *однокомпонентные* структурные схемы и *двухкомпонентные*. Структурную схему двусоставного предложения образует соединение двух главных членов: подлежащего (в форме именительного падежа или инфинитива) и сказуемого; структурную схему односоставного предложения образует один главный член, который может состоять как из одной словоформы (однокомпонентные схемы), так и из двух словоформ (двухкомпонентные схемы) [Грамматика 1970: 546].

Например, **двусоставные схемы**: *Ученик пишет* (N1 – Vf); *День пасмурный* (N1 – N1); *Новый стадион – его мысль* (N1 – Nn1); *Долголетие – это физкультура* (N1 – это Nn1); *Эта машина – чтобы снег убирать* (N1 чтобы Inf); *Жить – это бороться* (Inf cop Inf); *Курить воспрещается* (Inf – Vf3s); *Ребенок умен* (N1 – Adj1 кратк.ф.); и др.; **односоставные схемы именного класса**: *Ночь* (Nn1); *Смеху!* (Gen quantit – имя в Р.п.); *Ни души* (Neg Gen); *Ай да жена* (Interj N1 – номинатив с междометием) и др.; **односоставные схемы спрягаемо-глагольного класса**: *Светает* (Vf3s); *Хочется поговорить* (двухкомпонентная структурная схема – Vf3s Inf); *Надо денег* (двухкомпонентная структурная схема – Praed Gen); *Нет денег* (двухкомпонентная структурная схема – Нет Gen); **односоставные предложения инфинитивного класса**: *Не шуметь!* (Inf); *Его не узнать* (Gen Neg Inf) и др.

В «Русской грамматике» (1980) Н.Ю. Шведова все двухкомпонентные структурные схемы дифференцировала на *подлежащно-сказуемостные* и *не подлежащно-сказуемостные*. Первые представлены конструкциями, начальный компонент которых заключает в себе значение субъекта и называется подлежащим, второй компонент представлен формой, заключающей в себе

значение предикативного признака, он называется сказуемым [Русская грамматика 1980: 94]. Например, сюда относятся схемы N_1 – Vf (*Лес шумит*); N_1 – N_1 (*Брат – учитель*); Inf – N_1 (*Трудиться – доблесть*); Inf cop Inf (*Руководить значит доверять*) и др. Не подлежащно-сказуемостные схемы достаточно разнородны. К ним относятся, наряду со схемами, субъект которых выражен «такой формой, которая не является именующей», то есть не именительным падежом (*Воды прибывает*; *Времени не хватает* (схема N_2 (neg) Vf_{3s}); *Нет времени* (схема Нет N_2)), также схемы с семантикой квалификации отвлеченно представленного действия или процессуального состояния с точки зрения его необходимости, предопределенности, предполагаемости или желаемости, маркируемые символами Vf_{3s} Inf (*Следует подождать*; *Запрещается шуметь*; *Хочется узнать*). Таким образом, к двухкомпонентным схемам Н.Ю. Шведова отнесла схемы односоставных безличных предложений. Субъектная словоформа в качестве «ингредиента» схемы в данных образцах не была признана, хотя указывалось на то, что «во всех случаях в предложении открыта позиция для субъектной детерминирующей формы» [Русская грамматика 1980: 95], то есть не обязательной, а представленной как любая другая факультативная детерминирующая словоформа.

Для записи структурных схем, как можно видеть из примеров, Н.Ю. Шведовой был предложен символический способ, когда указывалась частеречная принадлежность словоформ и их морфологических форм. Например: *N* – любое имя; *Vf* – спрягаемая форма глагола; *Inf* – инфинитив; *Adv* – наречие; *Pron* – местоимение; *Adj* – прилагательное; *cop* – связка; *Neg* – отрицание и др.

Вклад Н.Ю. Шведовой в развитие учения о структурной схеме, безусловно, значителен: она не только выделила 31 «свободную» схему, но и дифференцировала их с учетом количества входящих компонентов, ввела понятие видоизменений структурных схем в процессе их функционирования. Сама по себе идея выделения отвлеченных синтаксических образцов в свете идеи знакового характера предложения, бесспорно, была продуктивна. Так,

В.А. Белошапкова писала: «Введение понятия структурной схемы предложения отвечало общему стремлению к формализации и моделированию лингвистических объектов, которое свойственно разным направлениям и областям современного языкознания и в котором отражаются запросы века, а также целям практического применения описательного синтаксиса» [Белошапкова 1989: 634]. Однако в то же самое время подход к структурным схемам как абстрактным образцам, представленным главными членами предложения (подлежащим и сказуемым), не мог удовлетворить научное сообщество по той простой причине, что предложение предназначено выразить не только предикативное отношение, но и определенную мысль.

Излишняя «морфологизированность» теории Н.Ю. Шведовой вызвала критику коллег. Например, И.П. Распопов охарактеризовал теорию структурных схем как дублирование традиционной теории членов предложения: список схем Н.Ю. Шведовой напоминает «перечисление различных способов морфологического выражения членов предложения» [Распопов 1976: 66]. Того же мнения придерживался Б.Ю. Норманн. Лигвист указал на то, что выделенные структурные схемы есть некие «иллюзорные синтаксические единицы», «слепки» с главных членов предложения [Норман 1978: 88]. А Г.А. Золотова после публикации в «Грамматике современного русского литературного языка» списка структурных схем отметила, что «понятие “структурной схемы” вырвалось на простор, как джин из сосуда» [Золотова 1979: 22], в связи с этим событием в сознании многих лингвистов произошла «своеобразная аберрация», «замещение реального объекта сконструированным объектом», «подмена одной знаковой системы, какой является язык по отношению к внеязыковому содержанию, другой знаковой системой», которой становится уровень структурных схем по отношению к реальным типам предложения [Золотова 1979: 21]. В 1982 году Г.А. Золотова вновь вернется к мысли о том, что, «Русская грамматика», представив классификацию структурных схем по числу компонентов, спрягаемости или неспрягаемости глагольной формы, наличию или отсутствию подлежащего, морфологической

принадлежности главных членов, дала отрицательные ответы на целый ряд вопросов, например, возможности единого критерия классификации, семантической значимости формальных различий, грамматической значимости оппозиционных признаков [Золотова 1982: 176–177].

Резюмируя, скажем, что формальный подход к структурной схеме Н.Ю. Шведовой был, безусловно, заметным явлением на синтаксической арене II половины XX века. Он позволил представить всю систему предложений в виде закрытого и обозримого списка элементарных абстрактных образцов с акцентуацией своеобразия их регулярных реализаций в речи. Однако и критике формальный подход был подвергнут вполне обоснованно. Ведь он не был ориентирован на вещественное значение предложения, следовательно, не мог связать предложение с номинируемой ситуацией, как-то соотнести информативный компонент высказывания и ситуацию.

2.3. Трактовка структурной схемы с позиции выделения предикативного и номинативного минимумов.

Разработка проблем, связанных с синтаксической семантикой и природой структурной схемы, с означаемыми компонентов схемы и их репрезентацией при формировании конкретного высказывания, продолжали активно обсуждаться. Такой интерес лингвистов к обозначенным вопросам был мотивирован открывающимися возможностями «наиболее оптимальной (т.е. наиболее удобной и простой) интерпретации всего многообразия конкретных предложений в речевой деятельности» [Распопов 1976: 65].

В середине 80-х годов прошлого столетия дискуссия о колмпонентном составе структурной схемы, ее природе развернулась на страницах журнала «Вопросы языкознания». В 1975 году появилась статья С.И. Кокориной «О реализации структурной схемы предложения», затрагивающая вопрос о правилах реализации структурных схем, правилах перехода от отвлеченных об-

разцов построения к предложению как единице речи при наполнении схемы различным лексическим материалом [*см*.: Кокорина 1975]. При определении структурной схемы С.И. Кокорина опиралась на подход, предложенный Н.Ю. Шведовой, оперируя тем, что именно он «дает легко обозримый список отвлеченных образцов минимального построения» [Кокорина 1975: 75]. На такое замечание критично отреагировал И.П. Распопов. В статье «Что же такое структурная схема предложения? (По поводу статьи С.И. Кокориной “О реализации структурной схемы предложения”)» (1976) ученый отметил, что закрытый и «экономичный» список нераспространенных структур, обладающих грамматической достаточностью, данный в «Грамматике 1970», на самом деле таковым не является: «Уже то обстоятельство, что в нем односоставные предложения оказываются по своему составу и строению сложнее и многообразнее двусоставных (первые представлены 23 схемами, вторые же только 11), вызывает серьезные сомнения в надежности этого списка…» [Распопов 1976: 66]. И.П. Распопов выступал за целесообразность такого понимания структурной схемы, которое бы учло не только грамматическую, но и информативную достатоточность соответствующих построений [Распопов 1976: 70].

Попытка учесть эти два аспекта структурной схемы – грамматический и информативный – была предпринята В.А. Белошапковой. Так, опираясь на представление о *предикативном минимуме* предложения (минимум, необходимый для того, чтобы предложение было грамматически оформленной предикативной единицей) и *номинативном минимуме* (минимум, необходимый для семантической организации предложения, без которого оно не может существовать как сообщение), В.А. Белошапкова разработала учение о *минимальной* и *расширенной* структурной схеме. В целом задачу учения о структурной схеме Вера Арсеньевна увидела в определении применительно к предложениям разных типов того минимума компонентов, при котором предложение «вне зависимости от контекста способно к выполнению своих функций» [Белошапкова 1989: 633]. Структурную схему она определила как

«отвлеченный образец, состоящий из минимума компонентов, необходимых для создания предложения» [Белошапкова 1989: 633–634].

Минимальная структурная схема включает такое сочетание форм слов или одну форму слова, которое достаточно для того, чтобы при определенном лексическом наполнении передать информативное содержание предложения, соотнеся его с действительностью в плане реальности – ирреальности и времени [Белошапкова 1989: 637]. Такая схема представляеют собой результат высокой степени абстракции, поскольку включает только те компоненты, наличие которых не определяется присловными связями. Список минимальных схем имеет ценность для типологической формально-синтаксической характеристики языка.

Минимальные структурные схемы дифференцируются В.А. Белошапковой на *однокомпонентные*, равные предикативному центру предложения и образуемые такими его формами, которые не вариативны по согласовательным категориям, и *двухкомпонентные*, включающие, кроме предикативного центра предложения, компонент (форму именительного падежа существительного или инфинитив), который определяет форму предикативного центра по согласовательным категориям.

Минимальные схемы предложений объединяются в три блока, различающиеся количеством компонентов и формой одного из компонентов:

I блок – двухкомпонетный номинативный (*Зеленеют деревья* (N_1 Vf); *Он ранен* (N_1 Cop Adi)) и т.д.;

II блок – двухкомпонентный инфинитивный (*Курить воспрещалось* (Inf Vf); *Отказаться было обидеть* (Inf Cop Inf)) и т п.;

III блок – однокомпонетный (*Сломать ему свои рога* (Inf); *За столом зашумели* (V_{p13})) и т. д. [Белошапкова 1989: 639–643].

По характеру предикативного центра предложения В.А. Белошапкова разграничила структурные схемы *глагольные*, предикативный центр которых представлен спрягаемой формой глагола или инфинитивом, и *связочные*, предикативный центр которых является комплексным, т.е. состоящим из связки

и знаменательного элемента. Эти группы структурных схем были соответственно названы классом «А» и классом «Б». **Например**, ср.: *Отмалчиваться не следует* (InfVf – схема класса «А»); *Он был студент* (N_1CopN_1 – схема класса «Б») [Белошапкова 1989: 639].

Под расширенной структурной схемой В.А. Белошапкова понимает «более полный, чем минимальная схема, отвлеченный образец, по которому могут строиться реальные предложения, обладающие семантической автономностью и способные к выполнению номинативной функции – называнию события, ситуации, “положения дел”» [Белошапкова 1989: 650]. Компонентами расширенной структурной схемы наряду со словоформами – показателями предикативного отношения – признаются словоформы нескольких типов:

1) субстантивные компоненты с субъектным значением, характерные для расширенных схем предложений, указывающих на наличие у некого предмета определенного состояния или сообщающих о действиях стихийных сил (типа ***С ним*** *обморок*; ***Ветром*** *сорвало крышу*);

2) субстантивные компоненты с объектным значением, выступающие элементом расширенных схем предложений, называющих ситуации, предполагающие двух участников: *активного*, от которого исходит некая физическая или психическая деятельность, и *пассивного*, на которого эта деятельность направлена (типа *Дети боятся* ***темноты***; *Помоги* ***соседу***);

3) адвербиальные компоненты, характерные для предложений, предикативный центр которых в порядке обязательной связи сопровождается наречием или предложно-падежной формой существительного, без которой предложение не может номинировать ситуацию (типа ***Здесь*** *расположился штаб*; ***В глазах*** *потемнело*) [Белошапкова 1989: 650–654].

Полагаем, анализ развития учения о структурной схеме в отечественном синтаксисе наглядно демонстрирует тот факт, что лингвисты, следовавшие в понимании данного языкового феномена за Н.Ю. Шведовой, все острее ощущали необходимость корректировки оснований выделения схем и обоснования облигаторности некоторых компонентов. Так, В.А. Белошапко-

ва преодолевала критерий «грамматическая достаточность» схемы за счет введения понятия расширенной структурной схемы. А вот уже упоминаемая ранее С.И. Кокорина вводила понятие «минимальной модели реализации структурной схемы», т.е. абстрагированного выражения «такого пути реализации, при котором полученное сообщение будет не только грамматически, но и информативно достаточным» [Кокорина 1975: 75]. Результатом реализации становилось введение в схему облигаторных распространителей типа ***Его*** *тошнит*; ***У него*** *талант* и т.д.

2.4. Субъектно-предикатный подход к структурной схеме.

Разрабатываемые во второй половине XX века вопросы синтаксической семантики, признание за предложением номинативной функции, заключающейся в способности номинировать ситуацию, привели к обсуждению вопроса односоставности и двусоставности структурных схем. Вывод Н.Д. Арутюновой об обязательности позиции подлежащего [Арутюнова 1969: 41], позволил ввести в грамматику понятие синтаксической двусоставности любого предложения. «Акт мышления, выражаемый предложением, всегда двучленен: о чем-то сообщается что-то, некоторому субъекту приписывается некий предикативный признак. …Двучленность, двусоставность предложения… – его необходимый признак постольку, поскольку предложение служит выражением акта мышления», – утверждала Г.А. Золотова [Золотова 1979: 17].

Учитывая связь языка и мышления, исследователи положили в основу вычленения структурной схемы изоморфизм структуры мысли и структуры ситуации, а не лексико-морфологический состав членов высказывания [Колшанский 1979: 318–319]. Это дало возможность по-иному взглянуть на компонентный состав структурных схем и обозначить в качестве ведущего подхода к пониманию природы структурной схемы подход *субъектно-предикатный*.

Указанный подход уходил своими корнями в русскую грамматическую традицию старшего периода, когда на природу предложения смотрели как на словесное выражение суждения [*см.*: Греч 1840; Давыдов 1852; Буслаев 1863], в котором «одно понятие показывает действие, другое – предмет, в котором действие обнаруживается; в предложении первое называется сказуемым (praedicatum), второе – подлежащим (subjectum)» [Давыдов 1852: 277]. Спустя почти сто лет, в начале XX века, А.А. Шахматов отмечал: «Простейшая единица мышления, простейшая коммуникация состоит из двух представлений, приведенных движением воли в предикативную (то есть вообще определяющую, в частности зависимую, причинную, генетическую) связь» [Шахматов 1941: 19]. И далее: «Все наши представления являются представлениями о признаках и отношениях; носителями, производителями признаков мы представляем себе субстанции (лица, предметы)», «сочетаясь между собой, представления становятся в предикативные отношения» [Шахматов 1941: 29]. Мысль о двучленности суждения, наших «представлений» была трансформирована в концепцию облигаторности маркеров предмета речи и его признака в составе структурной схемы и стала ведущей в работах многих отечественных синтаксистов II половины XX века.

Субъектно-предикатным подходом к структурным схемам отмечены работы В.Г Адмони [1955, 1988], Н.Д. Арутюновой [1969, 1976 (в)], Г.А. Золотовой [1967, 1969, 1973, 1979, 1988], Г.В. Колшанского [1979], Т.П. Ломтева [1979], З.Д. Поповой [1984, 1996] и др. Например, Г.А. Золотова рассматривает модели предложения (этот термин используется автором вместо термина «структурная схема») с учетом взаимодействия двух планов: первого, соотносящего предложение со структурой мыслительного акта, и второго, соотносящего предложение с внеязыковой действительностью. При этом мыслительный акт предстает двучленным: некому субъекту приписывается некий признак. Субъекту и предикату мысли в структуре предложения соответствуют две словоформы, одна, которая обозначает носителя предикативного признака, а другая – сам предицируемый признак. В результате мо-

дель предложения трактуется как минимальное достаточное предикативное сочетание взаимообусловленных компонентов (субъектного и предикатного), образующее коммуникативную единицу с определенным типовым значением [Золотова 1982: 98]. С учетом выполняемой функции за словоформой со значением субъекта был закреплен термин «*субъектив*», а словоформу, обозначающую предикат, назвали «*предикативом*» [Казарина 2007 (а): 81].

Мы полагаем, что высказанная Г.А. Золотовой и другими представителями субъектно-предикатного подхода позиция позволила обозначить несколько важных положений.

Во-первых, сторонниками субъектно-предикатного подхода была доказана невозможность наличия предикатов с нулевой валентностью, поскольку любым предикатом обозначается относимый к предмету признак [Арутюнова 1976 (в): 74].

Во-вторых, все схемы русского предложения были квалифицированы как *минимально двухкомпонентные* (по сути это второе положение – следствие первого), несмотря на то, что один из компонентов может быть в силу ряда причин (чаще всего из-за избыточности) материально не выражен. Например: ...*Очень тревожно* (эллиптирован субъектив *ему*, *мне*, *Иван Ивановичу* и т.п.), *когда Нюрок тревожится за тебя* (Залыгин. Южноамериканский вариант); *Холоднело* (эллиптирован локативный субъектив *на улице*, *в природе*, *вокруг*, *в воздухе* и т.п.) и др.

А в-третьих, была признана возможность существования *различных форм выражения* субъектива и предикатива. Так, субъектив может быть представлен как именительным падежом имени, так и другими предложно-падежными формами, наречием, а предикатив – глаголами, прилагательными, наречиями, словами категории состояния, именами существительными и т.д. Например: ***В лесу*** (‘локативный субъект’) *было* ***сумрачно*** (‘состояние природы’) (Паустовский. Северная повесть); ...***Она*** (‘субъект-агенс’) *вдруг*... ***ушла*** (‘физическое действие-перемещение’) *в сад*... ***Кругом*** (‘локативный субъект’) *было и* ***светло*** (‘состояние природы’) *и* ***зелено*** (‘состояние приро-

ды’)... (Тургенев. Ася); – *А мало* ***вывихнуло*** (‘физиологическое состояние человека’) ***тебя*** (‘субъект-пациенс’), *Устинов*! (Залыгин. Комиссия) и др.

Так как в соответствии с субъектно-предикатным подходом структурная схема является знаком акта предицирования, предикативного отношения, вне которого нет предложения и которое трактуют как «отношение, установленное между субъектом и предикатом мысли» [Попова 1996: 255], то для его выражения могут требоваться не два знака – знак субъекта и знак предиката, а три – знак субъекта, знак отношения и знак предиката. О специфической роли «знака отношения» (т.е. связки) еще в XIX веке писал И.И. Давыдов: «Сверх двух существенных элементов, в предложении находится связь, которою сказуемое с подлежащим соединяется в одно целое. Эта связь выражается или глаголом есть, или окончанием сказуемого» [Давыдов 1852: 272], а в XX веке, например, – Н.Д. Арутюнова: «*Связка* не только является автономным элементом предложения, но она должна быть признана его конститутивным элементом…» [Арутюнова 1988: 141]. Рассмотрение связки как обязытельного «знака отношения» позволяет утверждать начличие не только двухкомпонентных структурных схем, но и трехкомпонентных. Например: ***Материал интересный***, *но как-то ты его не очень умело подал* (Житков. Супермаркет); ***Небо блекло-голубое***, *и на нем белое солнце*, *а* ***земля желтая***… (Петкевич. Бессонница). В выделенных жирным курсивом примерах существительные в именительном падеже (*материал*, *небо*, *земля*) репрезентируют характеризуемый предмет, прилагательные (*интересный*, *блекло-голубое*, *желтая*) – квалитативный признак, а нулевая глагольная связка устанавливает отношение между ними.

Следует заметить, что наличие этих трех знаков в виде особых лексем не яляется обязательным. Так, двухсловными являются структурные схемы, предикатив которых представлен лексически полнозначным одновалентным глаголом, поскольку его модально-временные показатели являются и выразителями предикативности предложения, и его актуализации. Репрезентация предикатива спрягаемой формой полнознаменательного глагола обеспечива-

ет отсутствие специализированного знака отношения. Например: *Худенькая*, *она* ***спит***, *прижав колени к груди*, *издали*, *напоминая мумию Хуаниту* (Нова. Инка); *У входа* ***дремал*** *молодой*, *еще безусый дружинник* (Васильев. Ольга, королева русов) и под. Предикативный признак в таких структурных схемах представлен основой глагола (*сп*-; *дрема*-), а отношение между субъективом и предикативом – глагольным аффиксом, окончанием (-*ит*, -*л*).

Таким образом, субъектно-предикатный подход позволил 1) дефинировать структурную схему как *языковой знак*, *означаемым* которого выступает *предикативность*, а *означающим словоформа со значением субъекта* – носителя предикативного признака – и *словоформа со значением предиката* – репрезентанта предикативного признака субъекта; 2) утвердить обязательный минимально двухкомпонентный состав структурных схем; 3) обусловить введение в структурную схему таких облигаторных компонентов, которые при формальном подходе исключались из состава схемы.

2.5. Структурная схема простого предложения как знак типовой пропозиции.

Как мы уже отмечали, любое предложение создается не только для того, чтобы зафиксировать предикативность, но и для того, чтобы «передать информацию об определенном микрофрагменте реального или вымышленного мира, информацию о внеязыковой ситуации», создающей в сознании человека некий образ ситуации. Способность предложения отражать внеязыковую ситуацию или «положение дел» в реальном мире [Кацнельсон 1972: 125], свидетельствует о том, что словоформ, выражающих предикативность, не всегда бывает достаточно для номинирования типовой пропозиции. Так, типовая пропозиция «создание объекта в результате физического труда» предполагает трехкомпонентность структурной схемы «*кто делает что*» и обусловливает репрезентацию агенса номинативом личного имени, физического действия – глагольной лексемой со значением действия, а объекта воздействия – именем в винительном падеже со значением создаваемого, из-

меняемого, разрушаемого предмета. Например: *А* ***Колюня*** (‘агенс’) ***чинил*** (‘действие-создание’) ***забор*** (‘объект воздействия’), *на душе у него было пусто и тихо* (Варламов. Купавна); ***Шил*** (‘действие-создание’) *из лакированных верхов гвардейских киверов театральные* ***туфельки*** (‘объект воздействия’), ***чинил*** (‘действие-создание’) *другую* ***обувь*** (‘объект воздействия’) *для театров* (Черкасов. Черный ящик) (словоформа со значением агенса в данном высказывании эллиптирована); ***Вторую башню*** (‘объект воздействия’) ***построил*** (‘действие-создание’) ***он*** (‘агенс’) *на Лонг-Айленде* (Галкина. Вилла Рено) и др.

Обязательность включения в структурную схему простого предложения объектных компонентов для необходимой завершенности конструктивной базы предложения отмечалась в работах В.Г. Адмони [1958], Е.А. Иванчиковой [1965], Г.Г. Почепцова [1969], Т.П. Ломтева [1969], И.П. Распопова [1969, 1976], С.Д. Кацнельсона [1972], Н.Д. Арутюновой [1976 (в)], З.Л. Новоженовой [2001] и др. Например, Т.П. Ломтев, размышлявший над вопросами структурно-семантической организации простого предложения, исходивший из понимания структуры информации, заключенной в предложении, как некой «системы с отношениями», писал, что, если «предложение как выражение субъектно-предикатного каркаса содержит два конституента», то предложение как «выражение системы с отношениями содержит неодинаковое количество конституентов». Этих конституентов будет столько, сколько в предикате предметов, плюс тот конституент, который выражает отношения между предметами [Ломтев 2007: 33].

«Обязательность» некоторых объектных компонентов, предопределенных валентными свойствами предиката [Кацнельсон 1972: 177], обусловливает существование ряда трех- и даже четырехкомпонентных структурных схем. Например: *Гимназию эту профессор построил по последнему слову тогдашней педагогической индустрии – высокое светлое парадное с разлетающимися дверями*, *триумфальная лестница под красными дорожками* (Домбровский. Факультет ненужных вещей) (трехкомпонентная структурная

схема простого предложения «*кто создает что*»); *И*, *едучи*, *как-то особенно крепко задумался вообще о великой бедности наших мест* (Бунин. Жизнь Арсеньева) (трехкомпонентная структурная схема простого предложения «*кто думает о ком/о чем*»); *– Может*, *он за своего друга-плеваку испугался*? (Вайнер. Бес в ребро) (трехкомпонентная структурная схема простого предложения «*кто беспокоится за кого/за что*»); *Владимир посвящал ей стихи…* (Поступальская, Ардашникова. Обручев) (четырехкомпонентная структурная схема простого предложения «*кто посвящает что кому/чему*»); *– Никогда меня никто не называл Лимой…* (Куприн. Гранатовый браслет) (четырехкомпонентная структурная схема простого предложения «*кто называет кого кем*») и др.

Взгляд на структурную схему как информативно достаточную, компонентный состав которой «продиктован» типовой пропозицией, содержится в работах ряда отечественных ученых [*см.*: Попова 1996, 1998, 2000, 2001, 2005, 2006 (а), 2006 (б), 2009; Волохина, Попова 2003 (а); Попова, Стернин 2003, 2004; Казарина 2002 (б), 2004 (а), 2007 (а), 2007 (б); Булынина 2004, 2009; Казарина, Пешехонова 2005; Пешехонова 2008; Карасева 2008; Бородина 2009, 2010; Кузьмина (2) 2009 (б), 2011; Дронова 2010, 2011; Очирова 2011 и др.].

Мы будем придерживаться именно такого подхода к структурной схеме и в качестве рабочего определения описываемого феномена дадим следующее: *структурная схема простого предложения – это языковой знак*, *означаемым которого выступает типовая пропозиция*, *а означающим – словоформы*, *образующие структурную схему* (субъектив, предикатив, объективы). Например, в основе высказывания *В саду было темно…* (Шишкин. Всех ожидает одна ночь) лежит структурная схема «где есть каково», означаемое которой – «состояние природы» – представлено пропозициональными смыслами: ‘локативный субъект’ (носитель состоянии природы) – ‘физическое состояние природы’. Означающим типовой пропозиции выступает локативный субъектив (первый компонент схемы) и предикатив (второй

компонент). Третий компонент схемы – связка – устанавливает отношение между носителем состояния и состоянием природы. Под *субъектив* как конститутивный компонент выделенных структурных схем простых предложений с семантикой «состояние природы» подводим словоформу со значением субъекта, *предикативом* терминируем словоформу со значением предиката. От этих словоформ отличаем словоформы со значением объекта, именуемые *объективом.* Субъектив, предикатив, объектив могут выражать различные пропозициональные смыслы. Например, в нашем языковом материале – ‘локативный субъект’, ‘пациенс’, ‘состояние’, ‘объект-каузтор’ и др.: *Неожиданно яркое июньское небо затянуло сизыми тучами…* (Житков. Кафедра). Данное высказывание построено по структурной схеме «покрывает что (В.п.) чем», субъектив выражает пропозициональный смысл ‘пациенс’, предикатив – ‘физическое состояние’, объектив – ‘объект-стихийный каузатор’.

2.6. Структурная схема предложения и позиционная схема высказывания.

От структурных схем простых предложений как знаков типовых пропозиций мы отличаем *позиционные схемы конкретных высказываний*. *Позиционной схемой высказывания* именуем *речевой знак*, *означаемым которого является пропозиция высказывания*, *а означающим словоформы*, *образующие позиционную схему*. Например: *Зимами он лохмат…* (Рубина. Я и ты под персиковыми облаками). Структурная схема простого предложения: *Pron. – cop. – Adi* (согласно используемому нами метаязыку описания структурных схем – «кто/что есть каков»); типовая пропозиция: ‘*субъект-носитель признака*’ – ‘*признак*’. Позиционная схема высказывания: *зимами – он – лохмат*. Пропозиция высказывания: ‘*время*’ – ‘*субъект-носитель признака*’ – ‘*признак*’. Как видно из данного примера, референтом выказывания выступает ситуация, представленная тремя участниками: время, человек, признак. А денотат структурной схемы – «субъект и его признак» – представлен только двумя участниками: человек, признак.

Термин «знак» в применении к позиционной схеме высказывания обладает условностью, т.к. позиционные схемы очень *разнообразны*, как разнообразны и образы конкретных ситуаций внеязыковой действительности, которые они обозначают. Т.С. Монина отмечает: «Речевой знак …неповторим, т.к. обладает коннотативными характеристиками, создаваемыми моментом речи, развернутыми в определенном времени и пространстве» [Монина 1995: 29]. Хотя в лингвистике существует и иное мнение о том, что «высказывание, как и предложение, обладает воспроизводимыми признаками, поддается типизации и моделированию» [*см. подробнее*: Дымарский 2005].

Позиционные схемы, как мы видим из вышеприведенного примера, представляют пропозиции высказываний и не всегда совпадают со структурной схемой. Позиционная схема, наряду с компонентами структурной схемы, включает в свой состав и словоформы, репрезентирующие дополнительные смыслы: ‘время’, ‘цель’, ‘условие’, ‘причина’, ‘место’ и тому подобное. Подобные смыслы являются «результатом вербализации внеязыковой ситуации (внеязыковых ситуаций), которая (которые) сопутствует (сопутствуют) ситуации, представленной структурной схемой, формирующей основу высказывания». Они «включаются в высказывание для конкретизации заключенной в нем информации, актуализируют эту информацию, расширяют возможности обстоятельственной характеристики типовой пропозиции дополнительными смыслами» [Казарина 2007 (а): 101–102]. Например, означаемое позиционной схемы высказывания *После недавних дождей было тепло…* (Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина) представлено следующими пропозициональными смыслами: ‘время’ – ‘физическое состояние природы’. Данная пропозиция высказывания включает базовую типовую пропозицию (‘в природе было тепло’, репрезентируемую структурной схемой «где есть каково») и одну свернутую (‘недавно прошли дожди’, представленную словосочетанием *после недавних дождей*).

В русской грамматике за маркерами различных обстоятельств, сопутствующих ситуации, формирующей структурное ядро высказывания, – закре-

пился термин «*детерминанты*», предложенный Н.Ю. Шведовой. Под детерминантом Н.Ю. Шведова понимала самостоятельный распространитель, который относится ко всему предложению в целом [*см*.: Грамматика 1970; Русская грамматика 1980]. Введение в синтаксическую науку данного понятия означало резкий разрыв с традиционным представлением о структуре предложения, например, цепочечности синтаксических связей между словами, непрерывностью, дифференцированием второстепенных членов с учетом отнесения к составу подлежащего или к составу сказуемого. Поэтому теория детерминатов вызвала острую дискуссию [*см*.: Малащенко 1972; Распопов 1972; Чеснокова 1980 и др.].

Детерминант – это «чисто предложенческая категория», один из верных признаков детерминанта – «возможность соединения более чем с одной структурной схемой» [Крылова 1976: 45–47]. Детерминирующие словоформы входят в позиционную схему высказывания «через контаминацию данной структурной схемы с другой структурной схемой, главные члены которой остаются невыраженными» [Попова 1984: 73]. При этом позиции именных словоформ, которые «как бы “предсказаны” валентными свойствами глагольной лексемы», относятся к обязательным, «центральным» компонентам структурных схем простых предложений; а позиции детерминирующих обстоятельств, не заданных «смыслом предикативного “ядра”» – к факультативным, периферийным [Алисова 1970: 92].

Таким образом, позиционная схема, включающая компоненты с вторичной связью, номинирует сложную пропозицию: основную, элементарную, представленную структурной схемой простого предложения, и свернутую, маркируемую, например, детерминирующей словоформой. Например, ср.: ***Поздним вечером*** *Катя и Анна Федоровна*, *обе в старых теплых халатах*, *похожие на поношенные плюшевые игрушки*, *сели на гобеленовый диванчик*, *такой же потертый*, *как и они сами* (Улицкая. Пиковая дама). – ***Когда наступил поздний вечер***, *Катя и Анна Федоровна*, *обе в старых теплых хала-*

тах, *похожие на поношенные плюшевые игрушки*, *сели на гобеленовый диванчик*, *такой же потертый*, *как и они сами.*

Кроме субъектных, объектных словоформ, сирконстантов, каждый из которых имеет свое синтаксическое место, в высказывании могут наличествовать атрибутивные словоформы, занимающие с определяемой словоформой (глагольной или именной) одно синтаксическое место и названные А.М. Ломовым «*экспликантами*» [Ломов 1994: 45–47; *о том же*: Ломов 2007: 409]. Например, в высказывании *Дед вылил водку в фарфоровый бокал*, *опрокинул ее*, *крякнул одобрительно*… (В. Астафьев. Последний поклон) эксплицирующими словоформами, т.е. словоформами, не имеющими своего синтаксического места, являются: *фарфоровый* в присловной позиции к словоформе *бокал*; *одобрительно*, определяющее глагол *крякнул.*

Таким образом, различия структурной схемы простого предложения и позиционной схемы высказывания заключаются в том, что структурная схема является языковым знаком, а позиционная схема – речевым. Структурные схемы формируются исторически в результате классифицирующей деятельности человеческого сознания, позиционные схемы – в процессе речевой реализации структурной схемы. Означаемое структурной схемы – типовая пропозиция – денотативно, а означаемое позиционной схемы – пропозиция высказывания – референтно. Несмотря на то, что структурная схема простого предложения и позиционная схема высказывания представляют разные уровни анализа, в речевом общении они существуют в постоянном единстве. Так, именно в позиционных схемах время от времени формируются «варианты структурных схем простых предложений и новые структурные схемы» [Волохина, Попова 2003 (а): 10].

Взаимоотношения структурной схемы простого предложения и позиционной схемы высказывания с ситуациями внеязыковой действительности и образами этих ситуаций в сознании человека, полагаем, можно представить следующим образом (*см*. **Приложение 1**).

§3. Лексическое наполнение структурных схем простых предложений

3.1. Роль типовой пропозиции «состояние природы» в лексическом наполнении структурных схем предложений.

В процессе речевой реализации структурные схемы наполняются лексическим материалом. Проблема взаимосвязи синтаксической структуры и ее лексического наполнения не имеет однозначного решения. Одни лингвисты говорят о первичности структурных схем и вторичности их лексического наполнения. Например, Н.Ю. Шведова указывает, что, если наполнить структурные схемы «конкретным лексическим материалом», то можно построить по ним «минимальное самостоятельное и независимое сообщение» [Грамматика 1970: 541]. Другие указывают на взаимообусловленность структурной схемы и ее лексического наполнения и опираются на приоритет типовой пропозиции, определяющей лексическое наполнение структурной схемы и сам тип схемы [*см.*: Попова 1996].

В истории развития синтаксической науки одним из первых описал взаимосвязь, взаимодействие синтаксических структур и их лексического наполнения Ю.Д. Апресян, разработав вопрос о семантике русского глагола. Он отмечал: «Подобно тому, как внутренние (психические) состояния человека проявляются физиологически <…> “внутренние состояния” (значения) элементов текста проявляются в их синтаксическом поведении, доступном прямому наблюдению. <…> Синтаксическим различиям и сходствам соответствуют, как правило, существенные семантические различия и сходства» [Апресян 1967: 24–25]. Механизм такой взаимосвязи синтаксической структуры и ее лексического наполнения разъясняется Ю.С. Степановым. Он пишет: «“Глагольная лексема”, или “глагольное” слово, является фиксацией некоторых сторон структурной схемы предложения в виде отдельного, а именно глагольного, слова; в глагольном слове фиксируется, как правило, некото-

рый семантический признак вместе с его “местами” для имен…» [Степанов 2012: 119].

А Т.П. Ломтев еще в 1959 году установил три уровня, на которых бытуют слова в предложении: на уровне части речи; на уровне класса слов внутри части речи; на индивидуальном (лексико-семантическом уровне) [Ломтев 1959: 3–17]. По словам ученого, первый и второй уровни являются постоянными элементами синтаксической структуры.

Идея Т.П. Ломтева о доминантном уровне, предопределяющим функционирование слова в составе синтаксической конструкции, – уровне части речи – была развита в процессе дальнейшего изучения структурно-семантической организации простого предложения. Например, авторы «Коммуникативной грамматики русского языка» отмечают: «На уровне синтаксиса релевалентны не индивидуальные лексические значения слов, а обобщенные категориальные» [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 105]. Так, для синтаксиса существенно в ряду слов *художник*, *племянник*, *лентяй* и др. то значение лица, которое объединяет эти слова в семантико-грамматический подкласс существительных; а в ряду слов *тревога*, *сытость*, *веселье*, *сон*, *усталость*, *хандра* и др. – значение подкласса состояния и т.п. [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 105].

Процесс лексического наполнения структурной схемы, по мнению Н.Н. Арват, является двусторонним: «С одной стороны, он превращает формальную схему в выразитель определенного конкретного смысла; с другой стороны, в зависимости от конкретного значения лексем наполнителей структурной схемы он может вызвать или не вызвать появления распространителей…» [Арват 1974: 7]. «Любой отвлеченный грамматический образец становится носителем семантической структуры только при лексическом наполнении», – заключает Н.Н. Арват [Арват 1974: 7].

Между структурной схемой и ее наполнением лексическим материалом, как отмечают исследователи, устанавливается взаимонаправленная и тесная связь, взаимообусловленность. Например, эту мысль находим в рабо-

тах Г.А. Золотовой, указывающей, что схемы не безразличны к наполнению, они своим существованием обязаны этому наполнению, хотя при этом абстрагированы от множества однородных «наполнений», представляющих план языковой реальности [Золотова 1982: 50].

Когда мы говорим о взаимозависимости структурной схемы и ее лексического наполнения, то имеем в виду не конкретное лексическое значение, а лексико-семантическую принадлежность лексемы, то есть ту лексико-семантическую группу, которой принадлежит лексема. Например, если состояние среды в помещении репрезентировано лексемами с семой ‘изменение температуры’, то позиция носителя состояния будет, вероятнее всего, представлена лексемами, входящими в лексико-семантическую группу «Жилище»: ***В кабинете было жарко***, *и стоял спертый неприятный дух от краски*, *выгоравшей на радиаторах* (Солженицын. В круге первом); *Когда Огонь*, *зло шипя*, *забрался обратно в печку*, *Ежик накрыл свой домик крышей*, *заложил дровишками разбитое окно*, *сел к печке и пригорюнился*: ***в доме было холодно***, *мокро и пахло гарью* (Козлов. Правда, мы будем всегда?) и под. Хотя, конечно, и лексическое значение конкретной лексемы тоже значимо для структурной схемы, но об актуализации этого значения можно говорить тогда, когда структурная схема реализуется в речи, соотносясь с номинируемой конкретной ситуацией. Например, ср. два предложения: *В лесах* (‘множество деревьев, растущих на большом пространстве с сомкнутыми кронами’) *было… тихо* (Паустовский. Колхида) и *В доме* (‘жилое здание’) *Якобсена было… тихо…* (Паустовский. Северная повесть). Только конкретное лексическое значение слов *в лесах* и *в доме* позволяет соотнести первое предложение с ситуацией «природный объект – состояние», а второе – «среда в искусственно созданном помещении – состояние».

Отметим, что в соотношении «структурная схема – лексическое наполнение структурной схемы» приоритет все же остается за типовой пропозицией. Ведь именно она «диктует» подбор лексического наполнения в процессе речевой реализации структурной схемы. Так, признаки ‘*стихийность*, ‘*пер-*

цептивность, ‘*локализованность*’, ‘*свечение*’, ‘*температура*’, ‘*распространение*’, ‘*звучность*’, ‘*покрытие*’, ‘*наполнение*’, ‘*движение*’, ‘*насыщение*’, ‘*колористичность*’ типовой пропозиции «состояние природы», вербализуемой совокупностью структурных схем простых предложений («где есть каково», «где самопроисходит» и ряд др.), обусловливают маркирование предикативов схем лексемами со значением перцептивно (в большинстве случаев) воспринимаемых состояний (типа *безветрено*, *светло*, *смеркается*, *холодает* и под.), а субъективов – лексемами с пространственным значением (типа *в лесу*, *в море*, *в небе* и др.). Наример: *Уже* ***смеркалось***… (Достоевский. Записки из мертвого дома); *Костер медленно загасал*, *и* ***в лесу*** *было* ***тихо*** (Коваль. Листобой) и др. Признаки ‘*антропоморфность*’, ‘*эмоциональность*’, ‘*зооморфность*’ приводят к представлению предикативов структурных схем лексемами, реализующими метафорический перенос «состояние живого существа – состояние природы». Например: *Озеро* ***спит*** *спокойным зеркалом*, *отражая редкие звезды*, *взошедшие на небо* (Лесков. Некуда); – *Берег поднимается*, *море* ***волнуется***, *ветры мокрые веют от синего моря*… (Ладинский. Последний путь Владимира Мономаха) и др. Признаки *временность*, *итеративность*, *каузированность* обеспечивают вербализацию компонентов позиционных схемах высказываний лексемами с временным и причинным значением, а признак ‘*фазовость*’ – введение лексем со значением начала, конца, продолжения состояния, перехода из одного состояния в другое. Например: ***Сейчас*** *было так же пасмурно*, *как и тогда* (Бубеннов. Белая береза); *Светило солнышко*, *но вдруг* ***стало*** *пасмурно*… (Сенкевич. Путешествие длиною в жизнь); *Кругом грохотало и было светло* ***от молний***, *но для меня все это было естественным продолжением виденного во сне* (Левин. Блуждающие огни) и др. Признак ‘*интенсивность*’ влияет на маркирование эксплицирующих компонентов позиционных схем высказываний лексемами со значением силы проявления состояния. Например: *Под водой было светло и* ***слабо*** *солнечно* (Грекова. На испытаниях); *И было тепло*, *хоть* ***не очень*** *солнечно*… (Набоков. Соглядатай) и др.

Типовая пропозиция помогает и правильно «прочитать» лексему в тех случаях, когда она занимает несвойственное ей место в структуре высказывания, когда в семантике слова происходят какие-либо видоизменения. Например, лексема «*благоухать*» имеет значение «*приятно пахнуть*, *издавать аромат*»: *Если это весна – то* ***цветы их благоухают***, *а если осень – то на тротуаре лежат бесчисленные расколотые зеленые скорлупки или коричневые большущие камни плодов* (Лимонов. Книга воды). Сравним с предложением: *Мимо проблагоухала дама* (пример из [Филипенко 1997]) (то есть «*прошла мимо*, *окутанная облаком приятного запаха чего-либо*»). Лексема *прошла* в предложении была заменена на *проблагоухала.* Таким образом, сохраняя категориальную принадлежность (*глагол*), лексема *проблагоухала* приобрела значение ‘перемещение’.

3.2. Дифференциация лексем по функциональной предназначенности.

Функциональная предназначенность лексем, их способность занимать соответствующие синтаксические места в структурной схеме позволила лингвистам дифференцировать знаменательные слова на предметные и признаковые [Кацнельсон 1972: 127–140]; или в другой терминологии – идентифицирующие и признаковые [Вольф 1985: 31]; идентифицирующие и предикаты [Арутюнова 1976 (в): 337]; предметные и непредметные [Уфимцева 1986: 101] и т. п.

Эта дифференциация обусловлена особенностями окружающего нас мира, в котором важны две категории: «предмет» и «признак» [Казарина 2002 (б): 39]. Причем предметы и признаки – это «продукты разложения единого целого». «Не может быть предметов без признаков, нет признаков без предметов», – пишет И.Б. Шатуновский [Шатуновский 1996: 31].

Предметные имена характеризуются тем, что они отображают материальные предметы и содержат в силу этого в себе «общий категориальный

признак предметности» [Кацнельсон 1972: 133]. Признаковое же значение является значением характеризующим.

Классификация слов на предметные и признаковые опирается на денотативный компонент значения имен и сигнификативное значение предикатов.

Деление лексем на предметные и признаковые проходит прежде всего на частеречном уровне. Например, субстантивными по своей природе являются имена существительные (*дерево*, *фонарь*, *карандаш*, *макароны* и др.), а признаковые имена представлены прежде всего прилагательными, глаголами, категорией состояния, наречием (*гордый*, *клеить*, *боязно*, *попарно* и др.). Но дифференциация на предметные и признаковые слова может и не проходить на частеречном уровне. Ведь, например, наряду с конкретными именами существительными в русском языке существуют абстрактные существительные (*любовь*, *робость*, *крутизна* и др.), способные репрезентировать не предметы, а признаки, свойства, «служащие миру абстракций» [Арутюнова 1976 (в): 346]. Своеобразие семантики предметных и признаковых имен обусловливает их позиционно-функциональные различия. Так, предметные имена репрезентируют субъект или объект, а признаковые, как правило, предикат. Например, предложение *Вадим Храбрый был красив и могуч*... (Васильев. Вещий Олег) построено по структурной схеме «кто/что есть каков», репрезентирующей типовую пропозицию «бытие признака объекта», представленную следующим образом: именами прилагательными с семой ‘признак’ (*красив*, *могуч*) маркируется предикатив, именем собственным (*Вадим Храбрый*) – субъектив, носитель признака.

Соответствие или несоответствие лексической семантики слов их часстеречной принадлежности позволяют дифференцировать все лексемы на *изосемические* и *неизосемические* подклассы. *Изосемические* служат «прямой номинации» референтов (например, имя существительное для наименования предметов, прилагательное – признаков, глагол – действия, категория состояния – состояний и т.д.), а *неизосемические*, соответственно, «косвенной номинации» (например, имя существительное для выражения свойств, дей-

ствий, состояний, количества; прилагательное – состояний, количества; глагол – свойств и т.д.) [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 109]. Например: *В лесу было черно…* (Паустовский. Романтики) (слово категории состояния маркирует состояние). – Ср.: *А потом сразу опять темнота*, *тишина*, *умиротворенье* (Домбровский факультет ненужных вещей) (имена существительные маркируют состояние) и под. примеры.

Характер отношения структурной схемы к лексике позволяет лингвистам дифференцировать схемы на лексически свободные и *лексически связанные*, или *фразеологизированные*. Под лексическими свободными «понимаются схемы, не проявляющие избирательности по отношению к лексике» [Казарина 2002 (б): 41]. С.Н. Цейтлин отмечает, что любая лексема, имеющая нужные морфологические и семантические характеристики, может войти в качестве стержневого компонента в состав предложения, по данной модели построенного [Цейтлин 1976: 163–164]. Например, если существует глагол со значением физиологического состояния, то может быть построено и соответствующее глагольное предложение (*Говорит*, *я*, ***когда болею***, *не ем*, *не пью*, *лежу три дня*, *не зажигая света*, *а на четвертый встаю здоровый* (Улицкая. Лялин дом)); если существует предикативное наречие требуемого значения, то может быть построено и наречно-предикативное предложение (*Как вспомню*, *сколько я его собирала*, ***мне дурно делается*** (Волос. Недвижимость)); если существует прилагательное со значением физиологического состояния, то может быть построено адъективное предложение (*Значит*, ***ребенок болен*** (Токарева. Своя правда) и т.д.

Лексически связанной С.Н. Цейтлин считает модель «в том случае, если можно указать лексемы, которые, удовлетворяя требующим морфологическим и семантическим характеристикам, тем не менее не могут быть употреблены в качестве стержневых членов в составе предложения, по данной модели построенного». К таким лексически связанным схемам лингвист относит субстантивные схемы, избирательность лексического наполнения которых объясняется «факторами нормативно-стилистического порядка» [Цейт-

лин 1976: 163–164]. Например, предложения типа *Нет*, *я даже радуюсь*, ***я в восторге***! (Маканин. Неадекватен) являются «разрешенными», но тем не менее совершенно не употребительными.

Резюмируя, отметим, что вопрос о характере взаимоотношения между лексическим наполнением и структурной схемой не может быть решен односторонне. Между указанными явлениями, безусловно, существует взаимообусловленность и взаимосвязь. Этим тезисом мы и руководствуемся в работе. Также полагаем, что определяющим лексическую наполняемость структурной схемы элементом является именно типовая пропозиция. Способность лексем занимать определенные синтаксические места в структурных схемах обусловливаем их лексико-грамматической природой и функциональной предназначенностью.

§ 4. Семантическая категория «состояние» и предикаты состояния

4.1. «Широкий» подход к семантической категории состояния. Типы носителей состояния в предложениях с семантикой «состояние природы».

Объектом нашего изучения явились простые предложения с семантикой состояния природы. Это не позволяет нам обойти вопрос о состоянии как универсальной категории, фундаментальной [Бодэ 2004: 7], лежащей в основе языковой картины мира и обладающей «денотативно-понятийным содержанием» [Яковлева 2004: 5]. Состояние определяют как своего рода «специфическую форму бытия предмета», возникающую под воздействием определенных внутренних или внешних факторов, не меняющих сущностных характеристик предмета [Омельченко 2010: 67].

В когнитивной лингвистике категория состояния наряду с категорией объекта, события, действия и отношения определяется как концептуальная категория или когнитивная гиперкатегория, имеющая онтологический статус и

использующаяся когнитивной системой для репрезентации мира [*см*.: Jackendoff 1983; Le Ny 1989].

В научной литературе можно найти «узкое» и «широкое» понимание семантической категории «состояние».

«Узкий» подход к категории состояния реализуется, например, в работах В.И. Казариной, которая под этот термин подводит понятие с семантическим компонентом «испытывать нечто» [*см*.: Казарина 2002 (а), 2002 (б), 2003, 2007 (б), 2008, 2009, 2012]. Способность «испытывать нечто» трактуется как присущая *только живому существу* [Казарина 2002 (а): 62]. В результате к предикатам состояния ученый относит предикаты физиологического и психологического состояния представителей животного мира, состояния, соответствующие норме или отклоняющиеся от нее (положительные и отрицательные эмоции, физиологический и психический дискомфорт, связанный с заболеваниями «души и тела» живого существа). Сферой распространения таких состояний является «внутренний мир» человека (очень редко – других живых существ). Например: – ***Не сплю я*** *совсем*, *– она снова вздохнула* (Белоусова. Второй выстрел); *Сидит* ***Заяц*** *под кустом*, ***дрожит***, *сам думает*: «*Волка серого* ***не боюсь***. *Лисы красной – ни капельки. Филина мохноногого – и подавно*, *а вот когда листья шуршат и осыпаются –* ***страшно мне***…» (Козлов. Правда, мы будем всегда?).

Физиологическое или психологическое состояние живого существа может оценивать как сам его носитель, так и сторонний Наблюдатель, обладающий определенными знаниями о переживаемом состоянии и внешних его проявлениях. Например: *Я очень не люблю*, ***когда ты сердишься***! (состояние оценивает Наблюдатель). – ***Я не сержусь*** (состояние оценивает носитель). – *Где ваша вторая ординаторская*? (Устинова. Большое зло и мелкие пакости); *Моя мать первоклассный врач*, *никаких нововведений не признает*, *за коллег горой стоит*, *и даже она всегда говорит*, *что болеть лучше дома*. – ***Она не болеет***! (состояние оценивает Наблюдатель) – *возразил врач* (Устинова. Большое зло и мелкие пакости) и под.

Описание средств вербализации только состояния живого существа (физиологического, эмоционального, интеллектуального) содержится в работах ряда авторов [*см*.: Михасенко 1984; Моисеева 1998; Винокурова 2002; Цепунова 2007; Павлова 2009; Чугунекова 2012 и др.]. Акцентирование внимания именно на анализе предикатов физиологического и психологического состояния человека (редко – какого-либо другого живого существа) и синтаксических конструкций соответствующей семантики в разных языках обусловлено, видимо, «антропоцентричностью человеческого мировидения» [Миронова 2012: 55].

«Широкое» понимание семантической категории «состояние» восходит своими корнями к философии, где ее определяют как категорию научного познания, характеризующуюся способностью «движущейся материи к проявлению в различных формах с присущими им существенными свойствами и отношениями». С помощью категории состояния выражается процесс изменения и развития вещей и явлений [Философский энциклопедический словарь 1983: 627–628].

Именно «широкий взгляд» на состояние позволяет, во-первых, говорить о состоянии, носителями которого являются все живые и неживые предметы мира и сам мир в целом; во-вторых, выделить ряд онтологических типов семантики состояния: психологическое состояние, физиологическое, социальное состояние человека, состояние природы, окружающей среды, физическое состояние неодушевленного предмета [*см*.: Золотова, Онипенко, Сидорова 1998; Омельченко 2010].

Мы исходим из «широкого» подхода к категории состояния, полагая, что носителем состояния могут быть субъекты разных типов:

1) лица, живые существа, способные испытывать физиологические и психологические состояния. Например: ***Инка тоскует*** *по дикой природе*, *по нехоженым лесным чащам*, ***скучает*** *по предгорьям и задумчивой зелени рек*, *но не может она даже мечтать*, *что когда-нибудь туда попадет* (Нова.

Инка); *Может*, ***я*** *из-за этого и* ***веселюсь*** *сегодня*? (Щербакова. Ах, Маня…) и под.;

2) предметы. Например: − *Овсеич*, *даже* ***бочка*** *без вина* ***рассыхается*** *до дна* (Львов. Двор); *Но за кроватью есть немного квадратных сантиметров свободного места*: *там* ***сохнет*** *моя новая* ***картина*** − *Пресвятая Нина Грузинская Равноапостольская* (Горланова. Портрет в интерьере) и т. п.;

3) природное пространство в целом, какая-либо его часть, различные природные объекты. Например: *Поддувал сквознячок*. ***На небе*** *было* ***темно*** (Петрушевская. Город Света); ***Тихо***, ***мертвенно*** *было* ***в природе*** (Гейнце. Новгородская вольница) и др.;

4) среда в искусственно созданных человеком помещаниях или какая-либо часть этой среды. Например: − *Александра Владимировна*, *я вам ноги хочу помыть*, ***в комнате тепло*** *сейчас* (Гроссман. Жизнь и судьба); ***В дворницкой было*** *действительно* ***тихо*** (Паустовский. Время больших ожиданий) и др.

На типологии третей группы носителей состояния мы и остановимся. Любое состояние природы вне зависимости от способа восприятия Наблюдателем и характера своего проявления[3] не может существовать само по себе, оно имеет носителя. Анализ высказываний с семантикой «состояние природы» позволил нам выделить несколько групп лексем, способных выступать носителями состояния природы. *Критерии* дифференциации были следующими:

- обозначение целостностного природного пространства/его части/конкретного объекта;
- окультуренность/неокультуренность природного пространства/его части/конкретного объекта;
- месторасположение Наблюдателя при констатации факта существования того или иного состояния.

[3] См. подробнее IV главу.

1) В первую группу включаем лексему *природа*, именующую неокультуренное целостное природное пространство. Она выступает в качестве носителя как антропоморфных, так и перцептивных состояний природы[4], проявляемых светом, цветом, изменением температуры звуками, в единичных случаях – распространением запахов. Например: ***В природе*** *так ясно* (Гончаров. Обломов); *Осенью уже пахнет* ***в природе*** (Чарская. Лесовичка); *Илья пришел в себя минут через сорок*, *и если бы* ***в природе*** *было чуть холоднее*, *он мог бы и вовсе остаться по другую сторону бытия*, *замерзнув в ледышку* (Липскеров. Последний сон разума) и др.

2) Вторую группу составляют лексемы со значением воздушного, земного, небесного, водного пространства как части целостного природного пространства. Например: *Свеча догорала*, ***в ночном небе*** (‘все видимое над Землей пространство’) *давно уж белело* (Мельников-Печерский. На горах); *Облака все время шевелились*, *ворочались*, *куда-то двигались*, *а* ***на земле*** (‘суша в противоположность водному и воздушному пространству’) *было мертво и тихо*, *как в глубокой могиле* (Вересаев. К жизни); ***В море*** (‘часть океана – большое водное пространство с горько-соленой водой’) *было еще светло* (Катаев. Белеет парус одинокий);

Особый интерес в этой группе представляет носитель состояния, обозначенный лексемой *воздух*, т.к. *воздух* в выбранных контекстах не столько собственно *вещество* (‘смесь газов, составляющая атмосферу Земли’), сколько *пространство*, заполненное этим веществом. Воздух – это среда пребывания состояний, которые Наблюдателю дано ощущать с помощью органов чувств, прежде всего тех состояний, которые проявляются запахами и звуками: ***В воздухе пахло молодыми листочками тополей***, *которые двумя рядами росли вдоль шоссе* (Куприн. Поединок); ***В воздухе пахло морозом***, *над водою стлался легкий туман*, *слетали золотые и багровые листья* (Пришвин. Серая сова); *И днем*, *и ночью*, *и под землей*, *и на земле*, ***и в воздухе*** – ***гремело***, *рушилось*, ***свистело***, ***шипело***, ***взвизгивало***, ***трещало***, ***стонало***, ***уха-***

[4] Там же.

ло… (Пантелеев. Ленька Пантелеев) и др. Для русского языка подобные высказывания характерны, обычны, широко употребительны. Однако, как отмечает Н.Р. Добрушина, на багвалинский язык фразы, связывающие воздух с локализацией звуков, не переводимы, а в немецком языке выражения, номинирующие ситуации проявления среды запахами, возможны, но малоупотребительны [Добрушина 2000: 222].

Воздух, помимо состояний, проявляемых звуками и запахами/веяниями, способен быть вместилищем состояний, связанных с изменением температуры, реже – проявляемых цветом и светом, наполнением, движением. Широта спектра приложимых к *воздуху* состояний, вероятно, связано с его способностью мыслиться как *объемного*, в отличие от пространства земного, водного и небесного, мыслимого как *плоскостного*. Отсюда ограниченность типов состояний, свойственных земле, морю, небу: в основном это состояния, проявляемые покрытием, движением, изменением структуры природных объектов.

3) Третья группа состоит из лексем со значением недифференцированного природного пространства, попадающего в поле зрения Наблюдателя. Под *недифференцированным природным пространством* мы понимаем такое пространство, которое не названо конкретно, оно предстает «расширенным», окружающим Наблюдателя, или находящимся от него на определенной дистанции, но обязательно в «поле зрения». Например: ***Везде*** (‘во всех местах, повсюду’) *было темно…* (Белов. Год великого перелома); ***Везде*** *тает*… (Бунин. Последняя весна); ***Там*** (‘в том месте, не здесь’) *было уже синевато-темно*, *гроздья белой сирени казались голубыми* (Горький. Жизнь Клима Самгина); *Так шумело* ***внизу*** (‘в нижней части чего-нибудь’), *когда еще тут не было ни Ялты*, *ни Ореанды*, *теперь шумит и будет шуметь*, *когда нас не будет* (Чехов. Дама с собачкой); ***Вдалеке*** (‘далеко, на далеком расстоянии’) *глухо и часто гремело* (Паустовский. Беспокойная юность) и др.

Недиффиренцированное природное пространство в высказывании может уточняться: ***Вокруг*** (‘по окрестностям, кругом кого/чего-нибудь’) ***в при-***

роде** было покойно и тихо* (Липскеров. Сорок лет Чанчжоэ); *Но жутко **здесь (‘в этом месте’), ***в этой котловине**, со всех сторон замкнутой холмами…* (Бунин. Золотое дно); *Тихо, очень тихо было **кругом*** (‘вокруг, в окрестности, рядом’) **– *в горах**, **в лесах** и здесь, в деревне* (Залыгин. Тропы Алтая) и др.

Лексемы этой группы самые универсальные из всех, поскольку способны быть носителем состояния практически любого типа.

4) Четвертую группу составляют лексемы со значением конкретных *неокультуренных природных объектов*, под которыми мы понимаем объекты, по своему происхождению не являющиеся творением человека. Они выступают носителями состояний, проявляемых наличием или отсутствием света, цвета, звуков, покрытием, наличием/отсутствием движения, изменением температуры, распространением веяний или запахов, изменением структуры природных объектов. Например: ***В горах*** (‘значительная возвышенность, поднимающаяся над окружающей местностью’**)** *опять тяжело прогремело* (Паустовский. Кара-Бугаз); *Быстро **в горах** темнеет* (Лазарчук, Успенский. Посмотри в глаза чудовищ); ***В лесу*** (‘множество деревьев, растущих на большом пространстве с сомкнутыми кронами’) *было холодно, знобко* (Быков. Облава) и др. Неокультуренным природным объектам могут быть даны собственные географические наименования: ***Над Енисеем*** (‘река в Сибири, одна из величайших рек мира и России’) *солнечно мерцало* (Астафьев. Конь с розовой гривой) и др.

5) Пятая группа состоит из лексем со значением окультуренного природного объекта, понимаемого нами как объект, созданный в результате хозяйственной деятельности человека. Например: ***В саду*** (‘участок земли, засаженный деревьями, кустами, цветами; сами растущие здесь деревья, растения’) *стало тише, светлей, люди исчезли, растаяли…* (Горький. Жизнь Клима Самгина); ***В саду** было тихо* (Булгаков. Мастер и Маргарита); *...**В парке*** (‘большой сад или насаженная роща с аллеями, уветниками, водоемами’) *было светлее, чем в роще* (Павлов. Лунная радуга) и др.

К этой группе мы причисляем лексемы со значением ‘населенный пункт’ типа *город*, *деревня*, *село*, собственные наименования этих населенных пунктов (типа *Петербург*, *Ялта*, *Ольховица*), а также лексемы *улица*, *двор*, *площадь* на том основании, что они, во-первых, «вписаны» в воздушное и земное природное пространство, а, во-вторых, среди своих «составных» частей имеют и некое «природное слагаемое», т.е. те самые окультуренные природные объекты (*сады*, *парки* и т.п.). Например: *В эти дни* ***в Ялте*** (‘город-курорт в южной части Автономной Республики Крым, на Украине’) *было душно…* (Ардаматский. Суд); ***На улице*** (‘в населенных пунктах: два ряда домов и пространство между ними для прохода и проезда, а также само это пространство’) *было пустынно и черно*, *как в заколоченном ящике*, *и где-то в стороне вокзала раздраженно крякал автомобиль* (Паустовский. Этикетки для колониальных товаров); ***На площади*** (‘незастроенное большое и ровное место (в городе, селе), от которого обычно расходятся в разные стороны улицы’) *стало потише* (Горький. Жизнь Клима Самгина); ***В городе*** (‘крупный населенный пункт, административный, торговый, промышленный и культурный центр’) *было не по-праздничному тихо…* (Горький. Жизнь Клима Самгина) и др.

6) Особняком от перечисленных групп стоят лексемы со значением внешней преграды между двумя пространствами (и образуют шестую группу) – природным и искусственно созданным человеком для комфортного проживания, защиты от природной стихии (*за стеной*, *за окнами*). В этом случае в предложениях по сути содержится указание на «границу», отделяющий природное пространство от среды-жилища человека. Например: ***За стеной*** (‘вертикальная часть здания. помещения’) *гудит и воет*, *трещит и стреляет* (Глущенко. Крайняя точка); ***За окном*** (‘отверстие в стене для света и воздуха, а также рама со стеклом, закрывающая это отверстие’) *лишь синело*, *а в доме горел электрический свет* (Екимов. Пиночет); ***За окнами*** *черно и мокро* (Черкасов. Хмель) и др. Предлог *за* в данном случае служит «указа-

телем» того, что состояние локализуется *за пределами* обозначенного места, в котором в данный момент находится Наблюдатель.

Пятая и шестая группы объектов являются носителем «широкого спектра» состояний природы: проявляемых светом, цветом, наполнением, движением, звуками, запахами.

Морфологическая природа предикатов в высказываниях с семантикой «состояние природы» очень разнообразна и, по нашим наблюдениям, представлена следующими классами слов:

1) безличными глаголами и личными глаголами в безличном употребелнии: *В четвертом часу* ***светало***, *становилось зябко*, *начинали петь птицы*, *и у звонкоголосой девочки слипались глаза*, *она едва успевала прикрывать зевающий пухлый ротик с острыми белыми зубками*… (Варламов. Купавна); *Отдохнувшие за ночь поля дышали широким теплым ртом*, *гуще* ***пахло*** *знакомой горечью полынника*, *крепостью плодородного чернозема* (Неверов. Гуси-лебеди) и под.;

2) личными глаголами: *Уже вся река* ***застыла***, *смирилась природа с зимою*, *а он стоит в полой воде* (Астафьев. Последний поклон); *Нева точно* ***спала***... (Гончаров. Обыкновенная история);

3) причастиями: *Неподвижный воздух был густо* ***насыщен*** *запахом сирени и черемухи* (Чехов. Дачники) и др.;

4) прилагательными: *– Но ведь… море же* ***спокойное***, *– смущенно произнес я*, *тем не менее не спеша выбраться из ее объятий* (Попов. Ужас победы); *Небо* ***безоблачно*** *и* ***тихо*** (Шишков. Угрюм-река) и др.;

5) словами категории состояния: *Когда он проснулся*, *на улице было* ***светло*** (Прошкин. Эвакуация); *Выгружались ночью на каком-то полустанке*, *было* ***морозно*** *и на редкость* ***ветрено*** (Васильев. Дом, который построил Дед) и т.п.;

6) признаковыми именами существительными: *Но дал им Бог лишь один солнечный день*, *а потом* ***непогода***, ***ненастье***, *дождь*, *холод и в ночь под Пасху выпал снег* (Екимов. Память лета); *Дорога шла серединой глу-*

бокой и широкой балки, *подле берега небольшой речки*, *которая в это время играла*, *то есть* ***была в разливе*** (Толстой. Набег. Рассказ волонтера) и т.п.

Частотность высказываний с семантикой «состояние природы», формируемых перечисленными классами слов, неодинакова, что обусловлено принадлежностью лексем к изосемическому или неизосемическому классу слов.

4.2. Признаки семантической категории состояния и предикатов состояния.

Исследование различных видов предикатов на протяжении длительного времени вызывает повышенный интерес ученых. Например, еще в лингвофилософских работах античных мыслителей прослеживалось стремление описать проявления предикатов свойств и состояний, определить их границы в терминах сходства и различия с привлечением фактов языка. Однако до сих пор некой универсальной типологии предикатов не создано, поскольку отсутствуют четкие гомогенные критерии, которые можно положить в основу такой классификации.

Признаками, которые отражены в научной литературе и благодаря которым можно отграничить семантическую категорию состояния и предикаты состояния от действий и свойств, являются следующие. Состояние характеризуют отсутствием волевой активности, ограниченной протяженностью во времени [*см*.: Вольф 1982]; статичностью, длительностью, неконтролируемостью, временностью, случайным характером [*см*.: Булыгина 1982]; локализованностью на временной оси, фазовостью [*см*.: Селиверстова 1982]; однородностью всех фаз ситуации, отсутствием внутренней энергии для изменения ситуации [*см*.: Comrie 1976] и т.д. Эти признаки определяют содержательную валентность предикатива как конститутивного компонента структурной схемы предложения, а также способность пропозиций высказываний обогащаться дополнительными смыслами.

Рассмотрим некоторые из актуальных признаков семантической категории состояния и предикатов состояния.

В исследованиях по когнитивной семантике в зарубежной лингвистике базовым признаком категории состояния называют признак *темпоральной локализованности*. Он позволяет установить различие между свойством и состоянием субъекта и опирается в данном случае на понятие истинности пропозиции, описывающей значение предикации. Например, Ле Ни пишет, что, когда один и тот же объект последовательно принимает разные значение одного из своих атрибутов, то речь идет о состоянии, а когда разные объекты (или классы объектов) принимают разные различающие их значения, то речь идет о свойствах [Le Ny 1979: 161]. Так, предикация типа *Речной бобр маленький* выражает пропозицию состояния, если она истинна в течение определенного временного интервала (т.е. *речной бобр маленький сейчас*, а *потом он станет большим*), и пропозицию свойства, если она истинна вне зависимости от времени (высказывания типа *Речной бобр маленький*, *а южный морской слон большой*).

В работах отечественных лингвистов по типологии предикатов признак темпоральной локализованности терминируется признаком *временности* и с критерием истинности пропозиции не связывается. Если предикаты свойства являются относительно независимыми от времени, то предикаты состояния описывают «временные “стадии” существования предмета (лица), приписывая ему именно как индивидууму признак, актуальный для данного времени (или для нескольких временных отрезков), и в этом смысле – признак преходящий, “случайный”» [Булыгина 1982: 33]. Состояние, отмеченное «случайным, преходящим характером», «непрерывно создается во времени», имеет «ограниченную временную протяженность» [Вольф 1982: 321]. Когда говорят *На улице холодно*, *скользко...* (Искандер. Должники) или *Мой папаша тоже все время орал*, *что* ***ему скучно***… (Осипов. Страсти по Фоме), подразумевают, что *на улице может быть не холодно* и *не скользко*, а *ему может быть не скучно*. В такой способности одного состояния переходить в другое состояние отображается «динамика» окружающего нас материального мира. Признак *временности* состояния позволяет вводить в структуру высказывания различ-

ные темпоральные конструкции с различным значением: со значением того отрезка времени, в которое длится состояние (типа ***Весь день*** *было* ***облачно и душно***… (Газданов. История одного путешествия)), со значением конкретного времени, в которое состояние начинает существовать (типа *Суббота*, *день неяркий и теплый*, ***с утра*** *было* ***пасмурно***… (Распутин. Новая профессия)) или заканчивается, переходя в другое состояние (типа ***К ночи*** *стало* ***холодно***... (Маканин. Андеграунд, или герой нашего времени)) и т.д. В целом такие темпоральные конструкции ограничивают время проявления состояния и обогащают пропозицию высказывания смыслом ‘время’.

Предикаты состояния отличны от предикатов свойства возможностью обозначать квантифицируемые явления, иными словами, описывать отдельные повторяющиеся ситуации, указывать на кратность, прерывистость состояний [Яковлева 2004: 7]. Признак *квантифицируемости* состояния тесно связан с признаком временности. Квантифицируемость дает возможность включать в высказывания с семантикой состояния адвербиальные выражения типа *всегда*, *постоянно*, *иногда*, *обычно*, *вечерами* и под. Например: *Тут маленькая*, *обстановленная деревьями бухта*, *сонное затишье*, *где* ***всегда темно*** *и* ***прохладно***… (Гончаров. Фрегат «Паллада»). Помимо адвербиальных выражений, повторяемость состояния может выражаться в высказываниях за счет введения специфического показателя – лексемы *бывает*. Например: *А к вечеру они забыли*, *что по ночам* ***бывает темно*** (Лазарчук, Успенский. Посмотри в глаза чудовищ). Лексема *бывает* выступает компонентом реализованной структурной схемы и позволяет выделить лингвистам такой вид структурно-семантических модификаций схем, как реализация абстрактности [Цейтлин 1976: 167]. Об этом типе модификаций структурных схем простых предложений с семантикой «состояние природы» мы будем говорить в третьей главе диссертации.

Преходящий характер состояния обусловливает признак *фазовости*, *фазисного характера* состояния [Вольф 1982: 323], «роднящий» предикаты состояния с предикатами действия. Однако характер фазовости предикатов

действия и предикатов состояния не тождественен. Так, занимая определенный отрезок на оси времени, состояния «создаются» непрерывно, каждая последующая фаза существования состояния соответствует предыдущей [Селиверстова 1982: 97]. Действие получает свою целостность лишь в рамках всего того отрезка, пока оно имеет место быть, а состояние представлено как целое в каждый момент своего существования. Фазовость действия связана с точкой, а не с отрезком на временной оси (как у состояния). В каждый отдельный момент времени существует только отдельная фаза развития действия, а не действие в целом [Селиверстова 1982: 94]. Переход от одной фазы состояния к другой не связан с приложением сил, а переход от одной фазы действия к другой связан. Если состояния длятся во времени, то действия протекают и развиваются во времени [Лухт 1982: 340].

Неизменяемость состояний во времени, их гомогенный характер, обычно называют признаком *статичности.* Признак статичности/динамичности выявляет соотношение предикатов состояния и предикатов действия. Его понимание в лингвистической литературе неоднозначно и коррелирует *с признаком ограниченности/неограниченности* во времени. Например, Т.Б. Алисова под статичностью предикатов состояния понимает «неограниченность во времени» [Алисова 1974: 55]. Г.А. Золотова предложения статического класса рассматривает как те, что сообщают о «признаке постоянном, неизменном с обощенным, а не актуальным значением времени» [Золотова 1973: 246]. Е.В. Падучева также указывает на то, что стативный предикат – это тот, что обозначает не действие, а свойство или состояние, нечто «постоянное», не ограниченное каким-либо периодом [Падучева 2002: 121]. Т.В. Булыгина полагает, что признаки статичность/динамичность и ограниченность/неограниченность во времени «взаимно независимы» [Булыгина, Шмелев 1997: 54]. Проявление динамичности связано с действием, а статичности – с состоянием и свойством. Ученый пишет, что «статичность, отличающая состояния от динамических явлений (процессов и событий), проявляется, в частности, в несочетаемости предикатов состояния с наречиями типа *постепенно*, *быстро*, *вне-*

запно, *вдруг* и т.п.» [Булыгина, Шмелев 1997: 73]. Однако как быть в этих случаях с примерами типа *В займище*, *под купами деревьев*, ***быстро стемнело*** (Екимов. Высшая мера) или *И* ***вдруг*** *ему* ***сделалось*** *так* ***страшно***, *что захотелось написать примирительное письмо Шишакову и свести на нет все события сегодняшнего дня* (Гроссман. Жизнь и судьба)? В таких примерах нам видится нейтрализация признака статичности. Однако несмотря на нейтрализацию этого существенного для предикатов состояния признака, по нашему мнению, трактовка данных предикатов как предикатов состояния должна сохраниться, но с поправкой на то, что это уже не *статическое состояние*, а *динамическое*. Конечно, словосочетание *динамическое состояние* несет в себе соединение абсолютно разных, прямо противоположных, понятий. Но только на первый взгляд. В научной литературе последних лет по проблемам грамматики можно найти мысль о присущей предикатам состояния *процессуальности*, а ведь процесс и связан с динамикой. Так, Чон Чжон Вон, анализируя способы выражения эмоционального состояния, отмечает, что в русском языке эмоциональные ситуации имеют процессуальность [Чон 2010: 18]. Доказательством этому служат несколько аргументов, приведенных Ю.Д. Апресяном: 1) способность эмоциональных глаголов употребляться в актуально-длительном значении несовершенного вида (*Посмотри*, *как ребенок радуется*); 2) возможность для глаголов эмоционального состояния тех же типов производных глаголов, что и для процессов (*погрустить*, *поудивляться*); 3) сохранение начинательными глаголами своего обычного значения при употреблении в высказываниях с семантикой состояния (*Он начинает сердиться*) [*см. подробнее*: Апресян 2006].

Да, процессуальность противоречит признаку статичности состояний. Однако, по нашему мнению, введение понятия динамического предиката состояния или процессуального состояния вполне мотивировано актуализацией в лингвистике понятия *изменения* как одного из способов существования материи, характеризующего всякое взаимодействие материальных объектов и смену их состояний [Берестова 2012: 177]. Об *изменение* состояния, его дина-

мике, процессуальности можно говорить как раз в случае перехода природы, природных объектов из одного состояния в другое: *разъяснилось*, *стемнело*, *посветлело* и под.: *Уже* ***стемнело***, *но фонари еще не горели* (Давыдов. Синие тюльпаны); *На реке чуть* ***посветлело*** (Астафьев. Царь-рыба).

В отличие от активных действий, которые имеют, как правило, целенаправленность, состояния спонтанны и возникают помимо воли и желания своего носителя. В связи с этим можно говорить о таком признаке семантической категории состояния, как *инактивность* или *пассивность* [*см*.: Селиверстова 1982].

С признаком отсутствия волевого начала носителя состояния связан признак *контролируемости/неконтролируемости* [Яковлева 2004: 11]. Он отличает предикаты состояния от действий. Если действия являются контролируемыми явлениями со стороны субъекта, то состояния не обладают данным признаком, точнее, обладают, но признаком прямо противоположным контролируемости. Например, ср.: *В этих широтах летом темнеет довольно поздно* (Мясников. Водка) (неконтролируемая ситуация). – *Он лежит и обводит глазами темные стены* (Маканин. Отдушина) (ситуация контролируемая). Следует отметить, что признак контролируемости/неконтролируемости не учитывается некоторыми лингвистами при классификации предикатов состояния. Например, К.Г. Красухин выделяет 5 типов состояний, составляющих «суперкатегорию» состояния: 1) внешнее состояние, или состояние-положение; 2) внутреннее состояние, душевное и телесное, обусловленное или необусловленное внешним воздействием; 3) внутреннее состояние по отношению к внешнему фактору, или состояние, равное обладанию; 4) внутренне состояние, являющееся следствием внешнего воздействия, или состояние-претерпевание; 5) внутреннее состояние, которое является причиной возможных действий субъекта (потенция или диспозиция) [*см*. *подробнее*: Красухин 2003]. Первый тип предикатов – предикаты обозначающие основные позы и положения тела в пространстве (как в приведенном выше примере *Он лежит…*) – с позиций реализации призака контролируемости/неконтролируемости дол-

жен быть отнесен к предикатам действия. Однако при нивелировании указанного признака предикаты типа *лежит* относятся К.Г. Красухиным к разновидности предикатов состояния [Красухин 2003: 77]. Подобные спорные примеры наглядно демонстрируют факт того, что лингвисты до сих пор продолжают искать тот базовый набор признаков, который будет способствовать разграничению семантических категорий и типов предикатов. Различия в «каталогизации» признаков приводят к трудностям разграничения семантических типов предикатов, колебанию границ той или иной группы.

Состояние – «категория каузируемая в отличие от свойств, приданных предмету "от рождения" и составляющих сущность последнего» [Казарина 2002 (а): 68]. Например: *Ближе к вечеру в парках бывало* ***бурно*** *и* ***темно от листопада***, *а ночью стекла заливала*, *будто деготь*, *черная вода* (Славникова. Стрекоза, увеличенная до размеров собаки). Куазатив в когнитивно ориентированных исследованиях рассматривается как обязательная составляющая категории состояния [Бодэ 2004: 17].

И.П. Матханова выделяет для семантической категории состояния еще один признак – признак *перцептивности*, т.е. получение о состоянии информации через органы чувств, а не знание [Матханова 2002: 13], что, на наш взгляд, особенно актуально при «широком» подходе к состоянию. Например: *На улице было холодно* (восприятие состояния осязанием) *и светло* (восприятие состояния природы зрением) *от луны* (Шишкин. Всех ожидает одна ночь).

Анализ признаков предикатов состояния позволяет нам сделать вывод о том, что они занимают некое промежуточное положение между *процессами*, *действиями* с одной стороны и *качествами* с другой. С действиями и процессами состояния «роднятся» признаками *фазовости*, *временности*, *квантифицируемости*, а со свойствами – *статичностью*, *пассивностью*. Границы между указанными типами предикатов довольно подвижны.

Таким образом, мы считаем основными признаками предикатов состояния следующие: *статичность* (но с условием его возможной нейтрализации в

ряде контекстов), *инактивность*, *временность*, *фазисность*, *каузируемость*, *перцептивность*, *квантифицируемость*, *неконтролируемость.*

Именно семантика состояния явилась для нас ориентиром в отборе фактического языкового материала исследования.

§5. Роль синтаксических единиц в исследовании языковых картин мира

5.1. Понятие о когнитивной и языковой картинах мира в лингвистике.

В предыдущих параграфах мы неоднократно говорили о том, что язык определенным образом отражает экстралингвистическую действительность. Эти знания о действительности, имеющиеся у того или иного этноса на определенном историческом этапе его развития, не существует в хаотичном состоянии, а представляют собой некую упорядоченную совокупность, получившую в гуманитарных науках (лингвистики, культурологии, истории, философии) терминирование «*картина мира*». Общенаучное понятие картины мира строится «на изучении представлений человека о мире» [Маслова 2008: 62]. При этом мир представляется как взаимодействие человека и среды в их взаимодействии, а *картина мира*, соответственно, – «результат переработки информации о среде и человеке» [Цивьян 1990: 5].

Совокупность представлений народа о действительности, зафиксированная в средствах языка, обозначается как *языковая картина мира* [Шмелев 2010: 16] . В отечественной лингвистике особую актуальность данное понятие приобрело в 60-е годы XX века, когда во главу угла был поставлен вопрос о роли языка в формировании картины мира, о «прямом» или опосредованном (через мышление) представлении мира в языке. Мысль об осуществлении концептуализации через язык подняла проблему выделения и соотношения *когнитивной* (*концептуальной*) и *языковой* картин мира. Одним из первых эти две картины в 1973 году разграничил Г.А. Брутян, увидевший в когнитивной картине мира результат мыслительного отражения действитель-

ности и итог чувственного познания, а в языковой – информацию о мире, закрепленную средствами языка [*см*.: Брутян 1973].

Разведение когнитивной и языковой картин мира породило три подхода к установлению их соотношения. Первый связан с развитием мысли Г.А. Брутяна о совпадении когнитивной картины мира лишь с «сердцевиной» языковой, что приводит к пониманию языковой картины мира как более широкой по сравнению с когнитивной [Брутян 1973: 109–110]. Второй подход, восходящий к работам Г.В. Колшанского, постулирует идентичность этих двух картин мира [Колшанский 2006: 37]. Третий подход базируется на признании когнитивной картины более масштабной по сравнению с языковой [*см*.: Телия 1988; Почепцов 1990; Попова, Стернин 2007 (а), 2007 (б); Мазаева 2006; Маслова 2008; Пименова, Кондратьева 2009; Шеина 2011 и др.]. Мы также разделяем данный взгляд на обозначенную проблему. Ведь и отношение к действительности, и характер ее восприятия, и основные единицы каждой из этих картин мира разнятся.

Так, *когнитивная картина мира*, синтезирующая общечеловеческое, национальное и личностное, более близка образу действительности, она существует в виде *концептов*, образующих *концептосферу* народа и определяемых как «оперативные содержательные единицы памяти» [Кубрякова 1996: 49], «основные ячейки культуры» [Степанов 2001: 39–41], «единицы коллективного знания/сознания» [Воркачев 2001: 70] и т.д. Оперируя в диссертационном исследовании термином «типовая пропозиция», мы «работаем» с единицей когнитивной картины мира, *непосредственной*, т.е. картиной, получаемой в результате прямого познания человеком действительности. Наблюдатель воспринимает органами чувств окружающий мир, в том числе «считывает информацию» о состоянии природы. В сознании человека полученная чувственная информация о мире и имеющийся уже некий рациональный опыт упорядочиваются, приводятся в систему и хранятся.

В отличие от когнитивной картины мира, языковая картина мира относится к *опосредованным картинам мира*, т.е. тем, которые представляют ре-

зультат фиксации непосредственной когнитивной картины мира (точнее, ее части, поскольку не все имеющееся в когнитивной картине мире может получать языковое выражение) вторичными знаковыми системами. Языковая картина мира существует в виде *значений языковых знаков*, образующих совокупное *семантическое пространство языка* [Попова, Стернин 2003: 6]. Среди опосредующих когнитивную картину мира знаков можно указать морфемы, лексемы, лексемы-композиты (билексемы), фразеологизмы, афоризмы, паремии, морфологические категории и формы, свободные сочетания слов, структурные схемы простых и сложных предложений, тексты и их совокупности [*см*.: Алефиренко 2003; Алефиренко, Семененко 2011; Баева 2006; Басс 2008; Беседина 2010; Болдырев 2001, 2002; Болдырев, Беседина 2007; Болдырев, Фурс 2004; Воркачев 2001, 2003 (а), 2003 (б); Казарина 2002 (б); Калашникова, Палатовская 2009; Карам 2009; Карасик, Слышкин 2001; Красавский 2001; Кубрякова 2000 (а); Пешехонова 2008; Пименов 2006 (а), 2006 (б); Пименова, Кондратьева 2009; Попова 2009; Попова, Стернин 2003, 2007 (б); Савенкова 2003; Семенова 2010; Фурс 2010; Хашимов 2007, 2008; Хроленко 2009; Черкасова 2010; Шеховцева 2007 и др.]. В нашем понимании основным средством вербализации типовой пропозиции «состояние природы» как феномена ментальной сферы становятся структурные схемы простых предложений. Конечно, нельзя не учитывать тот факт, что мыслительные единицы (в том числе и пропозиции) способны вербализовываться посредством единиц различных подсистем языка (например, мы упоминали о так называемых свернутых пропозициях, которые могут фиксироваться словоформами или словосочетаниями). Подобная множественность воплощения когнитивных структур в языке обусловливается самой онтологической природой концептуализации. Однако онтология, задав необходимость концептуализации и «набор возможностей» [Рузин 1996: 49], предлагает «выбрать» носителю языка из ряда возможностей необходимую. А для ментальных образов внеязыковых ситуаций – типовых пропозиций – самым естественным и полноценным маркером будет выступать структурная схема предложения.

Мы полагаем, что при рассмотрении феномена языковой картины мира рационально придерживаться нескольких базовых положений:

1) отражение мира в языковой картине мира не зеркально, а преломлено, вторично (вспомним об опосредованном характере взаимоотношений внеязыковой ситуации и предложения как языкового знака);

2) не только лексика, фразеология служит материалом для отыскания и обоснования специфических черт национального мировосприятия, образа мышления, но и синтаксические единицы;

3) ядро содержательной структуры языка представляет некий интернациональный компонент мышления, обеспечивающий переводимость с одного языка на другой, но этот универсальный компонент при своей конкретной реализации теряет всеобщность и позволяет говорить о том, что носители разных языков «ощущают, оценивают и переживают по-разному» [Левина 2005: 70].

5.2. Лингвокогнитивный аспект рассмотрения языковой картины мира через призму синтаксических конструкций.

Развивая второе из вышеуказанных положений, думаем, что совокупность представлений об окружающем мире может быть заключена не только в значение морфем, лексем, фразеологизмов, паремий и т.д., но и в значение предложений, рассмотренных как двусторонние единицы – единицы языка и речи одновременно. Эта совокупность знаний о мире, заключенная в семантическом пространстве языка, складывается в некую систему взглядов, разделяемую носителями конкретного языка и называемую *наивной картиной мира*. Наивная картина мира – своего рода «опыт интроспекции десятков поколений», «цельная коллективная философия», отчасти универсальная, отчасти национально специфичная [Апресян 1995 (а): 39]. Наивная картина мира отличается рядом существенных деталей от *научной картины мира*, под которой понимают всю совокупность научных знаний, выработанных частными науками на данном этапе развития человеческого общества, «результат отра-

жения пространственно-временного континуума (объективного мира) коллективным научным сознанием» [Корнилов 2011: 9, 73]. Общенаучная картина мира включает в себя частнонаучные картины мира: физическую, химическую, биологическую и др. Научной картине мира свойственен *эволюционизм*, *изменение* по мере накопления новых знаний и трансформация представлений об окружающем мире.

В лингвистике начала XXI века изучение национальной языковой картины мира идет в двух аспектах: *лингвокогнитивном* и *лингвокультурологическом*. Это обусловлено наличием и взаимодействием в антропоцентрической научной парадигме современного языкознания двух направлений – когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Если *когнитивная лингвистика* занимается изучением особенностей усвоения и обработки информации с помощью языковых знаков, способы ментальной репрезентации знаний с помощью языка, то *лингвокультурология* представляет собой отрасль лингвистики, возникшую на стыке лингвистики и культурологии, изучающую «диалог» языка и культуры [Телия 1996: 222], язык как феномен культуры [Маслова 2001: 9]. Когнитивная лингвистика и лингвокультурология имеют много точек соприкосновения: они реализуют интегративный подход к языку, рассматривают диаду «язык и человек», высоко оценивают роль метафоры в концептуализации действительности, исследуют картину мира, оперируют одним базовым термином концепт, апеллируют понятием человеческого сознания [Пименова, Кондратьева 2009: 21–22]. Все это обусловливает тенденцию к их интеграции в работах исследователей: «любое лингвокультурологическое исследование есть одновременно когнитивное исследование» [Карасик, Слышкин 2001: 76]. Это очень верное и точное замечание В.И. Карасика и Г.Г. Слышкина, поэтому наше разграничение двух апектов изучения языковой картины мира – лингвокогнитивного и лингвокультурологического – через призму анализа синтаксических конструкций носит условный характер.

Лингвокогнитивный аспект исследования национальной языковой картины мира через призму синтаксических конструкций тесно связан с *теорией синтаксических концептов* З.Д. Поповой, широко изложенной в работах автора – статьях и монографиях [*см. подробнее*: Волохина, Попова 2003 (а); Попова 1996, 1998, 2000, 2001, 2004, 2005, 2006 (а), (б), 2009; Попова, Стернин 2003, 2004, 2007 (а) и др.]. На этой концепции мы остановимся довольно подробно, поскольку ряд идей лингвиста положено в основу нашего диссертационного исследования.

З.Д. Попова выдвигает понимание *синтаксического концепта* как мыслительной категории, получившей «выражение в структурной схеме той или иной синтаксической конструкции» [Попова 2009: 187]. Такие концепты лежат в основе синтаксической системы русского языка и способствуют ее структурированию. Рассмотрение структурных схем современных русских простых и сложных предложений по отношению к синтаксическим концептам, которые они вербализуют, приводит лингвиста к переосмыслению традиционной типологии синтаксических конструкций с ее опорой на формальные языковые средства.

Так, с позиции теории синтаксических концептов, структурные схемы непредикативных синтаксических конструкций рассматриваются как деривaты схем предикативных конструкций: *дом на горе* ← *дом стоял на горе*; *голубое небо* ← *небо голубое* ← *небо было голубое* и др. Тщательно анализируя «живой» языковой материал, З.Д. Попова приходит к выводу о том, что «в речевой практике разработаны механизмы свертывания предикативных структурных схем, механизмы вычленения из них непредикативных словосочетаний и оборотов» [Попова 2009: 188].

Выделяемые в традиционном синтаксисе односоставные предложения (определенно-личные, неопределенно-личные, обобщенно-личные, номинативные, инфинитивные и др.) осмысляются ученым как речевые реализации разных структурных схем («кто/что есть где», «кто/что есть какой», «кто не делает чего» и др.), не несущие новых синтаксических концептов и вслед-

ствие этого не считающиеся особыми типами простых предложений, имеющими самостоятельное место в системе языка. Их появление объясняется автором ситуативными, контекстными, иногда грамматическими условиями.

Типология сложных предложений современного русского языка, как и простых, выстраивается З.Д. Поповой с опорой на теорию синтаксических концептов. Отмечая длительный эволюционный период формирования структур сложных предложений – от паратаксиса, господствующего в древнейших текстах, до вычленения конкретных логико-семантических отношений, выраженных специальными языковыми средствами, – ученый классифицирует элементарные сложные предложения современного русского языка следующим образом [*см. подробнее*: Попова 2009]:

- сложноподчиненные предложения с присловными придаточными (типа *Я объяснил*, *что друг привык летать на самолете* и др.),
- сложноподчиненные предложения с придаточными времени (типа *Как только гость потянулся к Тобику*, *пес оскалился и зарычал* и др.),
- сложносочиненные и сложноподчиненные предложения, излагающие различные умозрительные мыслительные операции (типа *Зефир живет сотни лет*, *а Борей давно умер*; *Если бросать голыши в золотую воду*, *то получаются вот такие фонтаны* и др.) и
- сложные предложения любой структуры, отражающие индивидуально-авторские ассоциативные связи разных событий (типа *Он был робок с учителями*, *жаден той особой жадностью прилежного ученика* («*свою резинку надо иметь*»; «*задачу списать не дам – сам решай*»), *которая постоянно раздражала Сергея* и др.).

Первый тип сложных предложений не участвует в представлении каких-либо новых синтаксических концептов по сравнению с теми, которые выражаются структурными схемами простых предложений. Второй и третий тип элементарных сложных предложений закрепляют новые синтаксические концепты – концепты отношений между событиями (второй тип – темпоральные отношения, наблюдаемые в реальности; третий тип – логические отно-

шения и связи между событиями, мысленно конструируемые человеком). Наконец, четвертый тип сложных предложений образуется в текстах, отражая индивидуально-авторские ассоциации разных событий, специальных структур не имеет, не несет новых синтаксических концептов и в систему языка не входит.

По отношению к выражаемым синтаксическим концептам все структурные схемы русского простого предложения выстраиваются З.Д. Поповой в функционально-синтаксическое поле, получающее описание в терминах ядра и периферии. В центр ядра автором помещаются пять структур, маркирующих концепты, сформировавшиеся еще в индоевропейский период («*бытие объекта*», «*бытие признака объекта*», «*инобытие объекта*», «*самостоятельное перемещение агенса*», «*агенс воздействует на объект*»). Условно в схеме поля эти структуры обозначаются лексемами *где*, *какой*, *чем*, *куда*, *что*. Также в ядро поля (но не в центр) входят более поздние, собственно славянские структуры синтаксических концептов «*пациенс претерпевает состояние*» и «*небытие объекта*», условно обозначенные *кому*, *нет.* На ближней периферии поля фиксируются лексические вариации тех же структурных схем, каузирующие новые позиции в схеме высказывания. Дальняя периферия заполняется структурами с частичными изменениями в порядке следования словоформ, с новыми словоформами, структурами, имеющими некоторые ограничения на использование каких-то словоформ и т.п., способствующим трансформации семантики синтаксического концепта. Каждая ядерная схема имеет свой сектор поля, который получает в работе наименование «парцелла» [Попова 2009: 32].

В целом предложенная теория, на наш взгляд, имеет и ряд несомненных достоинств, и некоторые недостатки. Начнем с достоинств. Безусловно, когнитивный подход к изучению простых и сложных предложений представляется перспективным, поскольку он позволяет предложить ряд новых решений по некоторым спорным вопросам типологии простых и сложных предложений русского языка, отделить элементарные структуры, входящие в систе-

му языка от бесконечного разнообразия речевых композиций, изучением которых занимается синтаксис текста. Например, выделяемые в традиционном синтаксисе осложненные предложения с позиции когнитивной теории не несут особых синтаксических концептов и являются лишь речевыми объединениями основной структурной схемы простого предложения с фрагментами или трансформами других структурных схем. Их появление обусловливается стремлением говорящих и пишущих к экономии места (в письменном тексте) или времени (при восприятии текста слушающим или читающим). Установление системных отношений между структурными схемами простых и сложных предложений позволяет наглядно представить динамику синтаксической системы языка, зависящую от появления в концептосфере человека тех или иных синтаксических концептов, сформировавшихся по мере развития сознания человека от простого к сложному.

Что касается недостатков, то, полагаем, приведенная автором классификация сложных предложений с опорой на выделение синтаксических концептов представляется несколько схематичной, требующей расширения и уточнения.

Намеченные автором векторы изучения синтаксических единиц (словосочетания, простого и сложного предложений) в когнитивном преломлении (как средства репрезентации ментальных единиц) получают разную степень разработки в отечественной науке: наибольшее внимание уделяется именно рассмотрению структурных схем простых предложений как знаков концептов, нежели словосочетаниям и сложным предложениям. Так, теория синтаксических концептов на базе рассмотрения простого предложения (разных языков) получает развитие в работах многих авторов [*см.*: Казарина 2002 (б), 2007 (б), 2009; Булынина 2004, 2009; Федоров 2006, 2007, 2009 (а), 2009 (б), 2010; Актисова 2006; Пешехонова 2008; Карасева 2008; Бородина 2009, 2010; Кузьмина (2) 2009 (а), 2009 (б) 2010 (а), 2010 (б); Рюкова 2009; Панкина 2009; Дронова 2010, 2011; Очирова 2011 и др.]. В силу ограниченного объема исследования мы не можем остановиться на анализе всех перечисленных работ,

но некоторые из них еще будут упоминаться в ходе изложения и интерпретации нашего материала.

Такой интерес к простому предложению как языковому знаку, овнешняющему концепт, в определенной степени закономерен: предложение является основной единицей синтаксиса, единицей коммуникативного уровня (в отличие от того же словосочетания – единицы докоммуникативного уровня). К тому же, о свободных словосочетаниях как маркерах концептов чаще пишут лингвокогнитологи и лингвокультурологи, занимающиеся лексическими способами вербализации мыслительных образов и анализирующие синтагматические связи ключевой лексемы-репрезентанта концепта («имени» концепта) с другими лексемами.

Вопрос о структурных схемах сложных предложений как знаках концептов, плохо разработан, видимо, в силу своей неоднозначности. Поскольку, чтобы признать знаковость таких построений, нужно допустить их «право» на воспроизводимость в «готовом» виде, на то, что за ними стоят какие-то свои, отличные от маркируемых структурными схемами простых предложений, концепты. Но что это за концепты? Каков их тип по уровню абстрактности? По содержанию? В общем, пока анализ сложных предложений как знаков концептов вызывает больше вопросов, чем дает какие-либо ответы. Например, Г.П. Басс анализирует сложноподчиненные предложения с придаточными цели и условия как репрезентанты концепта *жертва* [*см*.: Басс 2008]. Однако из текста работы автора трудно понять, почему именно эти предложения вербализуют в русском языке концепт *жертва*. Заключения автора о том, что «придаточное условное предложение содержит указание на обстоятельства, необходимые для осуществления действия», а «придаточные цели в сложноподчиненных предложениях передают цель» [Басс 2008: 152] хрестоматийны. Перечисленные типы придаточных способны соединяться с рядом предикативных единиц, номинирующих различные ситуации, способные протекать *в каких-то условиях* и *с какой-то целью*, а не только с предложениями, кодирующими ситуацию «принесение жертвы».

Еще более спорным нам представляется положение о возможности структурных схем многокомпонентных (не бинарных) сложных предложений, содержащих разное количество частей – от трех и более, – выступать знаками каких-либо концептов. З.Д. Попова такие конструкции не рассматривает, поскольку многокомпонентные сложные предложении «монтируются из компонентов как из кирпичиков» [Волохина, Попова 2003 (б): 165]. Однако некоторые лингвисты придерживаются иного мнения. Например, Г.Ф. Калашникова и Е.В. Палатовская, ссылаясь на объемность, многомерность и комплексность восприятия человеком окружающего мира, полагают, что в структурной схеме многокомпонентных сложных предложений «языковая личность может воспроизвести разносторонние отношения и связи (причинно-следственные, условные, временные и др.) не только между отдельными понятиями и объектами, но и между разными фрагментами, ситуациями действительности» [Калашникова, Палатовская 2009: 161]. В качестве примера лингвисты приводят предложение, состоящее из пяти предикативных единиц с последовательным подчинением (*Возвратившись домой с бала*, *государь в два часа ночи послал за секретарем Шишковым и велел написать приказ войскам и рескрипт к фельдмаршалу князю Салтыкову*, *в котором он непременно требовал*, *чтобы были помещены слова о том*, *что он не помирится до тех пор*, *пока хоть один вооруженный француз остается на русской земле* (Л.Н. Толстой)), и резюмируют: «…Структурная схема МСП (многокомпонентное сложное предложение. – *О.С.*) с последовательным подчинением вербально репрезентирует (независимо от конкретного лексического наполнения) смоделированный нашим сознанием фрагмент внеязыковой действительности, представляющий собой логическую цепочку связанных друг с другом иерархических явлений или ситуаций» [Калашникова, Палатовская 2009: 162]. На наш взгляд, один пример вряд ли может служить неоспоримым доказательством того, что за подобными единицами стоят некие концепты, представляющие целые фрагменты действительности. Думаем, что варьирование многокомпонентных сложных предложений как элементов

текста бесконечно, а потому попытку вычленения их структурных схем и выявления стоящих за ними концептов можно назвать, согласившись с Г.А. Волохиной и З.Д. Поповой, «бесперспективной» [Волохина, Попова 2003 (б): 165].

О целесообразности изучения языковых картин мира через призму синтаксических конструкий и средств пишет Б.Ю. Норман [*см*. *подробнее*: Норман 2013]. Ученый не анализирует подробно синтаксические модели (в используемой ранее терминологии – структурные схемы) как некие «шаблоны», в рамках которых осуществляется замысел говорящего, однако утверждает их роль «подсказок» видения ситуации, ее интерпретации [Норман 2013: 40–41]. К проблематике, разрабатываемой З.Д. Поповой и многими ее последователями, Б.Ю. Норман добавляет еще несколько векторов исследований в области когнитивного синтаксиса: роль сочинительной связи, «синтаксических маргиналов», синтаксических преобразований, псевдовысказываний в процессе познания внеязыковой действительности.

Важность проблемы выражения национальных языковых картин мира и национального менталитета через призму описания моделей предложеия подчеркивает М.В. Всеволодова [*см. подробнее*: Всеволодова 2007 (а)]. Она указывает, по нашему мнению, на очень существенный момент в таком описании моделей – на возможность конкретной модели представлять свою форму для выражения абсолютно иного содержания. Анализ указанного явления, видимо, позволит говорить о некой специфике национального членения действительности.

В целом вопрос о статусе понятия «языковая картина мира» и возможности ее фиксирования средствами языка еще далеко не решен. Некоторые лингвисты оспаривают само «право на существование» данного термина [*см. подробнее*: Sériot 2004; Кривоносов 2006; Васильева 2009; Карданова 2010 (а), 2010 (б); Pavlova, Bezrodnyj 2010; Сонин 2011]. Акцент в перечисленных трудах сделан на то, что следует наложить запрет на включение «в научное описание языковых единиц рассуждений об их гипотетических ментальных

коррелятах» [Сонин 2011: 67], что невозможно судить по анализу данных языка о национальной психологии: «…Об этнической психологии нельзя судить, вопреки существующему мнению, ни по способу словопроизводства, ни по степени употребительности лексем, ни по организации слов в предложении» [Васильева 2009: 25]. Языковая национальная специфика в этом случае определяется как те различия в сегментации континуумного мира, которые вносятся системно-структурной организацией языка и функциональным потенциалом языковых средств [Васильева 2009: 24]. Языковая картина мира – это не «картина мира», а материализация мысли. Отсюда следует, что «нет нужды сравнивать “языковые картины мира” киргизского и испанского языков. Изучение этого вопроса полезно только с точки зрения сопоставительного анализа структуры языков в конкретных аспектах» [Кривоносов 2006: 724]. Как видим, вопрос является открытым, полемика между теми, кто «за», и теми, кто «против», продолжается.

Мы исходим из признания существования *когнитивной картины мира* в сознании человека, именно *картины* мира, поскольку полагаем, что мышление – сложно устроенный механизм, вся получаемая извне информация не существует в сознании в неком хаотичном состоянии, она категоризуется, рассортировывается по «классам», «раскладывается» по «полкам». К части такой информации можно было бы приклеить ярлык «невостребованная». Она не актуализируется в процессе общения людей, существует «для личного пользования». А вот другая, заметно бóльшая часть, постоянно используется в процессе коммуникации, для нее в языке уже наработаны определенные средства овнешнения, средства вербализации, будь то лексемы, словосочетания, фразеологизмы, структурные схемы и т.д.

Лингвокогнитивный аспект изучения фрагмента национальной языковой картины мира, который демонстрирует представление человека о различных состояниях природы, связываем с несколькими моментами:

1) с описанием совокупности структурных схем простых предложений как знаков типовой пропозиции «состояние природы» в русском языке;

2) выявлением признаков, слагающих содержание типовой пропозиции «состояние природы», определяющих компонентный состав схем, лексическое наполнение компонентов, возможность разграничения типовых пропозиций;

3) с осмыслением односоставных номинативных предложений как речевых реализаций минимум двухкомпонентных (и более) структурных схем, не несущих новой типовой пропозиции (по сравнению с традиционно двусоставными);

4) с рассмотрением возможности структурных схем, предназначенных для репрезентации одной типовой пропозиции в русском языке, предоставлять свою «форму» для выражения иного содержания.

5.3. Лингвокультурологический аспект изучения языковой картины мира посредством рассмотрения синтаксических единиц.

Лингвокультурологический аспект анализа языковой картины мира через призму синтаксических единиц связан с исследованием структуры и семантики грамматических единиц, в том числе и синтаксических, в свете идеи о том, что языковая картина мира формируется системой ключевых концептов, связующих ее тем или инвариантных ключевых идей.

Если лингвокогнитивные исследования языковой картины мира концентрируются на рассмотрении диады «язык – мышление», то лингвокультурологические – на триаде «язык – мышление – культура». Структурно-семантическую организацию предложения лингвокультурологи стремятся рассмотреть через призму национальной культуры, акцентировать внимание на закрепление этнической ментальности в грамматическом строе. Наиболее основательны и показательны в этой сфере исследований, на наш взгляд, работы польской исследовательницы А. Вежбицкой и представителей Новомосковской школы концептуального анализа А.А. Зализняк, И.Б. Левонтиной и А.Д. Шмелева [*см. подробнее*: Вежбицкая 1996, 2011; Зализняк, Левонтина, Шмелев 2012; Левонтина, Шмелев 2000; Шмелев 2010].

Так, А. Вежбицкая исходит из того, что любой концепт может быть представлен в виде конфигурации элементарных смыслов, закодированных во всех языках и семантически неразложимых (семантические примитивы или универсальные неопределяемые понятия). По ее мнению, языки (как на уровне лексики, так и грамматики, в том числе и синтаксических конструкций) обнаруживают большое разнообразие на уровне сложных концептов (*душа*, *совесть*, *судьба* и др.), но не уровне простейших (*я*, *ты*, *думать*, *знать* и др.), которые очень сходны в языках, если «не полностью идентичны» [Вежбицкая 2011: 11]. Языковые картины мира закрепляют «видение мира» и передают его от поколения к поколению. Основными «культурными темами» русского языка она считает: *эмоциональность* (т.е. «ярко выраженный акцент на чувствах и на их свободном изъявлении»); «*иррациональность*» (т.е. «подчеркивание ограниченности логического мышления, человеческого знания и понимания, непостижимости и непредсказуемости жизни»); *неагентивность* (т.е. «ощущение того, что людям неподвластна их собственная жизнь»); *любовь к морали* (т.е. «абсолютизация моральных измерений человеческой жизни, акцент на борьбе добра и зла, любовь к крайним и категоричным моральным суждениям») [см.: Вежбицкая 2011: 331–332]. Подобные темы, по мнению исследователя, закрепляются не только в русской литературе и философской мысли, но и языке. Например, *эмоциональность* реализуется в обилии эмоциональных глаголов (типа *радоваться*, *скучать*, *грустить*, *гордиться*, *ужасаться*, *ликовать*, *злиться* и т.д.), их способности подчинять существительные с предлогом *о* (*об*, *обо*) (типа *беспокоюсь о тебе*, *не тревожьтесь обо мне* и др.), выступать в предложениях вместе с глаголами действия и вводить в текст прямую речь (типа «*Маша – здесь*?» – *удивился Иван*) [*см. подробнее*: Вежбицкая 2011: 340–342]. А вот *неконтролируемость*, «*иррациональность*» связана с типичностью для русского языка предложений с дательным падежом субъекта (А. Вежбицкая опирается здесь на анализ безличных и инфинитивных предложений типа *Ехать мне в субботу необходимо*, *Не спится ей* и др.). Процитируем автора: «Богат-

ство и разнообразие безличных констркций в русском языке показывают, что язык отражает и всячески поощряет преобладающую в русской культурной традиции тенденцию рассматривать мир как совокупность событий, не поддающихся ни человеческому контролю, ни человеческому разумению…» [Вежбицкая 2011: 375].

Подход А. Вежбицкой, на наш взгляд, интересен тем, что, исследуя богатый эмпирический материал, она всесторонне его анализирует, представляет и описывает как «сокровищницу» этнокультурных черт. Именно ее идеям следуют авторы, которые видят в широте использования безличных синтаксических конструкций проявление иррациональности русского менталитета. В соответствии с таким подходом и безличные предложения с семантикой «состояние природы» характеризуются как «национально самобытные». Так, З.К. Тарланов отмечает, что некоторые языки только встают (например, дагестанская группа кавказских языков) [Тарланов 1998: 68] на путь развития специфических знаков типовой пропозиции «состояние природы», другие вообще не имеют, не развивают подобные модели (например, сверханалитичный африкаанс, распространенный на территории Намибии и ЮАР) или имеют, но в очень незначительном количестве (например, западноевропейские языки) [*см*.: Тарланов 1998; Яковлева 2004; Зарецкий 2008]. Похожие мысли высказывают и другие лингвисты. Например, Р.Д. Салимов, анализируя в сопоставительном плане структуру и семантику безличных предложений в русском и таджикском языках, отмечает отсутствие в последнем безличных конструкций типа *Светает* и использование в этом случае двусоставного предложения *Субҳ дамида истодааст*, т.к. в таджикском языке нет «собственно безличных глаголов» [Салимов 2010: 26]. Безличным предложениям русского языка с личным глаголами в безличном употреблении в таджикском также соответствуют двусоставные предложения: *Утром дорогу занесло снегом***. –** *Саҳарӣ роҳро барф пӯшид*; *Сильно*, *до духоты пахло хвоей*. *– Бӯйи тунди дарахтони сӯзанбарг ба машом мезад.* А вот предложения со словами

категории состояния имеют аналоги: *На дворе было тихо*. – *Дар берун сукут хукумфармо буд* [Салимов 2010: 26–28].

Считаем, что распространение безличных предложений объяснять исключительно «иррациональностью» национального менталитета нельзя. Так, трудно не согласиться с Е.В. Зарецким, перечисляющим более объективные факторы, повлиявшие на формирование безличных предложений в русском языке [Зарецкий 2008: 7; *о том же*: Копров 2010: 37–38]: синтетичность русского языка (склонность к синтезу в противовес склонности к аналитичности английского, итальянского, французского, испанского и др. языков), слабое использование пассива (по сравнению с более аналитизированными индоевропейскими языками и особенно английским), относительной свободный порядок слов и др. Однако и полностью исключать возможность проявления специфики осмысления мира тем или иным этносом в развитии синтаксической системы, доминировании тех или иных конструкций нельзя. Мы согласны с исследователями, высказывающими предположение о том, что все-таки «особенности ментальности каким-то непостижимым образом через сферу бессознательного …предопределяют и линии развития, и темпы, и предпочтительность тех или иных синтаксических структур» [Хроленко 2009: 75].

Исследования представителей Новомосковской школы концептуального анализа (мы их уже упоминали: А.Д. Шмелев, А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина) направлены на реконструкцию русской языковой картины мира в ее целостности через анализ системы ключевых концептов и связующих инвариантных ключевых идей [*см. подробнее*: Зализняк, Левонтина, Шмелев 2012]. Лингвисты полагают, что русский язык, как, впрочем, и любой другой, отражает определенный способ восприятия мира, владение этим языком «предполагает владение концептуализацией мира». При этом совокупность представлений о мире закрепляется в значении разных слов и выражений и складывается в некую «единую систему знаний и предписаний». Пользуясь словами и выражениями, человек принимает «заключенный в них взгляд на мир» [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2012: 286]. Ключевыми идеями, или

сквозными мотивами, для русской языковой картины мира являются, по мнению лингвистов, следующие:

1) идеи непредсказуемости мира;

2) представления о том, что главное – это собраться;

3) представления о том, что для душевного комфорта человеку необходимо большое пространство, однако, если это пространство необжитое, то может возникнуть внутренний дискомфорт;

4) внимания к нюансам человеческих отношений;

5) идеи справедливости;

6) оппозиции «высокое – низкое»;

7) идеи, что хорошо, когда другие люди знают, что человек чувствует;

8) идеи, что плохо, когда человек действует из соображений практической выгоды [*см. подробнее*: Зализняк, Левонтина, Шмелев 2012].

Например, представление о стихийной, фатальной и непостижимой силе отражено в уже упоминавшихся безличных конструкциях. Более того, они способны закреплять и представление, согласно которому произошедшее с человеком выглядит не как его собственное действие, а как осуществившееся «само по себе», вроде бы против воли: *Зачем ты это сделал*? – *Не знаю*, *так вышло* [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2012: 288].

На наш взгляд, выделение «сквозных мотивов», идей, тем русской языковой картины мира актуально. Оно доказывает все-таки существование именно «картины мира» в сознании человека, упорядоченности когнитивной картины мира. К тому же, такой анализ семантики единиц различных уровней языка позволяет широко привлекать данные таких отраслей знания, как этимология, фольклористика, культурология, психология, что способствует реализации одного из принципов современной антропоцентрической парадигмы языкознания – принципа экспансионизма.

Лингвокультурологический аспект изучения русской языковой картины мира для описываемого нами фрагмента внеязыковой действительности (состояния природы) можно применить, на наш взгляд, весьма успешно. Так,

выделяем несколько «связующих» ключевых идей, которые пополняют список «сквозных мотивов» русской языковой картины мира, предлагаемый А.А. Зализняк, И.Б. Левонтиной и А.Д. Шмелевым. К ним мы относим[5]:

1) *идея одушевления природы*, которая обусловливает распространение в русском языке метафорических высказываний с семантикой «состояние природы», реализующих устойчивый перенос «состояние живого существа (обычно человека) – состояние природы». Именно эта идея позволяет вводить в состав высказываний при речевой реализации структурных схем предикатные лексемы со значением различных физиологических, психо-эмоциональных состояний живых существ (а номинируются при этом состояния природы). Более того, на наш взгляд, именно она «дает толчок» к использованию в качестве маркеров типовой пропозиции «состояние природы» некоторых структурных схем, предназначенных для типовой пропозиции «физиологическое и психологическое состояние одушевленного субъекта (живого существа)»;

2) *идея целостности природы и человека*, позволяющая в качестве центральной рассматривать фигуру познающего мир Наблюдателя, выстроить целостную классификацию высказываний с семантикой «состояние природы» с учетом разницы в восприятии состояния Наблюдателем и разницы в способе проявления состояния. Эта идея обеспечивает активное функционирование полимодальных высказываний, высказываний, реализующих явления синестезии и синестемии. Также эта идея, на наш взгляд, обусловливает наличие высказываний, фиксирующих, так сказать, «обратный» метафорический перенос – *с состояния природы на состояние человека*;

3) *идея цикличности изменений состояний природы*, позволяющая высказываниям с семантикой «состояние природы» указывать на возможность регулярного повторения физического состояния природы в тот или иной временной период. В таких высказываниях Наблюдатель не воспринимает со-

[5] См. подробнее Главу IV.

стояние природы через данные рецепторов, а диагностирует его на основе имеющихся в памяти знаний, имеющегося опыта;

4) *идея укрытия* и *идея пространственной беспредельности*, входящие в высказывания с семантикой «состояние природы», сформированными предикатами состояния *уютно* и *просторно*;

5) *идея дихотомичности состояний природы*, обеспечивающая активное функционирование высказываний, маркирующих «крайние» проявления тех или иных состояний, градуальные состояния.

Перечисленные идеи «проявляются» в высказываниях с семантикой «состояние природы», «цементируя» тот фрагмент русской языковой картины мира XIX – XX веков, который связан с описанием состояний природы.

5.4. Выводы по I главе.

1. Предложение как основная единица синтаксиса наряду с коммуникативной функцией выполняет функцию номинативную: оно служит для обозначения тех или иных ситуаций экстралингвистической действительности. Проблема дефинирования термина «внеязыковая ситуация», определения «границ» разных внеязыковых ситуаций, их каталогизации не нова, но очень сложна для лингвистики в силу отсутствия четких критериев классификации. Затрагивая в диссертационном исследовании вопрос о номинировании внеязыковых ситуаций, описывающих различные состояния природы, предлагаем понимать под этими ситуациями те, в которых определенное состояние приписывается Наблюдателем природному пространству в целом, его части или какому-либо природному объекту. Основными отличительными признаками таких ситуаций внеязыковой действительности считаем признаки *перцептивности* и *пространственной локализованности состояния*.

2. Положив в основу исследования идею опосредованного – *через мышление* – отражения языком действительности, утверждаем факт того, что

предложение номинирует не столько саму ситуацию внеязыковой действительности (видимо, в этом тезисе есть значительная доля условности), сколько мыслительный образ этой ситуации, сформировавшийся в сознании человека. Такие мыслительные образы ряда однотипных реальных ситуаций классифицируются и категоризуются человеческим сознанием. Они именуются *типовыми пропозициями* и рассматриваются в работе как определенный способ концептуализации знания о мире. Такой ракурс рассмотрения пропозиций актуализирует исследование их когнитивной природы и позволяет нам не только выявить ряд признаков типовой пропозиции «состояние природы», но и произвести полевую стратификацию ее содержания.

3. В качестве синтаксических знаков типовой пропозиции «состояние природы» рассматриваем структурные схемы простых предложений. Акцентируя внимание на неоднозначности трактовки феномена структурной схемы в отечественной синтаксической науке, мы придерживаемся взгляда на структурную схему как информативно достаточную, компонентный состав которой «продиктован» типовой пропозицией. Более того, на наш взгляд, содержательные признаки типовой пропозиции «состояние природы» определяют не только компонентный состав схем, но и лексическое наполнение этих компонентов. От структурных схем простых предложений отличаем позиционные схемы высказываний, которые формируются в процессе речевой реализации структурных схем.

4. Анализ простых предложений с семантикой «состояние природы» позволяет нам исходить из «широкого» подхода к состоянию как семантической категории и выделять несколько групп лексем, способных выступать носителями состояния природы. В качестве классификационных критериев мы предлагаем следующие: обозначение целостностного природного пространства/его части/конкретного объекта; окультуренность/неокультуренность природного пространства/его части/конкретного объекта; месторасположение Наблюдателя при констатации факта существования того или иного состояния.

5. Рассматривая предложение как двустороннюю единицу, полагаем, что оно способно фиксировать знания этноса о том или ином фрагменте внеязыковой действительности (например, о том фрагменте, который связан с описанием различных состояний природы) так же, как это делают слова и фразеосочетания. Эта совокупность знаний этноса о действительности, вербализуемая языковыми средствами, терминируется в лингвистике языковой картиной мира.

Анализ языковой картины мира в преломлении к основной единице синтаксической подсистемы – простому предложению – сейчас находится в стадии разработки и ведется в двух основных направлениях – лингвокогнитивном и лингвокультурологическом. Подобные исследования считаем перспективными и вполне применимыми к фрагменту внеязыковой действительности, представленному простыми предложениями с семантикой «состояние природы». Лингвокогнитивный аспект исследования синтаксических построений указанной семантики иллюстрирован в работе описанием совокупности структурных схем простых предложений как знаков типовой пропозиции «состояние природы», выявлением ее когнитивных признаков, определяющих компонентный состав схем и лексическое наполнение компонентов; осмыслением односоставных номинативных предложений как речевых реализаций минимум двухкомпонентных (и более) структурных схем, не несущих новой типовой пропозиции (по сравнению с традиционно двусоставными); рассмотрением возможности структурных схем, предназначенных для репрезентации одной типовой пропозиции в русском языке, предоставлять свою «форму» для выражения иного содержания.

А лингвокультурологический аспект исследования простых предложений с семантикой «состояние природы» связан с выделением несколько «связующих» ключевых идей (идея одушевления природы; идея целостности природы и человека; идея цикличности изменений состояний природы; идея укрытия; идея дихотомичности состояний природы; идея пространственной беспредельности), обеспечивающих единство того фрагмента языковой кар-

тины мира, который связан с описанием состояний природы. Эти идеи, входящие в русскую языковую картину мира XIX – XX века в «неявном виде», передаются из поколения в поколение и обусловливают стереотипность многих высказываний с семантикой «состояние природы».

ГЛАВА ВТОРАЯ

СТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОСТЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С СЕМАНТИКОЙ «СОСТОЯНИЕ ПРИРОДЫ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XIX – XX ВЕКОВ

§ 1. Источники и способы формирования специализированных структурных схем простых предложений как знаков типовой пропозиции «состояние природы»

1.1. Метаязык описания структурных схем простых предложений с семантикой «состояние природы».

Предварительных замечаний требует, на наш взгляд, метаязык, используемый при обозначении структурных схем простых предложений с семантикой «состояние природы». «Имянаречение» структурных схем происходит с использованием отвлеченных глагольных лексем («где *есть* каково», «где *самопроисходит*», «где *действует* чем откуда/куда», «где *есть* какое состояние» и под.), местоименных слов, в том числе и местоименных наре-

чий («*где* самопроисходит», «*где* есть *каково*», «*где* действует *чем откуда*/*куда*», «покрывает *что* (В.п.) *чем*» и под.), конкретной лексики («где *пахнет* чем», «*покрывает* что (В.п.) чем», «где *создает* что (В.п., Р.п.)» и под.), отрицательной частицы *нет* («где *нет* какого состояния») и указания косвенных падежей (винительного, родительного) («где перемещает что (*В.п.*) откуда/куда», «где создает что (*В.п.*, *Р.п.*)», «где разрушает что (*В.п.*)», «покрывает что (*В.п.*) чем»).

Нельзя не отметить, что в лингвистических работах имеются и другие способы описания структурных схем [*см.*: Грамматика 1970; Русская грамматика 1980; Черемисина 1997; Волохина, Попова 2003 (а); Всеволодова 2005 (б); Болотина 2006; Кошкарева 2006; Провоторова 2009 и др.]: при помощи латинских символов, корневых частей латинских или английских слов: *Vf* – спрягаемая форма глагола (*verbum finitum*); *N* – имя существительное (*nomen* – имя, название); *Adv* – наречие (*adverbium*); *Adv*-$_{o}$ – предикативное наречие на -о; Vf_{3s} – спрягаемый глагол в форме 3 л. ед. ч.; *cop* – связка (*copula*); *neg* – отрицание (*negatio*); *loc* – пространство, место (*locality*); *obj* – объект (*object*) и др. В схему также могут добавляться предлоги, указание на акциональность и неакциональность предикатива[6] и т.п. В результате такой записи образуется символьная формула. Например, предложение *Влажный песок под ногами пахнет гнилью*, *как перепрелое*, *набухшее водой дерево* (Шолохов. Тихий Дон) построено по схеме «кто/что пахнет чем» (типовая пропозиция «инобытие объекта»), которую при помощи символов можно записать так: N_1 – Vf_{3s} – N_5.

Однако в случае такой записи ряда схем мы сталкиваемся с определенной проблемой: одна и та же формула может обозначать абсолютно разные образы ситуаций внеязыковой действительности. А указать на ту типовую пропозицию, которая *именно* подвергается обозначению, в формуле трудно. Например, выделенное жирным курсивом предложение ***Дорога в степь***. *Тому не тяжело идти*, у *кого за спиной сумчонка с краюхой ячменного хлеба*

[6] Об акциональности/неакциональности см. [Золотова 1982; Золотова, Онипенко, Сидорова 1998].

да костыль в руках (Шолохов. Пастух) построено по схеме «кто/что есть где», обозначающей типовую пропозицию «бытие объекта». А в основе предложения *Почти безветрие* (Глушкин. Письмо для Бога) лежит схема «где есть какое состояние», маркирующая типовую пропозицию «состояние природы». Символьная схема будет выглядеть одинаково и в первом, и во втором случае: N_1 – cop. – Loc[7] (или Loc – cop. – N_1), несмотря на то, что в основе двух предложений лежат образы разных ситуаций внеязыковой действительности. Или другой пример, приводимый Т.С. Мониной в монографии «Проблемы тождества предложения» [Монина 1995: 36–37]. Предложения *На улице тихо* и *На душе тревожно*, по мнению автора[8], построены по одной структурной схеме *Loc – Praed*, хотя и отмечается, что первое предложение несет квалификацию состояния окружающей среды, а второе – интеллектуально-психического состояния человека (в качестве инвариантного значения рассматривается значение проявления пассивного признака, ограниченного рамками определенной среды). В символьной формуле разница значения пары приведенных предложений никак не проявляется. А ведь это существенный момент, поскольку предложения номинируют абсолютно разные состояния, принадлежащие разным типам носителей.

Подобные трудности фиксации «семантического варьирования» в символьных формулах, когда одна формула соответствует разным ситуациям, отмечает М.И. Черемисина, предлагающая вводить дополнительные знаки-дескрипторы: *h* (*homo*) – человек, *art* – артефакт и под. [*см*.: Черемисина 1997].

---

[7] Имеем ввиду *здесь*, *где-то в поле зрения* Наблюдателя: *здесь дорога*, *здесь безветрие* (область бытия объекта (в первом предложении) и состояния природы (во втором предложении) не вербализована в речевой реализации схем) и под.

[8] Для нас это структурная схема «у кого есть какое состояние в какой части тела», не совпадающая со схемой в компонентном составе «где есть каково» из-за присутствия в ней субъектива, потенциально маркированного Р.п. существительного и невербализованного в речевой реализации в высказывании *На душе тревожно* (Ср.: *У меня на душе тревожно*). В подобных высказываниях носитель состояния выражается комплексно: «обозначением лица (целого) и места (части целого или его принадлежности), в котором локализуется состояние» [Золотова 1982: 154]. Несмотря на избыточность компонента со значением лица, которое является носителем состояния, несмотря на его опущение в ряде высказываний, место его всегда сохраняется [*см*.: Золотова 1982: 154].

Мы символьный способ записи структурных схем для нашей работы считаем нецелесообразным, т.к. он требует существенной разработки дополнительных знаков для создания формульных записей. А это, на наш взгляд, будет лишь затруднять изложение материала. Поэтому остановимся на записи схем с помощью местоименных слов, отвлеченной и конкретной глагольной лексики, что, на наш взгляд, помогает снять вопрос о «семантическом варьировании» и указать на специфику языкового материала, отобранного для анализа (простые предложения с семантикой «состояние природы»). Подобный метаязык описания структурных схем вполне информативен и апробирован в ряде работ [*см.*: Волохина, Попова 2003 (а); Попова, Стернин 2003; Попова 2006 (б), 2009; Казарина 2002 (б), 2007 (а), 2007 (б), 2012; Булынина 2004, 2009; Пешехонова 2008; Карасева 2008; Бородина 2009, 2010 и др.].

1.2. Роль принципа *специализации* в классификации структурных схем простых предложений с семантикой «состояние природы».

Исходя из тезиса об *информативной достаточности* структурных схем (т.е. структурная схема, согласно нашим представлениям, должна включать словоформы, номинирующие все предметы, находящиеся в определенных отношениях, а также компонент, репрезентирующий эти отношения) и *с учетом общности их лексического наполнения*, в языковом материале был выделен целый ряд структурных схем, репрезентирующих типовую пропозицию «состояние природы» в русском языке XIX – XX веков.

В основу классификации структурных схем простых предложений с семантикой «состояние природы» был положен принцип *специализации*.

Термин «*специализированность*» для отечественной грамматики в целом является употребительным. В работах представителей Петербургской школы функциональной грамматики, прежде всего А.В. Бондарко, при моделировании функционально-семантических полей (аспектуальность, таксис, количественность и т.д.) используется признак *специализированности* какого-либо языкового средства к реализации определенных семантических

функций, определяющих качественную специфику поля [Бондарко 2011: 27]. Например, Л.Н. Омельченко, анализируя функционально-семантическое поле состояния лица в русском языке, к нерегулярным, *неспециализированным* средствам выражения семантики состояния относит двусоставные предложения с именными сказуемыми, выраженными именами прилагательными (типа *Я хмелен*, *я пьян*), поскольку такие конструкции передают семантику состояния только при определенном лексическом значении прилагательного. А вот к специализированным средствам причисляются безличные предложения со сказуемыми, выраженными прежде всего словами категории состояния и безличными глаголами несовершенного вида (типа *Мне скучно*; *Мне не спится*) [Омельченко 2010: 69].

Принцип специализированности при дифференциации структурных схем фигурирует как предназначенность или непредназначенность какой-либо структурной схемы для представления конкретной типовой пропозиции: «инобытие объекта», «создание объекта в результате физического труда», «самостоятельное перемещение агенса», «мыслительная деятельность субъекта», «физиологическое и психологическое состояние субъекта (живого существа)» и др. [*см*.: Казарина 2002 (б): 55, 157].

Положив в основу классификации выделенных структурных схем простых предложений с семантикой состояния природы принцип специализации, мы даем расширенную дефиницию термину «*специализированная структурная схема*» в силу специфики анализируемого нами языкового материала. Под *специализированные* мы подводим те структурные схемы, которые «*наработаны*» *в языке для репрезентации типовой пропозиции* «*состояние природы*» *и* «*генетически родственной*» *ей типовой пропозиции* «*состояние среды искусственно созданных человеком помещений*» (включая и состояние находящихся в них объектов). Эти две типовые пропозиции часто не дифференцируются и обозначаются как типовая пропозиция «состояние окружающей среды», что обусловлено мыслью о существовании человека в «пространственно-временном континууме». В первой главе мы уже отмеча-

ли, что на уровне повседневного восприятия любое пространство интуитивно понимается как некий общий «контейнер» для рассматриваемых объектов. Так, Н.Ю. Шведова пишет: «…Человек существует, живет, где-то находится, вокруг него существует и находится среда, без которой он существовать не может…» [Шведова 2001: 4]. Е.С. Кубрякова отмечает, что окружающая человека среда – это «пустота», в которой «все происходит и случается», которая «заполнена некими объектами и людьми, это «то, что вмещает человека, то, что он осознает вокруг себя, то, что он видит простирающимся перед собой» [Кубрякова 1997: 26].

На наш взгляд, дифференцирование типовой пропозиции «состояние природы» и «состояние среды искусственно созданных человеком помещений» необходимо, поскольку количество специализированных структурных схем (как их специфических знаков), верблализующих данные типовые пропозиции, будет разниться. Поясним данное положение.

Специфическими (специализированными) средствами представления типовой пропозиции «состояние природы» в русском языке мы считаем структурные схемы простых предложений[9], традиционно терминируемые в отечественной грамматике *безличными*:

1) **ССПП «где есть каково»**. Например: *А на поляне было так светло…* (Лесков. Овцебык); ***Было совсем темно***[10], *и*, *когда Николай переставал смотреть на звезды*, *ему казалось*, *что эта темнота еще сгущалась* (Эртель. Гарденины, их дворня, приверженцы и враги); *В лесу было сумрачно* (Паустовский. Северная повесть); ***Кругом было тихо***, ***так тихо***, *что по жужжанию комара можно было следить за его полетом* (Лермонтов. Герой нашего времени) и др.;

2) **ССПП «где самопроисходит»**. Например: *Начало смеркаться* (Гончаров. Обыкновенная история); *В воздухе холодало с каждым днем* (Иванов.

[9] Далее в ряде случаев используется обозначение ССПП.

[10] Здесь и далее примеры из авторской картотеки примеров набираются курсивом. Если анализируемая предикативная единица входит в состав сложного предложения или небольшого текстового фрагмента (при условии важности контекста), она выделяется жирным курсивом.

Вечный зов); *Вокруг неуверенно замерцало* (Павлов. Лунная радуга); ***По ночам подмораживало*** *и звезды усеивали темное небо* (Бунин. Кукушка) и др.;

3) **ССПП «где пахнет чем»**. Например: – *Да... А какая нехорошая погода*! ***В наших краях в это время уж весной пахнет***... (Чехов. Иван Матвеич); *Под горою ветерок спадает*. *Солнце печет*, *колеса шуршат в густой*, *насыщенной водой траве*. ***Пресно пахнет теплым илом***… (Бунин. Далекое); *В лесу пахло гнилью* (Глущенко. Крайняя точка) и др.;

4) **ССПП «где действует чем откуда/куда»**. Например: *Отовсюду несло славною и здоровою свежестью*... (Эртель. Гарденины, их дворня, приверженцы и враги); *С берега*, *из лесов*, *дымчатой тлеющих вдали*, *наносило парким духом болот*, *холодком последнего снега*, *в самой уж глухой глуши дотаивающего* (Астафьев. Царь-рыба) и др.;

5) **ССПП «покрывает что** (В.п.) **чем»**. Например: *Тяжело ревнули широкими горлами чугунные пушки*; *дрогнула*, *далеко загуливши*, *земля*, ***и вдвое больше затянуло дымом все поле*** (Гоголь. Тарас Бульба); *Дождь перестал*, ***но небо так заволокло пасмурью со всех сторон***, *что солнышку негде было прочикнуться* (Черкасов. Конь Рыжий); *К вечеру небо затянуло тучами*… (Можаев. Саня) и др.;

6) **ССПП «где перемещает что** (В.п.) **откуда/куда»**. Например: *С болот наносило холод* (Паустовский. Кордон «273»); ***Опять с грохотом и страстью пронесло лед***, *нагромоздив на берега торосы*, *и Ангара освобожденно открылась*, *вытянувшись в могучую сверкающую течь* (Распутин. Прощание с Матерой) и др.;

7) **ССПП «где создает что** (В.п., Р.п. [11])**»**. Например: *Мирон Григорьевич в этот день долго стоял на заднем базу*, *глядел на взбухший снегом луг*, *на ледяную сизо-зелень Дона*, *думал*: «*Гляди*, *накупает и в нынешнем году*, *как в прошлом.* ***Снегов-то***, ***снегов навалило***!» (Шолохов. Тихий Дон); ***Там***, ***на крутых берегах***, ***намело сугробы***, – *садись и лети*... (Толстой. Детство Никиты); *Снежок такой неясный.* ***Где-то намело*** (Садур. Немец) и др.;

[11] Примеры с Р.п. в авторской картотеке представлены спорадически.

8) **ССПП «где разрушает что** (В.п.)**»**. Например: *Лед разом взломало на протяжении четырех верст…* (Шолохов. Тихий Дон); *Поднялся шторм*, ***взломало льдины***, *и мы перед трещиной застряли*, *как на мели* (Некрасов. Приключения капитана Врунгеля) и др.

Часть перечисленных структурных схем (5 из 8) способны маркировать не только типовую пропозицию «состояние природы», но и типовую пропозицию «состояние среды искусственно созданных человеком помещений»: «где есть каково», «где самопроисходит», «где пахнет чем», «где действует чем откуда/куда», «покрывает что (В.п.) чем»[12]. Например: ***В каюте было тепло***, *топилась чугунная печка*, *и толстые стекла двойных иллюминаторов густо запотели* (Паустовский. Романтики) (ССПП «где есть каково»); *В избе посветлело* (Черкасов. Черный тополь) (ССПП «где самопроисходит»); *В просторной горнице резко пахло конопляным семенем*, *мышами* (Шолохов. Тихий Дон) (ССПП «где пахнет чем»); ***Из комнаты повеяло теплом огня***: *тут топилась печь* (Бондарев. Батальоны просят огня) (ССПП «где действует чем откуда/куда»); *Низкие тюремные постройки замело снегом…* (Марков. Строговы) (ССПП «покрывает что (В.п.) чем»). Из перечисленных схем при репрезентации типовой пропозиции «состояние среды искусственно созданных человеком помещений» наиболее активна «где пахнет чем»[13]: *В пустом темном сарае пахло сырой глиной и сухими листьями* (Яковлев. Непослушный мальчик Икар); ***В боевом отделении воняло жженым порохом***, *в боекомплекте не хватало двенадцати фугасных снарядов* (Лазарчук. Все, способные держать оружие…); *Степанида поменяла лучину на загнетке*, *чтобы стало светлее* ***в хате***, ***где*** *теперь густо пластался дым* ***и очень воняло горелым*** (Быков. Знак беды) и др.

[12] Об этом мы более подробно писали в [*см. подробнее*: Селеменева 2006].

[13] При сопоставлении простых предложений со значением «состояние природы» и предложений со значением «состояние искусственно созданных человеком помещений» у нас получилось соотношение 60% к 40%, в то время как по трем другим указанным схемам («где есть каково», «где самопроисходит», «где действует чем откуда/куда») – 92–93% к 7–8%) [*см. подробнее*: Селеменева 2006].

Следует отметить, что позиция предикатива в схемах «где есть каково», «где самопроисходит» при представлении типовой пропозиции «состояние среды искусственно созданных человеком помещений» замещается с точки зрения семантики более ограниченными группами слов категории состояния, безличными глаголами и личными глаголами в безличном употреблении (преимущественно они имеют значение «состояние, проявляемое светом», «состояние, связанное с изменением температуры», «состояние, проявляемое наличием/отсутствием звуков»), чем при маркировании типовой пропозиции «состояние природы». Более того, простые предложения с семантикой «состояние искусственно созданных человеком помещений» в авторской картотеке примеров менее частотны, чем с семантикой «состояние природы». Объяснение такому явлению мы находим в приоритете диагностики Наблюдателем состояния природы в силу его изменчивости и влияния на самочувствие, хозяйственную деятельность. Это предположение вполне объективно и подтверждается работами в области социоестественной истории, объектом изучения которой является триединство: природа – хозяйство – ментальность [*см. подробнее*: Кульпин 2008]. Ведь «климатический оптимум» благоприятствует «демографическому росту населения, повышению уровня и качества жизни» [Кульпин 2008: 63]. Состояние же среды помещений, построек не так жизненно важно для человека (здесь мы не берем во внимание какие-либо нестандартные ситуации внеязыковой действительности). Отсюда, на наш взгляд, меньшая коммуникативная востребованность высказываний о состоянии среды искусственно созданного пространства и организующих его объектов.

Помимо специализированных структурных схем для репрезентации типовой пропозиции «состояние природы» способны использоваться и неспециализированные схемы. Эти схемы – «кто/что есть где», «кто/что есть какой», «кто/что есть каков», «кто/что действует чем», «кого/чего нет где» и др. – выступают знаками других типовых пропозиций (например, «бытие объекта» → «кто/что есть где»; «бытие признака объекта» → «кто/что есть какой»,

«кто/что есть каков»; «инобытие объекта» → «кто/что действует чем»; «небытие объекта» → «кого/чего нет где» и др.). Иными словами, предложения, в основе которых лежат эти и другие подобные схемы, не предназначены для вербализации типовой пропозиции «состояние природы». Возможность репрезентировать указанную пропозицию у них появляется лишь за счет специфического лексического наполнения компонентов[14].

Анализ компонентного состава специализированных схем, лексического наполнения компонентов, специфики грамматических и структурно-семантических модификаций, обогащений пропозиций высказываний дополнительными смыслами, регулярность появления тех или иных эксплицирующих словоформ в позиционной схеме высказываний, на наш взгляд, позволяет выявлять то множество когнитивных признаков, которое образует содержание[15] типовой пропозиции «состояние природы». Мы еще будем по ходу описания языкового материала акцентировать внимание на этих признаках. Однако здесь возникает закономерный вопрос, на котором хотелось бы заострить внимание. Если все когнитивные признаки типовой пропозиции «состояние природы» вычленяются только через исследование специализированных структурных схем, то целесообразно ли выделение неспециализированных? Если да, то каким образом они «работают»? Необходимость описания неспециализированных схем, на наш взгляд, обусловлена двумя факторами. Во-первых, тем, что, будучи специализированными знаками иных типовых пропозиций типа *бытие объекта*, *небытие объекта*, *физиологическое и психологическое состояние одушевленного субъекта* (*живого существа*) и др., они как неспециализированные репрезентанты типовой пропозиции «состояние природы» способны дополнительно актуализировать некоторые ее когнитивные признаки: ‘*эмоциональность*’, ‘*перцептивность*’, ‘*итеративность*’ и др. А во-вторых, целесообразность изучения неспециализированных схем продиктована возможностью через процесс их формирования

[14] Подробнее о таких схемах и их специфике мы будем говорить в третьем параграфе.

[15] См. I главу.

и лексическое наполнение компонентов проследить взаимодействие разных типовых пропозиций как феноменов ментальной сферы.

1.2. Формирование специализированных структурных схем «где самопроисходит», «где пахнет чем», «покрывает что (В.п.) чем».

Развитие структурных схем носит исторический характер. Е.С. Кубрякова отмечает: «Каждая коммуникативная единица опирается на имеющиеся номинативные знаки и в то же время создает на их основе новые названия» [Кубрякова 1978: 7]. «Рождение» новых схем обусловлено разными причинами: появлением новых знаний о предметах окружающего мира, новых, не вербализованных, ранее отношений между этими предметами, стремлением говорящих передать знания о предмете [Казарина 2005: 165].

Формирование специализированных схем, на наш взгляд, шло двумя путями, которые называем соответственно *трансформационным* и *трансформационно-контаминационным.*

Трансформационный путь определяем как путь, состоящий в преобразовании состава позиций (их «стирания» или видоизменения) некой структурной схемы, предназначенной для репрезентации другой типовой пропозиции, вследствие, например, утраты ею ценности, актуальности для носителей языка, разрушения, потери целостности и т.п. Такой путь мы видим для специализированных схем «*где самопроисходит*», «*где пахнет чем*», «*покрывает что* (В.п.) *чем*».

Выделенные специализированные структурные имели разные источники формирования. Две из них – «*где самопроисходит*» и «*где пахнет чем*» – являются трансформами структурной схемы «*кто/что действует чем*», репрезентирующей типовую пропозицию «инобытие объекта»: *Черепаха подмигнула круглым черным глазом*; *трава прорастает*; *солнце светит* и др. [Попова 2009: 51–52]. Эта типовая пропозиция была содержательно объемна и осмысливалась говорящими как проявление тем или иным объектом своего присутствия в мире доступными ему средствами – запахами, звуками, свече-

нием, телодвижением, местоположением и функционированием в том или ином статусе и т.п., а для одушевленных феноменов – изменением физиологического состояния, выполнением некоторых социальных функций, осуществлением каких-либо занятий, умений действовать с помощью предметов и др. [Волохина, Попова 2003 (а): 57].

Изменение структурной схемы «кто/что действует чем» было связано с утратой словоформы творительного падежа (*чем*) и имени проявляющегося объекта (*что*). Причиной этого стала тенденция к экономии усилий, ведь достаточно было сказать, что *кто-то кивнул*, *постучал*, что *нечто пахло*, *сияло*, что *вокруг светало*, *темнело* и т.п., потому что «глаголы включили в себя и значение творительного падежа, а часто и *значение того феномена*, который *проявлял себя обозначенным действием*» (курсив наш. – О.С.) [Попова 2006 (в): 112].

Возможность указанной трансформации схемы подтверждается исследованиями в области генезиса безличных предложений. На факт происхождения русских безличных конструкций из личных указывали А.А. Потебня, Д.Н. Овсянико-Куликовский, А.М. Пешковский, Ю.С. Степанов, З.К. Тарланов и др.

Так, А.А. Потебня отмечал, что при первоначальном появлении в сказуемом безличности подлежащее остается нетронутым, сформировавшаяся безличность подчиняет себе все предложение, в результате чего подлежащее устраняется [Потебня 1899: 462].

По мнению Д.Н. Овсянико-Куликовского, в таких выражениях, как *морозит*, *светает*, «пропало не только само подлежащее, но и то место в грамматической мысли, где оно должно было бы находиться и где некогда оно действительно находилось» [Овсянико-Куликовский 1900: 1153].

А.М. Пешковский полагал, что доязыковая мысль могла быть только двучленна, а никак не одночленна [Пешковский 1956: 344], и происхождение безличных предложений возводил к высказываниям типа *свет светает, вечер вечереет* и т. п. и обусловливал доминантой деятельности над деятелем,

неизвестностью «причины того явления, которое выражено в глаголе» [Пешковский 1956: 344–345].

Ю.С. Степанов реконструировал главные типы древнего индоевропейского предложения и прослеживал их судьбу в новых индоевропейских языках. Он доказал, что безличные предложения возникли из личных путем устранения субъекта [Степанов 1989: 36]. Лингвист писал, что по своему происхождению две частные категории в общей категории личности-безличности (1) неопределенная личность (*Так не говорят*; *Цыплят по осени считают*) и 2) безличность (*Светает*; *Моросит*)) восходят к двум основным разновидностям индоевропейского предложения; первая к личному предложению с субъектом-лицом, вторая к личному предложению с субъектом вещью. При этом обе категории основаны на одном и том же процессе устранения лица: в первой устраняется «личное» лицо (*я*, *ты*, *он-она*) и остается только один его признак – «личность (одушевленность)»; во второй так же устраняется «неличное» лицо (*оно*) и остается только один его признак «неодушевленность» [Степанов 2011: 125].

З.К. Тарланов, ссылаясь на данные индоевропеистики, также утверждает мысль об историко-генетической первичности агентивных предложений [Тарланов 1998: 68].

В полной мере процесс включения в глагол имени феномена, который стал «самопроявляться», и утраты позиции *чем* отразился, на наш взгляд, в структурной схеме «где самопроисходит».

Например: *Как только жара* «*свалила*», ***в лесу стало так быстро холодать и темнеть***, *что оставаться в нем уже не хотелось* (Тургенев. Поездка в Полесье); *Понемногу смеркается* (Пришвин. Кащеева цепь); ***Парило***, *когда уезжал Юрий Андреевич* (Пастернак. Доктор Живаго); *Брюхо черное вдали за лесом растет и пучится.* ***Вон и блеснуло бледно и тревожно*** (Булгаков. Театральный роман) и др.

А вот в структурной схеме «где пахнет чем» позиция *чем* осталась. И при речевой реализации схемы она не заполняется лишь изредка, т.к. при об-

мене ольфакторными впечатлениями Наблюдателю важно определить не только степень проявления запаха (*сильно*, *слабо*, *чуть-чуть* и т.п.), но и источник запаха. Без идентификации запаха рисуемая картина не будет полной: *Сильно*, *до духоты пахло* ***хвоей*** (Чехов. Дом с мезонином); *Дубки тихо гудели в белесой темноте зимней ночи*; *пахло* ***февральской свежестью***... (Бунин. Кукушка). В основе данных предложений лежит схема «где пахнет чем», позиция *чем* при речевой реализации схемы заполнена – *хвоей*, *февральской свежестью*. Сравните с другим предложением, в основе которого та же схема: *...Он ...усиленно нюхал воздух. –* ***Пахнет***, *– сказал он шепотом*, *– люди есть* (Афанасьев. Дерсу Узала). Здесь в речевой реализации схемы позиция *чем* не заполнена, но она может быть восстановлена из контекста: *пахнет людьми*, точнее, можем предположить, *пахнет гарью*, *дымом от костра*, *приготовленной пищей*, тем, что связано с пребыванием людей в определенном месте и т.п.

Утрата позиции *чем* структурной схемой «кто/что действует чем» не стала единственной ее трансформацией, приведшей к появлению специализированных структурных схем-репрезентантов типовой пропозиции «состояние природы». Так, вследствие формирования группы безличных глаголов, способных выражать «процессы, состояния, независимые, отстраненные от активного деятеля – агенса» [Петров 2009: 57], и употребления личных глаголов безличностно, на месте позиции *кто/что* появилась регулярно заполняемая позиция *где*, представившая уже не феномен, проявляющий себя, а *локус-носитель* состояния. Это позволило русскому языку сформировать целый ряд специфических конструкций для представления типовой пропозиции «состояние природы».

Например: ***В воздухе*** *пахло ночной бодрящей свежестью многоводной ранней весны...* (Кнорре. Шорох сухих листьев) (ССПП «где пахнет чем»); ***В степи*** *потемнело*, *ветер задувал все сильней* (Паустовский. Степная гроза); *Видимо*, ***в природе*** *холодало*... (Липскеров. Последний сон разума) (ССПП «где самопроисходит») и др.

Особняком от уже двух описанных специализированных структурных схем стоит схема «*покрывает что* (В.п.) *чем*», поскольку в ней позиция *носителя* состояния представлена винительным падежом имени без предлога. Если в вышеперечисленных схемах речь идет преимущественно о *носителе*, который *вмещает* состояние, то здесь состояние словно «*растекается*» по *поверхности* носителя, что обусловлено маркированием предикатива глаголами с семой ‘покрытие’, не предполагающими сосредоточие состояния *внутри*, а только на *поверхности*. Данная схема восходит по своему происхождению к структурной схеме «*кто/что покрывает чем какой объект*», репрезентирующей типовую пропозицию «покрытие объекта», или шире – «агенс воздействует на объект» (конструкции типа: *Сообразительный Чебыкин волочит тент и накрывает им сразу всех* (Иванов. Географ глобус пропил) и др.). В схеме «покрывает что (В.п.) чем» предикатив маркируется рядом личных глаголов в безличном употреблении с семой ‘покрытие’.

Например: *Реку и берега снова затянуло снежной метелью* (Толстой. Хождение по мукам); *Небо заволокло тучами* (Шолохов. Тихий Дон); *Ишим сковало льдом* (Черкасов. Хмель); *Дали затянуло водянистым туманом*… (Бунин. Деревня) и др.

1.3. Формирование специализированных структурных схем «где есть каково», «где действует чем откуда/куда», «где перемещает что** (В.п.) **откуда/куда», «где создает что** (В.п., Р.п.)**» и «где разрушает что** (В.п.)**».**

Траснформационно-контаминационный путь связан с формированием новой схемы на базе двух уже существующих схем (одной специализированной для анализируемой типовой пропозиции и одной, предназначенной для вербализации другой типовой пропозиции) через соединение их позиций.

Так, структурная схема «*где есть каково*» как знак типовой пропозиции «состояние природы» возникает на крайней периферии парцеллы поля синтаксических структур, обслуживающих типовую пропозицию «физиологическое и психологическое состояние одушевленного субъекта (живого су-

щества)» [Попова 2009: 96] (высказывания типа: ***Скучно***, ***что ли***, ***было Семену*** *– он позевывал*, *ухмылялся* (Залыгин. Блины) и др.).

«Ступенчатое» формирование типовой пропозиции «физиологическое и психологическое состояние одушевленного субъекта (живого существа)» – от обозначения деонтической модальности (долженствования) через алетическую (воздействия явлений природы) – к субъективной (личные потребности) [Попова 2009: 99] и обусловило, вероятно, появление структурной схемы «где есть каково» как результата контаминации схемы «*кому есть каково*», вербализующей типовую пропозицию «физиологическое и психологическое состояние одушевленного субъекта (живого существа)», и сформированной в более ранний период истории языка схемы «*где самопроисходит*» – знака типовой пропозиции «состояние природы».

Например: ***На дворе было еще темно***, *как Адриана разбудили* (Пушкин. Гробовщик); *Здесь всегда было сыро*, *прохладно и сумрачно* (Домбровский. Хранитель древностей); *В лесу было сумрачно и так тихо…* (Крестовский. Панургово стадо); *Сделалось тихо в белых берегах* (Завадовский. Золото) и др.

Еще одна структурная схема, представляющая типовую пропозицию «состояние природы», – «*где действует чем откуда/куда*» – сформировалась также путем контаминации специализированной структурной схемы «*где пахнет чем*» и схемы «*кто/что перемещается откуда/куда*», репрезентирующей типовую пропозицию «самостоятельное перемещение агенса» (конструкции типа *Люди в белом перебегали с места на место…* (Пастернак. Воздушные пути)). От структурной схемы «где пахнет чем» были взяты позиции *где* и *чем*, а от «кто/что перемещается откуда/куда» – позиция *откуда/куда*, появившаяся в результате объективации предикатива глаголами, несущими, помимо семы ‘проявление запахами/веяниями’, сему ‘перемещение’. Выделение этой схемы наглядно демонстрирует, насколько четко русский язык, «в отличие от некоторых других, последовательно разли-

чает пространственные значения места и направления» [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 107].

Например: *С низких мест уже наносило вечернею сыростью*, *пропитанною запахом свежей травы и лесных цветов* (Мамин-Сибиряк. Три конца); *С востока*, *как из отверстия*, *дуло холодом и сонливой сыростью зари* (Платонов. Впрок); *Садилось солнце*, *пыль оседала*, ***от близкой реки наносило пресным теплом*** (Екимов. Пастушья звезда) и др.

Структурная схема «*где перемещает что* (В.п.) *откуда/куда*» также явилась результатом контаминации двух схем – «*где самопроисходит*» (заимствована позиция *где*) и «*кто перемещает что откуда/куда*» (позиции *что* (В.п.), *откуда/куда*), вербализующей типовую пропозицию «воздействие агенса на объект» (высказывания типа *Тетушка выносит из кухни кувшин с водой и полотенце* (Искандер. Дедушка)). Предложения, в основе которых лежит схема «где перемещает что (В.п.) откуда/куда», описывают состояния природы, проявляемые движением-перемещением метеорологических объектов (явлений).

Например: *С запада несло косой тяжелый дождь* (Паустовский. Тост); *И жгучий ветер с песком дул в каюту всю ночь… **К рассвету хамсин пронесло*** (Бунин. Копье господне); ***Ветер пронесло***, *и только отбившиеся от него*, *закружившие где-то порывы изредка бестолково налетали и опадали то у одной*, *то у другой стены* (Распутин. Живи и помни) и под.

Структурные схемы «*где создает что* (В.п., Р.п.)» и «*где разрушает что* (В.п.)» восходят к структурным схемам «*где самопроисходит*» (позиция *где*) и «*кто делает что*» (позиция *что*), репрезентирующей типовую пропозицию «агенс воздействует на объект». Здесь, думается, можно говорить о двух типах внеязыковых ситуаций, формирующих данную типовую пропозицию: «создание объекта в результате физического труда» (*Коля в Новосибирском на паровозе работает*, *Миша тоже там же*, ***он дома строит***, *а Вера на Дальнем Востоке*, *замуж там вышла*, *военный муж-то* (Шукшин. Калина красная)) и «разрушение объекта в результате физических действий агенса»

(− *Но в лесу грибница натыкается то на пень*, *то на дерево*, *то на иную преграду*. ***Ее разрушают местами люди или скотина*** (Солоухин. Третья охота)).

Например: *Зимой у нас в Сибири бывали такие бураны*, ***что сугробы наносило выше человеческого роста***… (Рябинин. Нигер) (ССПП «*где создает что* (В.п., Р.п.)»); ***Лед взломало***, *река тронулась*, *полые воды затопляют берега*, *и – гуляй душа*, *добывай*, *казак*, *волю*! (Шишков. Емельян Пугачев); *Под ногой в полку везде хлюпала вода*, *под снегом побежали ручьи*. ***Неву взломало*** (Григорьев. Александр Суворов) (ССПП «*где разрушает что* (В.п.)») и др.

1.4. Вопрос о временно́м периоде формирования специализированных структурных схем простых предложений со значением «состояние природы».

Время возникновения выделенных специализированных структурных схем безличных предложений для обозначения типовой пропозиции «состояние природы» различно. Поскольку в процессе речевой реализации наиболее частотными являются структурные схемы «*где самопроисходит*» и «*где есть каково*» (суммарно на их долю приходится 78 % (5150 высказываний картотеки примеров) всех безличных предложений нашей выборки), то мы останавливаемся именно на их анализе.

И здесь, очевидно, необходимо обратиться к работам отечественных языковедов, исследующих уже более двухсот лет феномен русского безличного предложения. Спектр работ по данной проблематике широк, а объем накопленных знаний огромен. Ведь первое упоминание об употреблении безличных глаголов в качестве самостоятельных предложений находят еще в труде Максима Герасимовича Смотрицкого (в монашестве – Мелетия) «Грамматика славенския правильное синтагма» в начале XVII века (1619) [*см.*: Смотрицкий 1979]. Вопросы, касающиеся статуса безличных предложений, их природы, генезиса, не остались в стороне от исследовательских ин-

тересов таких отечественных лингвистов, как М.В. Ломоносов [1755], А.Х. Востоков [1831], Н.И. Греч [1840], Ф.И. Буслаев [1863], В.В. Новаковский [1869], В.И. Классовский [1870], А.А. Потебня [1899], А.В. Попов [1881], Д.Н. Овсянико-Куликовский [1900], А.А. Шахматов [1941], А.М. Пешковский [1956] и др.

Вторая половина XX столетия, породившая горячие дискуссии о возможном подведении безличных предложений под единую категорию двусоставности путем использования идей о сокрытом в сказуемом подлежащем, нулевом подлежащем и «неноминативном», и начало XXI века активизировали интерес к безличным предложениям, изучающимся в разных аспектах: структурном, семантическом, диахронном, функциональном, культурологическом, методическом, типологическом [*см*.: Галкина-Федорук 1958; Георгиева 1968; Золотова 1973, 1986, 2000; Арват 1974; Юрченко 1976, 1991; Русская грамматика 1980; Бирюлин 1984; Бохиева 1998; Дручинина, Онипенко 1993; Копров 1999, 2000, 2006; Долин 2000, 2001, 2007, 2008; Скобликова 2001, 2006; Сулейманова 2000; Сюебэнь 2004; Козлова, Клокова 2005; Davies 2005; Кошкарева 2006; Осипова 2006; Петров 2007, 2009, 2011; Башкирова 2008; Градинарова 2008; Зарецкий 2008; Провоторова 2009; Салимов 2010; Березина 2010 и др.].

Подобная историография вопроса о безличном предложении не входит в задачи нашего исследования и требует серьезного самостоятельного описания. Поэтому мы остановимся лишь на времени возникновения в русском языке безличных предложений с семантикой «состояние природы».

Учитывая морфологическую неоднородность выражения предикатива как конститутивного компонента структурных схем безличных предложений (словом категории состояния, безличным глаголом, личным глаголом в безличном употреблении), к древнейшим следует отнести конструкции, в основе которых лежит структурная схема «*где самопроисходит*». Этот выбор обусловливается тем, что предикативы ряда выделенных структурных схем маркированы безличными глаголами типа *светает*, *вечереет*, *дождит*, упо-

треблявшимся, как отмечает А.М. Пешковский, еще в индоевропейском праязыке [Пешковский 1956: 346].

В древнерусском языке безличные конструкции с глаголами типа *смеркается*, *рассветает* и некоторыми другими спорадически встречаются в памятниках письменности XI – XIV вв. Этот факт, например, отмечает В.В. Иванов, ссылаясь на данные Лаврентьевской летописи 1068 года [Иванов 1990: 370–371].

В.В. Колесов к структурно древнейшим относит три вида безличных конструкций [Колесов 2009: 441–443]. Первый описывает состояние, скрыто вызванное субъектом и на него же обращенное как бы со стороны: *ему не спится*, *ему не можется*. В основе таких предложений лежит структурная схема «кому (не) делается что», репрезентирующая типовую пропозицию «физиологическое и психологическое состояние одушевленного субъекта (живого существа)»: *Знает*, *что нельзя будить ночью работницу Наташу только потому*, ***что ей самой не спится*** (Инбер. Чеснок в чемодане); *Но тебе не сидится*, *нет*! (Залыгин. Комиссия) и др. Подобные конструкции, по мнению В.В. Колесова, в течение XIII – XVII веков постепенно увеличивают свою численность и обнаруживаются в Псковской рукописи (1384 г.), берестяных грамотах XV века, бумагах Ивана Грозного и некоторых других источниках [Колесов 2009: 441–442].

Второй древнейший тип безличных конструкций, наработанных в XIV – XVII веках, описывает действие, скрыто вызванное предметом, представленным в виде орудия действия: *ветром сорвало крышу.* Часть глаголов, составивших эту группу (*зажглось*, *погремело*, *морозило* и некоторых др.), в русском языке маркируют предикатив структурной схемы «где самопроисходит» благодаря «включению в себя» имени «орудия действия» (*тьмой*, *светом*, *громом*, *морозом*). Наглядно демонстрируют этот факт «поглощения» спорадически встречающиеся в языковом материале единичные высказывания типа *Неожиданно* ***в небесах вспыхнуло молнией***, *наконец-то в природе надломилось*, *и взору Семена Ильича предстало зрелище поистине необы-*

чайное, *способное и в душу просвещенного внести смуту* (Липскеров. Сорок лет Чанчжоэ) или *Уж и октябрь кончается* – ***поблестело снегом на Куш-Кае*** (Шмелев. Солнце мертвых). В приведенных высказываниях позиция *чем* занята в силу желания Наблюдателя подчеркнуть «орудие действия» в данных ситуациях. На наш взгляд, путь «включения в глагол "орудия действия"» со временем могут пройти глаголы, маркирующие предикатив схемы «*покрывает что* (В.п.) *чем*» (*заволакивает*, *заносит*, *затягивает* и др.), уже содержащие в своих семемах семы 'покрывающее орудие': *заволакивает* и *затягивает тучами* и *облаками*; *заносит снегом* и т.п.. А это приведет к регулярной незанятости в процессе речевой реализации позиции *чем* и обусловит, с одной стороны, ее утрату, а с другой, возможность качественного преобразования самого носителя состояния – из *плоскостно-покрытого* в *пространственно-вмещающего*: *небо заволокло тучами* ← *небо заволокло* ← *в небе заволокло.* Кажущаяся искусственность подобных конструкции, на наш взгляд, постепенно может нивелироваться. К тому же, в языковом материале уже спорадически встречаются высказывания, с невербализованными позициями *что* и *чем*, в большей мере по своему «внешнему виду» тяготеющие к высказываниям, построенным по схеме «где самопроисходит»: *Хоть и* ***затянуло***, *а из-за облаков насквозь как кинут*! (Симонов. Живые и мертвые); *Еще днем Настена никуда не собиралась*, ***но к обеду замело***, *запуржило со снегом*; *Настена спохватилась*, *что воды в кадке на дне*, *и*, *пока погода совсем не сдурела*, *кинулась на Ангару* (Распутин. Живи и помни).

Третий тип конструкций у В.В. Колесова составляют предложения типа *Светает*; *Знобит*, используемые для репрезентации соответственно типовых пропозиций «состояние природы» и «физиологическое и психологическое состояние одушевленного субъекта (живого существа)»: *Не тянуло его оглянуться на красоту утра.* ***Светало*** (Солженицын. В круге первом) (ССПП «где самопроисходит»); *Чрезмерность этого разговора действовала на него почти физически*, ***его по-настоящему знобило*** (Домбровский. Факультет ненужных вещей) (ССПП «кого знобит»).

Подводя итог, лингвист отмечает, что безличные предложения развивались на «протяжении всего Средневековья из-за необходимости передать неизвестные состояние, действие или процесс, относительно которых существовала неуверенность в их достоверности или точности» [Колесов 2009: 443]. Лишь спорадически встречаемые в памятниках письменности XI – XIV вв., безличные предложения (в том числе, как видим, и репрезентирующие типовую пропозицию «состояние природы») с XV века начинают увеличивать свою численность за счет давления реализма, пришедшего на смену древнерусскому номинализму [Колесов 2009: 443].

Этот же временной период – XV – XVI век – как время системно поддержанного массового распространения безличных предложений, формируемых безличными глаголами или личными глаголами в безличном употреблении, в восточнославянских языках называет З.К. Тарланов [Тарланов 1998: 65].

Таким образом, безличные конструкции, в основе которых лежит структурная схема «где самопроисходит», появляясь в индоевропейском праязыке, получают распространение в восточнославянских языках к XV – XVII векам.

Фактический языковой материал, составляющий корпус авторской картотеки примеров, свидетельствует о том, что в русском языке XIX – XX веков преобладает (3156 к 1994) представление типовой пропозиции «состояние природы» не безличными предложениями, в основе которых лежит схема «где самопроисходит», а предложениями, построенными по схеме «*где есть каково*».

Например: *Утро великолепное*; *в воздухе* ***прохладно***, *солнце еще не высоко* (Гончаров. Обломов); *На небе чуть серело*, *и по улицам уже встречались люди*, *но было еще* ***темно*** (Лесков. Некуда); *На дворе было* ***солнечно*** (Пастернак. Доктор Живаго); *Было* ***сыро*** *и* ***сумрачно***, *тропку иногда преграждали нависающие ветви кустов*, *но проводник*, *шедший впереди с топори-*

ком в руке, *одним небрежным взмахом отсекал их* (Искандер. Случай в горах) и др.

Структурная схема «где есть каково», в которой предикатив маркирован лексико-грамматическим разрядом слов, за которым в грамматике закрепился термин «категория состояния» [Щерба 1957: 74–75], – явление более позднего периода формирования, потому что само происхождение слов категории состояния, по сравнению с безличными глаголами, возводят только к XV веку [*см*.: Исаченко 1955: 49; Георгиева 1968: 13] – древнерусскому языку периода письменности и то обычно с указанием ограниченности объема данной группы, включающей преимущественно слова со значением оценки типа *любо*, *нелюбо*, *тяжко*, *зло*, *чюдно* и др. [Исаченко 1955: 59].

О.В. Тюкинеева, исследуя морфологические группы слов, легшие в основу формирования слов категории состояния в русском языке XI–XVII, отмечает, что активно процесс становления слов категории состояния как раз и проявляется в XVI – XVII [Тюкинеева 2005: 5]. К таким выводам лингвист приходит благодарю данным исторических словарей XI – XVII вв., которые в древнерусском языке указанного периода фиксируют наличие девяти групп слов категории состояния, имеющих различные значения: физическое состояние живых существ, душевное состояние человека, интеллектуальное состояние, модальное значение, состояние природы, состояние обстановки, отрицательную и положительную оценку какого-либо действия или состояния, проявление чего-либо в достаточной мере и необходимость прекращения действия [*см. подробнее*: Тюкинеева 2005].

Из перечисленных групп слов категории состояния нас интересует группа со значением состояний природы. Перечень слов указанной группы ограничивается автором следующим образом: *тепло* (XII – XVII вв.), *студено* (XIII в.), *зимьно* (XIII – XIV вв.), *знойно* (XIV в.), *душно* (XV в.), *жарко*, *морозно* (XVI – XVII вв.), *горячо*, *мразно* (XVII в.), *дождевно* (XV в.), *снежно*, *ветрено* (XVII в.), *паморочно* (XII – XV вв.), *мрачно* (XII – XVI вв.), *солнечно* (XV в.), *ведряно*, *красно* (XV – XVII вв.), *облачно* (XVI в.), *пасмур-*

но, *ненастливо* (XVII в.), *светло* (XI – XIV в.), *темно* (XIII в.), *месячно* (XVII в.), *сухо* (XV в.) [Тюкинеева 2005: 15]. Из приведенных данных очевидно, что время формирования большинства слов категории состояния с интересующим нас значением приходится на XV – XVII вв.

Предметом изучения академических грамматик слова категории состояния становятся вообще лишь с первой трети XIX века [Виноградов 1972: 319].

О позднем времени формирования схемы «где есть каково» для вербализации типовой пропозиции «состояние природы» свидетельствует и наш языковой материал. Он охватывает период в 200 лет (с начала XIX века до конца XX века) и позволяет отметить, во-первых, тенденцию численного «прироста» простых предложений, в основе которых лежит схема «где есть каково», в текстах середины и конца XIX века по сравнению с его первой половиной, и, во-вторых, их преобладании над конструкциями с безличными глаголами и личными глаголами в безличном употреблении: ССПП «где самопроисходит» (в 1,6 раза: 3156 к 1994); ССПП «где пахнет чем» (в 4 раза: 3156 к 787); «где действует чем откуда/куда» (в 9,5 раз: 3156 к 331); «покрывает что (В.п.) чем» (в 14,7 раза: 3156 к 214); «где перемещает что (В.п.) откуда/куда» (в 113 раз: 3156 к 28); «где создает что (В.п., Р.п.)» (в 143 раза: 3156 к 22) и «где разрушает что (В.п.)» (в 210 раз: 3156 к 15).

В языковой картине мира XX века безличные предложения, построенные по схеме «где есть каково», становятся самыми «востребованными» знаками типовой пропозиции «состояние природы», используемыми для репрезентации перцептивных (световых, цветовых, проявляемых звуками или их отсутствием, запахами, веяниями, движением, наполнением и т.п.) и антропоморфных состояний природы.

Рост в русском языке синтаксических конструкций со словами категории состояния отмечаем не только мы, но и другие исследователи. Например, Н.А. Николина пишет, что категория состояния представляет собой «активно развивающийся в современном русском языке класс слов, регулярно попол-

няющийся новыми единицами. Этот процесс характерен для разных сфер языка, но особенно заметен в художественной речи и языке СМИ» [Николина 2010: 650]. Причина этого автору приведенной цитаты видится в том, что словам категории состояния присуще семантические признаки, которые оказываются «значимыми для современной языковой картины мира» [Николина 2010: 650].

Тенденцию роста безличных конструкций в целом (не только с семантикой «состояние природы») в русском языке отмечают Н.А. Тупикова, Е.В. Устинова [Тупикова 1998: 80; *о том же*: Устинова 2007: 18].

§ 2. Компонентный состав и лексическое наполнение специализированных структурных схем простых предложений со значением «состояние природы»

2.1. Субъектив как конститутивный компонент специализированных структурных схем.

Все специализированные структурные схемы по количеству входящих в них компонентов, определяемых двумя параметрами – формирующими пропозицию смыслами и содержательной структурой предикативной лексемы, ее морфологической природой, – мы дифференцировали на три большие группы:

1) *двухкомпонентные* («где самопроисходит»),

2) *трехкомпонентные* («где есть каково», «где пахнет чем», «покрывает что (В.п.) чем», «где создает что (В.п., Р.п.)», «где разрушает что (В.п.)») и

3) *четырехкомпонентные* («где действует чем откуда/куда», «где перемещает что (В.п.) откуда/куда»).

Из наименований перечисленных структурных схем безличных предложений очевидным становится факт наличия в семи из них компонента *где* – «где самопроисходит», «где есть каково», «где пахнет чем», «где действует чем откуда/куда», «где создает что (В.п., Р.п.)», «где разрушает что (В.п.)», «где перемещает что (В.п.) откуда/куда», осмысляемого нами в качестве

конститутивного компонента схем, носителя состояния, «не-личного, предметно-пространственного субъекта» [Золотова 2000: 104]. Этот компонент схем мы будем далее называть «*локативным субъективом*».

Например: *Приближалась осень*, *и* ***в старом саду*** *было тихо*, *грустно и на аллеях лежали темные листья* (Чехов. Ионыч) (ССПП «где есть каково»); *Наконец лесок кончился*, *пришлось взобраться на небольшой обрыв… **Здесь** горячо пахло медовыми цветами* (Толстой. Хождение по мукам) (ССПП «где пахнет чем»); – *Пойдет скоро. **В Широкой** уж лед взломало… – Да-а*? (Горбатов. Большая вода) (ССПП «где разрушает что (В.п.)») и др.

В силу того, что «в динамике отношений субъекта с другими категориями языка отражается многовековый опыт народа», высвечивается «особое мироощущение», которое присуще его представителям в видении субстанций в отношении к другим субстанциям [Рылов 2006: 34], проблема субъекта чрезвычайно важна для понимания национальных языковых картин мира. Именно анализ словоформ со значением субъекта позволяет языковедам делать выводы не столько лингвистического или этнопсихологического порядка, сколько идеологического (не всегда, отметим, оправданные и мотивированные). Например, А. Вежбицкая, поставив в оппозицию русский субъект «пациентивной ориентации» и агентивный субъект английского языка, противопоставила национальные характеры: активный англо-саксонский и пациентивный, характеризующийся бессилием, русский [Вежбицкая 1996: 55–56]. Другие лингвисты, не доходя до столь радикальной точки зрения – вывода о *противопоставлении* национальных менталитетов посредством анализ специфики синтаксических структур, – все же характеризуют предложения русского языка с словоформами со значением ʻлокативный субъектʼ(анализируемые нами), и носителями состояниями, маркированными местоимениями Д.п., Р.п. типа *мне*, *у него* и т.п., как «специфически русское явление, связанное с особенностями характера русского народа, особым способом его мышления» [Сюебэнь 2004: 10], как проявление особого способа «концептуализации действительности в русской языковой картине мира» [Петров 2007: 4].

Понимание структурной схемы как знака принципиально двучленного акта предицирования в синтаксической системе языка позволяет подойти лингвистам к пониманию особой, конструктивной роли типа субъекта как предопределяющего в онтологическом плане строение предложение [Рылов 2006: 35]. В современных концепциях понятие субъекта весьма дифференцировано, широко и не совпадает с понятием подлежащего. Это тот компонент предложения, который подвергается предицированию, является носителем предикативного признака и может быть выражен *разными способами* [Рылов 2006; 2011].

Поскольку для русской языковой картины мира характерно «представление любого явления как субстанции, обладающей признаком» [Рылов 2006: 39], возможность природы (шире – всей окружающей среды) или какой-то ее конкретной части быть носителем состояния, отмечается в работах ряда лингвистов: И.Б. Барамыгина [2000], Г.П. Дручининой [2002], Г.А. Золотовой [1988, 2000], В.Ю. Копрова [2000], Н.Б. Кошкаревой [2006], К.Г. Красухина [2003], В.А. Лаврентьева [2011], Е.В. Одинцова [2002], А.В. Петрова [2011], З.Д. Поповой [2009], Ю.А. Пупынина [1992], В.И. Сергеевой [1982] и др.

Так, В.И. Сергеева отмечает, что в безличных предложениях утверждается наличие определенного состояния в природе или у человека, следовательно, субъектом в них является то, чему присуще названное состояние [Сергеева 1982: 82].

Ю.А. Пупынин пишет о «рассеивании» субъектного содержания в безличных конструкциях в различных компонентах, в том числе и пространственных [Пупынин 1992: 49−50].

Г. А. Золотова в статье «Понятие личности/безличности и его интерпретации» (2000), подвергая анализу безличные предложения типа *За окнами темно*; *Светает*; *Не работается*; *Знобит*, полагает, что в этих предложениях нет действия, а есть состояние, а у состояния должен быть носитель [Золотова 2000: 105]. И этот носитель выражается либо именем в дательном или

винительном падежах[16], либо словоформами с локативным значением (как в исследуемых нами схемах, вербализующих типовую пропозицию «состояние природы»).

И.Б. Барамыгина, обращаясь к анализу субъектных значений предложений, описывающих состояние среды, пишет, что «субъект таких предложений получает свое выражение в локативных формах» − это одна из предложно-падежных форм с пространственным значением или пространственное наречие [Барамыгина 2000: 38].

В.Ю. Копров, анализируя устройство русского предложения, показывает, что в безличных предложениях в качестве носителя состояния могут выступать не только одушевленные субъекты-антропонимы или зоонимы (*Мне не пишется*; *Кошке не лежится*), неодушевленные агенсы-каузаторы (*Крышу сорвало ветром*), одушевленный или неодушевленный объект (*За доктором было послано*; *Закрыто*), но и окружающая среда или определенная ограниченная сфера окружающей среды (*Холодно*; *В комнате холодно*) [Копров 2000: 66–67].

Е.В. Одинцов и Г.П. Дручинина развивают мысль Г.А. Золотовой и пишут, что, признавая разные формы выражения предиката, необходимо признать и разные формы выражения субъекта, носителя предикативного признака, в том числе и локативные субъектные формы типа «за + тв. пад.», «у + род. пад.», «под + тв. пад.», «в + предл. пад.» и под., или адвербиально-локативные формы *здесь*, *там*, *везде*, *кругом*, *вокруг* и др.: *Стихло во дворе*; *Кругом было сыро и зябко* [Одинцов 2002: 146; *о том же*: Дручинина 2002: 153].

---

[16] Возможность датива (*Полякову впервые за весь месяц в деревне стало спокойно* (Проскурин. Горькие травы)), словоформ родительного падежа (*И светло и тепло на душе у меня* (Есенин. Рудинскому)) или винительного падежа (*Парнишку обожгло стыдом* (Астафьев. Кража)) выступать носителем состояния доказательно продемонстрирована В.И. Казариной в работах, посвященных описанию средств вербализации типовой пропозиции «физиологическое и психологическое состояние одушевленного субъекта (живого существа)» [*см*: Казарина 2002 (б)]. См. также монографию Г.А. Золотовой [1982], диссертационное исследование Н.Я. Козел [2002].

Н.Б. Кошкарева указывает на два обязательных компонента в составе модели *LOC* Vf_{3sgn} – глагол-предикат и локализатор [Кошкарева 2006: 40].

В.А. Лаврентьев анализирует односоставные предикативные единицы с точки зрения агентивного значения категории синтаксического лица. В качестве «облигаторного члена» ряда безличных предложений типа *На дворе было солнечно*; *Как сиротливо вокруг!* он видит «локатив, совмещающий обстоятельственное и субъектное значение» [Лаврентьев 2011: 275]. Такие предложения лингвист называет дезагенсными с субъектом-реципиенсом (субъектом состояния) и субъектом-детерминантом [Лаврентьев 2011: 275]. Ту же мысль находим в работе А.В. Петрова, дифференцирующего безличные предложения по семантике на субъектные и бессубъектные, и обнаруживающего в локативно-субъектных предложениях локативный конкретизатор, который является компонентом, «формирующим семантику конструкции в целом и совмещающим обстоятельственную и субъектную функцию» [Петров 2011: 295].

М. Гиро-Вебер и Д. Вечорек отмечают на основе данных польского и русского языков, что в предложениях типа *Здесь пахнет лавандой* локативная синтаксема является носителем предикативного признака, выраженного глаголами запаха и веяния [*см*. *подробнее*: Любоха-Круглик 2011: 252].

Локативный субъектив в структурных схемах «*где самопроисходит*», «*где есть каково*», «*где пахнет чем*», «*где действует чем откуда/куда*», «*где перемещает что* (В.п.) *откуда/куда*», «*где создает что* (В.п., Р.п.)», «*где разрушает что* (В.п.)» морфологически представлен:

1) пространственными наречиями (например, *вокруг*, *везде*, *кругом*, *вдали*, *здесь* и др.);

2) различными предложно-именными формами имен существительных (например, ***в* + *П.п.*** (*в воде*, *в саду*, *в лесу*, *в лугах* и т.д.); ***на* + *П.п.*** (*на берегу*, *на небе*, *на море*, *на земле* и т.п.); ***над* + *Тв.п.*** (*над полями*, *над перелесками*, *над зеленями* и т.п.); ***под* + *Тв.п.*** (*под ивами*, *под елями*, *под березами* и т.д.);

около* + *Р.п. (*около дороги*, *около реки* и т.п. и другие)) или их субституентами – местоимениями (например, *в ней*, *в них*, *на ней*, *на нем* и др.).

Например: ***Над*** *волнистыми* ***полями*** – ***озимями***, ***пашнями***, ***жнивьями*** *и коричневыми* ***перелесками*** – *темнело* (Бунин. Деревня); ***Вокруг*** *темнело* (Ефремов. Бухта радужных струй) (ССПП «где самопроисходит»); ***В воздухе*** *пахло талым снегом*, *навозом и скотиной* (Толстой. Детство Никиты) (ССПП «где пахнет чем»); ***В лесу*** *снегу намело столько*, *что ни Ежик*, *ни Ослик*, *ни Медвежонок всю неделю не могли выйти из дому* (Козлов. Правда, мы будем всегда?) (ССПП «где создает что (В.п., Р.п.)») и др.

Носителем состояния в структурной схеме «*покрывает что* (В.п.) *чем*» выступают словоформы (имена существительные в винительном падеже или их заместители – местоимения) со значением части природного пространства, природного объекта, характеризуемого по состоянию, вызванному воздействием каких-либо природных сил. Мы называем его «*пациенсом* “*неодушевленной природной субстанции*”», испытывающим воздействие со стороны объекта-стихийного каузатора.

Например: *Артиллерийская канонада усилилась*, *как будто приблизилась*, ***горизонт*** *на западе и на юге заволокло дымной мглой* (Толстой. Хождение по мукам); *Ночь застала нас в темном ущелье*, *неподалеку от Бестуди*. ***И горы***, ***и бездны***, – ***все*** *заволокло непроглядной мглой* (Чарская. Вторая Нина); ***Небо*** *совсем затянуло тучами*, *и дождь вот-вот хлынет*… (Амосов. Голоса времен) и т.п.

Названные способы морфологической репрезентации субъектива в структурных схемах безличных предложений с семантикой «состояние природы» (посредством пространственного наречия или соотносительной предложно-именной формы, винительного падежа имени существительного или его субституента) обусловлены такими признаками предикатов состояния, как *пассивность*, *независимость состояния от воли субъекта*, *отсутствие целенаправленности к становлению того или иного состояния*.

Учет наличия места локализации природного состояния (для ССПП «где есть каково», ССПП «где самопроисходит», ССПП «где пахнет чем», ССПП «где действует чем откуда/куда», ССПП «где перемещает что (В.п.) откуда/куда», ССПП «где создает что (В.п., Р.п.)», ССПП «где разрушает что (В.п.)») и пациенса, характеризуемого по состоянию (ССПП «покрывает что (В.п.) чем»), регулярная вербализация этих компонентов при речевой реализации специализированных схем обусловливает выделение таких признаков типовой пропозиции «состояние природы», как ‘*локализованность*’ и ‘*пациентивность*’[17].

2.2. Предикативы специализированных структурных схем.

Второй конститутивный компонент выделенных специализированных структурных схем – предикатив – не характеризуется с точки зрения морфологической выраженности однородностью. Он представлен:

1) безличными глаголами (ССПП «*где самопроисходит*») типа *вечереть*, *морозить*, *обутреть*, *пуржить*, *светать*, *смеркаться* и некоторых др.

Например: *А иногда ночью* ***подморозит***, *и река к утру покроется льдом* (Яковлев. Рыцарь Вася); *Чуть* ***светало***, *и в пасмурном воздухе обледенелый лес поблескивал как стеклянный* (Паустовский. Северная повесть); *Дождь перестал*, ***рассвело***... (Толстой. Бедные люди); *В роще* ***вечереет***, ***морозит***... (Бунин. Метеор); *Когда* ***смеркалось***, *нас всех вводили в казармы*, *где и запирали на всю ночь* (Достоевский. Записки из мертвого дома) и др.;

2) личными глаголами в безличном употреблении (ССПП «*где самопроисходит*», ССПП «*где пахнет чем*», ССПП «*где действует чем откуда/куда*», ССПП «*покрывает что* (В.п.) *чем*», ССПП «*где перемещает что* (В.п.) *откуда/куда*», ССПП «*где создает что* (В.п., Р.п.)», ССПП «*где разрушает что* (В.п.)») типа *брезжиться*, *бухать*, *взламывать*, *греметь*, *заволакивать*, *заметать*, *затягивать*, *моросить*, *нести*, *таять*, *темнеть*, *теплеть*, *холодать*, *штормить* и многими др.

[17] См. I главу.

Например: *За ночь* ***потеплело*** (Панов. Посреди степей); – ***Штормит***, *– сказал Гвельтов. – Балла два*, *не меньше* (Гуляковский. Шорох прибоя) (ССПП «где самопроисходит»); *Везде* ***пахло*** *черемухой* (Пришвин. Календарь природы) (ССПП «где пахнет чем»); *От воды* ***веяло*** *свежестью*, *и тихий плеск небольших волн ласкал слух* (Тургенев. Накануне) (ССПП «где действует чем откуда/куда»); *Во многих местах среди гор вырвалось пламя*, *и пеплом* ***заволокло*** *небо* (Толстой. Аэлита) (ССПП «покрывает что (В.п.) чем») и др.;

3) словами категории состояния (ССПП «*где есть каково*») типа *безветренно*, *бело*, *влажно*, *дремотно*, *душно*, *жарко*, *звездно*, *морозно*, *облачно*, *пасмурно*, *прохладно*, *пусто*, *росисто*, *светло*, *серо*, *снежно*, *солнечно*, *сумрачно*, *темно*, *тихо*, *туманно*, *черно*, *шумно*, *ясно* и многими др.

Например: *Было* ***тихо***, *ветер шумел пожухлой травой*, *река блестела против солнца* (Волков. Погружение во тьму); *В степи было* ***тихо*** *и* ***темно*** (Горький. Старуха Изергиль); *Вот стало* ***темно***, *и шелест травы зазвучал громче*, *испуганно* (Горький. Мой спутник); *Вынырнув*, *Оля отдышалась и прислушалась. Вокруг было* ***сумрачно*** *и* ***тихо*** (Губарев. Королевство кривых зеркал); *...Она вдруг… ушла в сад – и упала на землю как подкошенная. Кругом было и* ***светло*** *и* ***зелено***… (Тургенев. Ася) и др.;

4) в единичном случае – фразеологизмом *глаз коли* (ССПП «*где есть каково*»): *Ночью –* ***глаз коли*** (Шолохов. Тихий Дон).

Предикативы выделенных структурных схем, представленные словами категории состояния, безличными глаголами и личными глаголами в безличном употреблении, позволяют нам говорить о признаке ‘*стихийность*’ как основном в содержании типовой пропозиции «состояние природы».

К тому же, как мы полагаем, использование в качестве предикативов специализированной структурной схемы «где есть каково» слов категории состояния на *-о* в форме сравнительной степени свидетельствует о таком признаке, как ‘*интенсивность*’ в содержании типовой пропозиции «состояние природы» (об этом же признаке свидетельствует и маркирование предикатива фразеологическим оборотом *глаз коли*). Например: *…Чем дальше вглубь*,

тем ***темнее*** *и* ***тише*** (Астафьев. Ночное пространство); *В глубине леса* ***по-тише*** (Гоббе. Времена года); *Здесь было еще* ***жарче***, *и лошади у колхозных возов понуро дремали*, *сонно отгоняя хвостом жирных*, *ленивых базарных мух* (Горбатов. Донбасс); *Вдруг стало* ***тише***... (Горький. Жизнь Клима Самгина); *В июне месяце стало еще* ***жарче***, *чем в мае* (Булгаков. Записки покойника (Театральный роман)) и др. О наличии данного признака говорит и такой языковой факт: наличие в семном составе лексем, маркирующих предикативы специализированных структурных схем «где есть каково» (типа *белым-бело*, *влажно*, *глаз коли*, *жарко*, *жутко*, *знойно*, *люто*, *прохладно*, *синевато-темно*, *скверно*, *студено*, *сыро* и некот. др.); «где самопроисходит» (типа *лить*, *мести*, *моросить*, *палить*, *парить*, *печь*, *подмораживать*, *пригревать*, *примеркать*, *сыпать* и др.); «где действует чем откуда/куда» (типа *веять*, *нести*, *попахивать*, *пахнуть*, *тянуть*), содержатся семы, указывающие на разную степень проявления состояния (‘сильно’, ‘слегка’, ‘очень’ и под.). Такие лексемы формируют высказывания, представляющие в русской языковой картине мира XIX – XX вв. состояния, проявляющие светом, покрытием, наполнением, движением, веяниями, запахами, изменением температуры, антропоморфные состояния.

Например: *Погода больше не дурила*, *стояла ветреная*, *сухая*, *но уже чувствовалось*, *чувствовалось время: ночами было* ***студено*** (‘очень холодно’)… (Распутин. Прощание с Матерой); *В полуденный час в дубраве было* ***прохладно*** (‘слегка холодно’) *и тихо* (Варламов. Купавна); – *Сегодня очень* ***жарко*** (‘очень тепло’), – *завел разговор Ваня Манин* (Грекова. На испытаниях) (ССПП «где есть каково»); ***Подморозило*** (‘слегка схватило морозом’). *Варыкинский парк*, *на разных расстояниях окружавший эти места*, *близко подступал к сараю*, *как бы для того*, *чтобы заглянуть в лицо доктора и что-то ему напомнить* (Пастернак. Доктор Живаго) (ССПП «где самопроисходит»); *Поднимался туман*, *от реки* ***несло*** (‘сильно пахло’) *большой текучей водой и сырой глиной* (Домбровский. Факультет ненужных вещей); *От речки наплывалознобный воздух*, *из глубины сада* ***веяло*** (‘слегка пахло’)

густо перевитыми запахами осени (Астафьев. Обертон) (ССПП «где действует чем откуда/куда») и под.

Часть слов, маркирующих предикативы перечисленных специализированных структурных схем, способны иметь синонимы и образовывать целые синонимические ряды по «степени проявления» состояния: *жарко – знойно*; *мокро – сыро – влажно*; *холодно – морозно – студено* (разг.); *зябко* (разг.) – *знобко* (простор.) – *прохладно – свежо*; *веять – тянуть – нести*; *безлюдно – пустынно – пусто – глухо – нелюдно* [Словарь синонимов 1997] и др.

Например: *Было еще рано, около полудня, но уже очень* ***жарко***… (Горький. Дело Артамоновых). – *Было* ***знойно***. *На улице много кур бродило по свежему навозу* (Толстой. Хождение по мукам) (ССПП «где есть каково»); *Огромное темное небо в звездах раскинулось над ними, и такой свежестью* ***веяло*** *из степи*… (Фадеев. Молодая гвардия). – *С реки* ***тянуло*** *прохладой, иногда пробегал легкий ветер, и листва перешептывалась ему вслед* (Волос. Дом у реки) (ССПП «где действует чем откуда/куда»); *Было* ***холодно***. *Во дворе уже сильно пахло гарью* (Чехов. Черный монах). – *Двое, отвернувшись от ветра, топтались на месте, хлопали рукавицами… Было* ***морозно*** (Шукшин. Капроновая елочка). – *На дворе, как и все эти дни, было* ***студено*** *и ветрено*... (Быков. Знак беды) (ССПП «где есть каково»); *Не заметили, как оказались в Массандровском парке. В нем было* ***безлюдно***... (Алексеев. Зеленые берега). – *На море было* ***пустынно*** (Афанасьев. Дерсу Узала). – *И под холмом, и на холме было* ***пусто*** (Иванов. Сердце Пармы). – *Громадный парк тянулся вдоль моря. Здесь было* ***глухо*** *и тихо* (Катаев. Отче наш). – ***Нелюдно*** *бывает в лесах летней порою* (Мельников-Печерский. В лесах) и др.

2.3. Облигаторные элементы трех- и четырехкомпонентных специализированных структурных схем.

Из восьми выделенных специализированных структурных схем лишь одна – «*где самопроисходит*» – является двухкомпонентной, состоящей из

локативного субъектива и предикатива, все остальные структурные схемы имеют в своем составе большее число компонентов, помимо двух указанных.

Так, третьим компонентом структурной схемы «*где есть каково*» выступает глагольная связка *есть*[18]. Вопрос о возникновении и функциях связок неоднократно поднимался в научной литературе и решался неоднозначно [Востоков 1831; Давыдов 1852; Буслаев 1863; Потебня 1899; Поспелов 1955; Арутюнова 1980 (а), 1988; Мещанинов 1982; Шатуновский 1993; Лекант 1995; Новоженова 2001 и др.].

Генезис понятия «связка» возводят к работам еще греческих мыслителей. Предполагается, что связка была выделена в качестве самостоятельного и универсального элемента суждения комментатором Аристотеля Александром Афродизийским (II – III вв.). Первичным для связки являлось значение *бытия* [Арутюнова 1988: 144]. В IV в. получила большое распространение мысль о том, что связка идентифицирует экстенсионалы двух термов (имен) – субъекта и предиката. Суждение истинно, когда субъект и предикат относятся к одному и тому же объекту действительности [Арутюнова 1988: 145].

Большинство русских языковедов XVIII в. – первой половины XIX в. (М.В. Ломоносов, И. Орнатовский, А.Х. Востоков, И.И. Давыдов) придерживались концепции связки, сложившейся в европейских всеобщих грамматиках. Так, А.Х. Востоков, полагая, что предложение состоит из двух частей (подлежащего и сказуемого), утверждал наличие связи между этими компонентами, которая может быть выражена при помощи как окончания глагола (в простом глагольном сказуемом), так и посредством вспомогательных глаголов типа *есть*, *суть* [Востоков 1831: 212].

Ф.И. Буслаев отрицал необходимость выделения связки в качестве третьей составляющей предложения на том основании, что само сказуемое обозначает связь с подлежащим [Буслаев 1863]. Такой подход привел, по за-

[18] Связка не всегда рассматривается в качестве конститутивного элемента схемы. При лишении ее этого статуса количественный состав той или иной схемы меняется в сторону уменьшения числа компонентов [*см.*: Казарина 2011].

мечанию Н.Д. Арутюновой, к «растворению» связки в предикате; связка сохранила свои позиции только в качестве компонента составного именного сказуемого [Арутюнова 1988: 147].

А.А. Шахматов писал, что глагол *быть* (*есмь*) уже «в древшейших периодах» раздвоился в своем синтаксическом употреблении. С одной стороны, он «сохранил реальное значение и продолжал обозначать наличность, бытие, существование», а с другой – получил функцию связки [Шахматов 1941: 181].

И.И. Мещанинов, анализируя роль связки в индоевропейских языках, писал: «Получая чисто служебное значение, связка …теряет значительную долю самостоятельности» [Мещанинов 1982: 183].

З. Новоженова, определяя статус связки, отмечает, что связка указывает на предикативные категории и осуществляет связь между подлежащим и сказуемым [Новоженова 2001: 29]. Вторую функцию связки (указание на связь между подлежащим и сказуемым) ученый называет «сопутствующей» «ее роли “указателя” предикативных категорий» [Новоженова 2001: 29].

Целью нашей работы не является отслеживание истории связки, но нам важно определиться с ее функцией. А для этого вспомним слова Н.Д. Арутюновой: «Предложение объединяет три элемента; субъект, реализующий денотативное значение, предикат, несущий значение сигнификативного типа, и копулу, выражающую истинностное значение. Копула тем самым соединяет гетерогенные сущности – денотат и сигнификат (предмет и понятие, мир и человека)» [Арутюнова 1980 (а): 358]. З.Д. Попова также отмечает, что для выражения предикативного отношения нужны три языковых знака: знак субъекта, знак отношения и знак предиката [Попова 1996: 225]. «Субъектив и предикатив могут быть связаны третьей словоформой, специально обозначающей вид отношения между ними» [Волохина, Попова 2003 (а): 8]. Мы придерживаемся этой точки зрения на глагольную связку.

Например: *В воздухе*, *на солнце*, ***было*** *тепло*, *и тепло это с крепительной свежестью утреннего заморозка*, *еще чувствовавшегося в воздухе*, *было*

особенно приятно (Толстой. Война и мир); *В саду* ***было*** *светло и жарко* (Арцыбашев. У последней черты); ***Было*** *уже темно. Тишина прерывалась звуками песни, долетавшей издалека с реки* (Горький. Озорник); *В солнечный день здесь* ***было*** *жарко, сыро и сумрачно, как в тропическом лесу* (Домбровский. Хранитель древностей); *Декабрь миновал, штормы утихли, но по-прежнему* ***было*** *сумрачно и холодно* (Улицкая. Медея и ее дети) и др.

В форме настоящего времени связка не вербализуется.

Ср. с предыдущим блоком примеров: *Еще ночь,* ***глухо*** *и* ***снежно*** (Бунин. Последняя весна); – ***Студено*** (Толстой. Петр Первый); *Для меня дороже всего войти в лес, когда в лесу еще* ***сумрачно****…* (Солоухин. Третья охота); *Движение местного светила происходило так медленно, что невозможно было понять – утро это или вечер, а может, совсем ничего и здесь всегда так* ***сумрачно*** *и* ***сыро*** *– вечный закат* (Осипов. Страсти по Фоме) и др.

Третий компонент структурных схем «*где пахнет чем*», «*где действует чем откуда/куда*» – конкретизатор запаха или веяния – представлен творительным падежом имени существительного или, в редких случаях, словосочетанием неопределенного местоимения *что-то* в Тв.п. + субстантивированное имя прилагательное.

Например: *Пахло* ***нефтью*** *и гнилой* ***рыбой*** (Люфанов. Самый короткий путь); *В берега плещется вода. Тепло, сильно пахнет* ***чем-то пряным*** (Гончаров. Фрегат «Паллада») (ССПП «где пахнет чем»); *От речки, из лесу, потянуло знобким* ***холодом*** (Шолохов. Донские рассказы); *Опять выехали в поле. <…> Повеяло сильным* ***холодом*** (Эртель. Записки Степняка) (ССПП «где действует чем откуда/куда») и др.

Третьим компонентом структурной схемы «*покрывает что* (В.п.) *чем*» выступает словоформа творительного падежа, представляющая воздействующий на страдающий предмет «каузатор непроизвольного воздействия», «стихийный каузатор» [Золотова 1988: 234; *о том же*: Золотова 2000: 110], вызывающий определенное физическое состояние природы. Как средство воздействия он занимает объектную позицию, характеризуется нами как

объект-стихийный каузатор, хотя данная квалификация этого компонента структурной схемы не является общепринятой: его называют, например, «предметным» субъектом [*см.*: Юрченко 1991; Дручинина, Онипенко 1993], «квазисубъектом», потенциально претендующим на роль субъекта в силу своей способности трансформироваться в номинатив и линейной позиции в предложении [Рылов 2006: 94]. При рассмотрении компонента, маркированного творительным падежом имени, в качестве субъекта подобные предложения квалифицируются как инструментально-субъектные [Лаврентьев 2011: 277].

Например: *В ночь под Пасху небо затянуло черногрудыми* ***тучами***, *накрапывал дождь* (Шолохов. Тихий Дон); *Небо заволокло низкими* ***тучами*** *– и хотя не было совсем темно и накатанные колеи на дороге виднелись*, *бледно поблескивая*, *впереди*, *однако*, *направо*, *налево все застилалось и очертания отдельных предметов сливались в смутные большие пятна* (Тургенев. Новь); *Небо затянуло какой-то белесой сквозной* ***поволокой***, *словно тюлевой занавеской задернуло* (Можаев. Дождь будет); *К вечеру солнце затянуло* ***облаками***… (Пильняк. Третья столица) и др.

Наличие в специализированной структурной схеме «покрывает что (В.п.) чем» в качестве одного из конститутивных компонентов «стихийного каузатора», на наш взгляд будет свидетельствовать о признаке ‘*каузативность*’ в содержании типовой пропозиии «состояние природы».

Третий компонент схем «*где перемещает что* (В.п.) *откуда/куда*», «*где создает что* (В.п., Р.п.)», «*где разрушает что* (В.п.)», представляющий объект, подвергаемый воздействию (перемещение, создание или разрушение), маркирован винительным или родительным падежом имени. Регулярная вербализация этого компонента в речевой реализации указанных схем о актуализирует признак ‘*объектность*’ в содержании типовой пропозиции «состояние природы».

Например: *Мы вместе возвращались домой через Театральную площадь*, *намело свежего* ***снега***, *и все искрилось под фонарями*; *вверх по Теат-*

ральному проезду, *по Мясницкой*, *Кривоколенному переулку*, *обогнули мой дом и вошли в тишайший в этой тихой ночи Сверчков переулок* (Нагибин. Тьма в конце туннеля); *И уж не смотрю на него*, *а стараюсь по тропке идти*, *кругом* ***снегу*** *намело* (Шмелев. Человек из ресторана) (ССПП «где создает что (В.п., Р.п.)»); *Была ростепель*, *грязь*, *холод*, ***реки*** *взломало*, *дороги сделались непроездны*; *по нескольку дней не выдавали ни лошадям ни людям провианта* (Толстой. Война и мир) (ССПП «где разрушает что (В.п.)») и др.

Четвертый компонент структурной схемы «*где действует чем откуда/куда*» и «*где перемещает что* (В.п.) *откуда/куда*» – исходный/конечный пункт перемещения состояния – представлен наречиями или предложно-именными словоформами, нечленимыми словосочетаниями. Возможность включения данного компонента в структурную схему предопределяется валентным потенциалом личных глаголов в безличном употреблении, маркирующих предикатив как конститутивный компонент данных схем: *веять*, *дуть*, *дохнуть*, *нести*, *наносить*, *попахивать*, *пахну'ть*, *тянуть*, содержащих соответственно семы ‘распространение’ и ‘перемещение’. Регулярная объективация компонента свидетельствует о признаке ‘*директивность*’ в содержании типовой пропозиции «состояние природы».

Например: ***Навстречу*** *тянуло холодным ветром и мокрой мглой* (Бунин. Таня); *Солнце уже довольно высоко стояло на чистом небе*; *но поля еще блестели росой*, ***из*** *недавно проснувшихся* ***долин*** *веяло душистой свежестью*, *и в лесу*, *еще сыром и не шумном*, *весело распевали ранние птички* (Тургенев. Записки охотника) (ССПП «где действует чем откуда/куда»); *Грозу сносило* ***к Мертвому морю*** (Булгаков. Мастер и Маргарита) (ССПП «где перемещает что (В.п.) откуда/куда») и др.

Частотность реализации той или иной специализированной структурной схемы в речи позволяет дифференцировать их на три группы (*см*. **Приложение 2**):

1) *высокопродуктивные*, к которым относим специализированную схему «где есть каково», лежащую в основе 48,2 % высказываний выборки[19], и «где самопроисходит» (30,45 %);

2) *средней продуктивности*: таковыми считаем схемы «где пахнет чем» (12,02 %), «где действует чем откуда/куда» (5,05 %), «покрывает что (В.п) чем» (3,26 %);

3) *низкой продуктивности*: это схемы «где перемещает что (В.п.) откуда/куда» (0,42 %), «где создает что (В.п., Р.п.)» (0,33 %) и «где разрушает что (В.п.)» (0,22 %).

Например: *Когда знак зодиака менялся на Скорпиона*, ***становилось совсем уж ветрено***, ***темно и дождливо*** (Толстая. Река Оккервиль) (ССПП «где есть каково»); *В воздухе засвежело* (Мельников-Печерский. На горах); *В долине стемнело* (Ефремов. Озеро горных духов) (ССПП «где самопроисходит»); *Пахло молодой травой*, *полевыми цветами* (Смирнов. Саша Чекалин) (ССПП «где пахнет чем»); *Наносило холодом от воды* (Шукшин. Хахаль) (ССПП «где действует чем откуда/куда»); *Неожиданно яркое июньское небо затянуло сизыми тучами…* (Житков. Кафедра) (ССПП «что покрывает (В.п.) чем») и др.

§3. Использование неспециализированных структурных схем для обозначения типовой пропозиции «состояние природы»

3.1. Структурные схемы «где есть какое состояние» и «где нет какого состояния» как репрезентанты типовой пропозиции «состояние природы».

Помимо специализированных структурных схем, для вербализации типовой пропозиции «состояние природы» могут использоваться и *неспециализированные* структурные схемы:

[19] Здесь и далее дается процент от общего числа высказываний, в основе которых лежат специализированные ССПП.

1) «*где есть какое состояние*»: *Опять безмолвие* (Гончаров. Обыкновенная история); *Поле*, ***холод*** *и серый свет* (Арцыбашев. У последней черты) и др.;

2) «*что находится в каком состоянии*»: *Море не замерзло* (Паустовский. Золотая роза); *В дымчато-синих сумерках дремала лазоревая степь…* (Шолохов. Донские рассказы) и др.;

3) «*что есть каково по состоянию*»: *И все стало сонно и тихо вокруг* (Бунин. Кукушка); ***Море было сонно***, *и далеко за мысом сверкал белыми надстройками палуб океанский пароход* (Паустовский. Этикетки для колониальных товаров) и др.;

4) «*что есть какое по состоянию*»: ***Небо*** *синее*, *глубокое*, ***по-осеннему спокойное*** (Куприн. Над землей) и др.;

5) «*что есть в каком состоянии*»: *Все они* [луга – О.С.] *были затоплены водой*, – ***Донец был в разливе*** (Бунин. Святые горы) и др.;

6) «*что есть полно какого состояния/каким состоянием*»: *Запах сухой травы*, *дыма*, *сырости низин*, *тишина*, *еще более тихая от сонных звуков пустыни*, *дающей вздохи*, *шелест ветвей*, *треск костра*, *короткий вскрик птицы или обманчиво близкий лепет далекого водопада*, – ***все было полно тайной грусти***, ***величавой***, ***как сама природа – мать ощущений печальных*** (Грин. Вперед и назад) и др.;

7) «*что погружается в какое состояние*»: *В свежести весенней степной ночи тонули поля* (Бунин. Кастрюк) и др.;

8) «*что есть погружено в какое состояние*»: *В ложбинах с холодным сверканием бегут ручьи*, *обрамленные голыми берегами*. ***Все повержено в какую-то меланхолическую тишину*** (Эртель. Записки Степняка) и др.;

9) «*где нет какого состояния*»: *Каждый день с утра до вечера яркое солнце горячо нагревало землю*, ***но засухи не было*** (Мельников-Печерский. В лесах) и др.;

10) «*что покрывается чем*»: *По утрам степь*, *как лошадь коростой*, *покрывалась туманом* (Шолохов. Донские рассказы) и др.;

11) «*что есть покрыто чем*»: ***Земля залита темнотой***, *темнота поднимается снизу*, *затопляет сразу далекую зарю*, *последний след ее* (Бунин. Полуночная зарница) и др.

Истоки формирования и компонентный состав неспециализированных структурных схем, как и специализированных, различны.

Так, структурная схема простого предложения «*где есть какое состояние*» (43,79 %) восходит к структурной схеме «*кто/что есть где*», сформировавшейся еще в индоевропейский период, когда происходило нарабатывание синтаксических структур для ситуаций внешнего мира, часто возникающих в жизни древнего человека, и вербализующей типовую пропозицию «*бытие объекта*» [Попова 2004: 28]. Структурная схема «кто/что есть где» для обозначения типовой пропозиции «бытие объекта» наработана в ряде европейских языков. Например, широко известны английские конструкции *there is* и *there are*, называемые existential construction [*см*.: Гвишиани 2004; Кузьмина 2010 (а)]: *There is a forest near our village* (Возле нашей деревни есть лес; букв. *там есть лес возле нашей деревни). В немецком языке используются структуры с оборотом *es gibt*, а во французском – конструкция *il y a*, основанная на глаголе *avoir* : нем. *Es gibt hier einen Park* (Здесь находится парк; букв. *оно дает здесь парк); фр. *Il y a des portraits dans cette sale* (В этом зале есть портреты; букв. *оно там имеет портреты в этом зале) [Попова 2004: 28–29]. Однако видеть в перечисленных структурах полные эквиваленты русским конструкциям не следует: немецкий глагол *geben* (к нему восходит по происхождению оборот *es gibt*) значит не *быть*, а *давать*, французский *avoir* – *иметь* (конструкция *il y a* восходит к этому глаголу) [Попова 2004: 29].

Бытийные предложения в русском языке составляют «поистине грандиозный класс», соединяя в себя фрагменты, являющиеся сущностями самого разнообразного рода [Шатуновский 2000: 189]. Сравним предложения: *Сад*, *все больше редея*, *переходя в настоящий луг*, *спускался к реке*, *поросшей зеленым камышом и ивняком*; ***около мельничной плотины был плес***, ***глубо-***

кий и рыбный… (Чехов. Моя жизнь); *В полночный час*, *когда необыкновенный поезд уже спал*, *из купе Ухудшанского послышался шатающийся голос*: «***Есть на Волге утес***, *диким мохом порос*». *Путешествие взяло свое* (Ильф, Петров. Золотой теленок). В основе выделенных жирным курсивом предикативных единиц лежит структурная схема «кто/что есть где». Ее означаемое – типовая пропозиция «бытие объекта» – представлена смыслами: ‘объект бытия’ (*плес*, *утес*) – ‘бытие’ (*был*, *есть*) – ‘область бытия’ (*около мельничной плотины*, *на Волге*). Ср.: – ***Жара***. ***Безветрие***. *Черепичные крыши Константинополя выцвели.* ***Над городом – марево зноя*** (Толстой. Петр Первый); – ***Там такая жара***, *что потеют не только люди*, *но и военные корабли* (Паустовский. Жара (Записки лейтенанта Жиро)). В основе выделенных жирным курсивом предикативных единиц – структурная схема «где есть какое состояние». Ее означаемое – типовая пропозиция «состояние природы»: ‘носитель состояния’ (*над городом*, *там*, в единицах *Жара*; *Безветрие* компонент с указанным значением эллиптирован) – ‘физическое состояние природы’ (*жара*, *безветрие*, *марево зноя*, и снова *жара*). Таким образом, приведенные предложения являются одинаковыми с точки зрения формальной устроенности, но разными по своей семантике: в первых двух примерах речь идет о *бытии конкретного объекта* (утес и плес), а в следующих за ними – уже о *состоянии природы* (жара, безветрие, марево зноя).

Структурная схема «где есть какое состояние» трехкомпонентна. Сема ‘состояние’, заключенная в лексемах, условно занимающих позицию объекта бытия, позволяет лингвистам квалифицировать этот компонент как *предикатив*. Так, Г.А. Золотова анализирует номинативные предложение (а указанная ССПП часто лежит именно в основе данного типа предложений) с позиции двусоставности и видит в «наличии предмета» в номинативных предложениях признак, предикативную характеристику места действия [Золотова 1982: 114]. Г.П. Дручинина, сравнивая предложения *В доме тихо* и *В доме тишина*, отмечает, что «у них одинаковое типовое значение – “Локативный субъект и его состояние”», а вторые компоненты (*тихо*, *тишина*) «обознача-

ют одно и то же состояние, различаясь только морфологически» и выполняя «одну и ту же функцию – предиката при локативном субъекте *в доме*» [Дручинина 2002: 153].

Мы также полагаем, что в качестве первого конститутивного компонента схемы «где есть какое состояние» выступает предикатив, маркированный именами существительными, имеющими в своем составе сему ‘состояние’. С учетом семантики эти имена существительные мы дифференцируем на несколько групп:

1) называющие «общее» состояние атмосферы: *ненастье*, *непогода*, *погода* (*погоды*). Отметим, что в нашем материале лексема *погода* (*погоды*) используется часто вместе с конкретизатором, представленным атрибутом, указывающим на благоприятное или неблагоприятное состояние атмосферы.

Например: *Хорошо*, *хорошо*, *деточка*, *не плачь*, *кисюринька моя*, *вот будет* ***хорошая погодка***, *и в садик тогда пойдешь* (Куприн. Детский сад); *В середине августа*, *перед рождением молодого месяца*, *вдруг наступили* ***отвратительные погоды*** (Куприн. Гранатовый браслет); – ***Ненастье*** *завтра будет*, *– сказал старик. Девушка посмотрела на ясное небо* (Шукшин. Солнце, старик и девушка); – *Экая* ***лютая погода***, *– заметил Егор* (Задорнов. Амур-батюшка) и др.;

2) называющие конкретные, разнообразные по интенсивности, способу своего проявления, «комплексу» слагающих их атмосферных явлений или осадков, «области бытия» (*пустыня*, *море* и т.п.) природные состояния, являющиеся «разновидностями» общего состояния *ненастья*: *буран*, *буря*, *вьюга*, *гроза*, *метель*, *пурга*, *ураган* и др.

Например: *Трудно приходилось пастухам в течение зимы*, *особенно когда поднимался* ***буран*** (Мамин-Сибиряк. Ак-Бозат); *За окном* ***вьюга***, *ветер бросает в стекло горсти снега* (Островский. Как закалялась сталь); *Ночью была* ***гроза***, *молнии разрывались рядом*, *все вокруг трещало*, *на веранде полопались стекла и заливало ливнем* (Трифонов. Дом на набережной) и др.;

3) состояния природы, не имеющие по сравнению со второй группой столь разнообразных комплексных атмосферных проявлений, их слагаемых типа *дождь*, *молния*, *сильный ветер*, *снег* и т.п. (образно говоря «симптоматики» состояний), но квалифицируемые как отрицательные, вызывающие у человека дискомфорт в силу их отклонения от состояния, определяемого как соответствующее норме: *духота*, *жара*, *заморозки*, *засуха*, *зной*, *марево*, *мороз*, *сухмень*, *холод* и др.

Например: *Будет пусто в поле*, *тьма и* ***холод*** *одни будут в нем*, *и никем не зримый*, *никому не нужный*, *с тихим шепотом будет лить и лить дождь* (Арцыбашев. У последней черты); *Душно*, *– сказал он*. *–* ***Жара***, *мгла*... (Толстой. Петр Первый); *С утра до вечера дождь*, *ветер*, ***холод*** (Пришвин. Календарь природы) и др.;

4) состояния природы, квалифицируемые как обыденные: сезонные, суточные изменения, не приносящие значительного дискомфорта человеку, определяемые как соответствующие норме или лишь немного от нее отклоняющиеся: *безветрие*, *безмолвие*, *заря*, *затишье*, *мрак*, *оттепель*, *прохлада*, *свежесть*, *сумерки*, *тишина*, *тьма*, *штиль* и др.

Например: ***Безветрие*** (Толстой. Петр Первый); *На дворе – густая* ***темень*** *и льет не переставая мелкий*, *частый дождь* (Куприн. Ночная смена); *Три часа*, *а уже совсем* ***сумерки*** *от тумана и дождя* (Бунин. Неизвестный друг) и др.;

5) антропоморфные состояния природы, метафорические, «физиологические» или «психологические»: *дремота*, *истома*, *печаль*, *покой*, *скука*, *спокойствие* и др.

Например: *Жара и* ***скука*** *лежали на этой арало-каспийской степи*... (Платонов. Ювенильное море); ***Покой*** *и горячая* ***истома*** *на всем* (Шукшин. Кукушкины слезки); *Осенняя* ***печаль*** *и красота*! (Бунин. Последнее свидание) и др.

Второй компонентом схемы – носитель природного состояния, субъектив, – маркирован пространственными наречиями или предложно-именными

формами со значением некой части природного пространства или природного объекта, располагающегося на земной поверхности или в атмосфере.

Например: *Но такая тишина стоит **в лесах** только в безветренные дни* (Паустовский. Мещорская сторона); ***В полях** было марево…* (Пришвин. Кащеева цепь); *С ночи не унявшаяся*, *постоянная **здесь** пурга…* (Астафьев. Царь-рыба); ***Вдали** стояло марево*, *и синий лес трепетал в его волнах* (Эртель. Записки Степняка) и др.

Отношение между субъективом и предикативом устанавливает связочный компонент, представленный глаголами, относящимися к лексико-семантической группе глаголов бытия:

1) глагол *быть* (‘иметься, иметь место’), передающий «в чистом виде бытийность» [Арутюнова, Ширяев 1983: 26], обладающий «максимальным объемом и, следовательно, минимальным содержанием» [Красухин 2002: 70], представленный в инварианте схемы нулем.

Например: ***Тишина***, *белые ночи*, *когда что полдень*, *что полночь*. ***Безмолвие***. *Паруса ветерок надувает*, *и судно тихонько бежит вдоль берега…* (Коваль. Веселье сердечное) (глагол *быть* эллиптирован). – Ср.: – *Большой песчаный буран **будет***, *– заметил монгол-рабочий*, *взглянув на небо* (Обручев. Видение в Гоби); *Наверху **был** холод*, *лед*, *пустыня*, *буря*, *палубу то и дело крыло пенными и шумными хвостами крепко пахнущего мокрым бельем моря* (Бунин. История с чемоданом) и др.;

2) делексикализованные глаголы, выключенные из парадигм противопоставлений, определяющих их собственно лексическое значение [Арутюнова, Ширяев 1983: 33]. Это глаголы, в которых «сема бытийности корреспондируется с семой характеризации» [Монина 2007: 97], иными словами, к семе *бытия* добавляются дифференциальные семы *положения объекта* в пространстве: *стоять*, *лежать*, *висеть*. В нашей выборке языкового материала подобные глаголы примыкают к глаголу *быть* на основании реализации такого своего значения, как ‘существовать, иметь место’. В использовании глаголов типа *стоять*, *лежать*, *висеть* при описании ситуаций бытия предме-

тов в пространстве (в нашем случае – состояний природы) лингвисты, занимающиеся синхроническим исследованием русского языкового менталитета, видят свойственную национальной картине мира избыточность в представлении образа предмета [Радбиль 2011: 56] и осмысление ситуации местонахождения неодушевленного предмета в терминах положения в пространстве одушевленного лица [Рацибурская 2011: 103].

Например: ***Стояло*** *безветрие*, *озера заросшие*, *уток не подбивало к берегу* (Астафьев. Царь-рыба); *Та же глубокая тишина и мир* ***лежат*** *на полях…* (Гончаров. Обломов); ***Стояло*** *затяжное ненастье*, *и в поле все равно делать было нечего* (Марков. Строговы); *Жар* ***повис*** *над водой*, *не давая подняться прохладе* (Задорнов. Амур-батюшка) и др.;

3) глаголы, содержащие фазовые семы *начала*, *продолжения*, *конца* в своих семемах: *ахнуть* (‘начаться’), *закончиться* (‘перестать быть, существовать, совершаться’), *зарядить* (‘начаться’), *заходить* (‘начинаться’), *кончиться* (‘перестать быть, существовать, совершаться’), *навалиться* (*перен.* ‘появиться с силой’), *наступать/наступить* (‘начаться, настать’), *начаться/начинаться* (‘начать быть, существовать, совершаться’), *настать* (‘начать быть, существовать, совершаться’), *подниматься* (‘начинаться’), *прийти* (‘начаться’), *пройти* (‘закончиться’), *собраться* (‘наступить, надвинуться’), *сдаться* (‘закончиться’), *ударить* (‘начаться’) и под.

Например: *Ночью* ***ахнул*** *мороз* (Шолохов. Донские рассказы); ***Сдался*** *мороз* (Пришвин. Кащеева цепь); *Ненастье* ***кончилось***, *ветер дул сравнительно слабо*, *часто затихая*; *свежий снег начал ослепительно сверкать* (Обручев. Земля Санникова); *Сплав осторожно спускался подле берегов*, *лишь изредка переваливая реку и отстаиваясь в заливах*, *когда* ***поднималась*** *буря* (Задорнов. Амур-батюшка) и др.;

4) лексикализованные глаголы с бытийным значением на первом плане и с характеризующем на втором [Арутюнова, Ширяев 1983: 37] типа *беситься*, *бушевать*, *завывать*, *разливаться*, *разойтись*, *свирепствовать*, *стыть*, *царить* и некоторые др.

Например: ***Бушевал*** *буран*, *не было у темного мира ни земли*, *ни неба*… (Липатов. Деревенский детектив); *Глубокая тишина* ***царила*** *теперь на лесной полянке*, *по которой торчало из сугробов несколько низких деревянных крестов* (Бунин. Сосны); *Не верится*, *что около Москвы и по всей почти средней России* ***свирепствует*** *засуха*… (Астафьев. Царь-рыба) и под.

Между предложениями с лексикализованными глаголами и другими группами глаголов бытия наблюдается, по словам И.Б. Шатуновского, «континуальный переход по мере нарастания или, с другой стороны, убывания степени лексикализованности значения глагола, наслоения на связочное значение других признаковых, вещественных компонентов» [Шатуновский 2000: 195].

Из приведенных выше примеров очевидно, что мы считаем построенными по одной и той же структурной схеме и те предложения, которые считаются двусоставными, и те, которые рассматриваются как особый тип односоставных предложений – номинативные[20]. Это обусловлено тем, что однословные реализации наименований природных состояний (номинативные предложения) с когнитивной точки зрения никакой новой типовой пропозиции не несут и потому новой схемой простого предложения не являются [Попова 2009: 42]. Они выполняют стилистическую функцию: так писатели имитируют устную речь, создают эффект присутствия читателя в определенном месте, в определенное время [*см*.: Арутюнова, Ширяев 1983; Попова 2009].

Антонимичная структурной схеме «где есть какое состояние» неспециализированная структурная схема «*где нет какого состояния*» (1,02 %) восходит к схеме «*кого/чего нет где*», репрезентирующей типовую пропозицию «*небытие объекта*». [21]

---

[20] Специфике номинативных предложений в русистике посвящено немало специальных работ, вопрос об этом типе предложений подробно освещается в вузовских учебниках [*см*.: Шахматов 1941; Грамматика 1954; Пешковский 1956; Бабайцева 1968, 2004; Бабайцева, Максимов 1981; Грамматика 1970; Лекант 1974; Русская грамматика 1980; Валгина 2003; Скобликова 2006; Казарина 2007 (а), 2007 (в); Кустова 2007; Долин 2007, 2008; Биджиев 2007 и мн. др.].

[21] Подробно о данной типовой пропозиции и синтаксических средствах ее объективации пишет [*см*.: Очирова 2011].

Например: – ***Не было вокруг ни хрупкого снега***, *похожего на голубой фаянс*, ***ни старинного дилижанса***, *трубящего на дорогах Англии*, *совсем не показавшейся мне веселой*, ***не было и гнома***, *зажегшего решетчатый фонарь* (Катаев. Алмазный мой венец); ***Нигде не было охотников*** – *вдали стояли стога*, *нахлобученные на обкошенные пригорки* (Коваль. Гроза над картофельным полем). В основе выделенных жирным курсивом предикативных единиц ССПП «кого/чего нет где», ее означаемое – типовая пропозиция «небытие объекта», представленная смыслами: ‘область небытия’ (*вокруг*, *нигде*) – ‘небытие’ (*не было*) – ‘отсутствующий объект’ (*снега*, *дилижанса*, *гнома*, *охотников*). – Ср. с таким предложением: *...Я вдруг почувствовал тайное беспокойство на сердце… поднял глаза к небу* – ***но в небе не было покоя***: *испещренное звездами*, *оно все шевелилось, двигалось*, *содрогалось…* (Тургенев. Ася). В основе выделенной жирным курсивом предикативной единицы – ССПП «где нет какого состояния», ее означаемое: ‘носитель состояния’ (*в небе*) – ‘отсутствующие состояние природы’ (*покой*).

Опираясь на философскую трактовку сущности реального мира как взаимодействия бытия и небытия [Шаталова 2008: 11–12], лингвисты говорят о первичности типовой пропозиции «бытие объекта» и вторичности «небытие объекта», возможность объективации которой для славянской группы языков обусловлено наличием родительного аблативного. З.Д. Попова указывает на отсутствие структурной схемы «кого/чего нет где» в европейских языках, в которых «небытие объекта» обозначается не специально наработанной синтаксической конструкцией, а «чисто *лексическими средствами*: в ССПП (курсив наш. – *О.С.*) с семантикой “бытие объекта” включается отрицание»: англ. *He is not at home* (Его нет дома; букв. *он есть нет дома); нем. *Er ist nicht zu Hause* (Его нет дома; букв. *он есть нет дома) и под. Отсутствие «нужной» схемы в английском и немецком языках обусловливается лингвистом отсутствием «синтаксического концепта “небытие объекта”» [Попова 2004: 29].

Использование трехкомпонентной структурной схемы «где нет какого состояния» в качестве репрезентанта типовой пропозиции «состояние природы» стала возможным за счет заполнения позиции *чего* именами существительными родительного падежа не со значением отсутствующего объекта, а со значением отсутствующего состояния в природе: *буря*, *жара*, *засуха*, *зной*, *ненастье*, *покой*, *тишина* и др. Двумя другими компонентами схемы выступают: субъектив (потенциально репрезентируется наречиями или соотносительными предложно-падежными формами, однако в рчеевой реализации, как правило, отсутствует) и знак отношения (*нет*, *не было*): *Медленная весна.* ***Ночью не было мороза*** **(**‘отсутствующее состояние’**)** (Компонент структурной схемы со значением ‘носитель состояния’ эллиптирован в речевой реализации схемы) (Пришвин. Лесная капель); *В замке пустота была ощутительна*; *скука налегла на всех*; *прекрасные дни казались душными*; ***если не было грозы*** **(**‘отсутствующее состояние’**)**, *так несносный жар предвещал ее*; *мошки кусали нестерпимо*… (Компонент структурной схемы со значением ‘носитель состояния’ эллиптирован в речевой реализации схемы) (Лажечников. Последний Новик) и др.

3.2. Использование знака типовой пропозиции «инобытие объекта» для вербализации внеязыковых ситуаций, связанных с изменением состояний природы.

Структурная схема «*что находится в каком состоянии*» (25,21 %) связана со схемой «*кто/что действует чем*», специализирующейся на реализации типовой пропозиции «*инобытие объекта*» и позволившей вербализовать типовую пропозицию «состояние природы» вследствие специфического лексического наполнения своих позиций.

Например: ***Владимир Федорович*** *грузно последовал за нею*, *обернувшись в дверях*, ***покачал головой*** (Астафьев. Пролетный гусь); *Снова в стране* ***загудели паровозы*** *прошлого*, ***загрохотали барабаны***, ***захлопали крыльями*** ночные ***птицы*** (Яковлев. Омут памяти); *Невысокое* ***солнце светит*** *на ле-*

сенку амбара, *по которой взбегают плотники* (Шмелев. Лето Господне). В основе выделенных жирным курсивом предложений лежит ССПП «кто/что действует чем», в качестве означаемого которой выступает типовая пропозиция «инобытие объекта». Она представлена смыслами: ‘феномен, проявляющий себя’ (человек – *Владимир Федорович*; техническое средство – *паровоз*; инструмент – *барабан*; живое существо – *птица*; небесное тело – *солнце*) – ‘самопроявление’ (*покачал*, *загудели*, *загрохотали*, *захлопали*, *светит*) – ‘средство самопроявления’ (*головой*, *крыльями*; в остальных случаях этот смысл не вербализован в силу избыточности). Сравним с предложениями: – *Ночью* ***море штилеет*** (Паустовский. Этикетки для колониальных товаров); *Чистый весенний* ***воздух холодел***, *в пустынном*, *еще черном саду казалось*, *что стоит ясный октябрьский вечер* (Бунин. Без роду-племени); *Не только* ***сирени***, *но и* ***липы отцвели***… (Гончаров. Обломов). В основе этих предложений лежит ССПП «что находится в каком состоянии», маркирующая типовую пропозицию «состояние природы», представленную смыслами: ‘носитель состояния’ (*море*, *воздух*, *сирени*, *липы*) – ‘состояние природы’ (*штилеет*, *холодел*, *отцвели*).

Следует обратить внимание на то, что неспециализированная схема «*что находится в каком состоянии*» является двухкомпонентной (в отличие от трехкомпонентной схемы «кто/что действует чем»): ‘носитель состояния’ – ‘состояние природы’. Потенциально третий компонент – конкретизатор состояния (*чем*) – здесь не просто регулярно не вербализуется, а предстает «стертым», что обусловлено, на наш взгляд, трудностью диагностирования специфических «болезненных» природных состояний из-за отсутствия специальных знаний у носителя «наивной картины мира», а не научной (экологов, географов, биологов и т.п.). Нами встречен единичный пример, в котором эта схема может квалифицироваться как трехкомпонентная, с замещенной позицией конкретизатора состояния природы: *В тех местах*, *где уничтожены леса*, ***земля заболевает бесплодием*** *и* ***сухими язвами оврагов*** (Паустовский. Повесть о лесах). Однако этот пример не позволяет нам квалифицировать струк-

турную схему «что находится в каком состоянии» как трехкомпонентную не только из-за своей единичности, но и из-за своей метафоричности. Ведь именно маркирование предикатива глаголом со значением ‘физиологическое состояние живого существа’ повлекло при себе появление конкретизатора этого состояния – *чем* (*бесплодием и сухими язвами оврагов*), как это произошло бы в схеме «кто находится в каком состоянии», означаемым которой выступает уже типовая пропозиция «физиологическое или психологическое состояние одушевленного субъекта (живого существа)» (ср. с высказыванием типа *Уже вторую неделю* ***физик болеет гриппом***, *который сопровождается высокой температурой* (Чубаров. Дело Данилова отправлено на доследование)).

Первым структурообразующим компонентом схемы «что находится в каком состоянии» выступает предикатив, маркированный личными глаголами со значением ‘состояние природы’. С точки зрения семантики эти глаголы можно дифференцировать на две большие группы:

1) глаголы со значением физического состояния природы. В эту группу включаем глаголы, обозначающие состояния, собственно «принадлежащие» природе или ее объектам: *высохнуть*, *вянуть*, *жухнуть*, *замерзнуть*, *зеленеть*, *оттаять*, *раскалиться*, *расчиститься*, *сгуститься*, *созреть*, *холодеть*, *штилеть*, *штормить* и др.

Например: *Темно синея в вышине*, *меж облаков*, ***расчищалось*** *небо* (Бунин. Игнат); – *Осенью все-таки зеленя очень* ***зажухли***... (Пришвин. Кащеева цепь); *Воздух* ***сгустился***, ***похолодел*** (Куприн. Одиночество); ***Встал*** *Амур* (Задорнов. Амур-батюшка) и др.;

2) глаголы, представляющие состояния природы метафорически, через перенос состояний живого существа на состояние природы: *веселиться*, *волноваться*, *грустить*, *дремать*, *млеть*, *обессилеть*, *озябнуть*, *пробудиться*, *проснуться*, *радоваться*, *смутиться* и др.

Например: ***Смутилось*** *озеро: ветер на ветер*, *волна на волну*, *и черные пятна*, *как тени крыльев*, *быстро мчались по озеру из конца в конец* (Пришвин. Календарь природы); *Река как бы* ***обессилела*** *и*, *подавленная*, ***затихла***

(Задорнов. Амур-батюшка); *Казалось*, *вся природа* ***озябла*** *и* ***сжалась*** *за ночь от сырости и холода* (Задорнов. Амур-батюшка) и др.

В единичном случае предикатив представлен фразеологизмом *отойти на покой* (‘заснуть’)*: И леса*, *и озера*, *и воздух самый* – ***все на покой отошло***… (Васильев. А зори здесь тихие).

Второй компонент схемы «что находится в каком состоянии» – субъектив – маркирован формой именительного падежа имени существительного или местоимения.

Например: *Еще молодые зеленые силы гнали и гнали из земли ядреный сок жизни:* ***все*** *цвело вокруг*, *или начинало цвести*, *или только что отцвело*, *и там*, *где завяли* ***цветки***, *завязались пухлые живые* ***комочки*** *– будущие* ***плоды*** (Шукшин. Страдания молодого Ваганова); *Пожухли и очерствели изросшие к исходу лета молчаливые* ***травы*** (Белов. Привычное дело); *Месяц купался в лазури небес*, *а* ***сосны*** *и* ***ели*** *дремали* (Лесков. Овцебык) и др.

3.3. Компонентный состав и лексическое наполнение структурных схем «что есть какое по состоянию», «что есть каково по состоянию» и «что есть в каком состоянии».

Структурные схемы «*что есть каково по состоянию*» (11,48 %), «*что есть какое по состоянию*» (6,13 %) и «*что есть в каком состоянии*» (2,94 %) имеют своими прообразами квалитативные структурные схемы «*кто/что есть каков*», «*кто/что есть какой*», номинирующие типовую пропозицию «*бытие признака объекта*», и локативно-бытийную структурную схему с псевдолокализатором «*кто/что есть в чем*» (предложения типа *Тут я разглядел*, ***что он в пальто и блестящих глубоких калошах***, *а под мышкою держит портфель* (Булгаков. Театральный роман)).

Например: *Я согласен с вами*, *– сказал Коротеев*, *–* ***проект интересный*** (Эренбург. Оттепель); ***Кодекс так еще нов***, *что даже главные контрреволюционные статьи Крыленко не успел запомнить по номерам – но как он сечет этими номерами*! (Солженицын. Архипелаг ГУЛаг). В основе выделен-

ных жирным курсивом предикативных единиц – ССПП «кто/что есть какой» и «кто/что есть каков» соответственно, обозначающие типовую пропозицию «бытие признака объекта»: ‘носитель признака’ (*проект*, *кодекс*) – ‘признак’ (*интересный*, *нов*). Знак отношения между субъективом и предикативом схем – связка *есть* – в инварианте не вербализована. – Ср. с другими предложениями: *Воздух пьяный* (Толстой. Хождение по мукам); – *Тайга все так же ...невозмутима* (Астафьев. Царь-рыба). В основе предложений лежат ССПП «что есть какое по состоянию» и «что есть каково по состоянию», их означаемое: ‘носитель состояния’ (*воздух*, *тайга*) – ‘состояние природы’ (*пьяный*, *невозмутима*). Знак отношения между субъективом и предикативом схем – связка *есть* – в инварианте не вербализована.

Структурные схемы «что есть каково по состоянию», «что есть какое по состоянию», «что есть в каком состоянии» трехкомпонентные. В позиции носителя состояния в этих структурных схемах выступают:

1) существительные именительного падежа со значением природного пространства или какого-либо крупного природного объекта (типа *море*, *небо*, *тайга*, *сад*, *воздух* и др.);

Например: – *Зато* ***море*** *спокойно*, *и наши товарищи не отстают от нас* (Обручев. Плутония) (ССПП «что есть каково по состоянию»); ***Воздух*** *холодный*, *в нем ни следа от дневной жары* (Сенчин. Афинские ночи) (ССПП «что есть какое по состоянию»); ***Сады*** *стояли как бы в оцепенении* (Паустовский. Повесть о лесах) (ССПП «что есть в каком состоянии») и др.

2) местоимение *все*, «вбирающее» в себя все совокупное пространство природы – водное, воздушное, земное, небесное.

Например: ***Все было сумрачно***, *и верхушки красавцев кедров глухо и угрожающе гудели* (Мелентьев. 33 Марта. 2005 год); ***Вчера еще все было серо***, ***холодно***, *сегодня уже попадаются проталины и талый снег между березками…* (Арцыбашев. Миллионы) и др. (ССПП «что есть каково по состоянию»). В примерах, подобных приведенным (интересующие нас предикативные единицы выделены жирным курсивом), подлежащее, обозначенное ме-

стоимением *все*, носит формальный характер, «строевой» [Ломов 1994: 149], имеет обобщенно-неопределенное значение. И.Б. Барамыгина отмечает, что в этой позиции у слова *все* «ослабевает местоименное значение, оно приобретает значение усилительной частицы» [Барамыгина 2000: 39]. Действительно, если включать в модель описания таких предложений интерпретационный компонент, т.е. говорить о видении ситуации Наблюдателем, ее адекватном изображении средствами языка (а не опираться на грамматическую форму, в которой заключается субъектное содержание), то невозможно не сказать о том, что такие предложения очень близки предложениям, построенным по ССПП «где есть каково», где конститутивным компонентом выступает локативный субъектив. Ср.: *Кругом* ***все*** *было серо и сумрачно*, *но это было уже утро* (Кнорре. Орехов) (ССПП «что есть каково по состоянию»). – ***Кругом*** *было серо и сумрачно*, *но это было уже утро* (ССПП «где есть каково»).

Предикативы перечисленных схем морфологически неоднородны, они представлены следующим образом.

1) Полными именами прилагательными (редко – причастиями) (структурная схема «что есть какое по состоянию»), перечень которых ограничен, преимущественно они используются для обозначения физиологического или психологического состояния живого существа типа: *изнемогающий*, *неподвижный*, *морозный*, *печальный*, *пьяный*, *спокойный*, *сумрачный*, *сухой*, *томный*, *холодный* и др.

Например: ***Море лежало спокойное***, *ласковое*, *нежно-изумрудное около берегов*, *светло-синее посередине и лишь кое-где едва тронутое ленивыми фиолетовыми морщинками* (Куприн. Корь); *Воздух был морозный*… (Леонов, Макеев. Гроссмейстер сыска) и др.

2) Кратким адъективом (структурная схема «что есть каково по состоянию») типа: *безмолвен*, *весел*, *горяч*, *душен*, *жарок*, *зноен*, *молчалив*, *морозен*, *невозмутим*, *спокоен*, *тих*, *угрюм*, *снежно*, *ясно* и др.

Например: *И* ***все было неподвижно***, ***успокоено***, *почти торжественно* (Бунин. Суходол); *Сюда нужно добираться вплавь или*, *когда* ***море спокой-***

но, *карабкаться по уступам*, *опускаясь до колен в воду и ступнями нащупывая порожки* (Дружников. Виза в позавчера) и др.

Количественное преобладание в нашей картотеке примеров высказываний, построенных по структурной схеме «что есть каково по состоянию» над высказываниями, в основе которых структурная схема «что есть какое по состоянию» (324 к 173) объяснимо фактом четкой дифференцированности синтаксической позиции краткой и полной формы прилагательного в древнерусском языке: первое «тяготело» к позиции сказуемого, а второе к определению [*см*.: Борковский, Кузнецов 1963; Буряков 1981]. Причем свое «законную» позицию сказуемого краткое прилагательное сохраняло за собой вплоть до конца XVIII – начала XIX веков [*см*.: Шведова 1952]. Лишь в процессе исторического развития языка краткое прилагательное уступает свое место полному, которое начинает функционировать в позиции предиката [*см*.: Шахматов 1941; Пешковский 1956].

3) Именами существительными в предложном падеже с предлогом (структурная схема «что есть в каком состоянии»): *в дремоте*, *в оцепенении*, *в разливе*, *в цвету*, *в цветении*, *в истоме*. Все перечисленные лексемы имеют сему ‘охваченность состоянием’. Помимо них, предикатив могут репрезентировать словоформы типа *во льдах*, *в тучах*, *в цветах* и под., которые не несут семы ‘состояние’ в значении. Однако включаясь в конструкции, они, на наш взгляд, способны обозначать *состояние природы*, *проявляемое покрытием*.

Например: ***Померанцы***, *вероятно*, ***в цвету*** (Пастернак. Апеллесова черта); ***Зимою море во льдах***, *весной и осенью штормит под ветром*, *летом быстро теплеет и начинает цвести малахитовой зеленью и пахнет тухлиной* (Екимов. Высшая мера); ***Небо было в тучах***, *располагавшихся слоями – наверху густело что-то неподвижное*, *темно-фиолетовое*, *ниже двигались светлые*, *рыхлые тучи*, *а еще ниже летела по ветру какая-то белая облачная рвань вроде клочьев пара* (Трифонов. Обмен) и др.

В качестве третьего компонента схемы «что есть каково по состоянию» выступает связка *есть*, не вербализующаяся в форме настоящего времени:

Выбрали тихую погоду, ***море спокойно***, *поплыли на восход*… (Обручев. Коралловый остров) и др.

Знаком отношения между субъективом и предикативом в структурных схемах «что есть какое по состоянию» и «что есть в каком состоянии» выступают, во-первых, бытийные глаголы (*есть/быть*, *находиться* и *простираться*) (*Он дремлет*, *и кажется ему*, ***что вся природа находится в дремоте*** (Чехов. Гусев)), во-вторых, делексикализованные глаголы *стоять*, *лежать* (***Стояли в цвету яблони***, *пахло зацветающей сиренью*… (Серафимович. Сопка с крестами)). Их делексикализация и не позволяет нам в качестве разных структурных схем выделить, например, структурную схему «что есть какое по состоянию» (…***Море спокойное***. *Мы вышли на палубу и увидели*, *как постепенно наш пароход удаляется от огней других пароходов каравана* (Микоян. Так было)) и «что действует каким по состоянию» (*И самое* ***море*** *в бухте*, *обычно желто-зеленое от грязи*, *теперь* ***лежало спокойное***… (Куприн. Светлый конец)). В то время как подобная дифференциация происходит для схем «*кто есть какой по состоянию*» (*– Так бы и написал:* ***бабка плохая***, *срочно приезжай*, *– посоветовала Варвара* (Распутин. Последний срок)) и «*кто действует каким по состоянию*» (*Гляжу на других:* ***все мужики сидят понурые***, *у каждого свои мысли* (Крутилин. Липяги)), представляющих типовую пропозицию «физиологическое и психологическое состояние одушевленного субъекта (живого существа)» на основании того, что лексически полнозначные глаголы, усложняя пропозитивное содержание, вводят смыслы ‘движение’ или ‘положение в пространстве’ [Казарина 2002 (б): 180–183].

В единичных примерах в структурной схеме «что есть в каком состоянии» в качестве знака отношения выступает глагол *утихнуть*, в котором значение бытия «перекрывает» характеризующие значение: *Деревья утихли в истоме* (Задорнов. Амур-батюшка).

3.4. Языковые знаки, репрезентирующие типовые пропозиции «наполнение объекта», «покрытие объекта» и «самостоятельное перемещение агенса» и используемые для овнешнения типовой пропозиции «состояние природы».

Структурная схема «*что есть полно какого состояния/каким состоянием*» (2,12 %) имеет истоком структурную схему «*что есть полно чего/чем*», маркирующую типовую пропозицию «*наполнение объекта*».

Например: *Тут открылась картина довольно занимательная*: ***широкая сакля***, *которой крыша опиралась на два закопченных столба*, ***была полна народа*** (Лермонтов. Герой нашего времени); *Вокзальная площадь с озаренным стеклянным куполом была наполнена розовыми медузами*, *проплывающими прозрачной флотилией* (Проханов. Господин Гексоген). В основе приведенных высказываний (в первом примере анализируемая предикативная единица выделена жирным курсивом) лежит ССПП «что есть полно чего/чем». Ее означаемое представлено смыслами: ‘наполняемый объект’ (*сакля*, *площадь*) – ‘наполнение’ (*полна*, *наполнена*) – ‘средство наполнения’ (*народом*, *медузами*). – Ср. с предложением: *После их рассказов казалось, что вся* ***земля наполнена*** *холодными* ***ураганами***, *тяжелым дымом туч*, *ветрами*, *дождями и* ***грозами*** (Паустовский. Орест Кипренский). В основе выделенной жирным курсивом предикативной единицы – ССПП «что есть полно какого состояния/каким состоянием», ее означаемое: ‘носитель состояния’ (*земля*) – ‘наполнение’ (*наполнено*) – ‘наполняющее состояние’ (*ураганми*, *грозами*).

Неспециализированная структурная схема «что есть полно какого состояния/каким состоянием» четырехкомпонентна: в позиции субъектива – наименование воздушного, небесного или земного природного пространства, оно маркировано субстантивом в форме именительного падежа, предикатив представлен краткими прилагательными или страдательными причастиями с семой ‘наполнение’ (типа *насыщен*, *полон*, *наполнен*, *пропитан*), при них ис-

пользуются наименования состояний, наполняющих пространство, представленные словоформами родительного и творительного падежа (*ураган*, *тишина*, *покой*, *цветение*, *тревога*, *ожидание* и некот. др.). Связка *есть* (в инварианте схемы представлена нулем) как четвертый компонент схемы устанавливает отношение между субъективом и предикативом.

Например: *Вся природа*, *казалось*, *была полна испуга и печального*, *почти торжественного ожидания* (Короленко. Мороз); *На потемневшем глубоком небе тихо и незаметно высветились звезды*, ***и все было полно той торжественной тишиной***, *когда кажется*, *что кто-то незримый*, *величавый и спокойный стоит над землей* (Арцыбашев. Смерть Ланде); *Утро между тем было прекрасное*; *солнце грело*, *но не жгло еще*; ***воздух был как бы пропитан бодрящею свежестью и чем-то вселяющим в сердце людей радость*** (Писемский. Масоны) и др.

Позиция *чем* данной структурной схемы может быть занята и лексемами, не имеющими в своих семемах семы ʻсостояниеʼ (типа *пыль* – мельчайшие сухие частицы, носящие в воздухе или скапливающиеся на поверхности чего-либо). Однако, на наш взгляд, предложения, подобные выделенному в следующем примере жирным курсивом: *Солнце разгоралось на небе*, *как бы свирепея*; *парило и пекло неотступно*; ***воздух был весь пропитан душной пылью*** (Тургенев. Певцы), − способны классифицироваться как номинирующие *состояние природы*, проявляемое наполнением[22]. Ведь для воздуха, который выступает носитель состояния в указанном примере, наличие или отсутствие в нем примесей и есть определенное физическое состояние.

Неспециализированная структурная схема «*что погружается в какое состояние*» (1,8 %) своим происхождением «обязана» контаминации схем «*что есть в каком состоянии*» и «*кто/что перемещается откуда/куда*» (типа *Навидавшись*, *я по-прежнему иду по улице*, *вхожу в дом*… (Битов. Рас-

[22] О различных типах состояния природы мы подробно говорим в IV главе «Высказывания с семантикой “состояние природы” в русской языковой картине мира: типологический и лингвокультурологический аспекты».

сеянный свет)), репрезентирующей типовую пропозицию «*самостоятельное перемещение агенса*».

В результате лексического наполнения позиции предикатива фразеосочетанием, представленным метафоризированным значением глагола перемещения и статуальным именем структурная схема «что погружается в какое состояние», становится знаком типовой пропозиции «состояние природы».

Например: *Тундра погрузилась в глубокую тишину* (Астафьев. Царь-рыба); *Все погрузилось в непроницаемую тьму* (Новиков-Прибой. Цусима) и др.

В неспециализированной структурной схеме «что погружается в какое состояние» субъектив представлен субстантивом в форме именительного падежа со значением части природного пространства, предикатив – глаголами с переносным значением типа *погрузиться* (*перен.* ‘прийти полностью в какое-нибудь состояние’), *тонуть* (*перен.* ‘погружаться в какое-либо состояние’), приобретающими «функционально новое качество», вступая в необычные для них в прямом значении связи, в результате чего происходит «выхолащивание, качественное перерождение» глагола, поскольку он начинает выполнять функцию, приближающуюся к функции «вспомогательного глагола» [Шубина 1980: 14], и статуальными лексемами состояния природы (*тишина*, *свежесть*, *темнота*, *мрак*).

Например: *Трамваи ходили редко*, ***улицы тонули во мраке*** *и пешеходы с трудом пробирались по избитым* (*а зимою загроможденным сугробами снега*) *улицам* (Соломон (Исецкий). Среди красных вождей)); ***Все погружается в темноту***; *спят матросы*, *спит белый город на берегу*, *спит мой отец в глубокой черноте*, *где-то недалеко от меня*, *и тогда мимо нашего заснувшего корабля тяжело пролетают черные паруса Летучего* (Газданов. Вечер у Клэр) и др.

В структурной схеме «*что есть погружено в какое состояние*» (1,2 %), восходящей к структурной схеме «*что погружается в какое состояние*», субъектив представлен местоимением *все*, предикатив – страдательными

причастиями *повержено*, *погружено* со значением ‘погружено в какое-либо состояние’ в совокупности с конкретизатором состояния, маркированным именем существительным винительного падежа, связка *есть* устанавливает отношение между субъективом и предикативом: *Большое пустынное поле*, *внизу выемка – наполовину в тени*, *наполовину в свете*, *смутно-прозрачный воздух*, *росистая трава*, – ***все было погружено в чуткую***, ***крадущуюся тишину***, *от которой гулко шумело в ушах* (Куприн. Поединок).

Неспециализированные структурные схемы «*что покрывается чем*» (2,55 %) и «*что есть покрыто чем*» (1,7 %) предназначены для репрезентации типовой пропозиции «*покрытие объекта*» (высказывания типа: ***Зеленым сукном накрывается небольшой стол***, *ставятся две чернильницы*, *промокательная бумага* (Богданов, Бочарников. На борту линкора «Миссури»); ***Общежитский стол накрыт простыней***, *украшен сорванными возле общежития желтыми подсолнушками-пасынками*, *оставшимися на обезглавленных будыльях* (Астафьев. Обертон) и под).

Использование этих схем для представления типовой пропозиции «состояние природы» обусловлено, на наш взгляд, несколькими моментами:

1) возможностью природных состояний проявляться или не проявляться покрытием (ряд слов категории состоянии и личных глаголов в безличном употреблении, маркирующие предикативы в специализированных схемах «где есть каково», «где самопроисходит» и «покрывает что (В.п.) чем», имеют сему ‘покрытие’: *облачно*, *грязно*, *звездно*, *вызвездить*, *затянуть*, *замести* и т.п)[23];

2) пассивностью данных схем, что позволяет рассматривать покрытие не как направленное на объект действие (ср. с активными конструкциями: — ***Я*** *снял с себя шинель*, ***укрыл Любу и себя*** (Астафьев. Обертон); *С этими словами* ***скульптор*** *смочил скульптуру*, ***укрыл ее сырыми лоскутами***, *и мы пошли чаевничать* (Астафьев. Затеси)), а как некое «процессуальное» состояние природного объекта;

[23] Вопрос о состояниях-покрытиях, как и других «разновидностях» состояний природы, излагается в IV главе.

3) заполнение позиции носителя состояния наименованиями частей природного пространства, воздушного, водного, земного, рассмотрение компонента схем, маркированных творительным падежом имени, как каузаторов состояния-покрытия.

Неспециализированная структурная схема «*что покрывается чем*» трехкомпонентна: в позиции носителя состояния – субстантивы в форме именительного падежа со значением природного пространства/объекта типа *небо*, *земля*, *луга*, *степь*, *вода*, *трава*, *солнце* и под. (редко субституент – вопросительно-относительное местоимение *который* при условии вхождении анализируемой предикативной единицы в состав сложного предложения), предикатив маркирован возвратными глаголами с суффиксом -ся с семой ‘покрытие’ (типа *закрылось*, *затягивалось*), что позволяет актуализировать позицию носителя состояния, объект-каузатор представлен существительными творительного падежа.

Например: *Потом все небо покрылось облаками* (Пришвин. Календарь природы); ***Три раза степь покрывалась весенними цветами***, *три раза выгорала степная трава от летнего зноя*, *три раза степная зима засыпала все снегом* (Мамин-Сибиряк. Ак-Бозат); ***Покрывалась земля снегом***, *белели крыши*, *верхушки фонарей… а он*? (Серафимович. Сопка с крестами) и др.

Неспециализированная схема «*что есть покрыто чем*» четырехкомпонентна. В позиции носителя состояния – субстантив в форме именительного падежа со значением носителя состояния (*восток*, *небо*, *лес*, *озеро* и т.д.), предикатив представлен страдательными причастиями с семой ‘покрытие’ (типа *покрыт*, *затянут*, *завален*, *зарос* и др.), появление которых в подобных конструкциях было обусловлено неудобством употребления глаголов с постфиксом -ся, поскольку у них развивалась многозначность и этот постфикс использовался как словообразовательный аффикс [Попова 2009: 79]. Знаком отношения между субъективом и предикативом выступает связка *есть*, представленная в форме настоящего времени нулем. В позиции объекта-каузатора состояния – имена существительные творительного паде-

жа (название растений (*крапива*, *кипрей*, *чистотел* и т.п.), атмосферных осадков или каких-либо проявлений природных объектов (*дождь*, *солнце*, *солнечный свет*, *мгла*, *туман* и др.)

Например: *Зимой*, *когда море только под самым краем неба чернело волнами*, ***а у берегов было покрыто белым снегом***, *Велга спала в мягком гагачьем пуху и*, *просыпаясь*, *видела перед собой живой свет очага среди темной и низкой хижины* (Бунин. Велга); *Озеро как будто покрыто льдинами…* (Пришвин. Календарь природы); *Лесок был по маковку завален снегом…* (Астафьев. Царь-рыба); *На зорях трава омыта росой…* (Паустовский. Алмазный язык) и др.

Помимо описанных, в языковом материале нам встретились высказывания, в основе которых лежат иные неспециализированные схемы:

1) «*что есть охвачено каким состоянием*»: *Вся природа была скована сном* (Шишков. Емельян Пугачев);

2) «*какое состояние охватывает что* (*В.п.*)»: ***Природу охватило томление и тревога***, *за которою последует согласие с осенью*, *печальное прощание с теплом*, *готовность к трудному зимованью*, *так необходимому для обновления всего в природе*, *белому снегу*, *который глубоко и тепло прикроет верхушку земли*, *нарядит ее в белую шапку – и будет конец года – тоже с белой верхушкой* (Астафьев. Затеси); *После обеда сонливая тишина охватывает усадьбы и всю природу* (Романов. Русь);

3) «*что* (В.п.) *тошнит*»: *Тошнило природу* (Чехов. Слова, слова, слова); *В темном, как сажа, воздухе висит тоска… **Природу мутит**… Сыро*, *холодно и жутко…* (Чехов. Сон);

4) «*чему есть каково*»: *Когда встали и поглядели в окна*, *голые ивы со своими слабо опущенными ветвями стояли совершенно неподвижно*, *было пасмурно*, *тихо*, ***точно природе теперь было стыдно за свой разгул***, ***за безумные ночи и волю***, *какую она дала своим страстям* (Чехов. По делам службы); *– По обеим сторонам тянулись изрытые поля да кое-где мелкий ельник. Казалось*, *что **даже природе было скучно*** (Соллогуб. Тарантас); *Воздух был*

сухой, *крепкий и обжигал горло*, *как спирт*. ***Даже камням было холодно*** (Кин. По ту сторону).

Однако спорадичность таких высказываний не позволяет нам описать перечисленные схемы. Появление подобных конструкций обусловлено скорее спецификой художественной картины мира[24] того или иного автора, воплощенной в отборе определенных языковых средств для ее репрезентации, чем общеязыковыми механизмами и законами.

В целом, использование неспециализированных структурных схем для представления типовой пропозиции «состояние природы», как нам видится, становится возможным за счет специфического лексического наполнения компонентов схем. Такой процесс мы терминируем «*лексическое замещение*».

В русском языке XIX – XX вв. предложения, построенные по специализированным структурным схемам, т.е. предложения безличные, преобладают над предложениями, в основе которых лежат неспециализированные структурные схемы (двусоставные и номинативные предложения): примерно 70% к 30% высказываний авторской выборки высказываний с семантикой «состояние природы». Указанное численное превосходство безличных предложений над другими типами предложений с семантикой «состояние природы» позволяет говорить о реализуемой для фрагмента русской языковой картины мира, изображающей природные состояния, *тенденции к объективированию* в восприятии окружающего мира. Характерность подобного явления для русского языка в целом по сравнению, например, с английским, отмечает З.К. Тарланов: «В процессе своего функционирования язык развивается в направлении все возрастающего *объективирования* заключенного в нем содержания. Движение от субъективности к объективированию, от этнической детерминированности (формы этнической культуры) – к деэтнизированному техническому средству общения, сопровождающемуся постоянно

[24] Опираемся на понимание художественной картины мира как феномена, создающегося языковыми средствами и отражающему индивидуальную картину мира в сознании писателя [Попова, Стернин 2007 (а): 8].

прогрессирующей условностью, – таков путь, совершаемый естественным языком. <…> Одним из характерных, специфических, структурно существенных результатов *тенденции к объективированию* … в русском … и являются так называемые безличные… предложения» [Тарланов 1998: 71].

При указании на преобладание в авторской выборке из текстов XIX – XX веков предложений, в основе которых лежат специализированные структурные схемы, над предложениями, построенным по неспециализированным схемам, возникает вопрос: каково могло быть соотношение этих конструкций в русском языке более раннего периода? Конечно, ответ на него требует самостоятельного скрупулезного исследования. Однако некоторые наблюдения мы можем тезисно сформулировать, опираясь на сделанные дополнительно выборки простых предложений с семантикой «состояние природы» из текстов древнерусской литературы[25] XI – XVII веков и текстов XVIII века.

Наша картотека примеров с семантикой «состояние природы», сформированная путем сплошной выборки из 12-томного собрания текстов литературы Древней Руси, размещенных на сайте Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской академии наук, невелика: 81 простое предложение с семантикой состояния природы.[26] Такая малочисленность конструкций объясняется, на наш взгляд, во многом специфической «природой» сочинений, созданных в указанный временной период, их тематикой

[25] Термин «древнерусская литература» здесь используется, следуя филологической традиции, для обозначения периода в истории русской литературы XI – XVII вв. Хотя в строгом терминологическом значении он может быть применен для литературы восточных славян XI – XIII вв. до их последующего разделения на русских, украинцев и белорусов. Поскольку уже с XIV в. отчетливо проявляются особые книжные традиции, приведшие к образованию русской (великорусской) литературы, а с XV в. – украинской и белорусской.

[26] Здесь мы отметим, что в древнерусских текстах авторы-составители «Библиотеки литературы Древней Руси» проводили синтаксическое членение текста на предложения, его части и расставляли знаки препинания в соответствии с нормами современного русского языка. Поэтому приводимые тексты отличаются от рукописных сочинений. Орфографические особенности текстов сохраняются с допущением определенных упрощений: все буквы за исключением *ятя* (Ѣ), отсутствующие в современной графике, заменяются, буквенное обозначение цифр, принятое в средневековой письменности, заменяется арабской цифирью, сокращенные написания под титлом или без него восстанавливаются в полной форме и в том лингвистическом облике, который характерен для эпохи написания рукописи.

(как переводных, так и оригинальных): разножанровые библейские книги (жития, апостольские послания, книги Царств и др.), героический эпос, поучения и под.

В памятниках древнерусской письменности XI – XVII веков типовая пропозиция «состояние природы» репрезентируется совокупностью простых предложений, различающихся структурной организацией и семантикой.

Часть из них построено по специализированным схемам:

1) «где есть каково»: ***Темно бо бѣ въ 3 день***: *два солнца помѣркоста*, *оба багряная стлъпа погасоста*, *и въ морѣ погрузиста*… (Слово о полку Игореве);

2) «где самопроисходит»: ***Егда же розсвѣтало***, *и тако двиглася вся орда*, *а на древо никаковъ человѣкъ не взозрилъ* (Волоколамский патерик);

3) «где разрушает что (В.п.)»: *Того же лѣта, мѣсяца июля 14*, *буря была страшна велми*, ***лѣсъ ломило*** *и хоромы рвало*, *а во 18 день солнце гибло того же мѣсяца* (Севернорусский летописный свод 1472 года).

Простые предложения, построенные по специализированным структурным схемам, обнаруживаются в древнерусской повести, являющейся переводом византийского эпического сказания (или поэмы) о Дигенисе Акрите «*Девгениево деяние*» (перевод осуществлен в XI – XIII вв.); произведении о походе на половцев князя Новгорода-Северского Игоря Святославича в 1185 году – «*Слово о полку Игореве*» (конец XIII века); древнейшем летописном рассказе о битве новгородцев с суздальцами на Липице в 1216 г. «*Повесть о битве на Липице*» (Новгородская первая летопись старшего извода, дошедшая в пергаменном списке XIII – XIV вв.); записках тверского купца XV в. Афанасия Никитина «*Хождение за три моря*» (XV век); сборнике рассказов о жизни святых иосифлянской школы русского монашества, прежде всего произведений о самом Иосифе Волоцком, его учителе Пафнутии Боровском, сподвижниках и учениках, а также сказаний, бытовавших в этой монашеской среде – «*Волоколамский патерик*» (первая половина XVI века). Процент

подобных предложений невелик: примерно 15 % от общего числа высказываний выборки.

Следует отметить, что специализированные структурные схемы «где пахнет чем», «где действует чем откуда/куда», довольно частотные в текстах XIX – XX веков, вообще в древнерусских текстах нам не встретились, что указывает на то, что ситуации, связанные с описанием состояния природы, проявляемого запахами или веяниями, не были востребованы в коммуникации.

Среди неспециализированных структурных схем нами были отмечены следующие:

1) «что находится в каком состоянии»: *Пустѣ бо и* ***прѣсъхлѣ земли нашей сущи***, *идольскому зною исушивъши ю́*, *вънезаапу потече источникъ евангельскыи*, *напаая всю землю нашу* (Слово о Законе и Благодати Митрополита Илариона);

2) «где есть какое состояние»: *И бывъши нощи*, ***бысть тма***, *и громове*, *и молънья*, *и дождь* (Повесть временных лет);

3) «где нет какого состояния»: *В Гундустани же силнаго вару нѣт* («Хождение за три моря» Афанасия Никитина);

4) «что есть каково по состоянию»: *Идущемъ же имъ томь дьне от славнаго града Костянтиня*, ***бѣ же томь дьне тихо море*** (Чудеса Николы Мирликийского).

Выделенные схемы лежат в основе 85 % высказываний выборки. Наиболее частотными являются схемы «где есть какое состояние» и «что находится в каком состоянии» (соответственно 36 % и 25 % высказываний выборки). В схеме «что находится в каком состоянии» предикатив маркирован преимущественно глаголами *сохнуть*, *стыдиться*, *возрадоваться*, *никнуть*, *замерзать*, *взволноваться* и некоторыми др. В структурной схеме «где есть какое состояние» существующие в пространстве состояние природы представляются как *тишина*, *тьма*, *звездотечение*, *засуха*, *затмение*, *землетрясение*, *буря*, *жара*, *мороз.* Причем объективируются обеими схемами пре-

имущественно те состояния природы, что связаны со стихийными бедствиями или «крайними» проявлениями *тишины*, *тьмы* и *жары*, доставляющими дискомфорт человеку, как физиологический, так и психологический. Это объясняется, на наш взгляд, тем, что состояния природы осмысливались как символические, предвещающие беду, посылаемые людям в наказание за что-либо [*см*.: Славянская мифология 2002: 170–173; 179–180]

Например: *Бысть потопъ на земли 20 месяць*, *во вторый же месяць*, *рекше октябрь*, ***изше земля*** (О потопе); ***И посше трава польская***, *и человѣци*, *и скоти*, *иже бяху обрѣтани в ней*, *измроша гладом* (Житие пророка Моисея) (ССПП «что находится в каком состоянии»); ***В Сурии же бысть трусъ велий***, *землѣ расѣдшися трий поприщь*, *изиде дивно изь земли мьска*, *человѣцскымъ гласомъ глаголющи*, *проповѣдающи наитье языка*, *еже и бысть*: *наидоша бо срацини на Палестинскую землю* (Повесть временных лет); *И пловущимь намь*, ***бысть буря велиа***, *яко всѣмь намь отчяятись живота своего*, *и начях въпити*: «*Господи*, *прости мя*, *яко сего ради пояса днесь погыбаю*, *понеже изъяхъ от честнаго твоего и человѣкоподобнаго образа*!» (Киево-Печерский патерик) (ССПП «где есть какое состояние») и др.

Следует отметить, что в переводе текстов с древнерусского на современный русский язык, лингвисты регулярно к синтаксическим конструкциям, в основе которых лежит схема «где есть какое состояние», подбирают аналоги безличных предложений, в основе которых уже специализированная схема «где есть каково». Это обусловливается, на наш взгляд, не столько стремлением к «красоте слога», сколько закреплением в русском языке XIX – XX веков в качестве постоянного и регулярного репрезентанта типовой пропозиции «состояние природы» структурной схемы «где есть каково».

Например: *По сих же приспѣ вечеръ*, *и заиде солнце*, *и смерьчеся свѣтъ*, *и наста нощь*, ***и бысть тма*** (неспециализированная ССПП «где есть какое состояние»), *и нелзѣ бяше гнатися за ними за рѣку* (Повесть о битве на реке Воже). – Ср.: *А когда приспел вечер*, *и зашло солнце*, *и померк свет*, *и наступила ночь*, ***и сделалось темно*** (специализированная ССПП «где есть

каково»), *то нельзя было гнаться за ними за реку*; *А на другой день с утра стоял сильный туман*; ***И бысть в утрѣ тишина*** (неспециализированная ССПП «где есть какое состояние») (Повесть о житии Михаила Клопского). – Ср.: *А на другой день с утра стоял сильный туман. И утром стало тихо* (специализированная ССПП «где есть каково») (подготовка текста, перевод и комментарии Л.А. Дмитриева); *И тогда же бысть послѣ Оспожина дни*, *въ 24 день августа, в среду*, *бысть на небеси в солнце знамение*, *яко восходящу солнцу на 1-мъ часу дни*, *и бысть вверху солнца аки срѣзано по-малу*, *и нача в солнце гибели прибывати от перваго часа и до третьяго часа дни*, *и бысть на солнци яко до трети изгибе*, *аки ускуи́ и исполнися солнце на пятомъ часу дни яко первое бысть*; ***на небеси же бысть свѣтлость*** (неспециализированная ССПП «где есть какое состояние»), *не бысть ни облака* (Повесть о болезни и смерти Василия III). – Ср.: *И тогда же*, *после Госпожина дня*, *24 августа*, *в среду*, *было на небе знамение на солнце*: *когда солнце только начало подниматься*, *в первом часу дня*, *верх его был как будто немного срезан*, *и затем стало солнце убывать*, *от первого часа дня до третьего*, *и уменьшилось солнце до трети*, *стало как ладья*, *и только к пятому часу дня солнце прибыло и стало таким*, *каким было вначале*; ***на небе же было светло*** (специализированная ССПП «где есть каково»), *не было ни облака* (подготовка текста, перевод и комментарии Н. С. Демковой) и др.

Выборка простых предложений из прозаических текстов (художественная и документальная проза) писателей XVIII века (А.Н. Радищев, Н.М. Карамзин, М.Д. Чулков, В.В. Измайлов, А.И. Клушин, А.А. Нартов) тоже невелика: 117 высказываний. В основе предложений лежат две специализированные и 5 неспециализированных структурных схем:

1) «где есть каково»: *17-го*. ***Студено***. *Его величество был у Ушакова и у адмирала*, *у светлейшаго князя*, *у Головина*, *и был в мыльне*, *и кушал дома в токарне*, *и был Агинской с женой*, *и был у вечерни и у Ромодановскаго* (Нартов. Рассказы о Петре Великом);

2) «где самопроисходит»: *Поутру*, ***как скоро рассвело***, *то присланные пришли в темницу и*, *увидев бесчувственное тело*, *лежащее посредине оной*, *подумали*, *что тело сие Аскалоново*... (Чулков. Пересмешник, или Славенские сказки);

3) «где есть какое состояние»: *Голова моя закружилась – мы вышли из галереи и сели отдыхать в каштановой аллее*, *в Jardin du Palais Royal*. ***Тут царствовали тишина и сумрак*** (Карамзин. Письма русского путешественника);

4) «что покрывается чем»: ***Вершина Юры покрылась снегом***; *деревa желтеют*, *а трава сохнет* (Карамзин. Письма русского путешественника);

5) «что находится в каком состоянии»: *Между тем*, *тщетно поля ожидают вод*, *их удобряющих*; ***уже увяли нежные цветы***… (Фонвизин. Иосиф);

6) «что есть каково по состоянию»: *Луга ваши желтеют в середине лета*, ***у нас зелены до самой зимы*** (Карамзин. Письма русского путешественника);

7) «что есть какое по состоянию»: ***Воздух был такой теплый***, ***такой чистый***! *На деревах порхали птички*, *махали крылышками и после зимнего молчания запевали радостные песни на ветвях*, *еще не одетых листьями*. (Карамзин. Письма русского путешественника).

Самыми частотными в речевой реализации из перечисленных являются две неспециализированные схемы «где есть какое состояние» (около 32 %), «что находится в каком состоянии» (около 23 %) и одна специализированная «где самопроисходит» (около 21 %). По сравнению с текстами XI – XVII веков более востребованными становятся в XVIII веке конструкции, основанные на схеме «где есть каково» (более 12 %).

Сравнивая в общем продуктивность реализации специализированных и неспециализированных схем в текстах древнерусской литературы XI – XVII, литературы XVIII века и XIX – XX веков, отмечаем, что в текстах XIX – XX веков специализированные схемы преобладают над неспециализированными:

70 % к 30 % высказываний; а в тестах XI – XVII вв. и XVIII в. доминируют высказывания, в основе которых лежат неспециализированные схемы (соответственно 15 % к 85 % и 33 % к 67 %). По количественным показателям виден постепенный прирост высказываний, построенных по специализированным схемам. При этом непродуктивные или малопродуктивные для XI – XVIII веков специализированные схемы «где есть каково», «где самопроисходит» и «где пахнет чем» в XIX – XX веках становятся самыми «востребованными» знаками пропозиции «состояние природы». А вот неспециализированные структурные схемы «где есть какое состояние» и «что находится в каком состоянии» оказались очень устойчивыми: на протяжении уже девяти столетий они «исправно», помимо своих «родных» типовых пропозиций «бытие объекта» и «инобытие объекта», используются для вербализации типовой пропозиции «состояние природы». Подобная регулярность выполнения функции маркирования указанной пропозиции, на наш взгляд, обусловлена некой «общностью» внеязыковых ситуаций, которые коррелируют с перечисленными выше типовыми пропозиции. Бытие объекта должно существовать в *определенном пространстве*, для состояния природы *пространство-носитель* – обязательное условие, для инобытия оно тоже имеет место; бытие «привязано» к *временным пластам настоящего*, *прошедшего* или *будущего* так же, как протекание состояние и инобытие; инобытие, проявляясь как некое качественное процессуальное изменение, может трактоваться как состояние (*замерзнуть*, *высохнуть*, *цвести* и т.д.). Объяснить использование схем-репрезентантов типовых пропозиций «бытие объекта» и «инобытие объекта» для пропозиции «состояние природы» помогает рассмотрение этих пропозиций в качестве определенного типа концептов, которые образуют упорядоченную концептосферу, вступая в системные отношения сходства, различия, иерархии с другими концептами. В лингвокогнитивном преломлении эти ментальные корреляты трех внеязыковых ситуаций бытия объекта, инобытия объекта и состояния природы имеют определенные точки пересечения, которые проявляются определенным образом в языке. Этими «точками» являют-

ся, вероятно, концептуальные признаки ‘*перцептивность*’, ‘*локализованность*’, ‘*временность*’, ‘*итеративность*’.

3.5. Выводы по II главе.

Анализ высказываний с семантикой «состояние природы» позволяет сделать сдедующие выводы.

1. Типовая пропозиция «состояние природы» зафиксирована в русском языке XIX – XX веков совокупностью структурных схем простых предложений. Эти схемы, как мы показали, не представляют собой однородной группы. Часть из них предназначены в русском языке для вербализации типовой пропозиции «состояние природы». Таких схем нами было выделено восемь:

- «*где есть каково*»,
- «*где самопроисходит*»,
- «*где пахнет чем*»,
- «*где действует чем откуда/куда*»,
- «*покрывает что* (В.п.) *чем*»,
- «*где перемещает что* (В.п.) *откуда/куда*»,
- «*где создает что* (В.п., Р.п.)»,
- «*где разрушает что* (В.п.)».

Другие же выделенные и описанные структурные схемы (11 схем) используются для обозначения типовой пропозиции «состояние природы», но при этом предназначены они для вербализации совершенно иных типовых пропозиций:

«*бытие объекта*» (ССПП «кто/что есть где» → ССПП «где есть какое состояние»; ССПП «кто есть в чем» → ССПП «что есть в каком состоянии»);

«*инобытие объекта*» (ССПП «кто/что действует чем» → ССПП «что находится в каком состоянии»);

«*бытие признака объекта*» (ССПП «кто/что есть каков» → ССПП «что есть каково по состоянию»; ССПП «кто/что есть какой» → ССПП «что есть какое по состоянию»);

«*небытие объекта*» (ССПП «кого/чего нет где» → ССПП «где нет какого состояния»);

«*самостоятельное перемещение агенса*» (ССПП «кто/что перемещается откуда/куда» + ССПП «что есть в каком состоянии» → ССПП «что погружается в какое состояние»; ССПП «что погружается в какое состояние» → ССПП «что есть погружено в какое состояние»);

«*наполнение объекта*» (ССПП «что есть полно чего/чем» → ССПП «что есть полно какого состояния/каким состоянием»);

«*покрытие объекта*» (ССПП «кто покрывает чем что» → ССПП «что покрывается чем» → ССПП «что есть покрыто чем»).

2. Мы установили, что по количеству входящих компонентов все структурные схемы простых предложений, использующиеся для представления типовой пропозиции «состояние природы» в русском языке, могут быть дифференцированы на три большие группы:

- *двухкомпонентные* (ССПП «где самопроисходит», ССПП «что находится в каком состоянии», ССПП «что погружается в какое состояние»);
- *трехкомпонентные* (ССПП «где есть каково», ССПП «где пахнет чем», ССПП «покрывает что (В.п.) чем», ССПП «где создает что (В.п., Р.п.)», ССПП «где разрушает что (В.п.)», ССПП «где есть какое состояние», ССПП «что есть каково по состоянию», ССПП «что есть какое по состоянию», ССПП «где нет какого состояния», ССПП «что есть в каком состоянии», ССПП «что есть погружено в какое состояние», ССПП «что покрывается чем»);
- *четырехкомпонентные* (ССПП «где действует чем откуда/куда», «где перемещает что (В.п.) откуда/куда», ССПП «что есть полно какого состояния/каким состоянием», ССПП «что есть покрыто чем»).

3. Языковой материал позволил нам говорить и о разной степени продуктивности в речи всех выделенных и описанных структурных схем:

- *схемы высокой продуктивности* (ССПП «где есть каково», ССПП «где самопроисходит», ССПП «где есть какое состояние», ССПП «что находится в каком состоянии»);
- *средней продуктивности* (ССПП «где пахнет чем», ССПП «где действует чем откуда/куда», ССПП «покрывает что (В.п) чем», ССПП «что есть каково по состоянию», ССПП «что есть какое по состоянию»);
- *низкой продуктивности* (ССПП «где перемещает что (В.п.) откуда/куда», ССПП «где создает что (В.п., Р.п.)» и ССПП «где разрушает что (В.п.)», ССПП «что есть в каком состоянии», ССПП «что покрывается чем», ССПП «что есть полно какого состояния/каким состоянием», ССПП «что погружается в какое состояние», ССПП «что есть покрыто чем», ССПП «что есть погружено в какое состояние», ССПП «где нет какого состояния»).

Таким образом, разнообразие выделенных в ходе интерпретации и описания языкового материала структурных схем простых предложений, вербализующих типовую пропозицию «состояние природы», позволяет нам говорить о ее значимости для носителей русского языка, востребованности при обмене информацией. И это, конечно, закономерно. Ведь жизнь человека с давних времен регламентировалась процессами, происходящими в природе: сменой времен года, времени суток, выпадением осадков, действием атмосферных явлений и т.п. И сейчас для человека природа предстает силой мощной, самобытной, неподвластной человеческой воле.

Анализ компонентного состава специализированных структурных схем простых предложений с семантикой «состояние природы», описание лексического наполнения компонентов схем позволили обосновать несколько признаков типовой пропозиции «состояние природы»: ‘*локализованность*’, ‘*стихийность*’, ‘*пациентивность*’, ‘*интенсивность*’, ‘*каузативность*’, ‘*объектность*’, ‘*директивность*’ с различными индексами яркости[27].

[27] См. I главу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОЙ РЕАЛИЗАЦИИ И ПАРАДИГМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ПРОСТЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ СО ЗНАЧЕНИЕМ «СОСТОЯНИЕ ПРИРОДЫ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XIX – XX ВЕКОВ

§1. Грамматические модификации структурных схем простых предложений с семантикой «состояние природы»

1.1. О понятии «модификация» или «регулярная реализация» структурных схем простых предложений.

Структурные схемы простых предложений (как специализированные, так и неспециализированные) не существуют в застывшем виде. Лингвисты справедливо отмечают: «Для того чтобы предложения в меняющихся условиях общения постоянно сохраняли живой контакт с действительностью… они должны быть предельно гибкими и обладать способностью варьироваться по целому ряду параметров» [Ломов 1994: 51]. Эта гибкость проявляется в том, что в процессе речевой реализации структурная схема претерпевает различные видоизменения, обусловленные интенцией говорящего относительно конкретной ситуации, представленной в высказывании, а также отношением говорящего к высказываемому.

В отечественном синтаксисе к изучению речевых реализаций структурных схем обращались такие лингвисты, как В.А. Белошапкова [1989], М.В. Всеволодова [2000], Г.А. Золотова [1969, 1973, 2005 (б)], С.Н. Цейтлин [1976], Н.Ю. Шведова [1967, 1969] и др.

Так, Н.Ю. Шведова одной из первых определила *регулярную реализацию* структурной схемы как такой вид структурной схемы, который возникает в результате либо одного из ее частичных формальных преобразований, не связанных с выражением грамматической модальности и синтаксического

времени, либо конситуативно обусловленного правила лексического наполнения компонентов [Шведова 1969: 69]. Н.Ю. Шведова выделила и описала следующие разновидности регулярных реализаций:

1) *неполные конситуативно обусловленными* и *конситуативно необусловленными реализации*, когда, находясь в тексте, предложение может представлять собой неполную реализацию минимального грамматического образца (тот или иной компонент элементарного строения предложения не представлен). Например: – *Ты опоздал на лекцию*? – *Опоздал*.;

2) *реализации со связками* (связка понимается как оторвавшаяся от парадигмы местоименного слова или глагола служебная словоформа, функцией которой является дополнительное указание на синтаксические отношения между компонентами предложения. К связкам Н.Ю. Шведова относит *это*, *есть*, сочетание *это есть*, спрягаемые формы глаголов *являться*, *явиться, значить*, *означать*, *называться*), и *связочными образованиями* (к связочным образованиям Н.Ю. Шведова относит словоформы и сочетания, заключающие в себе элементы значений толкования (*это значит*, *это означает*, *это называется*), указательности (*вот*, *вот это*, *таков*, *вот таков*), идентификации или отождествления (*и есть*, *это и есть*, *то же самое что*, *это то же самое что* и др.), сопоставления (*как*, разг. *это как*, прост. *все равно как* и под.). Например: *Надежда – это сестра Галины*;

3) *реализации с полузнаменательными глаголами*, к которым относят глаголы со значениями непостоянного (эпизодического) существования, перехода из одного состояния в другое или сохранения состояния, изменения, обнаружения, появления, исчезновения типа *становиться*, *делаться*, с*делаться*, *казаться*, *оказаться*, *оказываться*, *показаться* и под. Например: *Они громко стали стучать в дверь*;

4) *реализация с замещением позиции*, когда в конкретном предложении в позиции одного из компонентов может оказаться нехарактерная для него форма, сочетание слов или даже целое предложение – обычно нераспространенное, часто близкое к фразеологизму (**а)** замещение главного члена дву-

компонентного предложения целым предложением; **б)** замещение подлежащего неизменяемым прилагательным типа *помоложе* или формой косвенного падежа; **в)** замещение междометием компонента, заключающего в себе значение предикативного признака). Например: *Работник он – каких поискать*!; *Постарше работают лучше*; *Характер у нее – ой-ой-ой*! [*см. подробнее*: Русская грамматика 1980].

Все выделенные ученым речевые реализации структурных схем не затрагивали грамматических форм предложения, образующих его парадигму.

В.А. Белошапкова к регулярным реализациям структурных схем предложений относит *обобщенно-личные реализации*, состоящие в незаполненности позиции N_1 в двухкомпонентных номинативных схемамх при формах 2-го лица единстенного числа знаменательного глагола или связки (*На всех не угодишь*); *фазовые*, связанные с введением глагола с фазовым значением в спрягаемой форме (*Он **начал** учиться*); *модальные*, состоящие во введении в предложение глагола или прилагательного с модальным значением (*Он **хочет** учиться*); *реализации с полусвязочными глаголами*, при которых позиция связки заполняется полусвязочным глаголом (*Девочка **показалась** нам красавицей*); *отрицательные реализации*, состоящие в перестройки структурной схемы предложения при введении в нее отрицания, относящегося к предикативному центру (*О любви в словах **не говорят***) [Белошапкова 1989: 666–670].

Речевую реализацию структурных схем Г.А. Золотова, в отличие от Н.Ю. Шведовой, терминирует *модификацией* и дифференцирует на *грамматические* и *структурно-семантические* [*см.*: Золотова 1969, 1973, 2005 (б)]. Под *грамматической модификацией* понимается изменение грамматических показателей предикативности исходной модели, прежде всего значений модальности и времени, для некоторых исходных структур – значений синтаксического лица [Золотова 1973: 138]. Грамматические значения времени, модальности, лица – это переменные признаки структуры предложения, кото-

рые «можно представить как ось, которая держит на себе постоянные компоненты, составившие модель предложения» [Золотова 1973: 130].

Если грамматические модификации не касаются семантики предложений, а лишь поворачивают его ось, то *структурно-семантические модификации* (или смысловые преобразования) вносят в предложение новый семантический элемент [Золотова 1973: 205]. В научной литературе можно найти понятие о *неполных*, *модальных*, *фазисных*, *отрицательных*, *вопросительных*, *экспрессивных*, *авторизованных* структурно-семантических модификациях, реализациях *абстрактности* [*см.*: Золотова 1973, 2005 (б); Золотова, Онипенко, Сидорова 1998; Цейтлин 1976; Всеволодова 2000, Казарина 2002 (б) и др.].

Различные модификации той или иной схемы, не приводящие к ее изменению, формируют синтаксическое поле предложения. Под синтаксическим полем Г.А. Золотова понимает совокупность вариантных структур с инвариантной, исходной, структурой в центре [Золотова 1973: 201]. При этом за исходную форму (*инвариант*) структурной схемы принимают настоящее время изъявительного наклонения, репрезентируемого глаголом.

Вслед за Г.А. Золотовой, к регулярным модификациям мы относим те, которые сохраняют единство структурной схемы. Это грамматические и структурно-семантические модификации.

Рассмотрим грамматические модификации выделенных нами структурных схем простых предложений, репрезентирующих типовую пропозицию «состояние природы» в русском языке XIX – XX веков.

1.2. Особенности грамматической модификации специализированных структурных схем простых предложений с семантикой «состояние природы».

Речевая реализация специализированных структурных схем («где есть каково», «где самопроисходит», «где пахнет чем», «где действует чем отку-

да/куда», «покрывает что (В.п.) чем»), представленная исходной формой (инвариантом), составляет примерно 18 % высказываний нашей выборки.

Например: *На дворе* ***ясно***, ***тепло*** *и чистый воздух* (Евдокимов. Медвежий угол) (ССПП «где есть каково»); – *Свет*, *верните его*, ***темнеет***! – *вскричал переводчик*, *но Менедея был уже далеко* (Ефремов. Таис Афинская); – *Ну*, *что же там*, *скоро*? ***Светает*** *уже* (Яковлев. Повольники) (ССПП «где самопроисходит»); ***Пахнет*** *водорослями*, *прибрежным песком*, *пляжным грешным запахом августа* (Зорин. Юпитер) (ССПП «где пахнет чем») и др.

Гораздо чаще Наблюдатель стремится описать то состояние природы, которое уже имело место в прошлом. С этой целью в высказываниях, в основе которых лежат специализированные схемы «где есть каково», «где самопроисходит», «где пахнет чем», «где действует чем откуда/куда», «покрывает что (В.п.) чем», «где перемещает что (В.п.) откуда/куда», «где создает что (В.п., Р.п.)», «где разрушает что (В.п.)», используется форма прошедшего времени глаголов (79,3 %).

Например: ***Было светло***, *но по-осеннему* ***скучно*** *и* ***серо*** (Горький. Челкаш) (ССПП «где есть каково»); *Уже* ***смеркалось*** (Домбровский. Факультет ненужных вещей) (ССПП «где самопроисходит»); *Опять же говорю председателю*: *все берега по реке ивняком* ***затянуло***, *отдай их мужикам исполу*, *расчистят*, *пущай два года косят для своих коров*, *потом колхозу перейдет*, *выгодно* (Яшин. Маленькие рассказы) (ССПП «покрывает что (В.п.) чем»); *В воздухе* ***пахло*** *свежим снегом*, *щеки у Шуры зарумянились*, *она с блестящими глазами нагнулась и снизу заглянула в глаза мужу* (Кнорре. Жена полковника) (ССПП «где пахнет чем»); *Во рву*, *возле догоравшей крепости*, ***намело*** *свежие сугробы* (Шишков. Емельян Пугачев) (ССПП «где создает что (В.п., Р.п.)») и др.

Достаточно редко предикативы специализированных структурных схем простых предложений «где есть каково», «где самопроисходит», «покрывает что (В.п.) чем», «где создает что (В.п., Р.п.)» представлены формами будущего времени (2,4 %).

Например: *А наутро и* ***будет студено*** (Астафьев. Ночное пространство) (ССПП «где есть каково»); *Однако*, *скоро* ***будет светать***, *и вот уже огоньки нашего Р* виднеются* (Куприн. Впотьмах) (ССПП «где самопроисходит»); *Дождь перестал*, *но от высоких белых туч тяжело и холодно тянуло сыростью*, *и чувствовалось*, *что вот-вот польет опять*, *серой зыбкой пеленой* ***затянет*** *поля и будет лить без конца весь день и долгую темную ночь* (Арцыбашев. У последней черты) (ССПП «покрывает что (В.п.) чем»); *Место открытое*, *даже если снега не будет*, ***все равно наметет***… (Житков. Кафедра) (ССПП «где создает что (В.п., Р.п.)») и под.

Вероятно, низкая частотность подобных высказываний объясняется тем, что человеку (без специального образования и метеорологических приборов) трудно спрогнозировать состояние природы, которое будет иметь место в будущем, гораздо проще упомянуть о том состоянии природы, которое уже имело или на данный момент имеет место.

Высказывания, в основе построения которых специализированные схемы «где есть каково» и «где самопроисходит», могут содержать информацию о предполагаемом состоянии природы (0,3 %). Это достигается за счет использования формы сослагательного наклонения. Подобные высказывания в нашем материале единичны.

Например: – *Ежели* ***бы было тепло***, *– в такие минуты особенно сухо отвечал князь Андрей своей сестре*, *– то он бы пошел в одной рубашке…* (Толстой. Война и мир) (ССПП «где есть каково»); – *Как* ***бы*** *сегодня* ***не засвежело***! – *К тому идет-с* (Станюкович. Пассажирка) (ССПП «где самопроисходит»).

Модификации, представленные глаголами побудительного наклонения, нам не встретились, т.к. нельзя приказать природе пребывать в определенном физическом состоянии.

Возможность специализированных структурных схем подвергаться грамматической модификации, в процессе речевой реализации обусловливает вычленение в содержании анализируемой типовой пропозиции признаков

‘*временность*’ и ‘*оптативность*’. О последнем признаке свидетельствует наличие высказываний с формами сослагательного наклонения глаголов, выражающих желательность или нежелательность того или иного состояния природы.

1.3. Грамматическая реализация в речи неспециализированных структурных схем простых предложений со значением «состояние природы».

Используемые для репрезентации типовой пропозиции «состояние природы» неспециализированные структурные схемы обнаруживают в речевой реализации следующие тенденции.

Около 23 % высказываний, в основе которых схемы «где есть какое состояние», «где нет какого состояния», «что находится в каком состоянии», «что есть каково по состоянию», «что есть какое по состоянию», «что есть в каком состоянии», «что есть полно каким состоянием/какого состояния», «что погружается в какое состояние», «что есть погружено в какое состояние», «что покрывается чем», «что есть покрыто чем», представляют инварианты перечисленных схем.

Например: *Утро. Выглядываю в кусочек окна, не запушенный морозом*, *и не узнаю леса. Какое* ***великолепие*** *и* ***спокойствие***! (Бунин. Сосны) (ССПП «где есть какое состояние»); *Барометр уже несколько дней стоит замечательно высоко*, *море* ***спокойно***... (Обручев. Земля Санникова) (ССПП «что есть каково по состоянию»); *Под ветром хлебное поле* ***волнуется***, ***зыбится*** *из края в край* (Екимов. Память лета) (ССПП «что находится в каком состоянии»); *Темно и пасмурно. Очевидно*, ***небо покрыто облаками*** (Чехов. Огни) (ССПП «что есть покрыто чем») и др.

Грамматические модификации схем «где есть какое состояние», «где нет какого состояния», «что находится в каком состоянии», «что есть полно какого состояния/каким состоянием», «что есть каково по состоянию», «что есть какое по состоянию», «что есть в каком состоянии», «что погружается в какое состояние», «что есть погружено в какое состояние», «что покрывает-

ся чем», «что есть покрыто чем» в 71,9 % высказываний выборки представлены прошедшем временем.

Например: *Давно уже не падали дожди*, *и земля* ***высохла***... (Иванов. Сердце Пармы) (ССПП «что находится в каком состоянии»); *Все-все* ***было полно*** *унылой осенней одинокости*, *вечной земной покорности долгому непогодью и холодной*, *пустой поре* (Астафьев. Печальный детектив) (ССПП «что есть полно какого состояния/каким состоянием»); *Серебристо-голубое небо* ***было безоблачно***… (Беляев. Человек-амфибия) (ССПП «что есть каково по состоянию»); *Река Каменка* ***покрывалась*** *льдом раньше бойкой Березайки* (Мамин-Сибиряк. Три конца) (ССПП «что покрывается чем») и др.

Грамматическая модификация, представленная формами будущего времени, актуальна для схем «где есть какое состояние», «что находится в каком состоянии», «что есть покрыто чем» (5 % высказываний).

Например: «*Славная погода завтра* ***будет***», − *заметил я*, *глядя на светлое небо* (Тургенев. Хорь и Калиныч); – *Верно*, *гроза* ***будет***, – *соглашаюсь я.* – *Залезайте под тент* (Иванов. Географ глобус пропил); – *Вечером* ***будет*** *гроза*; *я знаю*, *вы боитесь грозы* (Букша. Эрнст и Анна) (ССПП «где есть какое состояние»); – *Для меня праздник*, *когда липы* ***зацветут***, – *какой запах*! (Гончаров. Обрыв); *До каникул остается всего несколько дней*. *На дворе – теплынь*, *скоро каштаны* ***зацветут*** (Беляев. Старая крепость) (ССПП «что находится в каком состоянии»); «*Да*, *Софья Николавна*, – *говорила она*, – *ты еще не видала моего Чурасова*; *его надо видеть летом*, *когда все деревья* ***будут покрыты*** *плодами и когда заиграют все мои двадцать родников* (Аксаков. Детские годы Багрова-внука) (ССПП «что есть покрыто чем») и др.

Модификации, представленные формами сослагательного наклонения, нами отмечены в единичном случае: при речевой реализации структурной схемы «что находится в каком состоянии» (0,14 %).

Например: – *Вы бы*, *слышь*, *землерубы*, *над каждой ямкой теплянку развели*. ***Она б и оттаяла***, ***земля-то***. – *Не велят*, – *вздохнул вятич* (Солже-

ницын. Один день Ивана Денисовича); *По всей вероятности*, *Лиса и съела бы Серую Шейку*, ***когда полынья замерзла бы совсем***, *но случилось иначе* (Мамин-Сибиряк. Серая шейка).

Проанализировав грамматические модификации специализированных и неспециализированных структурных схем простых предложений, отмечаем, что колебания в процентном соотношении грамматических модификаций, специализированных и неспециализированных схем незначительно (*см*. **Приложение 3**). Оно может незначительно нивелироваться при привлечении дополнительного фактического языкового материла.

§2. Структурно-семантические модификации структурных схем простых предложений со значением «состояние природы»

2.1. Неполная модификация специализированных структурных схем простых предложений с семантикой «состояние природы».

Под *структурно-семантические* модификации схем мы подводим те их реализации, которые накладываются на грамматические, совмещаются с ними и не влекут изменений компонентного состава схем.

Рассмотрим структурно-семантические модификации структурных схем простых предложений, маркирующих типовую пропозицию «состояние природы» в русском языке (*см*. **Приложение 3**).

Прежде всего, структурная схема простого предложения может быть реализована в речи при *эллипсисе* одного из ее компонентов. Такая модификация носит название *неполной* и не влияет на коммуникативную достаточность высказывания: «опущенный компонент непременно сохраняется в мысли» [Адмони 1958: 113].

Неполная модификация специализированных схем «где есть каково», «где самопроисходит», «где пахнет чем», «где действует чем откуда/куда», «где перемещает что (В.п.) откуда/куда», «где создает что (В.п., Р.п.)» и «где разрушает что (В.п.)» очень продуктивна. Как правило, она представлена эллиптированным локативным субъективом (54 % высказываний нашей выбор-

ки). Это обусловлено смысловой избыточностью, когда «носитель предикативного состояния ясен из контекста…: это одно из трех лиц – участников/неучастников речевого акта, либо среда, окружающая говорящего или воспринимающего персонажа» [Золотова 1982: 274]. В этом случае невербализованный ингредиент схемы легко восстанавливается из контекста, под которым понимают «осмысление воспринимающим сознанием текстовых связей и соотношений» [Литературная энциклопедия 2003: 391]. Именно контекстная семантика есть «та категория, которая связывает воедино все поля и сферы различных уровней языка» [Колшанский 2005: 22]. *Узкий* контекст максимально приближен к анализируемой структуре и нередко образует с ней одно сообщение, а *широкий* контекст не присутствует в «поле зрения» анализируемого предложения. «Он представляет собой совокупность сведений, известных лицу, воспринимающему информацию, и позволяет безошибочно ориентироваться в предложениях с “редуцированным” содержанием» [Баландина 1992: 44].

Локативный субъектив специализированных структурных схем в большинстве случаев восстанавливается из контекста.

Например: *По длинной аллее молодых березок*, *по мокрому песку дорожки я шла в полусвете зари*, *затемненной тучками на севере*, *в конец сада*, *где была сиреневая беседка среди тополей и осин.* ***Было так тихо*** (ССПП «где есть каково»), *что слышно было редкое падение капель с нависших ветвей* (Бунин. Заря всю ночь) (‘в аллеях сада было тихо’); *В мелколесье душно*, ***пахнет прелью*** (ССПП «где пахнет чем»), *хлюпает под ногами черная торфяная вода* (Паустовский. Золотая роза) (‘в мелколесье пахнет прелью’); *На том берегу мы вышли.* ***Из лугов тянуло холодной завялой травой***, ***сладковатым запахом ивовых листьев*** (ССПП «где действует чем откуда/куда») (Паустовский. Ночь в октябре) (‘на том берегу тянуло травой, запахом ивовых листьев’) и др.

Когда изменение состояний природы приписывается неограниченному пространству, локальный компонент трудно восстановить из контекста, он

предстает расширенным [Арват 1974: 39] и его можно соотнести со значением указательных наречий типа *здесь*, *там*, *тут* или определительных типа *везде*, *всюду* и др. Подобное явление актуально для безличных предложений, в основе которых лежат структурные схемы «где самопроисходит», «где действует чем откуда/куда», «где пахнет чем», «где перемещает что (В.п.) откуда/куда».

Например, ССПП **«где самопроисходит»**: *Смерклось* (Шолохов. Донские рассказы); – ***Похолодало***, *Катерина Петровна*! *– бодро сказал Тихон и с беспокойством посмотрел на свою шапку* (Паустовский. Телеграмма); *Сильно морозило* (Толстой. Петр Первый); ***Вечереет***, *темно-вишневыми пятнами стелются тени облаков по зеркальному водному лону*, *разноцветными переливами блистает вечернее небо* (Мельников-Печерский. На горах); ССПП **«где пахнет чем»**: *Пахло началом городской зимы*, *топтаным листом клена*, *талым снегом…* (Пастернак. Доктор Живаго); *Пахнет полынью* (Неверов. Гуси-лебеди); ССПП **«где перемещает что** (В.п.) **откуда/куда»**: *Ощупью он нашел старый улей и медленно опустился на него*, *почесывая грудь и зевая*. *–* ***Пронесло дождь-то***, *– сказал он. Голос у него был густой*, *как из бочки*, *и усы мешали ему говорить* (Арцыбашев. Куприян) и др.

Вербализация локативного субъектива схем «становится обязательной в случае сопоставления или противопоставления разных локусов» [Золотова 2000: 107], что наблюдается в высказываниях, построенных по схеме «где есть каково». Противопоставление локативных субъективов влечет и полярность проявляемых природных состояний: световых, цветовых, связанных с повышением или понижением температуры, покрытием, изменением содержания влаги и т.п.

Например: *Только вдали поле с рожью точно горит огнем*, *да речка так блестит и сверкает на солнце*, *что глазам больно. – Отчего это*, *няня*, ***тут*** *темно*, *а* ***там*** *светло*, *а ужо будет и там светло? – спрашивал ребенок* (Гончаров. Обломов); *Дети из усадьбы… зоркими глазами заглядывали в*

длинное разбитое окно на уровне земли. ***Везде*** *светло и жарко*, *а* ***там*** *холодно и темно* (Бунин. Часовня); *В то время как* ***на берегу моря*** *пасмурно и сыро*, ***в горах*** *ясно*, *сухо и тепло* (Афанасьев. Дерсу Узала) и др.

В специализированных структурных схемах «где пахнет чем», «покрывает что (В.п.) чем» и «где создает что (В.п., Р.п.)» в редких случаях может быть эллиптирован третий компонент – наименование запаха (0,5 %) (ССПП «где пахнет чем»), объект-стихийный каузатор (2,4 %) (ССПП «покрывает что (В.п.) чем»), созданный объект (3 %) (ССПП «где создает что (В.п., Р.п.)»).

Например: «*Правда*, *правда*! *– думаю я. – В городе даже весною не пахнет*. ***А вот тут пахнет***. *И проруби вон уже почернели*, *оттаивать стали…*» (Бунин. В деревне) (ССПП «где пахнет чем») (‘тут пахнет весной’. Эллиптированный компонент – наименование запаха – восстанавливается из контекста); *Он увидел сквозь клубящийся мрак низких туч пока еще чуть-чуть проступившую голубизну*, ***но ее тотчас затянуло*** (Проскурин. В старых ракитах) (ССПП «покрывает что (В.п.) чем») (‘ее затянуло тучами’. Эллиптированный компонент – объект-стихийный каузатор – восстанавливается из контекста); ***Небо с полудня уже затянуло***, *на вершине холма струились вихри поземки* (Куваев. Территория) (ССПП «покрывает что (В.п.) чем») (‘небо затянуло тучами’. Эллиптированный компонент – объект-стихийный каузатор – восстанавливается из ситуации); *Снежок такой неясный.* ***Где-то намело*** (Садур. Немец) (ССПП «где создает что (В.п., Р.п.)») (‘где-то намело снегу’. Эллиптированный компонент восстанавливается из контекста).

В ряде случаев невербализованным остается четвертый компонент структурных схем «где действует чем откуда/куда» и «где перемещает что (В.п.) откуда/куда» (46 %) – наименование исходного или конечного пункта перемещения веяния или какого-либо объекта: *Земля напиталась водой и больше не принимала влаги. Тянуло холодом* (‘с земли тянуло холодом’) (Глущенко. Кукты Чапогир готовится в дорогу) (ССПП «где действует чем откуда/куда»); *И опять наступила весна*, *своя в своем нескончаемом ряду*, *но по-*

следняя для Матеры, *для острова и деревни*, *носящих одно название*. *Опять* ***с грохотом и страстью пронесло лед***, *нагромоздив на берега торосы*, *и Ангара освобожденно открылась*, *вытянувшись в могучую сверкающую течь* (Распутин. Прощание с Матерой) (ССПП «где перемещает что (В.п.) откуда/куда») (эллиптированный компонент трудно восстановить из контекста) и под.

2.2. Фазовая и модальная модификации специализированных структурных схем простых предложений с семантикой «состояние природы».

Фазовые реализации структурной схемы – это такие ее видоизменения, при которых дополнительно выражается значение начала, конца или продолжения состояния, действия (например: *В вагонах* ***стали зажигать*** *огни* (Достоевские. Зимние заметки о летних впечатлениях); *Секретарь* ***перестал записывать*** *и исподтишка бросил удивленный взгляд*, *но не на арестованного*, *а на прокуратора* (Булгаков. Мастер и Маргарита)) и др.

Сам по себе фазисный глагол «не вносит в предложение самостоятельной информации… глагол лишь вербально фиксирует точку (отрезок) как одну из фаз развития действия (состояния)» [Золотова 1973: 215].

Фазовая модификация специализированных структурных схем («где есть каково», «где самопроисходит», «где пахнет чем», «где действует чем откуда/куда») является достаточно регулярной (примерно 18,6 %). Она представлена лексемами *стать*, *становиться*, *делаться*, *начинаться* в формах настоящего или, чаще, прошедшего времени, которые в семантику высказывания добавляют элемент ‘переход из одного состояния в другое’ или ‘начало состояния’.

Например: *Через полчаса наступил вечер.* ***Стало*** *совершенно* ***темно*** (‘переход из одного состояния в другое’) (Пастернак. Доктор Живаго); – ***Становится свежо*** (‘начальная фаза состояния’), – *сказала Ольга Ивановна и вздрогнула* (Чехов. Попрыгунья); *Значит*, *в апреле* ***становится тепло*** (‘начальная фаза состояния’) *и телятся важенки* (Глущенко. Кукты Чапогир го-

товится в дорогу) (ССПП «где есть каково»); *В море* ***начинает белеть*** (‘начальная фаза состояния’), *– в море рассвет виднее*, *– но горы еще ночные*, *в долинах – мгла* (Шмелев. Солнце мертвых); *Штормом колотило нас всю ночь*, *и только на следующее утро* ***стало стихать*** (‘начальная фаза состояния’) (Ефремов. Встреча над Тускаророй) (ССПП «где самопроисходит»); *Правда*, *есть проблески: едва проглянет солнышко –* ***начинает пахнуть*** (‘начальная фаза состояния’) *мокрыми листьями, и живучая ромашка в расселине старой мостовой расправляет понурые лепестки и делает вид*, *будто ей предстоит тут красоваться еще бог знает сколько дней* (Панова. Времена года) (ССПП «где пахнет чем»); *Зима переламывалась. Откуда-то* ***стало попахивать*** (‘начальная фаза состояния’) *весною* (Куприн. Завирайка) (ССПП «где действует чем откуда/куда») и под.

Структурно-семантическая модификация специализированных схем, представленная фазовой модификацией, способствует возможности выделения когнитивного признака ‘*фазовость*’ типовой пропозиции «состояние природы».

Под *модальной* модификацией имеется в виду не объективная модальность, выражающая отношение высказывания к действительности, а модальное отношения субъекта действия (или состояния) к действию (состоянию). Модальные реализации отличаются от основных вариантов моделей дополнительными, выраженными специальными языковыми средствами значениями возможности, долженствования, необходимости и тому подобное [Золотова 1973: 207; *о том же*: Цейтлин 1976: 167] (например: *Но* ***желалось бы знать*** *подробнее*… (Достоевские. Зимние заметки о летних впечатлениях); Я ***не мог подвести*** *его* [*хариуса*] *к берегу*, ***не мог остановить***, *взять на подъем*… (Астафьев. Царь-рыба)) и под.

Обогащение позиционной схемы высказывания модальными лексемами в нашем материале представлено единичными примерами, в основе которых лежит структурная схема «где есть каково» (0,16 %).

Например: ***Темнее не могло*** *уж и* ***быть***, *тишина давила, казалось, снизу и сверху* (Белов. Год великого перелома); *А тут оно сияло неизвестно для кого*, *в тишине этой снежной равнины*, *и было непонятно*, *как* ***может быть*** *на земле* ***пасмурно*** *и* ***дождливо*** (Гранин. Иду на грозу) и др.

В данных примерах позиционные схемы высказываний обогащены модальностью возможности/невозможности. *Семантику модальности возможности* определяют так: поле возможности объединяет лексические, морфологические и синтаксические средства, выражающие представление говорящего о такой связи между субъектом предметной ситуации и его признаком, при которой существует обусловленность ситуации детерминирующими факторами (объективными или субъективными), допускающими различный исход потенциальной ситуации – ее реализацию или нереализацию. Средствами выражения возможности являются модальный предикатив *можно*, модальные глаголы *мочь*, *уметь* [Теория функциональной грамматики 1990: 126–127]. Наблюдатель в анализируемых примерах не только констатирует состояние природы как *темно*, *пасмурно*, *дождливо*, но и выражает свое отношение к этому состоянию.

2.3. Отрицательная, вопросительная модификации и модификация абстрактности специализированных структурных схем простых предложений с семантикой «состояние природы».

Особыми разновидностями структурно-семантических модификаций являются *отрицательные и вопросительные* реализации структурных схем, объединяющиеся с другими структурно-семантическими модификациями сохранением «состава модели, предикативная ось которой усложняется добавочным смыслом или новым коммуникативным поворотом» [Золотова 1973: 221].*Вопросительная* модификация структурных схем осложняет высказывание модальностью вопроса (например: *Что я вам напишу*? (Достоевский. Зимние заметки о летних впечатлениях); *А филейчики из дроздов вам не нравились*? (Булгаков. Мастер и Маргарита)) и под. Иногда вопросительная мо-

дификация может приводить к трансформации схемы в новую схему [Казарина 2002 (б): 52] (например: *Я лежу. – Где мне лечь?*).

Речевая реализация специализированных структурных схем «где есть каково», «где самопроисходит», «где пахнет чем» не исключает вопросительной модификации, не приводящей к трансформации схемы (2,6 %).

Например: – *Скоро рассвенет?* (Шолохов. Тихий Дон) (ССПП «где самопроисходит»); – *А – кровью пахнет? – шевеля ноздрями*, *сказала Анфильевна* (Горький. Жизнь Клима Самгина) (ССПП «где пахнет чем»); *Но в избе стукнула дверь: мать, шурша, протаскивала из сенец охапку соломы.*

– Холодно, *тетка? – спросил странник, лежа на конике.*

– *Нет*, *– ответила Марья*, *– туман* (Бунин. Танька);

– На дворе холодно? – спросила она (Булгаков. Записки покойника (Театральный роман)) (ССПП «где есть каково»).

Отрицательная модификация структурных схем реализуется введением в позиционную схему отрицательной частицы *не* (например: *– А мне до крайности* ***не нравится*** *вся эта затея…* (Булгаков. Мастер и Маргарита); *Он* ***не договорил*** (Булгаков. Мастер и Маргарита)) и под.

Отрицательная модификация в нашей выборке представлена при реализации специализированных структурных схем «где есть каково», «где самопроисходит», «где пахнет чем» (2 %).

Например: *Но тихо повсюду и еще* ***не темно****, еще сумерки продолжаются* (Астафьев. Наваждение) (ССПП «где есть каково»); *Еще* ***не светало***, *а уже по всему дому хлопали двери*, *скрипели лестницы*, *– девки волокли на двор коробья*, *узлы*, *дорожные сундуки* (Толстой. Петр Первый); *Еще* ***не темнело***, *но дневная жара уже спала* (Куприн. Резеда) (ССПП «где самопроисходит»); *Гарью еще* ***не пахло***, *но в свежем утреннем воздухе стояла духота и какая-то тяжесть* (Мельников-Печерский. В лесах) (ССПП «где пахнет чем») и др.

В единичных случаях (0,04 %) при реализации структурной схемы «где есть каково» нам встретилась реализация *абстракции*: *Когда Гулия гнал по*

этим рекам лодку, *то иногда днем* ***бывало темно***, *как в сумерки: леса смыкались над водой тяжелым шатром* (Паустовский. Колхида). Под реализацией *абстрактности* понимают «такое структурное видоизменение предложения, которое вызвано необходимостью подчеркнуть, что изображается не единичная, конкретная, доступная непосредственному чувственному восприятию ситуация, а некий обобщенный факт» [Цейтлин 1976: 167]. В приведенном примере глагол *бывать* несет сему ‘периодичность повторения чего-либо’ (природных состояний). Описываемая в высказывании ситуации не результат сиюминутного наблюдения, а фиксация опыта, полученного в течение длительного промежутка времени.

Обнаружение реализация абстрактности свидетельствует о наличии признака ‘*итеративность*’ в содержании типовой пропозиции «состояние природы», обеспечивающего возможность существования высказываний, в которых указывается на периодичность возникновения того или иного состояния.

2.4. Структурно-семантические реализации в речи неспециализированных структурных схем простых предложений со значением «состояние природы».

При речевой реализации неспециализированных структурных схем простых предложений с семантикой «состояние природы» выявлены прежде всего *неполная* модификация, *фазовая*, *вопросительная.*

Неполная модификация (около 28 %) отмечена для схем «где есть какое состояние», «где нет какого состояния». В процессе речевой реализации этих схем подвергается эллипсису в силу смысловой избыточности компонент со значением ‘носитель состояния’.

Например: *Сумерки вечерние* (Шолохов. Тихий Дон); – *Какая тишь* (Пришвин. Кащеева цепь); *Неслыханная жара стояла в то лето* (Паустовский. Заячьи лапы) (ССПП «где есть какое состояние»); ***А не было засухи оттого***, *что ночи по три на неделе перед утренней зарею небо тучками*

обкладывалось и частым, *крупным дождем кропило засеянные поля* (Мельников-Печерский. В лесах) (ССПП «где нет какого состояния») и т.д.

Вербализация компонента ‘носитель состояния’ становится обязательной при сопоставлении нескольких субъективов: ***Здесь*** *водка и тепло*, *а* ***там*** *мрак*, *буран*, *вьюга*, *замерзают юнкера* (Булгаков. Белая гвардия); ***Где*** *сегодня холод*, ***там*** *завтра жара* (Паустовский. Парусный мастер) и под.

Фазовой структурно-семантической модификации (4 %) подвергаются неспециализированные схемы «где есть какое состояние», «что находится в каком состоянии», «что есть каково по состоянию», «что покрывается чем».

Например: *Погода начала изменяться* (‘начальная фаза состояния’) (Толстой. Холстомер) (ССПП «где есть какое состояние»); *Это море зелени* ***начинало волноваться*** (‘начальная фаза состояния’), *когда по нем торопливо пробегала широкая тень от плывшего в небе облачка*; *несколько горных орлов черными точками парили в голубой выси северного неба* (Мамин-Сибиряк. Золото); *Между тем небо* ***продолжало расчищаться*** (‘продолжение состояния’); *в лесу чуть-чуть светлело* (Тургенев. Бирюк) (ССПП «что находится в каком состоянии»); *И небо* ***стало звездно*** (‘переход из одного состояния в другое’) (Маканин. Отдушина) (ССПП «что есть каково по состоянию») и др.

Вопросительная модификация (0,8 %) наблюдается при реализации структурной схемы «где есть какое состояние».

Например: ***Отчего или засуха***, ***или ненастье***? *Ну-ка*, *прикинь*… (Мамин-Сибиряк. Хлеб); *Ненастье будет*. – ***Какое еще ненастье***? – *настороженно спрашивает Василиса и смотрит на Петра* (Распутин. Василий и Василиса) и др.

Помимо перечисленных модификаций, в процессе речевой реализации неспециализированная структурная схема «где есть какое состояние» подвергается *экспрессивной* модификации (0,4 %). *Экспрессивные* модификации – это модификации, в которых «дополнительный смысл создается введением

экспрессивно-оценочных частиц…, а иногда и инверсионного порядка слов» [Золотова 1973: 222].

Например: ***Ну и*** *погодка*! (Бунин. «Дубки»); – ***Ну и*** *ненастье ударило*. *Все мокрешеньки*, *точно из болота вылезли*… (Мамин-Сибиряк. Отрезанный ломоть); – ***Ну и*** *погодка же: того и гляди крышу своротит… – Самый сибирский буран*! *– Это нам на руку: все обходные теперь забились в будки* (Курицын. Томские трущобы).

В единичных случаях (0,2 %) при реализации той же структурной схемы «где есть какое состояние» нам встретилась реализация *абстракции*: *Грозы в Ливнах* ***бывали*** *часто* (Паустовский. Золотая роза); *Зимой у нас в Сибири* ***бывали*** *такие бураны…* (Рябинин. Нигер).

Немногочисленны примеры с *авторизованной* модификацией структурной схемы «что есть какое по состоянию» (0,5 %). В этом случае авторизующие глаголы (типа *кажется*, *представляется*) вносят в авторизуемую модель оттенок неполного соответствия между предикативно соотнесенными компонентами или – обычно при совпадении говорящего и авторизующего субъекта – оттенок осторожности, некатегоричности утверждения [*см*.: Золотова 1973; Всеволодова 2000]. Например: *Река ожила*, ***она*** *вся была в подвижных пятнистых бликах*, *похожих на рыбью чешую*, *и от игры их* ***казалась набухшей****…* (Задорнов. Амур-батюшка); *…Несмотря на глубокое безмолвие*, ***природа казалась изнемогающею*** *под бременем какого-то кипучего и нетерпеливо-просящегося наружу ликования* (Салтыков-Щедрин. Помпадуры и помпадурши); *Ветер еще был так силен*, *что* ***море казалось кипящим*** (Рытхэу. Когда киты уходят) и под. Следует отметить, что такие указания на источник информации редки. Обычно для его обозначения говорящий использует вводные конструкции, не являющиеся компонентом структурной схемы.

Сравнивая структурно-семантические модификации специализированных и неспециализированных структурных схем простых предложений с семантикой «состояние природы», отмечаем, что для неспециализированных

схем они не так характерны, как для специализированных (*см*. **Приложение 3**). На наш взгляд, это обусловлено их непредназначенностью для маркирования типовой пропозиции «состояние природы». Вероятно, эти схемы сохраняют в речевой реализации способности к тем модификациям, которые актуальны для них при выполнении основной функции – быть знаками типовых пропозиций «бытие объекта», «инобытие объекта», «бытие признака объекта», «небытие объекта» и т.д.

§3. Усложнение пропозиций высказываний с семантикой «состояние природы» дополнительными смыслами

3.1. Темпоральные компоненты позиционных схем высказываний с семантикой «состояние природы».

Позиционные схемы высказываний, в основе построения которых лежат структурные схемы простых предложений, могут быть усложнены детерминантами, обогащающими пропозиции высказываний дополнительными смыслами.

Под детерминантом понимают отдельную словоформу, входящую в предложение в качестве его распространителя, «формально не связанного ни с какой словоформой, распространяющей эту схему» [Грамматика 1970: 624]. Детерминант – это «чисто предложенческая категория» [Крылова 1976: 45]. Один из верных признаков детерминанта – «возможность соединения более чем с одной структурной схемой» [Крылова 1976: 47]. Проблема детерминантов не раз поднималась в работах отечественных лингвистов [*см*.: Грамматика 1970; Русская грамматика 1980; Малащенко 1972; Распопов 1972; Чеснокова 1980].

Референтные ситуации, формирующие типовую пропозицию «состояние природы», характеризуются прежде всего временной ограниченностью. Временной характер состояния и предопределяет способность позиционных схем усложняться темпоральными конструкциями. Эта способность пропози-

ции включать в свой состав смысл ‘время’ отмечается в лингвистической литературе [*см.*: Булыгина 1982; Селиверстова 1982 и др.].

Темпоральный детерминант служит показателем эпизодичности состояния природы, его изменчивости. Он называет время, совпадающее со временем содержания высказывания, и время, не совпадающее со временем содержания высказывания: предшествующее ему или следующее за ним. Подобные темпоральные конструкции подробно описывает В.П. Малащенко [*см.*: Малащенко 1972].

При исходном варианте специализированных схем «где есть каково», «где самопроисходит», «покрывает что (В.п.) чем» темпоральный компонент представлен специализированными лексемами типа *нынче*, *зимой* или темпоральными предложно-именными формами типа *в полночь*, *к вечеру*, *с утра.*

Например: ***Нынче сыро***, ***пасмурно***, *хотя в облаках много свету* (Бунин. Окаянные дни); *Начало апреля*, ***с утра свежо и облачно*** (Бунин. Тень птицы); *Зимой всю поляну снегом заносит* (Мельников-Печерский. В лесах). В основе первых двух высказываний, выделенных жирным курсивом, лежит ССПП «где есть каково», в основе третьего примера – ССПП «покрывает что (В.п.) чем». Состояние, представленное приведенными высказываниями, совпадает со временем, маркированным темпоральными конструкциями *нынче*, *с утра*, *зимой.* Ср.: *К вечеру как будто стихает* (Бунин. Жизнь Арсеньева). Состояние, представленное в высказывании, предшествует времени, репрезентированному темпоральной конструкцией *к вечеру.* В основе высказывания – ССПП «где самопроисходит».

В высказываниях, реализующих временную модификацию схем «где есть каково», «где самопроисходит», «где действует чем откуда/куда», «где перемещает что (В.п.) откуда/куда», «где создает что (В.п., Р.п.)», «где разрушает что (В.п.)», смысл ‘время’ маркирован:

1) предложно-именными формами (*с вечера*, *с утра*, *к утру*, *к заре*, *к вечеру*, *за ночь*, *после дождя*, *перед дождем*, *после жаров* и под.).

Такие предложно-падежные формы несут разнообразные временные значения [*см. подробнее*: Шаповалова 2000]. Например, форма родительного падежа с предлогом *с* указывает на время, являющееся начальным моментом того или иного состояния (*с вечера*, *с утра* и под.) или на временной промежуток, в течение которого уже длится состояние (*с неделю*); форма родительного падежа с предлогом *после* указывает на то, что состояние возникает позже какого-либо периода времени или другого состояния (*после жаров*, *после обеда* и т.д.); предлог *за* с формой винительного падежа обозначает отрезок времени, завершившийся вместе с истекшим состоянием, состоянием, перешедшем в новое состояние (*за ночь*); предлог *перед* с творительным падежом обозначает «близкое предшествование», момент, оцениваемый говорящим как приближенный к временному ориентиру [Шаповалова 2000: 13] (*перед рассветом*; *перед дождем* и т.д.); конструкция с предлогом *к* указывает примерный, ориентировочный срок окончания состояния (*к утру*, *к заре* и под.) и т.д.

Например: *Темно было с утра* (Пришвин. Календарь природы) (ССПП «где есть каково»); *С утра таяло…* (Глущенко. Кириллыч); *За ночь сильно вызвездило…* (Пришвин. Календарь природы) (ССПП «где самопроисходит»); *Уже с неделю несло вьюгой…* (Бунин. Ида) (ССПП «где действует чем откуда/куда»).

2) наречиями (*тогда*, *потом*, *днем*, *ночью*, *вчера* и др.).

Например: ***Дико и глухо было тогда в первобытных лесах***, *куда пришел святой человек* (Бунин. Святые горы). Состояние, представленное в выделенном жирным курсивом высказывании, в основе которого ССПП «где есть каково», совпадает со временем, репрезентированным темпоральным наречием *тогда.* Сравним с другими примерами, в основе которых лежат специализированные ССПП «где самопроисходит» и «где действует чем откуда/куда»: ***Потом еще потемнело***, *и так сильно*, *что ногти у меня на загорелых руках показались ослепительно-белыми*, *как это бывает ночью* (Паустовский. Избушка в лесу); *Сверкнул огонь.* ***Потом ударило*** (Булгаков.

Великий инквизитор) (ССПП «где самопроисходит»); ***Потом вдруг***, ***на второй день Святой***, ***понесло теплым ветром***, *надвинулись тучи…* (Толстой. Анна Каренина) (ССПП «где действует чем откуда/куда»). Состояние, представленное приведенными высказываниями, следует за временем, маркированным темпоральным наречием *потом*;

3) словосочетаниями (*пятый день*, *в этот час*, *с восьми часов*, *после великих дней*, *часа в три*, *в эти дни*, *в одни сутки* и др.), несущими разнообразные значения: называющими период времени, в который имеет место быть определенное состояние (*часа в три*, *в этот час* и под.); указывающими на конкретный временной промежуток, с которого имеет место быть определенное состояние (*с восьми часов*, *с шести часов* и под.); обозначающими период, после которого появится определенное состояние (*после великих дней* и под.); указывающими временной промежуток, в течение которого длится состояние (*пятый день* и под.) и т.д.

Например: *Утро было солнечное*, ***и с восьми часов было уже жарко*** (Толстой. Война и мир) (ССПП «где есть каково»); ***Смеркалось часа в три***, *лохматые собаки сидели на крышах*, *почти сровнявшись с сугробами* (Бунин. Деревня) (ССПП «где самопроисходит»); *В одни сутки намело сугробы…* (Эртель. Гарденины, их дворня, приверженцы и враги) (ССПП «где создает что (В.п., Р.п.)») и под.

Смысл ‘время’ может вноситься и целой предикативной единицей[28]. Например: *Когда Каштанка проснулась*, ***было уже светло*** *и с улицы доносился шум*, *какой бывает только днем* (Чехов. Каштанка) (ССПП «где есть каково»); ***Смеркалось***, *когда пошли в атаку* (Шолохов. Донские рассказы); ***Уже смеркалось***, *когда Денисов с Петей и есаулом подъехали к караулке*

[28] Вопрос об отнесении к группе детерминантов придаточных предложений обстоятельственной семантики освещен в [*см.*: Грибещенко 2008]. При таком подходе понятие «детерминант» не является синонимом понятия «детерминирующий член предложения» (как это представлено, например, в Грамматике – 80). К детерминантам тогда относят приосновные второстепенные члены и придаточные предложения обстоятельственной семантики, а к детерминирующим членам предложения – второстепенные члены предложения, выраженные наречиями, предложно-падежными конструкциями, деепричастиями с семантикой времени.

(Толстой. Война и мир); *Когда я нашел доктора*, ***уже светало*** (Паустовский. Романтики) (ССПП «где самопроисходит») и др. Состояние природы, представленное выделенными жирным курсивом предикативными единицами, предшествует времени, маркированному конструкциями *когда Каштанка проснулась*; *когда пошли в атаку*; *когда Денисов с Петей и есаулом подъехали к караулке*; *когда я нашел доктора.*

Высказывания, позиционная схема которых усложнена фазовым модификатором типа *стать*, *становиться*, *начинать* (ССПП «где есть каково» и ССПП «где самопроисходит»), включают темпоральные детерминанты, представленные наречиями *тогда*, *потом*, предложно-именными формами типа *после обеда*, словосочетаниями типа *на четвертый день*, *после шести часов* и под.

Например, ССПП «где есть каково»: ***После грозы вдруг стало очень холодно***, *начался сильный северный ветер* (Пришвин. Календарь природы). Состояние, представленное в высказывании, следует за временем, репрезентированным темпоральной конструкцией *после грозы.* Ср.: ***Тогда сразу стало тепло***, *снег раскис*, *забушевали потоки* (Пришвин. Кащеева цепь); ***И стало тогда в лесу так темно***, *точно в нем собрались сразу все ночи…* (Горький. Старуха Изергиль). Состояние, представленное приведенными высказываниями, совпадает со временем, маркированным темпоральным наречием *тогда.*

Сравним с примерами, в основе которых ССПП «где самопроисходит»: *Темнеть начинает после шести часов* (Куприн. Мыс Гурон); *После полудня стало накрапывать* (Толстой. Петр Первый); *Потом снежить стало посильнее*, *липко и густо* (Залыгин. Комиссия). Состояние, представленное приведенными высказываниями, следует за временем, маркированному темпоральными конструкциями *потом*, *после шести часов*, *после полудня.* Еще пример: *…И только на следующее утро стало стихать* (Ефремов. Встреча над Тускаророй). Состояние, представленное в высказывании, совпадает со

временем, репрезентированным темпоральной конструкцией *на следующее утро.*

Все перечисленные темпоральные конструкции в позиционных схемах высказываний с семантикой «состояние природы» дополнительно актуализируют микрокомпонент ‘*временность*’ типовой пропозиции «состояние природы».

Отметим наличие в нашей выборке языкового материала высказываний с детерминантами (ССПП «где есть каково», ССПП «где самопроисходит», ССПП «где создает что (В.п., Р.п.)»), в которых указывается не только на временной промежуток существования определенного состояние, но и на его повторяемость. В таких высказываниях речь идет не просто об одновременности или неодновременности времени информативного содержания высказывания и детерминанта, но и о том, что состояние неоднократно повторяется в одно и тоже время, которое маркировано темпоральными лексемами типа *зимой*, *весной*, *летом*, *перед закатом* и др. Обычно в подобных контекстах обобщены наблюдения героев произведений или самого автора. Например, говорящий мог неоднократно наблюдать то, что *перед закатом* всегда становится *ясно*, что *летом* бывает очень *жарко*, что *зимой – серо* и *пустынно*, а *весной – солнечно*, *весело* и т.д.

Например, ССПП «где есть каково»: ***Перед закатом становилось ясно***, *на моих бревенчатых стенах дрожала*, *падая в окна сквозь листву*, *хрустально-золотая сетка низкого солнца* (Бунин. Муза); *Летом даже в полдне в лесу тихо*, *сумеречно*, *прохладно* (Шолохов. Тихий Дон); ССПП «где самопроисходит»: ***Всегда перед самым рассветом темнеет***, *и звезды скрываются: меркнет* (Пришвин. Кащеева цепь); *Зорями холодеет крепко* (Шмелев. Солнце мертвых); ССПП «где создает что (В.п., Р.п.)»: ***Зимой*** *у нас в Сибири бывали такие бураны*, *что* ***сугробы наносило выше человеческого роста***… (Рябинин. Нигер) и др.

Подобные детерминанты позволяют актуализировать признак ‘*итеративность*’ в содержании типовой пропозиции «состояние природы».

3.2. Каузаторы состояния природы в позиционных схемах высказываний.

Состояние природы может быть причинно обусловлено. Каузатор состояния в нашем материале представлен пропозициональной лексемой в форме «*от + родительный падеж*». Причинными детерминантами обогащаются пропозиции высказываний, построенные по специализированным структурным схемам «где есть каково», «где самопроисходит», «где пахнет чем».

Например: *В лугах было сумрачно* ***от звездного света*** (Паустовский. Сивый мерин) (‘было сумрачно, потому что был только звездный свет’); *На дворе было темно* ***от ночи*** *и серо* ***от тумана*** (Бунин. Божье древо) (‘было темно, потому что стояла ночь; было серо, потому что стоял туман’) (ССПП «где есть каково»); *Парит* ***от*** *долгой* ***засухи*** (Мельников-Печерский. На горах) (‘парит, потому что стоит засуха’) (ССПП «где самопроисходит») и под.

Отмечаем наличие в нашей выборке высказываний, в которых конструкция *от + Р.п. имени* имеет синкретичную семантику: значение ‘причина’ (то, что обусловливает возникновение чего-либо) соединяется со значение ‘источник’ (то, что дает начало чему-либо): *Сильно парит* ***от земли*** (Пришвин. Календарь природы) (‘парит, потому что земля накалена’ и ‘земля дает начало испарениям, *от нее* они берут начало’); *И после долго пахнет в степи горькой гарью* ***от*** *выжженной и потрескавшейся* ***земли*** (Шолохов. Тихий Дон) (‘пахнет гарью, потому что земля выжжена’ и ‘выжженаая и потрескашаяся земля дает начало запаху гари, *от нее* идет этот запах’) (ССПП «где пахнет чем») и др.

Фиксирование высказываниями с семантикой «состояние природы» причинно обусловленного качественного перехода из одного состояния в другое за счет введения в позиционные схемы конструкций со значением

‘причина’ дополнительно маркирует признак ‘*каузативность*’ в содержании типовой пропозиции «состояние природы».

В высказывание может быть введено сразу два пропозициональных смысла, формирующих четырехкомпонентную пропозицию высказывания, представленную смыслами: ‘локативный субъект’ – ‘состояние’ – ‘время’ – ‘причина’ (ССПП «где есть каково»). Первый компонент в таких примерах – локативный субъектив – может быть не вербализован. Например: *День тоже не радовал*: *и* ***днем было темно от туч***, *и днем лил дождь на лес*, *на лужи – нельзя было на порог показаться* (Бунин. Ермил).

Обогащение пропозиций высказываний смыслом ‘локус’ отмечено только для одной специализированной ССПП «покрывает что (В.п.) чем». Оно представлено единичными примерами: ***Вокруг озера***, *как бы на всплеске*, *остановились гребни снега –* ***замело кусты стлаников*** (Астафьев. Царь-рыба); *А сейчас*: *колючий ветер шумит в мерзлых*, *черных ветлах*, ***на пруду совсем замело ледяную горку***… (Толстой. Детство Никиты).

Для остальных семи специализированных структурных схем («где есть каково», «где самопроисходит», «где пахнет чем», «где действует чем откуда/куда», «где перемещает что (В.п.) откуда/куда», «где создает что (В.п., Р.п.)», «где разрушает что (В.п.)») локативный субъектив является обязательным компонентом и обогащение пропозиций высказываний смыслом ‘локус’ для них некорректно.

3.3. Особенности позиционных схем высказываний, в основе которых лежат неспециализированные структурные схемы предложений с семантикой «состояние природы».

Пропозиции высказываний, в основе которых лежат неспециализированные структурные схемы «где есть какое состояние», «что есть в каком состоянии», «что есть каково по состоянию», «что есть какое по состоянию», «где нет какого состояния», «что находится в каком состоянии», «что покрывается чем», «что есть покрыто чем», также способны обогащаться смыслом

‘время’, маркированным наречиями, предложно-именными формами, словосочетаниями, целыми предикативными единицами: *летом*, *зимой*, *ночью*, *утром*, *наутро*, *днем*, *скоро*, *нынче*, *тогда*, *с утра*, *к утру*, *с вечера*, *к вечеру*, *к ночи*, *после обеда*, *после грозы*, *в полночь*, *к заре*, *в этот час*, *с восьми часов*, *после великих дней*, *после шести часов* и под.

Например: *Часа через полтора настали сумерки* (Мельников-Печерский. В лесах) (ССПП «где есть какое состояние»); *Когда в самом начале лета мы приехали сюда*, ***еще все яблони были в цвету*** (Рекемчук. Мальчики) (ССПП «что есть в каком состоянии»). Состояние, представленное в высказываниях, следует за временем, маркированным темпоральной конструкцией *часа через полтора*, предикативной единицей *когда в самом начале лета мы приехали сюда.* Другие примеры: *Непогода к вечеру разошлась еще хуже* (Толстой. Анна Каренина) (ССПП «где есть какое состояние»); ***Нынче к вечеру небо на закате обложилось непогожими тучками***, *по реке пошла кирпичная рябь* (Бунин. Под Серпом и Молотом) (ССПП «что (И.п.) покрывается чем»). Состояния, представленные в высказываниях (во втором примере выделено жирным курсивом), предшествуют времени, маркированным темпоральной конструкцией *к вечеру.*

Позиционные схемы высказываний, в основе которых структурные схемы «где есть какое состояние» и «что покрывается чем», способны включать темпоральные детерминанты со значением ‘повторяемость состояния’.

Например: ***Опять*** *тишь*, ***опять*** *глубокое безмолвие*… (Мельников-Печерский. В лесах); ***Летом*** *зной*, ***зимой*** *стужа и метели*, *осенью страшные ночи*, *когда видишь только тьму и не слышишь ничего*, *кроме беспутного*, *сердито воющего ветра*, *а главное – всю жизнь один*, *один*... (Чехов. Степь) (ССПП «где есть какое состояние»); *Все это пространство занято огромной луговиной*, *которая* ***зимой*** *покрывается водой* (Гончаров. Фрегат «Паллада») (ССПП «что покрывается чем») и др.

В процессе речевой реализации неспециализированных схем «что находится в каком состоянии», «где есть какое состояние» и «что покрывается

чем» в высказывания включаются конструкции со значением ‘причина’, представленные либо лексемой Р.п. с предлогом *от* или целой предикативной единицей.

Например: …*Солнце жжет так*, *что даже небо блекнет* ***от жары*** (Дубов. Огни на реке) (‘небо блекнет, потому что жарко’); *Воздух дрожит* ***от густоты*** *и* ***запаха цветов*** (Островский. Как закалялась сталь) (ССПП «что находится в каком состоянии») (‘воздух дрожит, потому что он густ и насыщен запахом цветов’); *Он утратил выдержку и сорвался*: «*Вечером вы говорите*: *будет ведро*, *потому что небо красно*; *и поутру: сегодня ненастье*, ***потому что небо было багрово*** (Конецкий. На околонаучной параболе (Путешествие в Академгородок)) (ССПП «где есть какое состояние») (‘сегодня ненастье, потому что небо было багрово’); *Тщетно солнце стремится расторгнуть воздушную рать эту*; *оно уступает и* ***от стыда*** *покрывается мраком* (Нарежный. Славенские вечера) (ССПП «что покрывается чем») (‘солнце покрывается мраком, потому что ему стыдно’ – конструкция метафорична) и др.

Реализуясь в речи, структурные схемы «что находится в каком состоянии», «что есть каково по состоянию» и «что есть покрыто чем» позволяют высказываниям включать в свой состав детерминанты со значением ‘место’, что исключено для большинства специализированных структурных схем. Так Наблюдатель «очерчивает», ограничивает «область» окружающего его пространства природы, охваченного состоянием. Это наблюдается в высказываниях, в которых субъектив маркирован местоимением *все* со значением «недифференцированного природного объекта – носителя состояния».

Например: *Все дремало*, *все нежилось* ***вокруг***… (Тургенев. Три встречи) (ССПП «что находится в каком состоянии»); *Я встал и подошел к окну –* ***за стеклами*** *все было снежно и безмолвно* (Паустовский. Прощание с летом); *Все* ***вокруг*** *покрыто белым снегом* (Бунин. Ермил) (ССПП «что есть покрыто чем») и др.

3.4. Эксплицирующие словоформы и их роль в позиционных схемах высказываний с семантикой «состояние природы».

В составе позиционных схем высказываний с семантикой «состояние природы», построенным как по специализированным, так и неспециализированным структурным схемам, регулярно встречаются атрибутивные словоформы, занимающие с определяемой словоформой (глагольной или именной) одно синтаксическое место, – экспликанты. Морфологически эксплицирующие словоформы преимущественно представлены наречиями и именами прилагательными. Например: *На дворе накрапывал дождь*, *было* ***очень*** *темно* (экспликант, представленный наречием *очень* при предикативе, маркированном словом категории состояния *темно*), *и только по хриплому кашлю Пантелеймона можно было угадать*, *где лошади* (Чехов. Ионыч) (ССПП «где есть каково»); *Вышли вечером –* ***непроглядная*** *темь* (экспликант, представленный прилагательным *непроглядный* при предикативе, маркированном именем существительным *темь*), *густой туман*, *сырость* (Бунин. Последняя весна) (ССПП «где есть какое состояние») и др. Гораздо реже экспликанты маркированы именами существительными и синтаксически неделимыми словосочетаниями: *Стояли морозы* ***градусов под тридцать****…* (Тарковский. Кондромо) (ССПП «где есть какое состояние»). *И глубокая* ***тишина вечера***, ***степи***, ***глухой Руси*** *царила надо всем…* (Бунин. Суходол).

Основная функция эксплицирующих словоформ в высказываниях с семантикой «состояние природы» – *указать на возможность изменения интенсивности состояния природы*. Так, с этой целью в состав позиционных схем высказываний, в основе которых лежат специализированные структурные схемы «где есть каково», «где самопроисходит», «где пахнет чем», «где действует чем откуда/куда», вводятся экспликанты типа *чуть*, *очень*, *совсем*, *сильно*, *понемногу*, *довольно*, *так*, *настолько.*

Например: *...Вверху сделалось* ***так*** *холодно*, *что черт перепрыгивал с одного копыта на другое…* (Гоголь. Ночь перед Рождеством); *Было* ***настолько*** *тихо*, *что тяжелый колос пшеницы стоял не шелохнувшись…* (Обу-

хов. Ястребовы) (ССПП «где есть каково»); *Пока Алпатов достиг Невского*, *уже* ***совсем*** *рассвело* (Пришвин. Кащеева цепь); *Пока* ***не совсем*** *стемнело*, *я высматриваю в лесу знакомую тропинку к землянке*, *где кто-то изготовил хлебное вино* (Пришвин. Календарь природы) (ССПП «где самопроисходит»); ***Сильно*** *пахло осенними увядающими травами и палой листвой* (Домбровский. Факультет ненужных вещей) (ССПП «где пахнет чем»), *Отовсюду* ***сильнее*** *запахло цветами…* (Толстой. Семейное счастье) (ССПП «где действует чем откуда/куда») и др.

Неспециализированные структурные схемы «где есть какое состояние», «что находится в каком состоянии», «что есть каково по состоянию», «что есть какое по состоянию», реализуясь в речи, также обнаруживают при предикативах эксплицирующие словоформы типа *глубокая*, *мертвая*, *зачарованная*, *непроглядная*, *лютый*, свидетельствующие о некой «предельной стадии» проявления состояния (ССПП «где есть какое состояние»), или *понемногу*, *чуть*, *совсем*, *совершенно* (ССПП «что находится в каком состоянии», «что есть каково по состоянию», «что есть какое по состоянию», «что погружается в какое состояние», «что есть погружено в какое состояние»).

Например: ***Мертвая*** *тишина стояла над землей*, *мягко черневшей в звездном свете* (Бунин. Деревня) (ССПП «где есть какое состояние»); *Светать еще не начинало*, *но* ***понемногу*** *небо зазеленело*... (Толстой. Приключения Растегина) (ССПП «что находится в каком состоянии»); *…Двина лежала* ***совсем*** *неподвижная*… (Герман. Россия молодая) и др.

Наиболее частотными в коммуникации являются высказывания, в которых изменяется интенсивность состояний, проявляемых светом[29]. Так, состояния, проявляемые или не проявляемые светом, дополнительно интенсифицируются за счет введения в позиционные схемы высказываний эксплицирующих словоформ типа *совсем*/*не совсем*, *очень*/*не очень*, *сильно*/*не сильно*, *совершенно*, *непроглядная*, *непроницаемая* и под.

[29] См. Главу IV.

Например: *Было* ***совсем темно***, *когда Андрей Николаевич подобрался к дому*, *привычно открыл почтовый ящик и нашел в нем письмо с грозным предложением быть завтра в редакции журнала* «*Наука и жизнь*» *– в том самом*, *куда он*, *кажется*, *ничего путного не посылал* (Азольский. Лопушок); *На дворе накрапывал дождь*, *было* ***очень темно***, *и только по хриплому кашлю Пантелеймона можно было угадать*, *где лошади* (Чехов. Ионыч) (ССПП «где есть каково»); *Пока* ***не совсем стемнело***, *я высматриваю в лесу знакомую тропинку к землянке*, *где кто-то изготовил хлебное вино* (Пришвин. Календарь природы) (ССПП «где самопроисходит»); *Вышли вечером –* ***непроглядная темь***, *густой туман*, *сырость* (Бунин. Последняя весна) (ССПП «где есть какое состояние»); *– Не вижу*, *– в свою очередь ответил странник*, *в свою очередь задирая голову*, *–* ***небо совершенно*** *безоблачно и* ***ясно*** (Каверин. Пятый странник) (ССПП «что есть каково по состоянию»); ***Все погрузилось в непроницаемую тьму****. Но еще долго я не мог избавиться от потрясающего впечатления мгновенной гибели судна* (Новиков-Прибой. Цусима) (ССПП «что погружается в какое состояние») и др.

Состояния, проявляемые изменением цвета, также способны быть разной степени интенсивности. Эта интенсивность проявляется за счет введения в позиционные схемы высказываний экспликантов типа *очень*, *совершенно* и под. Например: *– У вас в горах много света.* ***Очень*** *сине и* ***бело****. Вы живете фактически под самым небом* (Садур. Занебесный мальчик).

Состояния-покрытия способны проявляться в большей или меньшей степени, о чем свидетельствует введение в позиционные схемы высказываний эксплицирующих словоформ типа *почти*, *хорошо* (= *сильно*), *очень*: *Небо* ***было почти безоблачно***, *дул слабый северный ветер*, *позволявший применить парус*, *но не разводивший большой волны* (Обручев. Плутония) (ССПП «что есть каково по состоянию»); *– А нынче* ***хорошо зазеленело*** *в полях* (Дорошевич. Сказки и легенды) (ССПП «где самопроисходит»); *Машина стояла на обочине шоссе. Было* ***очень*** *тихо*, *свежо и* ***росисто*** (Богомолов.

Момент истины (В августе сорок четвертого)) (ССПП «где есть каково») и под.

Эксплицирующие словоформы встречаются в высказываниях, описывающих состояния природы, проявляемые наполнением, звуками, изменением температуры, запахами.

Например: *В лесу было* ***очень сыро*** (Шишкин. Всех ожидает одна ночь); *– Было* ***довольно*** *холодно*, *– повторил он ровным голосом* (Герман. Россия молодая) (ССПП «где есть каково»); *К десяти стало* ***понемногу*** *стихать*, *гром стал отходить…* (Бунин. Божье древо) (ССПП «где самопроисходит»); *На стриженых деревьях мельтешила свежая*, *совсем юная листва*, *ветер был теплый*, ***сильно*** *пахло смолой тополей* (Дудинцев. Белые одежды) (ССПП «где пахнет чем») и под.

Введение в позиционные схемы высказываний эксплицирующих словоформ, которые свидетельствуют о возможности проявления состояния в большей или меньшей степени, дополнительно актуализирует признак ‘*интенсивность*’ содержания типовой пропозиции «состояние природы».

Помимо функции «указателей» на интенсивность состояния, экспликанты имеют и ряд других возможностей. Основными мы считаем следующие:

1) играть роль маркеров тех временных промежутков, в которые существует состояние, в том числе указывать на повторяемость состояния: *...В свежем* ***утреннем*** *воздухе стояла духота и какая-то тяжесть* (Мельников-Печерский. В лесах); *Уже началось* ***осеннее*** *ненастье*...(Андреев. Губернатор); *Снега были страшные и – ежедневный буран…* (Аксаков. Детские годы Багрова-внука) (ССПП «где есть какое состояние»); *Уже начала* ***по-вечернему*** *сыреть трава*, *когда послышался пароходный гудок* (Нагибин. Другая жизнь) (ССПП «что находится в каком состоянии») и др.;

2) демонстрировать эмоциональное отношение Наблюдателя к зафиксированному состоянию природы: *–* ***Ужаснейший*** *холод*! *– подхватил Яков Петрович* (Бунин. В поле) (ССПП «где есть какое состояние»); *И было*

страшно *тихо и на земле и в воде…* (Сергеев-Ценский. Сад) (ССПП «где есть каково») и др.;

3) фиксировать явление синестезии: *Он пошел из автопарка, и кругом была ночь, и неотвратимо* ***сладко пахло*** *весной…* (Терехов. Мемуары срочной службы) (ССПП «где пахнет чем»); *Покоилась* ***гулкая морозная*** *тишина* (Шолохов. Тихий Дон) (ССПП «где сть какое состояние») и др.;

4) давать дополнительную характерику лексемам, маркирующим различные облигаторные компоненты структурных схем (конкретизировать словоформы со значением ‘локативный субъект’, ‘наименование запаха’ и др.): *Становилось прохладно и сильно пахло хвоей и* ***горьким осенним листом*** (Домбровский. Хранитель древностей); *Хорошо пахло* ***скошенным хлебом***, *подсолнечниками и* ***богородской травкой*** (Гладков. Повесть о детстве) (ССПП «где пахнет чем»); *Великая тишина стояла* ***над пустыми*** *полями, над оврагами, надо* ***всей великой русской*** *степью* (Бунин. Последнее свидание) (ССПП «где есть какое состояние») и др.;

5) конкретизировать «тип» состояния: *Особенно морозно по вечерам, когда после снегопада наступит* ***ясная погода*** (Соколов. Школа для дураков); *Вчера капитан нашего траулера предупредил, что в заливе нас ждет безветрие и* ***влажная жара*** (Сенкевич. Путешествие длиною в жизнь) (ССПП «где есть какое состояние») и др.

Наиболее разнообразны по выполняемым функциям эксплицирующие словоформы в позиционных схемах высказываний, в основе которых лежит неспециализированная структурная схема «где есть какое состояние». Полагаем, что так (за счет разнообразия и богатства лексического наполнения) схема максимально «старается приспособиться» к кодированию типовой пропозиции «состояние природы». И успешно это делает, поскольку процент высказываний, построенных по этой схеме, в нашей картотеке примеров велик – более 40 % от всех высказываний, в основе которых лежат неспециализированнеы структурные схемы.

Эксплицирующие словоформы, помимо признака ‘*интенсивность*’, озволяют актуализировать ряд признаков типовой пропозиции «состояние природы»: ‘*временность*’, ‘*итеративность*’, ‘*эмоциональность*’.

§4. Синтаксическое поле структурных схем простых предложений с семантикой «состояние природы»

4.1. Ядро синтаксического поля структурных схем простых предложений со значением «состояние природы».

Специализированные и неспециализированные структурные схемы, предназначенные для репрезентации типовой пропозиции «состояние природы», образуют синтаксическое поле. Вопрос о полевой организации знаний о языке и правомерности использования самого термина «поле» по отношению к тем или иным элементам уже неоднократно поднимался лингвистами. В научной литературе можно найти понятие *функционально-семантических полей*, *конструктивно-синтаксических*, *лексико-семантических*, *номинативно-функциональных*, *словообразовательных*, *фонемных*, *морфемных* и др. [*см.*: Бондарко 1983, 2002, 2011; Теория функциональной грамматики 1987; Фигуровская 2000, 2001; Алефиренко 1998; Лазариди 2000, 2001; Золотова 2005 (а); Проблемы функциональной грамматики 2005; Латышева 2007; Щур 2009; Всеволодова 2009; Лавренова 2010 (а), 2010 (б); Омельченко 2010 и др.].

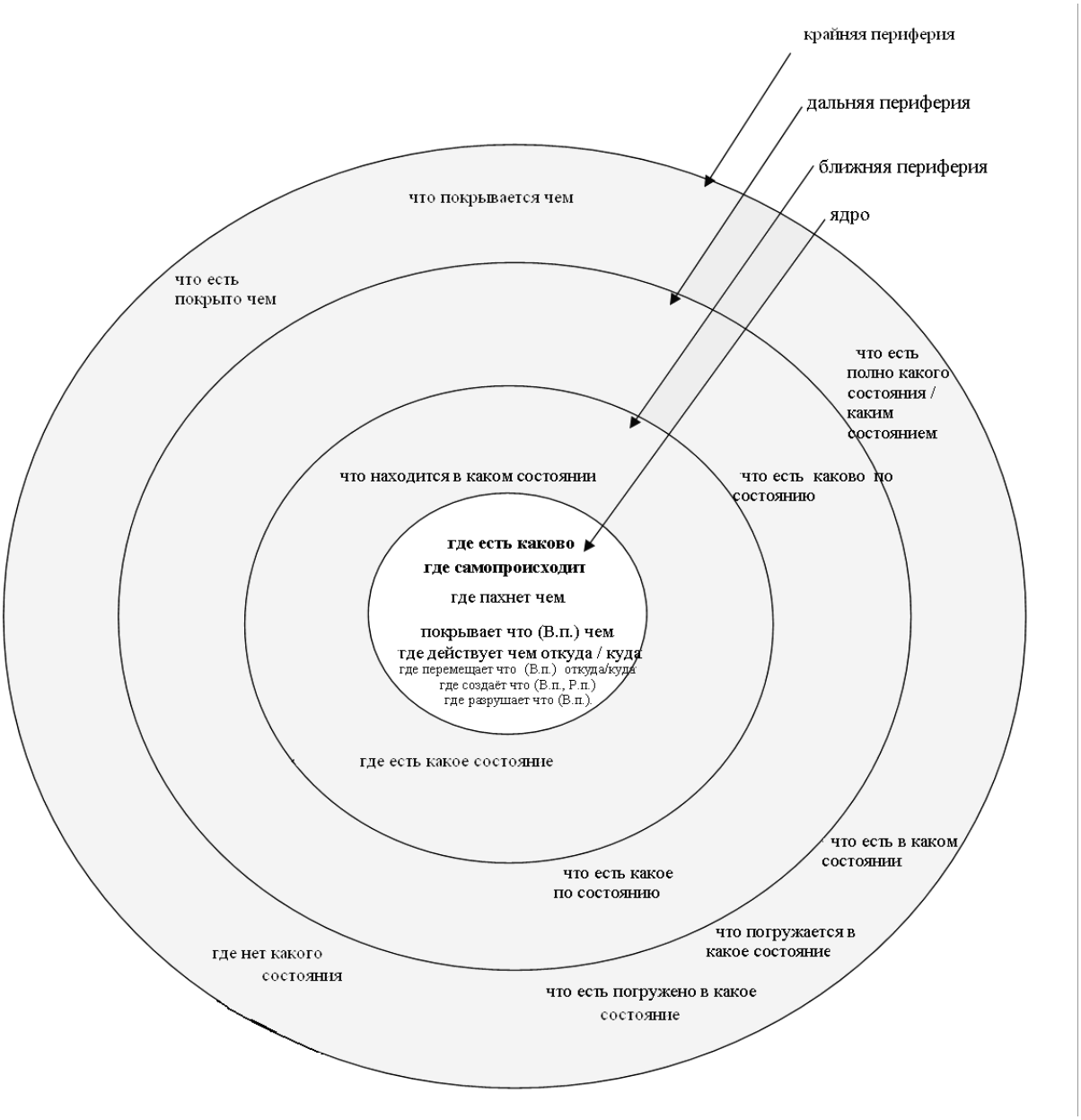
В задачи нашего исследования не входит обзор концепций как перечисленных авторов, так и других, занимавшихся данной проблемой. Но нам важно определиться с тем, что мы будем понимать под термином «синтаксическое поле». Первоначально употребленный В. Порцигом по отношению к словосочетаниям и синтаксическим комплексам, в которых «явно проступала возможность семантической совместимости компонентов», термин «синтаксическое поле» стал «кочевать» и по работам других зарубежных и отечественных лингвистов: К. Браумгертнера, Л. Вайсгербера, С.К. Шаумяна, Г. Беха, Н.И. Филичевой, Г.А. Золотовой и мн. др. [Щур 2009: 53–63]. Преимущественно *синтаксические поля* представляют как группировку синтаксических моделей для передачи общего содержания [Щур 2009: 59–61]. Поэтому

мы под *синтаксическим полем* будем понимать совокупность структурных схем простого предложения, предназначенных для вербализации типовой пропозиции «состояние природы».

Место структурных схем в поле неравнозначно, что определяется специализированностью или неспециализированностью схемы, комплексом семантических признаков состояния, частотностью схем в формировании высказываний соответствующей семантики.

Синтаксическое поле типовой пропозиции «состояние природы» формируют 19 структурных схем.

РИС. 6.

Ядро поля состоит из 8 специализированных структурных схем: «*где есть каково*» (*Днем солнце светило по-прежнему ярко*, *и в защищенном от ветра месте казалось*, ***что в Гоби тепло*** (Ефремов. Дорога Ветров)), «*где самопроисходит*» (***Сильней темнело в полях***, *осязаемей ложилась тишина на усталую землю*, *и ощутимей тянуло холодом* (Щукин. Имя для сына)), «*где пахнет чем*» (***Пахло нагретым лесом***, *под плитами шуршали ящерицы* (Паустовский. Блистающие облака)), «*где действует чем откуда/куда*» (*С паров пахнуло свежестью*, *зацветающими травами*, *медовой пылью желто-*

го донника (Бунин. Кастрюк)), «*покрывает что* (В.п.) *чем*» (***Затянуло к вечеру небо облаками***, *повеяло теплом* (Гоббе. Времена года)), «*где перемещает что* (В.п.) *откуда/куда*» (*У берегов греческих поднялась черная буря и стало швырять корабль*, *но не испугался Илья*: *как равный*, *стал помогать корабельщикам свертывать паруса и тянуть канаты. Работал – и не заметил*, ***как пронесло бурю***, *и опять засияло солнце* (Шмелев. Неупиваемая чаша)), «*где создает что* (В.п., Р.п.)» (– *Вон сколько снегу намело* (Мамин-Сибиряк. Под землей)), «*где разрушает что* (В.п.)» (***Лед взломало***, *река тронулась*, *полые воды затопляют берега*, *и – гуляй душа*, *добывай*, *казак*, *волю*! (Шишков. Емельян Пугачев).

Центр поля представлен самой продуктивной схемой «*где есть каково*», составляющей 33,69 % от общего числа высказываний выборки, реализующих типовую пропозицию «состояние природы». За этой схемой в иерархическом порядке следуют схемы «*где самопроисходит*» (21,28 %), «*где пахнет чем*» (8,4 %), «*где действует чем откуда/куда*» (3,53 %), «*покрывает что* (В.п.) *чем*» (2,28 %), «*где перемещает что* (В.п.) *откуда/куда*» (0,29 %), «*где создает что* (В.п., Р.п.)» (0,23 %), «*где разрушает что* (В.п.)» (0,16 %).

4.2. Периферия синтаксического поля структурных схем простых предложения с семантикой «состояние природы».

Неспециализированные структурные схемы формируют периферию синтаксического поля, которую можно дифференцировать на ближнюю, дальнюю и крайнюю.

В зону ближней периферии входит самая продуктивная из всех неспециализированных схем «*где есть какое состояние*» (13,18 %) (*Потом – **ненастье***, *обложные дожди*, *ледяной северный ветер* «*сиверко*», *бороздящий свинцовые воды*, ***стынь***, ***стылость***, *кромешные ночи*, *ледяная роса*, *темные*

зори (Паустовский Алмазный язык)). За ней размещается структурная схема «*что находится в каком состоянии*» (7,59 %) (*Вблизи*, *в огромном пространстве долины*, *в прохладной и влажной свежести тумана*, *лежало голубое*, *прозрачное и глубокое озеро*. ***Оно еще дремало***, *как дремали и косые паруса лодок*, *столпившихся у города* (Бунин. Тишина)).

Зона дальней периферии заполняется схемами «*что есть каково по состоянию*» (3,45 %) (***Небо безоблачно***, *и воздух такой чистый и свежий*, *будто и его вымыла гроза* (Дубов. На краю земли) и «*что есть какое по состоянию*» (1,84 %) (*Море было серое*, *холодное*, *тихое* (Паустовский. Золотая роза)).

Зона крайней периферии представлена схемами «*что есть в каком состоянии*» (0,88 %) (*Душистые широты садов – в разливе* (Пастернак. Апеллесова черта)); «*что покрывается чем*» (0,76 %) (*И вдруг*, *я вижу*, ***что весь луг покрывается цветами***, *не простыми цветами*, *а – живыми*! (Шмелев. Лето Господне); «*что есть полно какого состояния/каким состоянием*» (0,64 %) (*Восточный Крым был полон цветения и тишины* (Паустовский. Синева)); «*что погружается в какое состояние*» (0,54 %) (*Итак*, *над Уральскими горами предвесенние полыхают звезды*, *всюду немая*, *от земли до неба*, *тишина*: *птица не взлетит*, *собака не взбрехнет*, ***все погрузилось в непробудный сон***... (Шишков. Емельян Пугачев)); «*что есть покрыто чем*» (0,51 %) (***Озеро как будто было покрыто льдинами***, *так странно и сердито разрушались туманы* (Пришвин. Лесная капель)); «*что есть погружено в какое состояние*» (0,36 %) (*Зеленела трава*, *зеленели посадки в оголенных еще огородах*, *и* ***все было*** *так углублено в себя*, *так занято собою*, ***так глубоко погружено в молчаливую творческую думу***, *что*, *если бы у травы и у деревьев было лицо*, *все лица были бы обращены к земле*, *все лица были бы задумчивы и чужды*, *все уста были бы скованы огромным бездонным молчанием* (Андреев. Вор)); «*где нет какого состояния*» (0,3 %) (*Не было покоя и во время затишья*… (Новиков-Прибой. Цусима)).

4.3. Парадигматические отношения схем поля.

Структурные схемы предложений, образуя синтаксическое поле, не существует отдельно друг от друга. Они вступают в различные виды парадигматических отношений.

Отношения синонимии, пронизывающие язык в целом, нами были отмечены на уровне как специализированных, так и неспециализированных структурных схем.

Вопрос о синонимике синтаксических конструкций относится к наиболее сложным проблемам грамматики: «Синтаксическая синонимия − перекресток многих не проясненных до конца проблем, взаимно заинтересованных друг в друге» [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 188].

Термин «синонимы» был впервые использован по отношению к синтаксическим явлениям А.М. Пешковским. Ученый определил грамматические синонимы как «значения слов и словосочетаний, близкие друг другу по грамматическому смыслу» и разграничил синонимию морфологическую и синтаксическую, включая в последнюю случаи сближения отдельных грамматических форм по значению, различные схемы построения предложений, синонимию союзов, предлогов и частиц, возможность замены имени существительного местоимением и варианты словопорядка [Пешковский 1930: 153]. А.М. Пешковский не выдвигал каких-либо теоретических обоснований отнесения различных синтаксических конструкций к синонимическому ряду, он лишь стремился показать выразительный потенциал русского языка.

В 30-е–50-е годы XX столетия появился ряд работ, анализировавших отдельные случаи грамматической синонимики и рассматривающих синонимы не столько как часть грамматики, сколько как часть стилистики. Например, М.К. Милых, не используя термин «синтаксическая синонимия», рассматривала синтаксические конструкции, сходные по семантике [Милых 1945: 31]. А.Н. Гвоздев, анализируя вслед за А.М. Пешковским синтаксическую синонимию с точки зрения стилистической (как параллельные обороты речи, различающиеся оттенками значений и включающие свободные сочета-

ния слов, фразеологизмы, части сложных предложений и др.), выдвинул в качестве основополагающего критерия данного явления способность языковых единиц заменять друг друга и существенно расширил границы синтаксической синонимии за счет вариантов, относящихся к разным уровням языка [Гвоздев 1952: 136].

С 50-х годов XX века вопрос о синонимических конструкциях в сфере синтаксиса стал приобретать зримые очертания, стали активно обсуждаться принципы и критерии выделения синонимических структур.

Так, В.П. Сухотин под синтаксическими синонимами рассматривал словосочетания, предложения, их части и более сложные синтаксические образования, различающиеся по структуре (здесь имелось в виду различение грамматических показателей и других средст – предлогов, союзов), но выражающие «однородные отношения и связи явлений реальной действительности» [Сухотин 1960: 14]. В качестве основного признака синонимичности выдвигался критерий взаимозамены конструкций без ущерба для значения.

У В.А. Корнилова синтаксические синонимы обязательно должны различаться по типу синтаксической связи [Корнилов 1962: 140–141]. В.И. Кононенко, развивая эту идею, указывает еще и на то, что синтаксическая синонимия существует не между отдельными словами, а между полными синтаксическими конструкциями [Кононенко 1970: 18–19].

С развитием коммуникативного синтаксиса и синтаксической семантики проблема синтаксической синонимии приобрела особое значение и особый статус. Ведь «изучение синонимии предложения является одним из средств описания его семантики, а по сути, помогает познанию развития синтаксической системы языка в целом» [Шутун 2007: 187].

Семантико-синтаксический принцип при изучении синонимии строится на «органической связи формы, значения и функции в соответствующих структурных единицах» [Козел 2002: 38]. Такой подход к синтаксическим синонимам представлен в работах Г.А. Золотовой, выдвигающей в качестве одного из критериев синонимичности предложений критерий *одноименного*, но

разнооформленного состава семантико-структурных компонентов [Золотова 1982: 203–204]. Роль каждого компонента предложения «определяется косплексом признаков – семантических, синтаксических и морфологических, которые выявляются в синтагматических и парадигматических сопоставлениях и противопоставлениях» [Золотова 1982: 204]. Исходя из этого, например, синонимичны высказывания типа *В лесу мороз – В лесу морозно – В лесу морозит* на основании того, что они образованы одноименными компонентами, обозначающими «предицируемое предметно-пространственное понятие» и ее предикативный признак, состояние [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 189]. Вторым критерием становится наличие не только сходства в плане содержания синтаксических синонимов, но и *различий*: например, ср.: *Я тоскую – Мне тоскливо.* В первом случае признак маркированности независимости состояния от воли носителя не маркирован, а во втором – марикрован, закреплен. В качестве третьего критерия рассматривается *сохранность типа текста*, частью которого служит та или иная конструкция, его коммуникативных характеристик. Например, возможность в рамках информативного регистра заменять страдательный оборот действительным (*Горы книг нпаисаны историками об этой кампании – Историки написали горы книг об этой кампании*). [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 190–191, 203].

Т.В. Чумакова синтаксические синонимы рассматривает как ряд «инвариантных моделей языка», которые объединены общим типовым значением, но различаются его оттенками, обусловленными разноформленностью структур [Чумакова 1998: 33].

Н.А. Герасименко, рассматривая синонимические отношения, возникающие между разными предложно-падежными формами существительных с близкими значениями, но разной стилистической окраской или ограниченной сочетаемостью, синонимичными считает и предложения, в которых такие субстантивные словоформы выступают в составе предиката [Герасименко 2007: 35]. В понимании синтаксической синонимии она опирается на исследования лингвистов (П.А. Леканта, Т.В. Маркеловой, Т.С. Мониной, Н.Ф.

Павлюченковой, Т.Е. Шаповаловой), указывающих в качестве факторов, характеризующих синтаксические синонимы, следующие: тождество содержания (понятия, предметной ситуации); тождество или близость грамматических значений синтаксического отношения; тождество лексического состава и различие средств выражения синтаксического отношения [Лекант 1999, 2002].

А.П. Чуланова разграничивает системные синонимы и несистемные синонимы [*см*.: Чуланова 2009]. К первому типу она относит лексические, морфологические и словообразовательные синонимы. Эти синонимы воспроизводятся «в готовом виде», они различны по способу выражения, но сигнификативно равны или близки. А несистемные синонимы – это структурно различные синтаксические единицы речи, «индивидуальные комбинации языковых единиц, которые производятся, а не воспроизводятся» [Чуланова 2009: 29]. А.П. Чуланова не признает существования синтаксической синонимии на уровне языка и предлагает терминировать синтаксические синонимы «альтернативными конструкциями», «синтаксическими перифразами».

Следует признать, что достижения в области синтаксической синонимии остаются до сих пор весьма скромными: критерии выделения синтаксических синонимов (семантический, грамматический, семантико-синтаксический), допустимость для них смыслоразличительных оттенков, синонимичность отдельных компонентов конструкций и т. п. вызывают дискуссии. Само «право на существование» синтаксических синонимов подвергается сомнению, т.к. преимущественно лингвисты рассматривают как синонимические конкретные высказывания, актуализованные предложения. А синонимия – явление языковое, частный случай парадигматических отношений в системе языка, базирующееся на идее альтернативности языковых знаков.

Мы *синонимичными* считаем *структурные схемы простых предложений*, которые выступают знаком одной типовой пропозиции и могут быть взаимозаменяемы несмотря на разнооформленность, накладываемые «смысловые и стилистически-ситуационные ограничения» [Золотова 2005 (б): 231].

Именно взаимозаменяемость «заключает в себе основной смысл синонимии» [Шутун 2007: 187].

Так, в синонимические отношения вступают специализированные структурные схемы «*где пахнет чем*» и «*где действует чем откуда/куда*» при обозначении состояния природы, проявляемого запахами.

Например, ср.: *Теплым светом поблескивал крест на низенькой колокольне*, ***пахло зеленью омытых полей*** (Неверов. Гуси-лебеди) (ССПП «где пахнет чем»). – *Тянуло с берега сладковатым духом молодой зеленой травы* (Екимов. Высшая мера) (ССПП «где действует чем откуда/куда»); ***Сильно и удушливо пахло гарью***: *снималась с земли*, *отлетая в небо*, *сосновая пустошка за поскотиной*, *и бесцветное*, *словно пустое*, *похожее на большой игривый солнечный зайчик пламя то выскакивало вверх*, *то опадало* (Распутин. Прощание с Матерой) (ССПП «где пахнет чем»). – *Вечерняя заря догорала*, *окрашивая гряды белых облаков розовым золотом*; *стрелки елей и пихт купались в золотой пыли*; *где-то в густой осоке звонко скрипел коростель*; ***со стороны прииска наносило запахом гари***... (Мамин-Сибиряк. Золото) (ССПП «где действует чем откуда/куда») и др. Отметим, что в данных примерах в глаголах, кодирующих предикативы схем «где пахнет чем» и «где действует чем откуда/куда», присутствует сема ‘распространение’. Однако в глагольных лексемах, вербализующих предикатив схемы «где действует чем откуда/куда», присутствует еще сема ‘перемещение’, отсутствующая в глаголах, кодирующих предикатив схемы «где пахнет чем». Ср.: *пахнуть* – «издавать запах»; *вонять* – «издавать сильный, неприятный запах» (ССПП «где пахнет чем») и *веять* – «слабо, прерывисто дуть»; *дохнуть* – «повеять чем-либо»; *тянуть* – «дуть слабо, но непрерывно» и под. (ССПП «где действует чем откуда/куда»)

Синонимичными являются неспециализированные «*что покрывается чем*», «*что есть покрыто чем*» и специализированная «*покрывает что* (В.п.) *чем*» при обозначении состояния, проявляемого покрытием метеорологическими объектами.

Например: *Ранняя в тот вечер атака вражеской авиации была сразу отбита и не повторилась*, ***потому что небо затянулось тучами*** (Леонов. Русский лес) (ССПП «что покрывается чем»). – *Снега нет и в помине*, *повсюду слякоть*, *моросит дождь*, ***небо затянуто тучами*** (Морозов. Прежние слова) (ССПП «что есть покрыто чем»). **– *К вечеру небо затянуло тучами***, *стало холодно*, *посыпался мелкий дождик* (Герман. Россия молодая) (ССПП «покрывает что (В.п.) чем») и под. Из примеров мы видим, что сема ‘пассивность’ отсутствует в лексемах, маркирующих предикатив схемы «что покрывается чем», но маркирована в схемах «что есть покрыто чем» и «покрывает что (В.п.) чем».

Синонимичными являются неспециализированные структурные схемы «*что погружается в какое состояние*» и «*что есть погружено в какое состояние*» при обозначении антропоморфных состояний природы или состояний, проявляемых звуками, наличием/отсутствием света.

Например, ср.: – *Так же прекрасна была земля, в дивном серебряном блеске*; *но уже никто не упивался ими*: ***все погрузилось в сон*** (Гоголь. Майская ночь, или Утопленница) (ССПП «что погружается в какое состояние»). – ***Все было погружено в тихий***, ***глубокий сон***; *ни движения*, *ни звука*, *даже не верится*, *что в природе может быть так тихо* (Чехов. Человек в футляре). В данных примерах значению лексем, вербализующих предикативы обеих схем («что погружается в какое состояние» и «что есть погружено в какое состояние»), присуща сема ‘погружение в состояние’, а схемы «что есть погружено в какое состояние» еще и сема ‘пассивность’.

Неспециализированная структурная схема «*что есть какое по состоянию*» синонимична другой неспециализированной структурной схеме «*что есть каково по состоянию*», отличаясь от нее стилистически: схема «что есть каково по состоянию» тяготеет к книжному стилю, а «что есть какое по состоянию» – к разговорному. Отметим, что под разговорной сферой имеется ввиду «не сфера просторечия, “сниженной” литературной нормы, не специ-

фически устная речь», а «разновидность литературной речи, нейтральная в экспрессивном отношении» [Золотова 2005 (б): 238].

Например, ср.: *И дальше ничего не было.* ***Озеро лежало неподвижное***… (Айтматов. Белый пароход) (ССПП «что есть какое по состоянию»). – *Бывало*, *если вечер тих*, *– озеро покойно*; *на деревах*, *что по берегу росли*, *не шелохнет*, ***вода неподвижна***, *словно зеркало*. *Свежо*! *Холодно*! (Достоевский. Бедные люди) (ССПП «что есть каково по состоянию»); ***Море было спокойное в этот вечер***, *а над горой Митридат стояло неподвижное розовое облако* (Анчаров. Самшитовый лес) (ССПП «что есть какое по состоянию»). – ***Море спокойно***, *солнце сияет*, *медь и красное дерево великолепной яхты нарядно блестят* (Иванов. Книга о последнем царствовании) (ССПП «что есть каково по состоянию»).

Следует также отметить, помимо схемы «что есть каково по состоянию», ограниченную сферу употребления и некоторых других неспециализированных структурных схем: «что есть в каком состоянии», «что погружается в какое состояние», «что есть погружено в какое состояние», «что есть полно какого состояния/каким состоянием», которые характерны преимущественно для языка художественной литературы. В то время как схемы «где есть какое состояние», «что находится в каком состоянии», «где нет какого состояния» – межстилевые.

Все перечисленные структурные схемы простых предложений можно, на наш взгляд, классифицировать как *языковые синонимы*. В этом случае синонимичны именно языковые знаки, обозначающие определенную типовую пропозицию.

Однако синонимия может наблюдаться и не на уровне структурных схем, а на уровне конкретных высказываний при описании той или иной ситуации, по сути, позиционных схем, которые бесконечно разнообразны в речи. Например, ср.: **1)** *В займищном голом лесу* ***было тихо***. *Даже воронье убралось к жилью человеческому*, *к теплу* (Екимов. Фетисыч) (ССПП «где есть каково»). – ***Стихло*** *кругом* (Васильев. А зори здесь тихие) (ССПП «где

самопроисходит»). – ***Великая тишина*** *стояла над пустыми полями*, *над оврагами*, *надо всей великой русской степью* (Бунин. Последнее свидание) (ССПП «где есть какое состояние»). **2)** – *Там*, *в лесу и около леса*, *было тихо*, ***покойно*** *и безлюдно* (Свирский. Рыжик) (ССПП «где есть каково»). – *Всюду царил* ***бесшумный***, ***беззвучный покой*** (Мельников-Печерский. В лесах) (ССПП «где есть какое состояние»); **3)** – *Ветер шел от норда – в Баренцевом и правда*, *наверно*, ***штормило*** (Владимов. Три минуты молчания) (ССПП «где самопроисходит»). – *Сейчас будет самый* ***шторм*** (Толстой. Петр первый) (ССПП «где есть какое состояние»). В примерах 1 и 2 синонимические ряды возглавляются высказываниями, структурообразующим элементом которых является слова категории состояния (*тихо*, *покойно*), что обусловлено их изосемичностью; в 3 примере в качестве первичного рассмотрено высказывание с глаголом *штормило* вследствие отсутсвия эквивалента среди слов категории состояния.

Основу приведенных высказываний составляют схемы «где есть каково», «где самопроисходит» и «где есть какое состояние». В системе языка их трудно квалифицировать как имеющие определенные парадигматические отношения. Однако в речи отдельные высказывания, построенные по приведенным схемам, способны выступать как синонимы. При этом высказывания, в основе которых лежит схема «где есть каково», являются нейтральными, не включающими дополнительных экспрессивных и стилистических созначений; высказывания, в основе которых схема «где самопроисходит», приспособлены для обозначения временной прикрепленности или фазы состояния»; а высказывания, построенные по схеме «где есть какое состояние», способны выражать различные «экспрессивные оттенки» [Дручинина 2002: 155]. Синонимия подобных высказываний при описании внеязыковых ситуаций «состояние природы» – характерная черта русской языковой картины мира. Не для всех языков характерно такое разнообразие синонимических структур при обозначении указанной ситуации. Например, для итальянского языка типичным является обозначение типовой пропозиции «состояние при-

роды» лишь глагольными моделями: Fa tempo piovoso, fa caldo, fa molto freddo [Рылов 2006: 99].

В отношения речевой синонимии способны также вступать высказывания, в основе которых лежат схемы «*где есть каково*», «*где самопроисходит*», «*что находится в каком состоянии*», «*что есть каково по состоянию*», «*что есть какое по состоянию*», «*что покрывается чем*», «*что есть покрыто чем*», «*что есть в каком состоянии*» при репрезентации состояния природы, проявляемого покрытием; схемы «*что есть какое по состоянию*» и «*что есть полно какого состояния/каким состоянием*» при представлении состояния, проявляемого наполнением. Например**, состояние-покрытие**: *Перед тем как лечь*, *Лукашин вышел во двор*. *Был небольшой мороз*, *тихо*, ***звездно*** (Панова. Кружилиха) (ССПП «где есть каково»). – *Скоро обе телеги*, *запряженные лошадьми*, *тронулись в город*, ***когда на небе вызвездило***... (Гончаров. Уха) (ССПП «где самопроисходит»). – ***В ночь небо вызвездило***, *и под утро пал на землю колючий иней*. (Белов. Привычное дело (ССПП «что находится в каком состоянии»). – ***Небо звездно***, *в небе Большая Медведица и Полярная звезда*... (Пильняк. Speranza) (ССПП «что есть каково по состоянию»). – *Небо было звездное* (Новиков-Прибой. Цусима) (ССПП «что есть какое по состоянию»). – *Черное небо покрылось звездами* (Беляев. Человек-амфибия) (ССПП «что покрывается чем»). – *Когда невежде приходится вечером выйти за чем-нибудь из дома*, *он*, *как свинья*, *смотрит только себе под ноги*, *а если и случится ему взглянуть на небо*, *он увидит только*, ***что небо***, *словно оспой*, ***покрыто звездами*** (Дорошевич. Сказки и легенды) (ССПП «что есть покрыто чем»). – *Небо лежало в звездах* (Екимов. Высшая мера) (ССПП «что есть в каком состоянии») и т.д.

Помимо отношений синонимии, между специализированными схемами «*где создает что* (В.п., Р.п.)» и «*где разрушает что* (В.п.)» и неспециализированными структурными схемами «*где есть какое состояние*» и «*где нет какого состояния*» обнаруживаются отношения антонимии. Ведь сруктурная схема «где создает что (В.п., Р.п.)» маркирует состояние, проявляемое созда-

нием объекта в результате действия стихийной силы природы, а «где разрушает что (В.п.)» – то состояние, что проявляется разрушением объекта в результате действия стихийной силы природы; схема «где есть какое состояние» – «существование состояния», а «где нет какого состояния» – «отсутствие состояния».

Например, ср.: ***Наверху был*** *холод*, *лед*, *пустыня*, ***буря***, *палубу то и дело крыло пенными и шумными хвостами крепко пахнущего мокрым бельем моря* (Бунин. История с чемоданом) (ССПП «где есть какое состояние»). – *Я была очень удивлена.* ***В ту ночь не было бури*** (Беляев. Продавец воздуха) (ССПП «где нет какого состояния»); ***Жара***, *тополиный пух. Воздушными сугробами*, *пышными шапками лежал повсюду*; *ветер гонял его туда-сюда* (Грекова. Перелом) (ССПП «где есть какое состояние»). – *Солнце светило пронзительно*, ***но жары не было***, *и Анна получала необыкновенное удовольствие*, *ощущая*, *как работают руки* (Варламов. Сплав) (ССПП «где нет какого состояния») и т. п.

Возможность противопоставления предложений типа *Жара – Не было жары* и под. в русском языке определяется как его специфическая черта: «В русском языке… предложения, обозначающие концепт “наличие предмета”, противопоставлены предложениям, выражающим концепт “отсутствие, небытие предмета”, по формальному признаку: в первых имеет место номинативная модель предложения, во вторых – генетивная; в то время как в итальянском языке названные концепты не противопоставлены и реализуются в рамках одной и той же синтаксической модели: *В комнате есть шкаф – В комнате нет шкафа* “*Nella stanza* (*non*) *ci sta un armadio*”» [Рылов 2006: 48]. О противопоставлении концептов «бытие объекта» и «небытие объекта», свойственных когнитивной и языковой картинам мира славян, пишет И.Н. Очирова: «Для славян небытие и бытие также представляли разные категории, и это, скорее всего, можно объяснить близким соседством древних славян с племенами – представителями восточной культуры…». И далее: «По дошедшим до нас ССПП можно сделать вывод о том, что БЫТИЕ и НЕБЫ-

ТИЕ представляли разные категории в концептосфере древних славян» [Очирова 2011: 12].

4.4. Выводы по III главе.

Анализ специфики реализации в речи выделенных структурных схем простых предложений с семантикой «состояние природы» позволил нам прийти к следующим выводам.

1. Подвергаться грамматической модификации, представленной прошедшем временем глагола, способны все выделенные специализированные и неспециализированные структурные схемы простых предложений. Грамматическая модификация, представленная будущим временем глагола, обнаруживается для четырех специализированных структурных схем – «где есть каково», «где самопроисходит», «покрывает что (В.п.) чем», «где создает что (В.п., Р.п.)» – и трех неспециализированных схем – «где есть какое состояние», «что находится в каком состоянии», «что есть покрыто чем».

Грамматические модификации, представленные формами сослагательного наклонения, единичны, отмечены лишь при реализации специализированных структурных схем «где есть каково» и «где самопроисходит» и неспециализированной «что находится в каком состоянии».

2. В процессе речевой реализации специализированные и неспециализированные схемы, помимо грамматических, подвергаются структурно-семантическим модификациям.

Наиболее частотной для специализированных структурных схем является неполная модификация, представленная эллипсисом локативного субъектива (ССПП «где есть каково», ССПП «где самопроисходит», ССПП «где пахнет чем», ССПП «где действует чем откуда/куда», ССПП «где перемещает что (В.п.) откуда/куда», ССПП «где создает что (В.п., Р.п.)» и ССПП «где разрушает что (В.п.)»). Другие компоненты специализированных структурных схем «покрывает что (В.п.) чем», «где пахнет чем», «где действует чем откуда/куда», «где перемещает что (В.п.) откуда/куда», «где создает что

(В.п., Р.п.)» (объект-стихийный каузатор; наименование запаха; объект, подвергаемый воздействию; конечный/исходный пункт веяния/перемещения) не вербализуются редко.

Имеет место в нашем материале и фазовая модификация специализированных структурных схем. Она отмечена при речевой реализации ССПП «где есть каково», ССПП «где самопроисходит», ССПП «где пахнет чем», ССПП «где действует чем откуда/куда». Что касается модальных модификаций, то отметим, что онтологическая природа состояния, вообще исключающая, например, модальность с семой ‘желание’, допускает модальность возможности или невозможности. В нашем материале обнаружены единичные высказывания с модальностью возможности или невозможности (ССПП «где есть каково»).

Отрицательная, вопросительная модификации и реализация абстракции редки, но возможны (отрицательная отмечена при функционировании ССПП «где есть каково», ССПП «где самопроисходит», ССПП «где пахнет чем», ССПП «где действует чем откуда/куда»; вопросительная – ССПП «где есть каково», ССПП «где самопроисходит», ССПП «где пахнет чем»; абстрактности – ССПП «где есть каково»).

Часть неспециализированных схем также способна подвергаться структурно-семантическим модификациям, хотя для них эти модификации менее частотны. Схемы «где есть какое состояние», «где нет какого состояния» обнаруживают неполную реализацию; «что находится в каком состоянии», «что есть каково по состоянию», «что покрывается чем», «где есть какое состояние» – фазовую; «где есть какое состояние» – вопросительную. Также структурная схема «где есть какое состояние», помимо неполной, фазовой и вопросительной модификаций, в процессе речевой реализации подвергается экспрессивной и модификации абстрактности, а структурная схема «что есть какое по состоянию» – авторизованной модификации.

3. Позиционные схемы высказываний с семантикой «состояние природы», в основе построения которых анализируемые специализированные и не-

специализированные схемы, могут быть усложнены детерминантами, обогащающими пропозиции высказываний дополнительными смыслами. В нашем материале это смыслы ‘время’ и ‘причина’, выявленные при речевой реализации специализированных ССПП «где есть каково», «где самопроисходит». Только смыслом ‘время’ усложняются пропозиции высказываний, в основе которых ССПП «где действует чем откуда/куда», «покрывает что (В.п.) чем», «где перемещает что (В.п.) откуда/куда», «где создает что (В.п., Р.п.)», «где разрушает что (В.п.)»; а смыслом ‘причина’ – пропозиции высказываний, в основе которых ССПП «где пахнет чем». Смыслом ‘локус’ способны обогащаться пропозиций высказываний лишь одной специализированной ССПП «покрывает что (В.п.) чем».

Позиционные схемы высказываний, в основе которых лежат неспециализированные ССПП «что есть в каком состоянии», «что есть какое по состоянию», «где нет какого состояния», способны обогащаться смыслом ‘время’; ССПП «где есть какое состояние», «что покрывается чем» – смыслами ‘время’ и ‘причина’; ССПП «что есть каково по состоянию» и «что есть покрыто чем» – ‘время’ и ‘место’; ССПП «что находится в каком состоянии» – смыслами ‘причина’, ‘место’, ‘время’.

В позиционных схемах высказываний с семантикой «состояние природы» обнаружен целый ряд атрибутивных (в широком смысле) словоформ, маркированных именами прилагательными и наречиями и занимающих одно синтаксическое место с определяемой словоформой. Основная цель введения таких словоформ в позиционные схемы высказывания – зафиксировать большую или меньшую степень интенсивности проявления состояния природы.

4. Выявленные специализированные и неспециализированные структурные схемы, предназначенные для репрезентации типовой пропозиции «состояние природы», смоделированы в виде синтаксического поля и распределены по его зонам с учетом принципа специализации и частоты функционирования схем.

5. Ряд структурных схем поля, реализующих типовую пропозицию «состояние природы», взаимодействует, вступая в парадигматические отношения. Синонимия была выявлена нами на уровне как специализированных, так и неспециализированных структурных схем.

Анализ специфики реализаций в речи специализированных структурных схем простых предложений с семантикой «состояние природы» и состава позиционных схем высказываний, в основе которых лежат описываемые схемы, позволяет выделить четыре признака типовой пропозиции «состояние природы» – ‘*фазовость*’, ‘*временность*’, ‘*итеративность*’, ‘*оптативность*’, ‘*эмоциональность*’, – и говорить о дополнительной актуализации признаков ‘*каузативность*’ и ‘*интенсивность*’, упоминаемых ранее.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
ВЫСКАЗЫВАНИЯ С СЕМАНТИКОЙ «СОСТОЯНИЕ ПРИРОДЫ» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА XIX – XX ВЕКОВ: ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

§1. Способ восприятия состояний природы Наблюдателем как дифференцирующий критерий высказываний с семантикой «состояние природы» в русской языковой картине мира XIX – XX вв.

1.1. Человек-Наблюдатель как канал получения информации о мире.

В первой главе мы упоминали о том, что любой национальный язык способен закреплять в своих единицах особенности «освоения» мира человеком и передавать от поколения к поколению этот сформированный взгляд на

мир. Русский язык также не является исключением. Представления о том «фрагменте» действительности, который связан с описанием различных состояний природы, «входят» в ряд высказываний русского языка. Объединяет указанный фрагмент мира совокупность идей, среди которых нами были выделены следующие: *идея одушевления природы*, *идея целостности природы и человека*, *идея цикличности изменений состояний природы*, *идея укрытия*, *идея пространственной беспредельности*, *идея дихотомичности состояний природы*. Рассмотрим реализацию этих идей и особенности репрезентации состояний природы в русской языковой картине мира на конкретном языковом материале авторской картотеки примеров (на материале высказываний с семантикой «состояние природы»).

Познавательная деятельность, основу которой составляют знания, «извлеченные в результате непосредственного чувственного опыта, своей отправной точкой имеют непосредственно фигуру познающего реальный мир человеческого индивида» [Кравченко 1993: 50]. Этот «индивид» терминируется в лингвистике «Наблюдатель» и определяется как «живая система», созерцающая «организм в окружающей среде» и окружающую среду, которую «он сам и определяет» [Кравченко 2001: 8–9]. Позиция Наблюдателя предполагает «взгляд со стороны». Находясь в пространстве, человек «сканирует» местность, «считывает» информацию о пространстве с окружающих вещей [Борисова 2004: 199]. Наблюдатель является неким «регистратором положения дел, которые без его участия остались бы незафиксированными» [Лучик 2004: 62]. Степень выраженности Наблюдателя как субъекта восприятия в предложениях может быть разной: как *центральной* (в предложениях со сказуемыми типа *видно*, *слышно* и под.), так и *поверхностной* (значения слов имеют сему ‘восприниматься’) [*см.*: Лучик 2004: 62–66].

Особенности передачи различных вариантов восприятия картины мира Наблюдателем, «ракурс видения» в определенной мере предопределяет спе-

цифику субъектно-предикатно-объектных отношений в предложениях того или иного языка [Лучик 2004: 62][30].

Вступая в тесные отношения с миром природы, Наблюдатель воспринимает его различными органами чувств: зрением, слухом, осязанием, обонянием, вкусом. Для диагностирования состояния природы человек использует четыре из них: зрение, слух, осязание и обоняние. Учитывая то, что в ситуациях внеязыковой действительности, маркированных высказываниями с семантикой «состояние природы», наличествует субъект восприятия, который фиксирует состояние природы, выделяем один из основных признаков типовой пропозиции «состояние природы» – признак ‘*перцептивность*’.

1.2. Высказывания с семантикой состояния природы, определяемого на основе экстероцептивных ощущений Наблюдателя.

В зависимости от того, на основе *какого* экстероцептивного ощущения (от внешних раздражителей) – контактного (осязательных) или дистантного (зрительных, слуховых, обонятельных) – идентифицировались состояния Наблюдателем, высказывания с семантикой «состояние природы» были классифицированы на несколько групп (*см*. **Приложение 4**).

1. Высказывания, фиксирующие состояния природы, определяемые на основе *аудиального* восприятия Наблюдателя. В основе таких высказываний лежат специализированные структурные схемы «где есть каково», «где самопроисходит» и неспециализированные «что есть каково по состоянию», «что есть погружено в какое состояние», «что погружается в какое состояние», «где есть какое состояние», «где нет какого состояния» и «что есть полно какого состояния/каким состоянием».

В перечисленных схемах такие конститутивные элементы, как предикативы (ССПП «где есть каково», «где самопроисходит», «что есть каково по состоянию», «что есть погружено в какое состояние», «что погружается в какое состояние», «где есть какое состояние» и «где нет какого состояния»),

[30] Иллюстрацией данной идеи может служить синонимия предложений со значением «состояние природы» (*см*. Глава III).

компонент со значением ‘средство наполнения’ (ССПП «что есть полно какого состояния/каким состоянием»), маркируются именами существительными, именами прилагательными, глаголами, словами категории состояния, имеющими сему ‘восприниматься слухом’: *ахать*, *безмолвие*, *бить*, *бухать*, *взвизгивать*, *вздохнуть*, *ворчать*, *выть*, *глухо*, *греметь*, *гроза* (при условии идентификации состояния посредством слуха, когда Наблюдатель слышит гром), *громыхать*, *грохнуть*, *гудеть*, *гулко*, *затишье* (в значении ‘без звуков’ при идентификации состояния слухом), *клокотать*, *звонко*, *мертво* (в значении ‘без звуков’ при идентификации состояния слухом), *немо*, *свистеть*, *стихать* (в значении ‘о звуках: становиться тише’ при восприятии слухом), *стонать*, *стукать*, *тишина* (в значении ‘состояние без звуков’ при аудиальном восприятии), *тихо* (в значении ‘беззвучно’ при аудиальном восприятии), *трещать*, *ударять*, *ухать*, *хрустнуть*, *шипеть*, *шумно* и др.

Например: ***Гулко*** *и холодно было на земле в те давние времена* (Лазарчук, Успенский. Посмотри в глаза чудовищ); *Над речкой*, *в полыньях*, *по стремнине плывет холодный туман – парун*, *кругом* ***звонко***… (Евдокимов. Медвежий угол) (ССПП «где есть каково»); *При светлом небе* ***громыхало*** *неподалеку*, *и находил на лес пасмурный свет – только какая-нибудь сосна вспыхивала под одиноким лучом* (Коваль. Гроза над картофельным полем); (ССПП «где самопроисходит»); *Бор почти перестал шуметь*, *вокруг царило ночное* ***безмолвие*** (Быков. Волчья яма) (ССПП «где есть какое состояние») и др.

В особую группу следует выделить высказывания с глаголами типа: 1) *ахать*, *взвизгивать*, *вздохнуть*, *ворчать*, *стонать*, *ухать* и под.; 2) *выть*, *реветь*, *ухать* и под. В таких высказываниях состояние, с одной стороны, связано с перцепцией – восприятием Наблюдателем состояния природы слуховыми рецепторами, а, с другой, имеет элемент «творческой обработки» мышлением человека в плане его основанности на подражании звучанию, источником которого выступает живое существо (человек, волк, медведь, сова и т.д.).

Например, ср.: *А вокруг* ***стонало***, *ухало*, *грохало* (Пантелеев. Ленька Пантелеев); *За окном выло и* ***стонало*** (Иванов. Тени исчезают в полдень). – ***Она*** *жалобно* ***стонала*** *и умоляла о прощении*, и *я понимал*, *что в конце концов она не так уж виновата…* (Кунин. Кыся); *Чуть-чуть хрустнуло и* ***вздохнуло*** *вдали* (Шишков. Угрюм-река). – ***Дедушка Иван*** *глубоко* ***вздохнул*** *и*, *кряхтя*, *встал на ноги* (Петрушевская. Маленькая волшебница) и др.

2. Вторую – наиболее многочисленную – группу формируют высказывания, представляющие *визуально* воспринимаемые состояния природы, т.е. те состояния, информации о которых получена Наблюдателем на основе данных *зрительных рецепторов*.

Основу высказываний, маркирующих визуально воспринимаемое состояние природы, составляют 6 специализированных схем: «где есть каково», «где самопроисходит», «покрывает что (В.п.) чем», «где перемещает что (В.п.) откуда/куда», «где создает что (В.п., Р.п.)», «где разрушает что (В.п.)»; и 11 неспециализированных: «что находится в каком состоянии», «что есть каково по состоянию», «что есть какое по состоянию», «что есть в каком состоянии», «что погружается в какое состояние, «что есть погружено в какое состояние», «где есть какое состояние», «где нет какого состояния», «что есть полно какого состояния/каким состоянием», «что покрывается чем», «что есть покрыто чем».

В перечисленных схемах предикативы (ССПП «где есть каково», «где самопроисходит», «покрывает что (В.п.) чем», «где перемещает что (В.п.) откуда/куда», «где создает что (В.п., Р.п.)», «где разрушает что (В.п.)», «что находится в каком состоянии», «что есть каково по состоянию», «что есть какое по состоянию», «что есть в каком состоянии», «что погружается в какое состояние, «что есть погружено в какое состояние», «что покрывается чем», «что есть покрыто чем», «где есть какое состояние», «где нет какого состояния»), компонент со значением ‘наполняющее состояние’ (ССПП «что есть полно какого состояния/каким состоянием»), маркируются посредством слов категории состояния, личных глаголов, безличных глаголов, личных глаголов

в безличном употреблении, полных и кратких имен прилагательных и причастий, имен существительных, содержащих сему ‘воспринимать зрением’: *безлюдно*, *безветрено* (при условии, что Наблюдатель идентифицирует состояние через данные зрения, например, деревья, пребывающие в статике могут послужить «сигналом» состояния *безветрено*), *безоблачно*, *бледнеть*, *белеть*, *бело*, *брезжить*, *буран*, *буро-зелено*, *ветрено* (при условии, что Наблюдатель идентифицирует состояние через данные зрения, например, гнущиеся макушки деревьев, колебательные движения листьев и т.п.), *вечереть*, *вздуться*, *влажно* (при идентификации состояния земли, почвы), *в разливе*, *в цвету*, *вьюга*, *вьюжно*, *гарно* (при идентификации состояния зрением, например, видя дымку), *гроза* (при условии идентификации состояния посредством зрения: блеск молнии, дождь), *вызвездить*, *высохнуть*, *вянуть*, *голо*, *грязно*, *дождливо*, *дымно*, *желтеть*, *заболочено*, *заволакивать*, *замерзать*, *заметать*, *заносить*, *зарос*, *засуха*, *затягивать*, *звездно*, *зелено*, *золотеть*, *лунно*, *мглисто*, *меркнуть*, *мести*, *метель*, *мороз* (при условии идентификации состояния по «вторичным» признакам: замерзшее окно, лужицы, покрытые льдом на почве, сосульки и т.п.), *моросить*, *мрачно*, *мутно*, *накрапывать*, *налиться*, *недвижимо*, *нелюдно*, *неподвижно*, *ненастье*, *непогода*, *облачно*, *омыт*, *оттаять*, *оттепель*, *оцепенело*, *пасмурно*, *подмораживать*, *покрыт*, *порошить*, *прояснеть*, *пурга*, *пусто*, *пухнуть*, *пыльно*, *размыто*, *распуститься*, *рассветать*, *расчиститься*, *росисто*, *ручейно*, *светать*, *светлеть*, *светло*, *сереть*, *серо*, *сковать*, *созреть*, *сохнуть*, *слякотить*, *снежно*, *солнечно*, *сумерки*, *сумрачно*, *сумрачен*, *сумрачный*, *сухо*, *сухой*, *сыро*, *таять*, *темнеть*, *темно*, *темнота*, *тенисто*, *топко*, *туманиться*, *туманно*, *хмуриться*, *хмуро*, *холодать* (при условии того, что Наблюдатель делает вывод о состоянии на основе визуального восприятия), *цвести*, *цветисто*, *черно*, *чистый*, *шторм*, *ясный* и др.

Например: *Уже* ***стемнело***, *уже давным-давно ушли женщины* (Иванов. Тени исчезают в полдень) (ССПП «где самопроисходит»); *...Крупным*, *обильным дождем* ***кропило*** *засеянные поля* (Мельников-Печерский. В лесах)

(ССПП «покрывает что (В.п.) чем»); *Там* ***намело*** *снегу*, *ноги промочите*, − *слышен далеко по всему саду знакомый резкий энергичный голос рукодельной начальницы* (Чарская. Приютки) (ССПП «где создает что (В.п., Р.п.)»); *Облако набежало на луну*, *и все* ***погрузилось в*** *волшебный* ***сумрак*** (Чулков. Кинжал) (ССПП «что погружается в какое состояние»); ***Темнота*** *разливалась над безбрежной равниной* (Бунин. Кастрюк) (ССПП «где есть какое состояние») и др.

3. Третью группу составляют высказывания, представляющие состояния природы, идентифицирующиеся Наблюдателем на основе *осязания.*

В основе третьей группы высказываний лежат 3 специализированные структурные схемы «где есть каково», «где самопроисходит», «где действует чем откуда/куда» и 7 неспециализированных «что находится в каком состоянии», «где есть какое состояние», «что есть каково по состоянию», «что есть какое по состоянию», «что есть полно какого состояния/каким состоянием», «что погружается в какое состояние», «где нет какого состояния». Компоненты этих схем – предикативы (ССПП «где есть каково», «где самопроисходит», «что находится в каком состоянии», «что есть каково по состоянию», «что есть какое по состоянию», «что погружается в какое состояние», «где есть какое состояние», «где нет какого состояния»), компоненты со значениями ‘наполняющее состояние’ (ССПП что есть полно какого состояния/каким состоянием») и ‘веяние’ (ССПП «где действует чем откуда/куда»), – репрезентируются личными глаголами, безличными и личными глаголами в безличном употреблении, полными и краткими именами прилагательными, причастиями, именами существительными с семой ‘воспринять осязанием’: *безветрие*, *ветрено* (при идентификации состояния осязанием), *горячий* (в значении ‘с высокой температурой, нагретый’), *духота* (в значении ‘зной’), *жарко*, *зной*, *знобко*, *зябко*, *колко*, *люто*, *марить*, *морозно* (при идентификации состояния посредством осязания), *мягко* (в значении ‘тепло’), *нагрет*, *накален*, *палить*, *парить*, *пекло*, *печь*, *пригревать*, *прохлада*, *свежий* (в значении ‘прохладен’, ‘прохладный’), *свежесть*, *студено*, *сурово*

(в значении ‘холодно’), *сухомень*, *теплый* (в значении ‘нагрет’, ‘нагретый’), *холод*, *холодный* (в значении ‘не нагрет, с температурой ниже нуля’, ‘не нагретый, с температурой ниже нуля’), *холодать* (при условии идентификации осязанием), *ядрено* (*разг.* в значении ‘свежо’) и некоторые др.

Например: ***Морозит*** (Черкасов. Конь Рыжий) (ССПП «где самопроисходит»); *Было* ***жарко***, *вокруг блестела сухая вспаханная земля на картофельных обобранных полях* (Бунин. Князь во князьях) (ССПП «где есть каково»); *Мягко* ***тянуло*** *с полей* ***сушью***, ***зноем*** (Бунин. Жизнь Арсеньева) (ССПП «где действует чем откуда/куда»); *Лес был* ***накален***… (Паустовский. Последний черт) (ССПП «что есть каково по состоянию») и др.

Среди лексем с семой ‘воспринять осязанием’ в особую группу следует выделить те, которые совмещают в себе значения ‘состояние природы’ и ‘физиологическое состояние одушевленного субъекта (живого существа)’: *жарко*, *холодно*, *тепло*, *прохладно*. Это слова категории состояния, которые маркируют как предикатив структурной схемы «где есть каково», означаемым которой выступает типовая пропозиция «состояние природы», так и предикатив схемы «кому есть каково», означаемым которой является уже типовая пропозиция «физиологическое и психологическое состояние одушевленного субъекта (живого существа)». Сравните следующие высказывания с указанными выше словами:

- ***жарко*** (*И только зимой*, *в холода*, *Сене становилось* ***жарко***... (Залыгин. Мистика); *Доктор и следователь сели в сани*, *и белый кучер перегнулся к ним*, *чтобы застегнуть полость*. *Обоим было* ***жарко*** (Чехов. Крыжовник) (‘Сене жарко’, ‘доктору и следователю жарко’; структурная схема «кому есть каково» – знак типовой пропозиции «физиологическое и психологическое состояние одушевленного субъекта (живого существа)»). – *Два времени года*, *и то это так говорится*, *а в самом деле ни одного*: *зимой* ***жарко***, *а летом знойно*; *а у вас там*, *на* «*дальнем севере*», *четыре сезона*, *и то это положено по календарю*, *а в самом-то деле их семь или восемь* (Гончаров. Фрегат «Паллада»); *Еще с ран-*

него утра все небо обложили дождевые тучи; *было тихо*, *не* ***жарко*** *и скучно*, *как бывает в серые пасмурные дни*, *когда над полем давно уже нависли тучи*, *ждешь дождя*, *а его нет* (Чехов. Крыжовник) (‘в природе, в воздухе зимой жарко’, ‘в природе, в воздухе с раннего утра не жарко’; структурная схема «где есть каково» – знак типовой пропозиции «состояние природы»);

- ***холодно*** (*Таньке стало* ***холодно***, *и она проснулась* (Бунин. Танька); *Больной было* ***холодно*** *и стыдно* (Арцыбашев. У последней черты) (‘Таньке холодно’, ‘ему холодно’; структурная схема «кому есть каково» – знак типовой пропозиции «физиологическое и психологическое состояние одушевленного субъекта (живого существа)»). – *Но к вечеру стало все больше и больше подмораживать*. *Гнило*, ***холодно*** *и сыро* (Крестовский. Петербургские трущобы); – *Как-нибудь к этому вернемся... Советую вам поднять воротник*, *на дворе* ***холодно*** (Алданов. Бегство) (‘в природе, в воздухе холодно’, ‘на дворе холодно’; структурная схема «где есть каково» – знак типовой пропозиции «состояние природы»);
- ***тепло*** (– *Не холодно тебе будет*, *Никитушка*? – *сказала хозяйка*, *когда он подошел к саням*. – *Чего холодно*, ***тепло*** *вовсе*, – *отвечал Никита*, *оправляя солому в головашках саней*, *чтобы закрыть ею ноги*, *и засовывая ненужный для доброй лошади кнут под солому* (Толстой. Хозяин и работник); *Пока я сидел и дремал*, *не решаясь подняться – мне было* ***тепло*** *и покойно – вдруг среди ровного*, *однообразного шума моря*, *как на канве*, *стали обозначаться звуки*, *отвлекшие мое внимание от самого себя...* (Чехов. Степь) (‘мне тепло’, ‘мне было тепло’; структурная схема «кому есть каково» – знак типовой пропозиции «физиологическое и психологическое состояние одушевленного субъекта (живого существа)»). – *И странно еще потому*, *что будто в первый раз видит он этот ночной*, *лунный*, *осенний мир… Он сел возле каретного сарая на подножку тарантаса*, *закиданного засохшей грязью*. *Было по-осеннему* ***тепло***, *пахло осенним садом*, *ночь была торжественна*, *бесстрастна и благостна…* (Бунин. Таня); *В саду Татьяна Марковна отрекомендовала ему каждое дерево*

и куст, *провела по аллеям*, *заглянула с ним в рощу с горы*, *и*, *наконец*, *они вышли в село*. *Было* ***тепло***, *и озимая рожь плавно волновалась от тихого полуденного ветерка* (Гончаров. Обрыв) (‘в воздухе тепло’, ‘вокруг, в воздухе тепло’; структурная схема «где есть каково» – знак типовой пропозиции «состояние природы»);

- ***прохладно*** (*Ему было* ***прохладно***, *уютно*; *ни о чем он не думал*, *ничего не желал* (Толстой. Казаки); – *Сосни-ка ступай в телеге*, *там тебе* ***прохладнее*** *будет* (Левитов. Степная дорога днем) (‘ему было прохладно’, ‘тебе будет прохладно’; структурная схема «кому есть каково» – знак типовой пропозиции «физиологическое и психологическое состояние одушевленного субъекта (живого существа)»). – Ср.: *Было сухо*, *но в садах неведомо откуда появилась обильная роса*; *пыль с трудом поднималась… было душно и* ***прохладно*** *уже* (Арцыбашев. Санин); *А когда он въехал в лес*, *где было* ***прохладно***, *его сразу охватила какая-то вековая тишина* (Романов. Русь) (‘в воздухе было прохладно’, ‘в лесу было прохладно’; структурная схема «где есть каково» – знак типовой пропозиции «состояние природы») и др.

Слова категории состояния типа *холодно – тепло – жарко – прохладно*, имеющие комплексную семантику, отражающую не элементарную, а сложную ситуацию, в которой сопряженные семантические элементы являются равноправными и функционирующими в речи как созначения, в зависимости от ситуативного контекста, получили название «*синкреты*» [Матханова 2002: 35–36]. Иногда их называют «двухфункциональными предикатами» [Яковлева 2004: 12].

4. Высказывания с семантикой состояния, определяемого на основе *обоняния* Наблюдателя. В основе предложений этой группы лежат 3 специализированные структурные схемы («где есть каково», «где пахнет чем», «где действует чем откуда/куда») и 4 неспециализированные («где есть какое состояние», «что есть каково по состоянию», «что есть какое по состоянию», «что есть полно какого состояния/каким состоянием»). Компоненты этих

схем – предикативы (ССПП «где есть каково», «где пахнет чем», «где действует чем откуда/куда», «что есть каково по состоянию», «что есть какое по состоянию», «где есть какое состояние») и компоненты со значением ‘средство наполнения’ (ССПП «что есть полно какого состояния/каким состоянием») – репрезентируются словами категории состояния, личными глаголами в безличном употреблении, именами существительными, краткими и полными именами прилагательными, имеющими сему ‘воспринять обонянием’: *веять*, *вонять*, *гарно* (при идентификации состояния обонянием – запах гари), *густой* (в значении ‘насыщен испарениями’), *дохнуть*, *духота* (в значении ‘спертость воздуха’), *душен*, *душисто*, *душно*, *дымно* (при идентификации состояния обонянием – запах дыма), *маревo* (в значении ‘насыщенность испарениями от зноя’), *нести*, *наносить*, *пахнуть*, *свежесть*, *свежий* (в значении ‘чист, без примесей чего-либо’), *смрадно*, *сперт* (*разг.* в значении ‘душен’, о воздухе), *тянуть*, *чистый* (в значении ‘без примесей’, о воздухе) и др.

Например: *От реки* ***несло*** *гарью*, *над крышами домов стлались клубы дыма – на окраинах города горели разрушенные снарядами деревянные постройки*, *их никто не тушил* (Смирнов. Саша Чекалин); *Из лугов* ***тянуло*** *холодной завялой травой*, *сладковатым запахом ивовых листьев* (Паустовский. Ночь в октябре) (ССПП «где действует чем откуда/куда»); ***Пахло*** *илом*, *прелой хвоей и пресным бархатисто-мягким запахом дождя* (Шолохов. Тихий Дон) (ССПП «где пахнет чем»); *Морозно*, ***душисто*** (Бунин. Последняя весна) (ССПП «где есть каково»); *Отец вставал до горна побудки*, *подымал сына и шел с ним гулять*, *пока воздух был* ***чистый*** *и влажный* (Лимонов. У нас была Великая Эпоха) (ССПП «что есть какое по состоянию») и др.

Среди перечисленных лексем особо следует выделить лексему *душно*, которая созначения ‘состояние природы’ и ‘физиологическое состояние одушевленного субъекта (живого существа)’ реализует в зависимости от контекста.

Например: – ***Душно*** *мне здесь... Там вольно... Зелень... – простор... Птицы поют...* (Чарская. Лесовичка); *Но ему не хотелось спать*, ***было душно***… (Чехов. Случай из практики); *Наконец ему стало* ***душно*** *и тесно в этой желтой каморке*, *похожей на шкаф или на сундук* (Достоевский. Преступление и наказание) (‘мне душно’, ‘ему было душно’, ‘ему стало душно’; структурная схема «кому есть каково» – знак типовой пропозиции «физиологическое и психологическое состояние одушевленного субъекта (живого существа)»); – Ср.: *Лето… кругом кричат кузнечики*, *высоко в поднебесье заливается песнями жаворонок*; ***душно***, *знойно...* (Мельников-Печерский. На горах); *Серые клочья низко ползут по небу*, *но в воздухе* ***душно***, *как в печи после хлебов* (Слезкин. Столовая гора); *Вошли в лесок*. <… > *Здесь было* ***душно*** (Толстой. Аэлита) (‘кругом душно’, ‘в воздухе душно’, ‘в леске было душно’; структурная схема «где есть каково» – знак типовой пропозиции «состояние природы») и др.

Причисление ряда лексем (при проведении подобной их классификации вне предложения, вне контекста) к одной из выделенных групп будет носить условный характер. Это связано с тем, что состояние, маркируемое одной и той же лексемой, может идентифицироваться Наблюдателем на основании данных разных рецепторов: *глухо* (‘без звуков, движений, веяний’ и обнаруживаемое в контексте значение, не фиксируемое толковыми словарями, – ‘не наполнено людьми’: слух – **звуки**, зрение – **движение**, **наполнение людьми**, осязание – **веяние**); *гроза* (‘бурное ненастье с дождем, громом и молниями’: зрение – **дождь**, **молнии**, слух – **гром**); *затишье* (‘состояние временного прекращения шума, движения’: слух – **шум**, зрение – **движение**); *мертво* (‘оцепенело, без движения, веяний и звуков’: зрение – **без движений**, осязание – **веяний**, обоняние – **звуков**); *стихать* (‘о звуках, веяниях, ненастье: прекращаться’: слух – **звук**, **ненастье** (при наличии шума), осязание – **веяние**, зрение – **ненастье**); *тихо* (‘погружено в безмолвие, без звуков или ветра’: слух – **безмолвие**, **без звуков**, осязание – **без ветра**); *тишина* (*тишь*) (‘состояние без звуков, ветра’: слух – **звуки**, осязание – **ветер**) и т.д. Выявить

канал получения информации о состоянии в таком случае помогает лишь контекст, который дифференцирует значение лексемы, исходя из описываемой ситуации.

Например: *Было так* ***тихо*** [в конце сада – О. С.], *что слышно было редкое падение капель с нависших ветвей* (Бунин. Заря всю ночь) (ССПП «где есть каково»). Состояние *тихо* воспринимается Наблюдателем аудиально, на что указывает слово категории состояния со значением слухового восприятия *слышно*. Сравним с другим предложением: *Но ветер был очень свеж до самого вечера. К ночи же совсем* ***стихло***... (Ефремов. Встреча над Тускаророй) (ССПП «где самопроисходит»). Состояние *стихло* в данном примере идентифицируется не слухом, а зрением (если Наблюдатель видит отсутствие колебательных движений, например, деревьев) или осязанием (чувствует кожными рецепторами колебательные движения воздуха, перемещение воздушных масс в пространстве), т.е. речь идет о состоянии *безветрия*, а не о состоянии *беззвучия*. Такой же вывод может быть сделан и в следующем примере (выделен жирным курсивом), в основе которого лежит уже неспециализированная структурная схема «где есть какое состояние»: *– Будет ветер*, *– подумал я.* ***Но пока что стояла тишина***. *– Будет ветер*, *– повторил я вслух* (Газданов. Вечер у Клэр) и т.д.

При идентификации подобных, неоднозначно воспринимаемых рецепторами, состояний может иметь значение *местоположение* Наблюдателя. Так, состояния *безветренно*, *ветрено*, *морозно*, *морозит* и под. идентифицируются и при помощи *зрительных* рецепторов, если Наблюдатель находится, скажем, в помещении, диагностируя состояния на основе «вторичных» признаков их проявления: гнущиеся макушки деревьев, колебательные движения листочков, веток, трав или их отсутствие, морозные узоры на окнах, сосульки на крышах, сверкающий в солнечных лучах снег, красноватые полосы на небе и т.п., и при помощи *осязания*, если место пребывания Наблюдателя – это природное пространство, окультуренное или неокультуренное. В подобных случаях один из источников будет **первичен** (первичный перцептивный

модус) (в вышеуказанных случаях – осязание), а какой-то (какие-то) **вторичен** (вторичны) (вторичный перцептивный модус) (для приведенных лексем – зрение).

Более того, некоторые из собственно перцептивных состояний способны идентифицироваться на основе уже не столько перцепции, сколько знания: *Уже вечерело*, *и среди спокойных серых облаков, длинными грядами закрывавших небо, появились* ***оранжевые оттенки***, – ***признак того***, ***что холодеет*** (Бунин. «Надежда») (ССПП «где самопроисходит»). В данном примере воссоздается картина заката, времени, когда день уступает свои права ночи. Вывод о том, что *холодает*, Наблюдатель делает с опорой на визуальное восприятие (вторичный перцептивный модус для состояния *холодает*) и на основании имеющихся у него знаний: оранжевый закат – признак понижения температуры воздуха.

Перцептивно воспринимаемые состояния природы могут быть вообще идентифицированы *только на основе знания* Наблюдателя, а не с опорой на данные рецепторов: *Зимой на Песчаной улице было много снегу*, *было* ***серо*** *и* ***пустынно***, *весной –* ***солнечно***, *весело*, *особенно при взгляде на белую крышу протоиерейского дома*, *на чистые стекла*, *на серо-зеленые верхушки тополей в голубом небе. Летом было очень жарко* (Бунин. Чаша жизни). Выделенные жирным курсивом состояния природы, маркируемые словами категории состояния, безусловно, связаны с визуальным восприятием, однако вывод о них сделан не на основании такого восприятия, а имеющихся в сокровищнице-памяти Наблюдателя знаний.

Приведем еще один пример: *В Ореанде сидели на скамье*, *недалеко от церкви*, *смотрели вниз на море и молчали. Ялта была едва видна сквозь утренний туман*, *на вершинах гор неподвижно стояли белые облака. Листва не шевелилась на деревьях*, *кричали цикады*, *и однообразный*, *глухой шум моря*, *доносившийся снизу говорил о покое*, *о вечном сне*, *который ожидает нас.* ***Так шумело внизу***, ***когда еще тут не было ни Ялты***, ***ни Ореанды***, *теперь шумит и* ***будет шуметь так же равнодушно и глухо***, *когда нас не бу-*

дет (Чехов. Дама с собачкой). В смысловом плане данный фрагмент представляет собой философские размышления автора о жизни как бесконечном круговороте потерь и обретений, как мимолетном переходе к Вечности, о том, что люди приходят и уходят, поколения сменяют друг друга, рождаются, развиваются и гибнут цивилизации, а нетленной остается только природа, которая, однажды появившись, цветет и будет цвести всегда, и в этом ее постоянстве – залог вечного спасения, непрерывного движения и стремления человечества к совершенству. Безусловно, состояние *шуметь* относится к перцептивным, воспринимаемым аудиально, но в данном контексте оно – результат знания Наблюдателя о длительном временном существовании того природного объекта (море), который выступает источником-каузатором состояния.

1.3. Полимодальные высказывания в русской языковой картине мира.

Свойственное процессу восприятия многомерность и единство [*см.*: Мещерякова 2008: 19] обеспечивают целостное восприятие состояний природного мира и обусловливают существование в русской языковой картине мира XIX – XX вв. *полимодальных*[31] *высказываний*, под которыми мы понимаем высказывания, описывающие состояния природы «комплексно», одновременно, на основе данных различных рецепторов:

– слуха и зрения: *Было* ***светло*** *и* ***тихо***, *и даже тополя не шумели* (Домбровский. Факультет ненужных вещей); *Было* ***темно*** *и* ***тихо*** (Крапивин. Белый шарик матроса Вильсона) (ССПП «где есть каково»);

– осязания и слуха: *По-прежнему было* ***холодно*** *и* ***тихо***, *по-прежнему чернела за окнами тьма…* (Бунин. Сны); *Было* ***тихо*** *и* ***сыро*** (Паустовский. Романтики); *Здесь* ***тихо*** *и* ***прохладно*** (Ляленков. Просека); *Было* ***знойно*** *и* ***тихо*** (Толстой. Аэлита) (ССПП «где есть каково»);

[31] В современных психологических концепциях полимодальность описывается как свойство человеческого восприятия наряду с функциональностью и объектностью [*см. подробнее*: Рузин 1994].

– осязания и зрения: *Но кругом было* ***солнечно***, ***тепло***, *летали птички, цвели цветы…* (Астафьев. Приворотное зелье); *На дворе было* ***темно***, ***сыро***, ***тепло***… (Толстой. Воскресение); *Было* ***темно***, ***туманно*** *и* ***холодно*** (Толстой. Рубка леса) (ССПП «где есть каково»); ***Потемнело*** *и* ***посвежело*** (Булгаков. Мастер и Маргарита) (ССПП «где самопроисходит»); *Степь*, *поздно*, ***тишина***, ***свежесть***… (Бунин. Белая лошадь) (ССПП «где есть какое состояние») и др.

Описание состояний может происходить и с опорой не на данные двух анализаторных систем, а, например, трех. В таких случаях в основе высказывания лежит одна или несколько разных структурных схем: *Было* ***тихо***, ***сыро*** *и* ***пахло*** *мокрыми листьями* (Толстой. Хождение по мукам) (ССПП «где есть каково» и «где пахнет чем») (слух, зрение, обоняние); *В воздухе было* ***тихо***, ***тепло*** *и* ***пахло*** *речной водой* (Романов. Русь) (ССПП «где есть каково» и «где пахнет чем») (слух, осязание, обоняние); *Он …рыбачить не стал*, *а выметал сети на самолов*, *вытащил на берег лодку и еще до обеда пришел в деревню. Было* ***тихо***, ***свежо***, ***солнечно*** (Белов. Привычное дело) (ССПП «где есть каково») (слух, осязание, зрение) и под.

Интересно происходит идентификация и номинирование состояний природы в высказываниях, основу которых составляет неспециализированная структурная схема «где есть какое состояние». Как мы уже отмечали при описании компонентного состава этой схемы, знаком отношения между субъективом и предикативом, наряду с собственно бытийным глаголом *быть* выступают делексикализованные глаголы (*стоять*, *лежать* и под.), глаголы, имеющие фазовые семы в своих семемах (*начаться*, *кончиться*, *зарядить* и под.), глаголы лексикализованные. Среди них обнаруживается доля тех, которые отсылают нас *к способу получения информации* о состоянии типа *выть*, *сипеть* и под.

Например: ***Сипит*** *и* ***воет*** *непогода*; *видно*, *что подходит затяжное осеннее ненастье* (Мельников-Печерский. На горах); ***Выла*** *вьюга*, ***выла***, ***выла***, *Не было огня-а-а*, *Когда мать роди-ила Бедново миня…* (Белых, Пан-

телеев. Республика ШКИД); *На севере* ***воет*** *и* ***воет*** *вьюга*, *а здесь под ногами глухо погромыхивает*, *ворчит встревоженная утроба земли* (Булгаков. Белая гвардия); *Мне самой было страшно в этом большом лесу*, *где так громко* ***свистела*** *и* ***выла*** *вьюга* (Чарская. Записки сиротки) и под.

В подобных случаях очевидно, что Наблюдатель с помощью разных органов чувств идентифицирует состояние: здесь и зрение (‘ненастье с сильным ветром и обильным выпадением снега’), и слух (*воет*, *сипит*, *свистит*). Конструкции подобного типа закрепились в языке и регулярно появляются в текстах художественных произведений за счет своей образности, метафоричности. А ведь сам перенос *живое существо* (часто животное) – *природа* сделан именно по линии схожести в аудиальном восприятии звука, издаваемым первым (волком, например), и звука, которым сопровождается состояние *ненастья* (в приведенных примерах).

В русской языковой картине мира XIX – XX вв. также встречается идентификация природных состояний, основанная на явлении *синестезии* (С. Ульман) – «неразделенном восприятии» [Павлюк 1976: 65], явлении, когда при раздражении одного органа чувств наряду со специфическими для него ощущениями возникают ощущения, которые соответствуют другому органу чувств [*см*.: Степанян 2004; Прокофьева 2010]. Так, в нашем материале к состояниям-распространениям или состояниям, проявляемым звуками, маркированных специализированными структурными схемами «где пахнет чем» и «где самопроисходит», неспециализированной «где есть какое состояние», примыкают эксплицирующие словоформы со значением ‘*вкус*’, ‘*влажность*’, ‘*температура*’. Такая сочетаемость объясняется общеязыковыми тенденциями. Так, О.В. Григоренко, исследуя ряды синестетических сочетаний имен прилагательных и существительных, возникающие в русском языке, приходит к выводу о регулярности сочетаний прилагательных со значением вкусового восприятии с существительными со значением «запах», «звук», «свет», «цвет», «осязание» [*см*.: Григоренко 1998].

Например: … *Так* ***сладко пахло*** *и елями*, *и жасмином*, *кусты которого всюду обступали дом…* (Бунин. Митина любовь); ***Остро пахло*** *подсыхающими подосиновиками*, *и запах их казался неприятным* (Варламов. Падчевары); *Громко кричали грачи над рекой*, *растились куры на дворьях*, *пели петухи*, ***сладко пахло*** *зеленой травой* (Неверов. Гуси-лебеди) (ССПП «где пахнет чем»). В этой группе примеров можно говорить о наличии обстоятельственных синестетических сочетаний слов: *сладко пахло* и *остро пахло.* В приведенных сочетаниях происходит «скрещивание» двух чувственных образов: вкус (*сладко*) + обоняние (*пахло*). Сравним с другим примером: *Зарница осторожно мелькнула над темным Трошиным лесом* – ***и тепло***, ***сухо пахло*** *дубом* (Бунин. Суходол). В этом высказывании тоже наличествует два синестетических сочетания *тепло пахло* и *сухо пахло*, однако вознакают они через соединение данных таких анализаторных систем, как осязание (*тепло*, *сухо*) и обоняние (*пахло*).

Помимо указанных в фактическом языковом материале нами зафиксированы следующие синестетические сочетания слов:

- *обстоятельственные синесетические сочетания*, возникшие в результате соединения чувственных образов, полученных посредством осязания и слуха. Например: *Ночью лил дождь*, ***мокро шумело*** *по крыше…* (Бунин. Митина любовь) (ССПП «где самопроисходит»);

- *атрибутивные синестетические сочетания*, возникшие в результате соединения чувственных образов, полученных посредством осязания и слуха. Например: ***Морозная тишина***. *Вечереет* (Пришвин. Лесная капель) (ССПП «где есть какое состояние») и др.

Явление синестезии при описании состояний природы в русской языковой картине мира выступает способом целостного восприятия действительности Наблюдателем, который интерпретирует поступающие сигналы «в единстве различных видов сенсорики» [Прокофьева 2010: 7].

Анализ соотношения состояний природы, квалифицируемых на основе разных органов чувств, позволил нам выявить их связь с эмоциями в русской

языковой кратине мира, например, тьмы с грустью, страхом, тревогой; вьюги, бури со злостью и т.п.

Например: *И все же нет смысла так больше сидеть*, *чрезмерно* ***грустно смеркается*** *на просторах*, *да и не интересно*, *и нога затекла*, *не сиди так*, *оцепенел ты*, *что ли*? (Садур. Немец) (ССПП «где самопроисходит»); *Было* ***удивительно*** *тихо* (Боронина. Удивительный заклад) (ССПП «где есть каково»); …*Стало быстро и как-то неверно*, ***тревожно*** *темнеть от надвигавшихся с востока туч…* (Бунин. Жизнь Арсеньева) (ССПП «где самопроисходит») и др. Такое обозначение явления связи перцептивных впечатлений и эмоций терминируют «*синестемией*»: «соощущения + соэмоции» [Воронин 1982: 128].

Вышеуказанные примеры приводят нас к размышлениям А. Вежбицкой об одном из характерных признаков русской культуры и русского языка – *эмоциональности*. Однако А. Вежбицкая иллюстрировала свою мысль богатством эмоциональных глаголов в русском языке [Вежбицкая 2011: 331]. Мы же можем сказать, что *эмоциональность* в оценке состояний природы в русской языковой картине мира через призму анализа высказываний с семантикой «состояние природы» проявляется преимущественно за счет двух факторов:

1) введения в позиционные схемы высказываний с семантикой «состояние природы» экспликантов, маркированных лексемами с семой ‘чувство’: *грустно* (‘с чувством грусти, печали, уныния’), *радостно* (‘с чувтвом радости, веселья’), *тревожно* (‘с чувством тревоги, беспокойства’), *удивительно* (‘так, что вызывает чувстов удивления, недоумения’) и др. Например: *На улице было* ***удивительно*** *хорошо*, *душисто*… (Горький. Жизнь Клима Самгина); *Теперь*, *когда старуха кончила свою красивую сказку*, *в степи стало* ***страшно*** *тихо…* (Горький. Старуха Изергиль) (ССПП «где есть каково»);

2) маркирования связочного компонента структурной схемы «где есть какое состояние» глаголами с характеризующим значением на первом плане и с бытийным на втором (типа *беситься* (‘быть в крайнем раздражении,

неистовствовать’), *злиться* (‘испытывать чувтсво злости, раздражения с примесью злобы’)). Например: *Вот в один ненастный вечер – на дворе* ***злилась*** *и выла февральская* ***вьюга***, *сухой снег по временам стучал в окна*, *как брошенный сильною рукою крупный песок*, *– я сидел в моей комнатке и пытался читать книгу* (Тургенев. Несчастная); *За окном все еще* ***злилась вьюга*** (Чехов. Вьюга); *Выл*, ***бесился буран***… (Липатов. Деревенский детектив), *На дворе* ***злилась вьюга***... (Осипович (Новодворский). Роман) (ССПП «где есть какое состояние»).

Утверждать доминантность идеи *эмоциональности* для русской культуры и языка, как это делает А. Вежбицкая, мы не можем. Во всяком случае для высказываний, фиксирующих различные состояния природы. Однако функционирование подобных высказываний, их наличие, использование коммуникантами позволяет в качестве одного из признаков типовой пропозиции «состояние природы» рассматривать признак ‘*эмоциональность*’.

Полимодальные высказывания, описывающие состояние природы сразу на основании данных разных рецепторов Наблюдателя, высказывания, в которых состояние ненастья имеет характеристики живого существа, высказывания, отражающие явления синестезии и синестемии, в своей совокупности реализуют идею *целостности природы и человека*.

§2. Антропоморфизм как способ объективации состояний природы в русской языковой картине мира XIX – XX вв.

2.1. Роль антропоморфной метафоры в познании мира.

Помимо высказываний с семантикой состояний природы, источником определения которых служит один из модусов перцепции (зрение, слух, обоняние, осязание), в русской языковой картине мира XIX – XX вв. активно употребляется группа высказываний, описывающих состояние природы через метафорический перенос «состояние человека → состояние природы». Суть такой метафоры сводится к способности помыслить одну сущность как подобную другой, соизмерить ее в соответствии с человеческим масштабом

знаний, представлений, системой национально-культурных ценностей и стереотипов [*см. подробнее*: Хамитова 2008 (а), 2009]. Метафора способна репрезентировать взаимодействие языка и культуры. Она участвует «в процессе взаимодействия и единого функционирования сознания и языка человека» и является «средством объективации концептуальной картины мира» [Хамитова 2009: 32].

На то, что познание мира не может не быть антропоморфным, указывал, например, еще А.А. Потебня: «…Действие субъекта мы можем выразить, т.е. представить себе только человекообразно…, можно думать, что и вообще понятие действия, причины возникли так, что наблюдение над нашими действиями перенесено на действия объектов, так что всякий субъект – подобие нашего *я*, так что всякое действие – подобие нашего действия. Таким образом, отношения между понятиями: субстанция и явления, вещество и сила или качество, Бог и мир – человекообразны, могут быть выражены в нашем языке как подобия отношения между нашим я и его действием, в частности – его познанием вместе с познаваемым» [Потебня 1968: 7–8].

Антропоморфная метафора когда-то являлась частью древнего антропоморфного механизма восприятия и репрезентации действительности в ментальном пространстве человека [*см.*: Кошарная 2002, 2003; Маковский 2002; Юрикова 2003; Хамитова 2008 (а), 2008 (б), 2009; Ржепянская 2010 и др.]. Перенося на мир природы собственные свойства, человек приписывал им возможность видеть, слышать, чувствовать, вступать в семейные отношения. С течением времени в каждом культурном пространстве антропоморфная метафора приобрела «индивидуальные черты, обусловленные социокультурными факторами, природными условиями, а также особенностями языковой личности авторов в поэтическом дискурсе отдельной культуры» [Хамитова 2009: 39]. Более того, именно олицетворение окружающей действительности учеными рассматривается как психологическая предпосылка возникновения религиозных верований. Например, Э.В. Ильенков пишет: «… Реальным, “земным” содержанием всякой религии всегда оказываются собственные

силы и способности самого человека, представленные как вне и независимо от человека существующий предмет – как силы и способности некоторого другого, нежели он сам, существа» [Ильенков 1981: 63].

Метафора, как отмечают лингвисты, «возникает на основании наивной картины мира» [Хамитова 2009: 43]. Ю.Д. Апресян и В.Ю. Апресян выделяют *семь систем* поведения человека в «наивной картине мира» (*восприятие* («воспринимать»), *желание* («хотеть»), *интеллект* («думать»), *моторика* («делать»), *речь* («говорить»), *физиология* («ощущать»), *эмоции* («чувствовать»), на основании которых строится антропоморфная метафора [*см.*: Апресян, Апресян 1993]. Человек мыслит природу по собственному образу и подобию, а метафорические выражения как результат этого процесса «эксплуатируют правильные образы, опирающиеся на массовое языковое сознание» [Апресян, Апресян 1993: 32].

Несмотря на то, что мы давно осуществили переход от мифологической формы сознания к научно-рационалистической и «глобальный антропоморфизм» не является существенным качеством нашего сознания, персонификация все же остается необходимым психологическим свойством личности, опирающимся на понимание «общности и неразрывности живой и неживой матери» [Константинова 1997: 4]. Олицетворение помогает человеку понимать и чувствовать окружающий мир.

Регулярность переноса состояний человека на состояния природы в национальной языковой картине мира XIX – XX вв., на наш взгляд, основывается на особом отношении русских к *природе*, связанном с сохранением и, соответственно, закреплением в русском языке некоторых архаических воззрений славян на *природу*.

2.2. Отражение архаических воззрений славян на природу в русской языковой картине мира XIX – XX вв.

Анализ словарных статей лексемы *природа* в Толковых словарях русского языка [Большой толковый словарь русского языка 2000; Даль 1998;

Ушаков 2008; Ожегов 2006; Ожегов, Шведова 1997; Словарь русского языка 1987; Словарь современного русского литературного языка 1961] позволяет выявить 5 основных значений этого слова:

1) все существующее во Вселенной, весь органический и неорганический мир, все, что не создано деятельностью человека: *Вдруг* ***вся природа*** *содрогается. Летит метель на крыльях вихря. Начинается что-то непонятное*, *чудное, невыразимое. Земля ли в судорогах рвется к небу*, *небо ли рушится на землю*; *но все вдруг смешивается*, *вертится*, *сливается в адский хаос* (Соллогуб. Метель);

2) совокупность естественных условий или какая-либо часть их на Земле (рельеф, растительный и животный мир, климатические условия и т.п.): *А вдали*, *обманчиво близко*, *высятся хрустально прозрачные ломаные очертания снеговых гор*, *манящих неумирающей свежестью и чистотой вечных снегов среди жара и блеска* ***южной природы*** (Романов. Русь);

3) места вне городов: *Может быть*, *оно связано с нервным шоком или просто переутомлением*, *с жарой*, *тогда шансы*, *что все наладится*, *неплохие – организм у отца Феогноста молодой*, *серьезных органических повреждений нет*, *– но пока единственное*, *что он может порекомендовать*, *это отвезти епископа куда-нибудь в тишь да глушь*, ***на природу*** (Шаров. Воскрешение Лазаря);

4) совокупность естественных склонностей человека: *Иван Васильевич был мальчик совершенно* ***славянской природы***, *то есть ленивый*, *но бойкий* (Соллогуб. Тарантас);

5) сущность, основное свойство чего-либо: *Он не тратил времени на объяснения*, *а просто указывал на вещи мизинцем своей левой руки*, *и сразу же после этого проявлялась их* ***истинная природа*** (Пелевин. Чапаев и пустота).

С пометой «*разговорное*» отмечаются еще два значения: «*натура*, *характер человека*» [Большой толковый словарь русского языка 2000: 988] (коррелирует с четвертым из перечисленных значений); и устаревшее

«*происхождение*, *порода*» [Словарь русского языка 1987: 438]: ***Страстный по природе***, *он с увлечением предавался дамскому обществу*, *и в этой страсти нашел себе преждевременную гибель* (Салтыков-Щедрин. История одного города); *Лучшим доказательством* ***хорошей природы его*** *служило то*, *что всеобщее баловство и своего рода популярность не имели на него никакого действия*; *он был скромнее*, *проще и добродушнее многих никому неведомых юношей*, *с которыми водил дружбу и которая*, *скажем мимоходом*, *сильно не нравилась его отцу*, *матери и другим родственникам* (Григорович. Пахатник и бархатник) и др.

Из перечисленных значений слова *природа* нас интересуют первые три, широко реализующиеся в контекстах авторской картотеки, насчитывающей 11 147 высказываний с лексемами *природа* и *природный.* Анализ этих высказываний позволяет нам говорить еще об одном значении данного слова, практически не фиксируемого в толковых словарях: *простор*, *приволье*: *Высь поднебесная*, *даль непроглядная*, *необъятная… непонятная*, *одним словом*: *природа*!!! (Чехов. Что чаще всего встречается в романах, повестях и т.п.?). Хотя С.Я. Гехтляр отмечает, что именно это значение, видимо, первично по отношению к значениям «окружающий материальный мир; совокупность естественных условий на Земле; местность вне городов»: «…Природой *лес*, *степь*, *речку* мы стали называть сравнительно недавно, для русских понятие природы было первоначально связано с *простором*, *привольем*, *равниной*» (курсив наш – О.С.) [Гехтляр 2009: 63].

В русской языковой картине мира XIX – XX вв. *природа* предстает *живым существом*, думающим, чувствующим, рефлексирующим. Лексема *природа* вступает в предикационную связь с глаголами бытия, мышления, речевой деятельности, восприятия органами чувств, физиологических процессов, физического действия и др.: *дышать* (‘поглощать кислород и выделять углекислый газ’), *жить* (‘существовать, находиться в процессе жизни, бытия’), *забыть* (‘перестать помнить, утратить воспоминание о ком-чем-нибудь’), *капризничать* (‘действовать неровно, с перебоями’), *лечить* (‘при-

менять медицинские препараты для восстановления здоровья’), *ликовать* (торжественно, восторженно радоваться), *мстить* (‘совершать акт мести по отношению к кому-нибудь’), *плакать* (‘проливать слезы, обычно издавая жалобные, нечленораздельные звуки, плач’), *понимать* (‘осмыслять’), *прятать* (‘убирать, помещать в скрытое, неизвестное другим место или под запор’), *разбрасывать* (‘бросая, разместить по поверхности равномерно или в беспорядке в разных направлениях’), *распорядиться* (‘то же, что приказать’), *смеяться* (‘издавать смех’), *смотреть* (‘направлять взгляд, чтобы увидеть кого-что-нибудь’), *улыбаться* (‘улыбкой выражать свои чувства’), *шептать* (‘говорить шепотом’), *шуметь* (‘издавать шум, протекать с шумом’), фразеологизм *курить фимиам* (‘чрезмерно восхвалять кого-то, льстить кому-либо’) и др.

Например: *Была полночь*. ***Природа капризничала***, *как старая дева. Месяц зарылся в черные тучи и не глядел на землю. Осенний дождь с остервенением стучал в окна...* (Чехов. Тайны ста сорока четырех катастроф, или русский рокамболь (Огромнейший роман в сжатом виде)); ***Природа***, *сотворив преступление*, *как собачонка*, ***виляла*** *хвостом*, ***пошумливала***, ***улыбалась***... (Астафьев. Затеси); *А еще июль*: *но вся уже* ***природа*** *на тебя* ***смотрит***, *тебе* ***улыбается***, ***шепчет*** *березовым шепотом:* «*Жди августа...*» (Белых. Серебряный голубь); ***Природа жила***, ***дышала*** *и*, *казалось*, ***упивалась радостью*** (Ган. Инженеры); ***Природа ликовала***; *воробьи чирикали*; *собаки радостно взвизгивали и виляли хвостами* (Салтыков-Щедрин. История одного города); *Из дальних ущелий поднималась седая дымка тумана и точно вся* ***природа курила нежный фимиам*** *подкрадывавшейся ночи* (Чарская. Княжна Джаваха) и др.

Отношение к природе как к живому существу отражает еще языческие представления славян о природе как исполненной «разумной жизни, наделенною духовными дарами: умом, чувством и словом» [Афанасьев 1865: 61]. Древние понимали природу и ее явления как «ряд живых образов», видели во всех вещах и событиях деятельность таких же сил, какие осознавали в самих

себе, рассказывая о явлениях природы, употребляли те же самые выражения, которыми описывали собственную деятельность [Кареев 2011: 77]. Фольклорные тексты наглядно демонстрируют такой взгляд на природу. Например, в русских народных сказках и былинах явления природы, природные объекты, обладая главной особенностью человека – связной речью, являются едва ли не главными участниками разворачивающихся событий. Они способны говорить, мыслить, чувствовать: *Как красно-то солнышко помертвело* (былина «Идолище сватает племянницу князя Владимира»); ***И говорит ему береза человеческим голосом***: «*Служивый*! *Сходи вот в такую-то деревню*, *скажи тамошнему священнику*, *чтобы дал тебе то самое*, *что ему нынче во сне привиделось*» (сказка «Береза и три сокола»); *Побежала она по дороге и спрашивает у рябины*: «*Рябинка*, *рябинка*, *не видала ль ты ведьмы с ребенком*?» – «***Очисти меня***, ***подбери меня***, ***тогда скажу***» (сказка «Три сестры») и др.

Восприятие русскими *природы* как действенного, созидательного начала отмечается лексикографами при составлении дефиниции указанного слова [*см*., например, Большой толковый словарь русского языка 2000: 988], и объясняет сочетаемость лексемы «природа» с глаголами и глагольными формами со значением ‘создание’: *изготовить* (‘сделать что-л.’), *образовать* (‘создавать, организовать’), *сколотить* (‘колотя, соединить или изготовить’), *создать* (‘сделать существующим, произвести, основать’), *сотворить* (‘творчески создавать’); *устроить* (‘сделать, создать, организовать’; *изготовленный*, *устроенный, сколоченный, образованный* и т.п.

Например: *Высокие гористые берега мало-помалу сходились*, *долина суживалась и представлялась впереди ущельем*; *каменистая* ***гора***, *около которой ехали*, ***была сколочена природою*** *из громадных камней*, *давивших друг друга с такой страшно силой*, *что при взгляде на них Самойленко всякий раз невольно кряхтел* (Чехов. Дуэль); ***Природа*** *так хорошо* ***создала его***, *что любовь матери и поклонение окружающих подействовали только на добрые его стороны*, *развили*, *например*, *в нем преждевременно сердеч-*

ные склонности, *поселили ко всему доверчивость до излишества* (Гончаров. Обыкновенная история); ***Чего*** *только* ***не изготавливает природа*** *в своих мастерских*! (Гранин. Месяц вверх ногам) и др.

К *идее одушевления природы*, выполнением ею епорождающей функции в русской языковой картине мира XIX – XX вв. нас отсылают, так сказать, в синхроническом аспекте устойчивые сочетания *мать-природа*, *лик природы*, *лоно природы*, *организм природы* (***Мать-природа*** *щедра*; *а с вас за это ответа не спросят*, *отвечать за это не будете* (Достоевский. Двойник); *В механизме государственного организма нужны эти люди, как нужны волки в* ***организме природы***... (Толстой. Семейное счастье); *Он дал Крылову отпуск и посоветовал проветриться* ***на лоне природы*** (Гранин. Иду на грозу) и др.); а в диахроническом – генетическая связь слова *природа* со словами *Родина*, *родник*, *родители*, *родные*, *родиться*, *народ* [*см*.: Гехтляр 2009: 63]. Последнее, вероятно, можно было бы обусловить языческой идеей о Роде – «всеобъемлющем божестве Вселенной со всеми ее мирами» [Рыбаков 1987: 67], рождавшем все живое и занимавшем в славянском пантеоне богов центральное место, способствовавшее восприятию космоса, природы, социума в славяно-русской картине мира как «единого целого мироздания» [Тимкин 2006: 36].

Культ природы, важный для становления и развития русской культуры, отразился во многом и в поклонении Земле как *всеобщей матери.* Архетип «матери-земли» как праматери всех взращенных, живущих на этой земле или ушедших в нее поколений, всего того, что порождено в «материнском лоне» ее, осмысляется как глубинный, ментально базовый [Телия 2001: 410; Топоров 2010: 247; Ржепянская 2010: 57]. *Земля* у славян обладала высшим религиозно-аксиологическим статусом[32], диверсифицируясь на частные объекты

[32] Земля давала приют роду-племени, обладала священным характером, хранила человека от бед. Именно поэтому в русских деревнях существовал обычай: расставаясь с родной землей брать ее щепоть с собой (родная земля хранила в странствиях и указывала верную дорогу домой). Был на Руси и обычай приносить клятву родной землей. Боясь лишиться покровительства родной земли, такую клятву мало кто решался нарушить [*см*.: Ржепянская 2010: 57–58].

почитания: поля, луга, леса, реки и т.п. Земле, как и в целом всей *природе*, свойственна производительная функция: «Земля – мать всему, что на ней есть, что было и будет впредь» [Топоров 2010: 248]: ***Земля-мать*** *и вся природа мудро*, *со снисходительной усмешкою наблюдает за детьми своими – скоро*, *совсем скоро всему этому конец*: *будут виться гнезда*, *рыться норы*, *отыскиваться дупла в деревьях*, *будут драки на токах*, *только перья полетят*, *будут страсти бушевать* (Астафьев. Затеси). Если в нашей выборке высказываний из текстов художественных произведений XIX – XX веков сочетания «земля-мать», «матушка сыра земля» и под. встречаются нечасто, то в текстах былин, напротив, они очень устойчивы. Былинные герои не мыслят себя отдельно от породившей их матери-земли. Она главная помощницей в борьбе за правое дело, она исцеляет и дает силы, они «принимает» в лоно свое:

Лева рука да прохватилася.

Улетел старо́й на ***матушку сыру*** *землю́* (былина «Про Сокольника»);

А тут конь под ним да россержается,

От земли-то он да отделяется,

Так что ***мать сыра земля*** *да сколыбалася*,

Из озер вода да выливаласе,

Быстры реченьки он да перескакивал,

А темны-то леса да промеж ног все брал… (былина «Илья Муромец и Соловей-разбойник»);

И тут три-то раз-то Добрынюшка хлопнул же

Он ***по матушки да по сырой земле***,

Тут убралась скоро же кровь змеиная

И как во матушку да все да во сыру́ землю (былина «Как женился Добрынюшка Микитич млад») и др.

Однако в русской языковой картине мира XIX – XX вв. природа предстает не только матерью, но и *мачехой*: ***Мачеха-природа*** *и лебеда пополам с древесной корой*, *питающей их*, *загодя*, *со дня рождения*, *обрекает их быть*

...богом убитыми людьми… (Успенский. Будка); – *Да*, *княжна*, ***природа была*** *для него совершенной* ***мачехою***: *он был горбат*, *крив*, *небольшого роста…* (Загоскин. Москва и москвичи) и др. Существование языковой «формулы» *природа – мачеха* (наряду с *природа – мать*) обусловлено, вероятно, тем, что на «раннем утре» своего исторического существования человек видел в природе то нежную мать, готовую «вскормить земных обитателей своей грудью», то злую мачеху, которая «вместо хлеба подает твердый камень» [Афанасьев 1865: 56].

Двойственное и неоднозначное отношение человека к природе находит отражение и в фольклорных текстах, в которых нередко природные силы, явления выступают и как враждебные человеку, приносящие вред, и одновременно как помогающие в беде. Например, в сказке «Смирный муж и драчливая жена» *полуденный ветер* – это и та сила, что развеяла муку у мужика, оставив его без куска хлеба (*Мельник пустил его*, *ради бедности*, *на свою мельницу и дал ему смолоть рожь. Смоловши*, *пошел мужик домой*. ***Вдруг сделался такой сильный ветер***, ***что в одну минуту сдунул всю муку из чашки***, *в которой нес ее мужик*), и та, что тут же помогла в беде (***Ветер кликнул к себе мужика и сказал ему***: «*Слушай*, *мужичок*! ***Возьми себе эту коробочку***; ***в ней все есть***, ***что только вздумаешь***. *И когда тебе что захочется*: *денег ли*, *хлеба ли*, *кушанья ли*, *питья ли какого*, *скота ли или что тебе вздумается – то скажи только*: «*Коробочка*, *дай мне вот то и то*!»). Часто отношение природы к человеку зависит от отношения человека к природе. Вспомним хотя бы образы *яблоньки* и *березы* из «Сказка о сизом орле и мальчике». Не потрясла одна красна девица яблоньку, не ободрала березу – не помогли ей схорониться ни яблоня, ни береза: *Девица*, *не медля на сем месте*, *побежала далее и, подошед к яблоньке*, *просила ее*: «*Яблонька*, *яблонька*, *схорони меня*». *Яблонька отвечала ей*: «***Нет***, ***девица***, ***я сего для тебя сделать не могу***, ***ты не отрясла яблоньки***, ***себе не взяла яблоков и мне не оставила***». *Девица*, *видя*, *что все безуспешно*, *пошла далее и наконец*, *уже пришед к березе*, *говорила*: «*Береза*, *береза*, ***схорони меня***». – «***Никак***

не можно мне сим тебе услужить, ***девица***, – ***отвечала ей береза***, – ***я тебя просила***, ***чтобы ты ободрала березу***, ***но ты сего не исполнила***». А вот другая и потрясла яблоньку, и ободрала березоньку, за что деревья ей и отплатили: схорнили с братцем от орла, уберегли: *Между тем девка с братом прибежала к белой березе*, *которой говорила*: «*Береза*, *береза*, *схорони меня с братом*». – «***Изволь***, ***красная девица***», – ***отвечала береза***. ***Тотчас распушилась***, ***а ее поставила с братом своим в середину***. *Орел*, *потом прилетя к березе*, *спрашивал*: «*Береза*, *береза*, *не проходила ли мимо тебя девчура с братом*?» – «*Никак нет*», – *отвечала береза*.

В русской языковой картине мира XIX – XX вв. венцом творения природы является человек: *Природа неотразима*, *ей спешить нечего*, *и рано или поздно она возьмет свое. Она не знает ничего*, *ни добра*, *ни зла*, *она не терпит ничего абсолютного*, *вечного*, *ничего неизменного. Человек – ее дитя...* (Арцыбашев. Смех). Идею творения человека природой можно найти еще в древних восточнославянских легендах, повествующих о «рождении» человека из земли [*см*.: Тимкин 2006: 34]. А вот в более поздних памятниках, бытовавших на Руси уже в православной среде, творцом человека и мира является Бог. Хотя согласно апокрифическому сюжету, распространенному в болгарской и древнерусской книжной традиции, несмотря на «смену» «создателя сущего», Адам «творится» из «природных элементов»: тело взято от земли, кости – от камней, кровь – от моря, глаза – от солнца, мысли – от облака, «от света – свет», от ветра – дыхание, от огня – теплота [*см*.: Славянская мифология 2002: 24]. В фольклоре русских старообрядцев такой сюжет получает характерную мотивировку: «тело (Адама) из земли: по смерти идее в землю; кровь из морской воды: всю жизнь ходя, как морская волна; глаза из солнца: как солнце светя, так и глаза человечи днем смотрят, а ночью спля» [*см*.: Славянская мифология 2002: 24].

Возвращаясь к анализу нашей картотеки примеров, отмечаем, что физическая и духовная красота людей, положительные черты характера, способности и склонности к определенной сфере деятельности даются при-

родой «в дар», а недостатки объясняются «шутками» природы или «нехваткой времени и вдохновения». В контекстах, где лексема «природа» выступает в качестве субъекта-Создателя человека, используются глаголы *вложить* (‘поместить внутрь’) / *не вложить* (‘не поместить внутрь’); *дать* (‘наградить`) / *не дать* (‘не наградить’); *наделить / не наделить* (‘распределяя, предоставить, дать что-нибудь, снабдить’); *одарить* (‘с избытком наделить’) / *не одарить* (‘не наделить чем-либо’) и др.

Например: *В мою душу* ***природа вложила*** *необыкновенную* ***способность верить*** (Чехов. На пути); ***Природа наделила*** *ее большим* ***здоровьем****...* (Соловьев. Жених царевны); ***Природа обошла его дарами***, *выдав пару ничем не примечательных родителей*, *снабдив неказистой внешностью*, *по отзыву некоторых – почти мордочкой вместо лица*, *да еще с выражением озлобленной впечатлительности*, *происходящей от никогда не утоленных вожделений*, *и*, *наконец*, ***вложила*** *вместо таланта – ту постоянно ноющую* ***пустоту***, *где ему надлежало быть* (Леонов. Вор); *К счастью*, *во мне зашевелилась совесть. Мне стало жаль себя*, *жаль*, *что* ***природа всаднила*** *в меня столько* ***жестокости*** *и* ***мерзости***! (Чехов. Драма на охоте) и др.

Среди качеств, присущих русским и данных природой, подмечаются и *плутовство*, и *ловкость*, и *ум*, и *совестливость*, и *склонность к резонерству*, и *застенчивость*, и *вспыльчивость*, и *хитрость*, и *религиозность*, и *сметливость*, и *лень*.

Например: *Тут*, *как водится*, ***с природною русскому человеку ловкостию и плутовством***, *покупщик начнет уверять башкирца*, *что нужды у него никакой нет*, *а наслышался он*, *что башкирцы больно добрые люди*, *а потому и приехал в Уфимское наместничество и захотел с ними дружбу завести и проч. и проч.* (Аксаков. Семейная хроника); *Все это*, *вместе* ***с природной сметкой русского человека***, *оказалось неплохим средством к существованию за границей* (Алексеев. Подземная Москва); ***Но русский народ вообще одарен от природы необыкновенным умом***, ***сметливостью***

и ***дальновидностью***, *которым уступает и образованность*, *и просвещение*, *и ученость* (Булгарин. Мазепа) и др.

Красной нитью в русской языковой картине мира XIX – XX вв. проводится *идея противоборства природы* и *человека*: *Но человек – заклятый и торжествующий изменитель лица природы*! (Аксаков. Семейная хроника). Если в прошлом славянин видел свою слабость и ничтожность пред неодолимую природной силою, заставляющей его «испытывать свет и мрак, жар и холод», наделяющей его насущною пищей или карающей голодом, посылающей ему беды и радости [Афанасьев 1865: 56], то человек XIX – XX вв. не согласен мириться с подобной ситуацией: он желает научных открытий в борьбе с природой и жаждет ее покорения ради сиюминутной выгоды. При лексеме *природа* регулярно используются глаголы *воевать* (‘сражаться’), *бороться* (‘схватившись друг с другом, стараться осилить’), *подчинить* (‘сделать зависимым, поставить в зависимость от кого-нибудь, заставить действовать сообразно чему-нибудь’), *заарканить* (‘поймать арканом’), существительного *борьба* (‘то же, что бороться’) и под.: *Сам не знающий покоя*, *человек с осатанелым упорством стремится* ***подчинить***, ***заарканить природу*** (Астафьев. Царь-рыба).

Сочетаемость лексемы «природа» с глаголом *любоваться*, описывающим эстетическое наслаждение, реализует в национальной языковой картине мира XIX – XX веков *идею любования* и *восхищения природой* (противоположную идее противоборства с природой), идущей из глубины веков – от различных природных культов, составлявших основу языческого мировоззрения славян и русичей, боготворивших леса, реки, горы, камни, поля, населяющих их особыми духами [Тимкин 2006: 37]: *Все ездят* ***любоваться природой***, *и она приехала* ***любоваться природой*** (Веселитская (Микулич). Мимочка); *Распахнув окно*, *Половодов посмотрел в сад*, *на аллеи из акаций и тополей*, *на клумбы и беседки*, *но это было все не то*: *он был слишком взволнован*, *чтобы* ***любоваться природой*** (Мамин-Сибиряк. Приваловские мил-

лионы); *На нас завтра сядут*, *и мы будем вояжировать*, *будем* ***любоваться природой*** *и дышать чистым воздухом* (Лесков. Некуда) и др.

Именно в возможности *любовании природой* проявляется «созвучие души человека и природы», восходящее к архаическому представлению славян и русичей о целостности космоса, социума и человека [*см*.: Тимкин 2006: 35],

В целом понимание природы в русской языковой картине мира XIX – XX вв. полно антиномий: природа величественна и прекрасна, все в ней разумно и целесообразно устроено, она – тайна, самая сложная загадка для человека, природа богата и бедна, она участлива в судьбе своих «детей» и равнодушна к ним, терпелива и мстительна, опустошена и полна сил, щедра и скупа, она подвержена губительному влиянию, но способна к самоисцелению, она может быть родной и чужой. Природа – это гармоничное слияние всего органического и неорганического мира, живое существо, чувствующее, думающее, рефлексирующее, Творец всего сущего, Мать и Мачеха одновременно самого неоднозначного своего создания – Человека. Природа, с одной стороны, – объект любования, а с другой, – некое поле для экспериментов человека, на которые его толкает то борьба за существование, то погоня за наживой.

Такая амбивалентность в восприятии природы национальным сознанием обусловливается, на наш взгляд, проявлением в языковой картине мира XIX – XX веков некоторых идей, характеризующих еще картину мира древних славян: идеи одушевления природы, любования ею, выполнения природой созидающе-творящей функции, идеи целостности космоса, социума и человека. Эти идеи получают свое закрепление не только в специфических устойчивых языковых формулах (*мать-природа*, *природа-мачеха*, *лоно природы*, *организм природы*, *земля-мать* и под.) и стереотипной сочетаемости лексем *природа* (с глаголами создания, речемыслительной деятельности, физического воздействия на какой-либо объект, бытия и под.) и *природный* (с именами существительными определенной семантики (качества, данные че-

ловеку природой)), но и в ряде метафорических высказываний, описывающих различные природные состояния.

2.3. Антропоморфные состояния природы в русской языковой картине мира XIX – XX вв.

В основе высказываний, описывающих состояния природы через метафорический перенос «состояние человека → состояние природы», лежат специализированные структурные схемы «где есть каково» и «где самопроисходит», неспециализированные «где есть какое состояние», «что находится в каком состоянии», «что есть какое по состоянию», «что есть каково по состоянию», «что есть в каком состоянии», «что есть полно какого состояния/каким состоянием», «что погружается в какое состояние», «где нет какого состояния», «что есть погружено в какое состояние».

Метафорические высказывания с семантикой «состояние природы» являются прежде всего языковой реализацией *идеи одушевления природы* в русской языковой картине мира XIX – XX веков.

Такие высказывания можно дифференцировать на несколько групп.

Во-первых, это высказывания, кодирующие состояния природы, уподобленные *физиологическим состояниям* человека. В качестве их конститутивных элементов выступают личные глаголы, слова категории состояния, имена прилагательные, причастия, имена существительные, отсылающие (вне конструкции) к различным состояниям человека − состоянию сна, возбуждения, одурманивания, неподвижности и т.п.: *болеть* (‘быть больным, переносить какую-нибудь болезнь’), *девственно* (‘нетронуто’), *дремота* (‘полусон, состояние, при котором хочется спать и невольно закрываются глаза’), *дремать* (‘быть в дремоте’), *дремотно* (‘в состоянии полусна’), *изнеможение* (‘состояние полной усталости, бессилия’), *изнемогающий* (‘в состоянии полной усталости, изнеможения’), *истома* (‘состояние приятной расслабленности’), *мертветь* (‘приходить в оцепенение, терять живость’), *мутить* (‘подташнивать’), *невинно* (‘девственно’), *обессилеть* (‘стать бессильным’),

оживать (‘стать полным сил, проявиться в прежней силе’), *покой* (в значении ‘состояние относительной неподвижности’), *пробудиться* (‘то же, что проснуться’), *проснуться* (‘перестать спать, выйти из состояния сна’), *пьяный* (‘возбужденный, как бы одурманенный’), *сморенно* (‘изнуренно’), *сонно* (‘в состоянии покоя’), *спать* (‘находиться в состоянии сна’), *спокойно* (в значении ‘в состоянии неподвижности’), *томный* (‘исполненный истомы’), *тошнить* (‘о состоянии тошноты’), *устать* (‘почувствовать усталость, утомление’), *цепенеть* (‘становиться неподвижным, замирать под влиянием какого-либо чувства’) и др.

Например: *Лес глохнет… Неизъяснимая тишина западает в душу*; *да и* ***кругом*** *так* ***дремотно*** *и тихо* (Тургенев. Записки охотника); *Со свистом проносились над головой Настены стрижи*, *остро пахло*, *забивая дыхание*, *сыростью*; *лениво чавкала слабая*, *изнутри себя берущаяся волна*, *потому что* ***в воздухе*** *было тихо*, ***сморенно***; *издали*, *с верхнего мыса Покосного острова*, *доносился шум воды* (Распутин. Живи и помни) (ССПП «где есть каково»); ***Не спала природа***, *точно боялась проспать лучшие мгновения своей жизни* (Чехов. Страх); ***Природа*** *зевает*, *потягивается*, *переворачивается на другой бок и опять* ***засыпает*** (Пастернак. Доктор Живаго); *Река* ***ожила***, *она вся была в подвижных пятнистых бликах*, *похожих на рыбью чешую*, *и от игры их казалась набухшей…* (Задорнов. Амур-батюшка) (ССПП «что находится в каком состоянии»); ***Покой*** *и горячая* ***истома на всем*** (Шукшин. Кукушкины слезки) (ССПП «где есть какое состояние») и др.

В русской языковой картине мира XIX – XX веков одним из частотных состояний природы, уподобленных физиологическим состояниям человека и репрезентированных схемами «что находится в каком состоянии», «что есть какое по состоянию», «где есть какое состояние», является *состояние сна*: зимой земля со всеми располагающими на ней объектами «спит», находится в состоянии покоя.

Например: *Давно опавшие желтые листья*, *терпеливо ожидающие первого снега и попираемые ногами*, *золотятся на солнце*, *испуская из себя*

лучи, *как червонцы*. *Природа* ***засыпает*** *тихо*, *смирно* (Чехов. Цветы запоздалые); ***Низкорослый лес на обрывах и скатах*** *был редок*, ***дремал*** *и скупо ронял мелкие желтые листья* (Бунин. Маленький роман) (ССПП «что находится в каком состоянии») и др.

Такой осенне-зимний «сон» природы, земли находит место в мифологии восточных и отчасти южных славян. Согласно верованиям, земля с осени до весны была «замкнута», она «замерзала», ее нельзя было трогать: пахать, сеять и т.д. [Славянская мифология 2002: 73]. Этот период «зимней спячки» в народном календаре начинался праздником Воздвижения (14 (27) сентября) – днем начала осени, смены времен года [Славянская мифология 2002: 83].

Интересно, что в фольклорных текстах через мотив сна природы объясняются даже некоторые географические факты. Например, размежевание Волги и ее правого притока – реки Вазузы: *Волга с Вазузой долго спорили*, *кто из них умнее*, *сильнее и достойнее большего поета*. *Спорили*, *спорили*, *друг друга не переспорили и решились вот на какое дело*. «***Давай вместе ляжем спать***, *а кто прежде встанет и скорее придет к морю Хвалынскому*, *та из нас и умнее*, *и сильнее*, *и почету достойнее*». ***Легла Волга спать***, *легла и Вазуза*. ***Да ночью встала Вазуза потихоньку***, *убежала от Волги*, *выбрала себе дорогу и прямее и ближе*, *и потекла*. ***Проснувшись***, *Волга пошла ни тихо*, *ни скоро*, *а как следует*; *в Зубцове догнала Вазузу*, *да так грозно*, *что Вазуза испугалась*, *назвалась меньшою сестрою и просила Волгу принять ее к себе на руки и снести в море Хвалынское*. ***А все-таки Вазуза весною раньше просыпается и будит Волгу от зимнего сна*** (сказка «Вазуза и Волга»).

«Сон» рек, как мы видим из сказки, заканчивается весной. Так происходит и со всей природой. Именно весной начинается ее движение, изменение. В календаре православных славян земля «открывалась» на Благовещение (25 марта/7 апреля): «оживали» растения, птицы и гады возвращались из ирия[33],

[33] Ирий – мифическая страна, находящаяся на теплом море на западе или юго-западе земли, где зимуют птицы и змеи. Первое упоминание об Ирии содержится в Поучении Владимира Мономаха (1096 г.) [*См.*: Славянская мифология 2002: 208–209].

начиналась пахота и т.п. [*см*.: Славянская мифология 2002: 40; Славянские древности 1995. Т.1: 184].

Преодоление зимней стагнации в русской языковой картине мира XIX – XX веков тоже осмысляется как «пробуждение» природы, ее «воскрешение».

Например: *Повеяло с моря и с поля теплом… Земля покрылась новой травой*, *на деревьях зазеленели новые листья.* ***Природа воскресла***… (Чехов. Ненужная победа); ***Все оживает***: *и поля*, *и луга*, *и темные рощи*, *и дремучие леса*… (Мельников-Печерский. В лесах); *Река текла широко.* ***Пробуждается природа***, *– говорила поэтически Софи*, *и дамы соглашались* (Добычин. Город Эн) (ССПП «что находится в каком состоянии») и др.

На наш взгляд, указанные мотивы «смерти» и «воскресения», прощания с деструктивными элементами старого, их изгнания, уничтожения и актуализации побудительно-созидательных мотивов весеннего времени, связаны в русской языковой картине мира XIX – XX веков с идеей *годового цикла земли*. Эта идея, ставшая неотъемлемой частью календарной мифологии, восходит своими корнями к славянской фольклорной традиции [*см*.: Агапкина 2002: 106–107]. Ведь мифологическому восприятию времени была присуще не линейность, а цикличность [*см*.: Толстая 2011: 155]. Символом мифологического времени был круг, наделенный магическими свойствами. Вращение этого круга олицетворяло движение природы в целом – зимние туманы, ночная тьма, мертвящий холод мороза отступали перед жизненной силой солнца, приносящей свет, тепло, летнее плодородие [*см*.: Ржепянская 2010: 29, 59]. Мистерия смены годового цикла, слияние тепла и холода, света и тьмы, Жизни и Смерти в бесконечном движении, воплощалась у славян в празднике Коляды [*см.*: Ржепянская 2010: 83].

Идея цикличности природных изменений находит отражение в текстах фольклора, например, сказках. Эта идея реализуется, на наш взгляд, в двух моментах. Во-первых, символичных образах. Вспомним хотя бы образ белого всадника, скачущего на коне и символизирующего приход рассвета, ново-

го дня: *Вдруг скачет мимо нее* ***всадник***: *сам* ***белый***, ***одет в белом***, *конь под ним белый*, *и сбруя на коне белая*, *– на дворе стало рассветать*; *Ранешенько проснулась Василиса*, *а баба-яга уже встала*, *выглянула в окно*: *у черепов глаза потухают*; *вот мелькнул* ***белый всадник*** *– и совсем рассвело* (сказка «Василиса Прекрасная»). Во-вторых, в регламентации жизни сказочных персонажей (людей или зверей, полностью уподобленных в своих качествах, поступках, состояниях, действиях человеку) сменой времен года, холода теплом и т.д.: *Вот идут они путем-дорогою и разговаривают промеж себя*: «*Как же*, *братцы-товарищи*? ***Время приходит холодное***: *где тепла искать*?» (сказка «Зимовье зверей»); *Вот они*, ***пока было тепло***, *жили себе на воле*, ***а как пришла зимушка-зима***, *и они стали прятаться от мороза* (сказка «Сказка про одного однобокого барана»). *Зима*, *вечер*, *темнота* часто становятся «спутниками» разворачивающихся событий: ***Как только стемнеет*** *– оборочусь я сизокрылым орлом и перенесусь с тобой через стену* (сказка «Волшебный конь»); *На другой день сестры поднялись на хитрости*: ***вечером***, ***когда на дворе совсем стемнело***, *подставили лестницу*, *набрали острых ножей да иголок и натыкали на окне красной девицы* (сказка «Перышко Финиста ясна сокола»); *Потом спустя несколько времени в один день*, ***когда было зимнее время и был жестокий мороз***, *тогда говорили ему невестки*, *чтоб он сходил за водою* (сказка «Емеля-дурак») и др.

Вторую группу составляют высказывания, описывающие состояния природы, уподобленные *психологическим состояниям* человека. Здесь находят место как «*эмоционально-волевые*» состояния, так и «*морально-оценочные*».

К первой подгруппе мы относим состояния, присвоенные природе человеком по аналогии с субъективными реакциями своей психики на воздействие внешних и внутренних раздражителей. Эти «реакции» проявляются в виде конкретных переживаний, носителями которых обычно в национальной языковой картине мира выступает *душа* и *сердце* человека: *безмятежно* (‘спокойно’), *беспокойно* (‘лишено покоя’), *весел* (‘проникнут весельем’), *ве-*

село (‘приятно для взора, не мрачно’), *веселиться* (‘пребывать в беззаботно-радостном настроении’), *волноваться* (в значении ‘испытывать состояние тревоги’), *грустить* (‘испытывать чувство грусти, печалиться’), *грустно* (‘наполнено грустью, печалью’), *жутко* (‘очень страшно’), *испуг* (‘внезапное чувство страха, состояние испугавшегося’), *печаль* (‘чувство грусти, скорби, состояние душевной горечи’), *печален* (‘проникнут печалью’), *печально* (‘проникнуто чувством грусти’), *радоваться* (‘испытывать радость, предаваться радости’), *радостно* (‘с чувством радости’), *скука* (‘томление от отсутствия дела или интереса к окружающему’), *скучно* (‘с чувством скуки, невесело’), *страшно* (‘в состоянии испуга, боязни’), *тягостно* (‘мучительно-неприятно’), *угрюм* (‘мрачен, неприветлив, безотраден’), *угрюмо* (‘мрачно, неприветливо’), *уныло* (‘печально’) и под.

Например: *Здесь край городка. Тихо и* ***грустно*** (Островский. Как закалялась сталь); *Пришли в рощу. Там было пусто и* ***печально*** (Панова. Сережа) (ССПП «где есть каково»); *Как* ***печальна*** *была эта дорога*! (Бунин. Маленький роман) (ССПП «что есть каково по состоянию»); *Небеса* ***веселились***, *земля* ***радовалась***, *люди праздновали …* (Мельников-Печерский. В лесах); *Природа* ***волновалась*** *перед приходом ночи*, *как зрители перед концертом в клубе* (Лимонов. У нас была Великая Эпоха) (ССПП «что находится в каком состоянии»); *Луна стояла над пустынными серебристо-туманными лугами направо… Осенняя* ***печаль*** *и красота*! (Бунин. Последнее свидание) (ССПП «где есть какое состояние») и т.п.

В высказываниях, основу которых составляет структурная схема «где есть каково», при условии невербализованности конститутивного компонента схемы – локативного субъектива, – обычно трудно квалифицировтаь «эмоционально-волевое» состояние как принадлежащее не человеку, а природе.

Например: *Туман лохмотьями носился над землею*, *и было* ***грустно*** *и уныло* (Краснов. От Двуглавого Орла к красному знамени); *Было сумрачно*, *тихо*, *серо и* ***печально*** (Короленко. Последний луч); *Было тихо*, ***спокойно***, *чуть* ***безнадежно***, *чуть* ***жутковато*** *– так бывает*, *когда зайдешь ночью в*

опустевшую пригородную станцию, *где горит под потолком только одна лампа и никого нет*, *или в ночную аптеку с заспанным провизором или пройдешься по запертому рынку* (Домбровский. Факультет ненужных вещей) (ССПП «где есть каково») и под.

Однако в тех случаях, когда речь идет о психологических состояниях человека, это в основном акцентируется в высказывании за счет вербализации позиции пациенса соответствующей лексемой.

Например: ***Императрице*** *и* ***свите*** *ее* ***было весело***, *а* ***людям***, *стоявшим по берегам и швырявшим вверх шапки*, *было* ***грустно***: *веселый караван*, *как сказочное привидение*, *уплывал из простора в простор*, *вот он замкнулся в розовых безбрежных туманах*, *больше никогда не вернется обратно* (Шишков. Емельян Пугачев); *Однако и здесь* ***солдату было грустно***, *и он не понимал*, *отчего* (Быков. Волчья яма). В таких случаях лексема со значением ‘место’ (второй пример – *здесь*) входит в позиционную схему высказывания, не являясь элементом структурной схемы, которая может быть классифицирована как «кому есть каково», ее означаемое – «физиологическое или психологическое состояние одушевленного субъекта (живого существа)». – Ср.: *Уже вечерело*, *но я все-таки пошел седлать*, *оседлал и погнал по деревне*, *по большой дороге*… ***В поле было грустно***, *пусто*, *холодно*, *неприветливо*, *а какой бодростью*, *какой готовностью к жизни и верой в нее полна была моя юная*, *одинокая душа*! (Бунин. Жизнь Арсеньева). В основе выделенного жирным шрифтом высказывания лежит структурная схема «где есть каково», ее означаемое – «состояние природы», предложно-именная форма *в поле* вербализует конститутивный компонент схемы – локативный субъектив. Наблюдатель (герой произведения) характеризует не свое психологическое состояние в этот момент, а состояние природы, как перцептивное (зрение – *пусто*, осязание – *холодно*), так и антропоморфное (*грустно*, *неприветливо*).

При отсутствии же номинированного пациенса и вербализации локативного субъектива нам кажется оправданным уже говорить не о состоянии человека, а о состоянии окружающей Наблюдателя природы через призму

перенесения «форм собственного тела человека» на природу за счет сохранения и проявления в языке некоторых черт архаического (мифологического) мышления, в частности, трактовки происходящих в природе изменений как имманентных, присущих самой природе и от нее исходящих, субъектами которых оказываются сами природные объекты – земля, вода, растения [Агапкина 2002: 107].

В таких случаях невербализованности субъектива для его дифференцирования следует опираться на контекст и ситуацию.

Например, ср.: *Иногда он вспоминал о прошлом бедном тресте весов и гирь*, *когда он еще был Сарториусом*, *– там* ***было грустно и тепло*** *от своего сердца и жены не требовалось*; *но теперь*, *став другим человеком*, *Груняхину нужно было хотя бы искусственное согревание семьей и женщиной* (Платонов. Счастливая Москва) (структурная схема «кому есть каково»: *грустно и тепло было ему*, *Груняхину*; наречие *там* маркирует смысл ‘*место*’ и входит в состав позиционной схемы, но не структурной). – *Медленно наступает день. Темно*, ***угрюмо***, *буря не унимается* (Бунин. В поле) (структурная схема «где есть каково»: *вокруг*, *в природе темно*, *угрюмо*).

Подгруппу «морально-оценочных» состояний составляют те состояния, которые квалифицируются Наблюдателем на основе имеющихся у него стереотипов в характеристике людей, ситуаций, событий: *безнадежно* (‘без надежд’), *гнусно* (‘отвратительно, омерзительно’), *любо* (‘наполнено любовью’), *мирно* (‘исполнено согласия’), *напряженно* (‘неспокойно, опасно’), *неприветливо* (‘неблагожелательно, нерадостно’), *неприятно* (‘вызывающе неудовольствие’), *неуютно* (‘неприятно, лишено уюта’), *одиноко* (‘в состоянии отделенности от других, себе подобных’), *однообразно* (‘без изменений’), *сиротливо* (‘уныло, тоскливо’), *скверно* (‘очень плохо’), *счастливо* (‘в состоянии высшего удовлетворения’), *таинственно* (‘загадочно, с тайной’), *уютно* (‘с уютом’) и др. Эти состояния зафиксированы высказываниями, в основе которых лежит структурная схема «где есть каково».

Например: *И еще лучше были далекие*, *голубеющие за Дунаем горы*, *монастырь*, *таинственные ущелья*, *залитые до макушек туманом сосновые леса… там тихо*, ***счастливо*** (Толстой. Война и мир); *На улице было* ***скверно*** (Яковлев. Скрипка); *На улице холодно*, *и как никогда* ***гнусно*** *и дождливо* (Кушнер. Я стою и пью кофе); *Кругом стало* ***однообразно***, *бело*, *спокойно*, *и только миллионы снежинок*, *больших*, *плоских*, *пушистых*, *порхая и кружась*, *сыпались на воду*, *на весла*, *на лодку*, *на лица гребцов* (Короленко. «Государевы ямщики») и др.

Среди высказываний, представляющих «морально-оценочные» состояния природы, выделяются те, что сформированы лингвоспецифичной лексемой *уютно*, которая при кодировании природных состояний в русской языковой картине мира XIX – XX вв. реализует, на наш взгляд, еще одну идею – *идею укрытия*.

Вообще *уют* в русской языковой картине мира, согласно исследованиям И.Б. Левонтиной и А.Д. Шмелева, связан с небольшим по размеру убежищем, *укрытием*, противопоставленным опасному внешнему мире [*см.*: Зализняк, Левонтина, Шмелев 2012: 39–40]. Речь здесь, разумеется, идет об уюте какого-либо помещения, защищающего человека от природных стихий.

Однако, как показывает наша картотека примеров, состояние *уютно* может быть свойственно и природному пространству, природному объекту, способным тоже выступать как *укрытие.* Так, локативный субъектив структурной схемы «где есть каково» при предикативе *уютно* маркирован лексемами особой семантики.

1) Теми, что называют место, поросшее деревьями с сомкнутыми кронами, образующими как раз некое «убежище», дарующее, например, защиту от ветра, палящего солнца и т.п. (типа *лес*, *роща*, *кедровник*, *ельник* и т.п.): *Ветвистые макушки деревьев закрывали небо*, *и* ***в кедровнике*** *всегда было сумеречно и по-таежному* ***уютно*** (Марков. Строговы); *Поля здесь просторнее*, *с более твердой почвой*, *деревень больше*, *а* ***в*** *смешанных* ***лесах*** *и* ***рощах*** *уютно и светло* (Бубеннов. Белая береза) и др.

Если мы здесь вновь вспомним фольклорные тексты, то интересно, что в них именно деревья (береза, рябина и т.д.) обычно укрывают, прячут героев во время погони за ними злых сил (несколько иллюстративных примеров мы приводили ранее). Полагаем, идея укрытия (как и идея одушевления природы, и идея единения природы и человека, и идея цикличности природных изменений) тоже «приходит» из глубины веков – из времени существования у славян различных природных культов, обожествляющих различные природные объекты. В русской языковой картине мира XIX – XX веков она отражается в высказываниях, где локативный субъектив при предикативе *уютно* маркирован лексемами, номинирующими места, поросшие деревьями.

2) Теми, что называют некие полые места или расселины в горных массивах, имеющие выход наружу, но все равно образующие некое подобие «укрытия», «зоны» противопоставленной всему остальному природному пространству (типа *пещера*, *ущелье*): *А там*, *за стенами пещеры*, *грохотал гром*, *метались молнии и с гор потоками неслась мутная вода. Она глухо ворочала камни и валежник*, *шумела и ревела.* ***В пещере*** *было тепло и почти* ***уютно*** (Мелентьев. 33 Марта. 2005 год) и др.

Получается, что и в том, и в другом случае природное пространство Наблюдателем оценивается как защищенное от внешних раздражителей место, которое вполне способно быть носителем состояния *уютно.* Уютно в месте, которое способно укрыть Наблюдателя, обеспечив защиту от ветра, зноя, холода.

Параллель между уютом «отгороженного» природного пространства и уютом помещения, созданным человеком в результате хозяйственной деятельности как защиты от природного ненастья, проявляется в контекстах за счет введения сравнительных конструкций типа как *в доме, как в комнате* и т.п.: *В лес заходишь*, ***как с улицы в теплый дом***, *тихо*, *уютно* (Солоухин. Третья охота); *Выберешь место под дремучей елью*, *непроницаемое ни для дождя*, *ни для света. Сухо*, *тепло*, *уютно*, ***как в комнате*** (Солоухин. Третья охота) и под.

Состоянию *уютно* противопоставляется состояние *неуютно*, связанное с проявлением ненастья в природе, непогоды, сумраком, ветром, осадками, облачностью и локализацией в большом, ничем не отгороженном пространстве: *Несколько раз за это время оно то скрывалось за облаками*, *набегавшими вдруг откуда-то из-за горизонта*, *точно там таилось гнездовье непогоды*, *и тогда море моментально меркло*, *темнело ликом*, *сумрачно*, ***неуютно становилось кругом*** (Айтматов. Пегий пес, бегущий крем моря).

Среди высказываний с семантикой «антропоморфное» состояние обнаруживаются те, что представляют состояния «*общей оценки*», недифференцированные состояния. В основе таких предложений лежит структурная схема «где есть каково». Ее предикатив маркирован словами категории состояния типа *неопределенно* (‘не вполне отчетливо установленное состояние’), *однообразно* (‘без изменений’), *плохо* (‘о ненастной погоде’), *хорошо* (‘о ясной, теплой, безветренной погоде’), в которых актуализируется сема оценки «хорошо <–> плохо» «при сохранении лексического своеобразия и многообразия» [Лекант 2011: 26]. Какие именно состояния классифицируются как *плохо*, *хорошо*, *неопределенн*о можно увидеть лишь в контексте.

Например: ***Плохо*** *будет в апреле*. *Дождливо* (Гладилин. Прогноз на завтра) (состояние *плохо = дождливо*); *Кругом было тихо*, ***хорошо***, *и последние листья*, *как маленькие кораблики*, *медленно плыли по реке*… (Козлов. Правда, мы будем всегда?); *Было тихо на земле*, *тихо и* ***хорошо*** (Парнов. Третий глаз Шивы) (в данных контекстах Наблюдатель состояние *хорошо* определяет как порожденное состоянием *беззвучия* или *безветрия*); *Утренняя прохлада успела к этой поре сойти*, *но день еще не нагрелся*; *похоже*, *он и не собирался нагреваться*, *занятый какою-то другой*, *более важной переменой*, *так что было не прохладно и не тепло*, *не солнечно и не пасмурно*, *а как-то между тем и другим*, *как-то* ***неопределенно*** *и тягостно* (Распутин. Что передать вороне?) (состояние *неопределенно* = средне между *холодом* и *теплом*, *облачно* и *солнечно*) и др.

В русской языковой картине мира XIX – XX вв. имеет место и перенесение состояний природы на состояние человека.

Например: *– Я – мужик земляной. **Мне** и **светло** и тепло, правда что – шибко глянется, только на земле* (Залыгин. На Иртыше) (‘мне светло’; структурная схема «кому есть каково» – знак типовой пропозиции «физиологическое и психологическое состояние одушевленного субъекта (живого существа)»). – Ср.: *Было уже **светло**, солнце восходило, и петухи заливались на птичнике, когда Ксаня подходила к Розовой усадьбе* (Чарская. Лесовичка); *Было **светло**. Ночи еще только начинались…* (Астафьев. Царь-рыба) (‘всюду, в природе светло’ (субъектив эллиптирован); структурная схема «где есть каково» – знак типовой пропозиции «состояние природы»); ***Теплеет**, **теплеет на душе** у Димки…* (Смирнов. Заулки) (структурная схема «у кого какое состояние в какой части тела» – знак типовой пропозиции «физиологическое и психологическое состояние одушевленного субъекта (живого существа)»). – Ср.: *А ведь похоже, **теплеет**. Протаянные пятна на окнах больше не затягивает ледком* (Серафимов. Экспедиция во мрак); *Тут весна, **теплеет** уже, а тут скоро заскользит по полу нежными копытцами, может бог даст, телочка* (Шукшин. Из детских лет Ивана Попова) (‘в природе теплеет’ (субъектив эллиптирован); структурная схема «где самопроисходит» – знак типовой пропозиции «состояние природы»); ***Сумрачно было** и **на душе** у князя* (Иванов. Сердце Пармы) (структурная схема «у кого есть какое состояние в какой части тела» – знак типовой пропозиции «физиологическое и психологическое состояние одушевленного субъекта (живого существа)»); – Ср.: *Под еловыми лапами было прохладно, **сумрачно**…* (Шим. Снег и кисличка); *Когда мы вошли в каштановую рощу, стало **сумрачно**, ноги беззвучно ступали по сырой тропе* (Искандер. Первое дело) (‘под еловыми лапами сумрачно’, ‘в каштановой роще сумрачно’; структурная схема «где есть каково» – знак типовой пропозиции «состояние природы») и др. В подобных примерах вновь видим реализацию *идеи единения человека и природы*. Человек не только описывает состояния природы по аналогии с собственными со-

стояниями, физиологическими или психологическими (об этом мы упоминали ранее), но и осуществляет обратный процесс (*состояние природы –> состояние человека*).

В русском языке лингвисты указывают на активный прирост безличных высказываний со словами категории состояния различных тематических групп (типа *мрачно*, *сумрачно*, *пасмурно*, *тускло*, *беспросветно*, *серо*, *мрачно* и под.), употребленных в метафорическом значении [*см.*: Градинарова 2008: 51].

Следует отметить, что в русской языковой картине мира XIX – XX вв. встречаются высказывания, предикативы которых маркированы словами категория состояния типа *безмятежно-покойно* (‘в состоянии спокойствия, неподвижности и тишины’), *вьюжно-морозно* (‘холодно и со вьюгой’), *дремотно-тихо* (‘в состоянии полусна и тишины’), *задумчиво-сумрачно* (‘погружено в мечты и сумрак’), *мертвенно-тихо* (‘без жизни и звуков’) и др. Они позволяют представить состояния на базе одновременного получения информации о нем от разных рецепторов (*вьюжно-морозно*), посредством метафоры (*безмятежно-покойно*), посредством рецепторов и метафоры (*дремотно-тихо*, *задумчиво-сумрачно*),

Например: *Опять тихо*, ***задумчиво-сумрачно***, *снова непрерывающийся беспокойно-торопливый шорох-шепот бегущей воды* (Серафимович. У обрыва); *Выпустить на волю – на дворе* ***вьюжно-морозно*** (Чарушин. Тюпа, Томка и сорока); *Стройными*, *высокими рядами выступали коричневые стволы громадных сосен. Было* ***дремотно-тихо*** (Свирский. Рыжик) и др.

Наличие метафоричных высказываний с семантикой «состояние природы» позволяет выявить признак ‘*антропоморфность*’ в содержании типовой пропозиции «состояние природы». С этим признаком связаны еще два признака:

1) признак ‘*зооморфность*’. У этого признака невысокий идекс яркости, т.к. количество высказываний, в которых он реализуется мало. В этом случае звуковые состояния природы описываются по аналогии со звуками,

издаваемые птицами и животными: *выть* (волк), *реветь* (медведь), *ухать* (филин): *Где-то далеко бушевала гроза*, *где-то еще* ***ухало*** *и грохотало*, *а здесь*, *в маленьком хуторском садике*, *летали пчелы*, *щебетали птицы*, *мутно поблескивал и попахивал уютным дымком большой медный самовар...* (Пантелеев. Ленька Пантелеев). – Ср.: *Кричали болотные птицы*, ***ухал филин***, *бурчала под ногами жидкая земля*, *выпуская пузыри* (Иванов. «Сердце Пармы);

2) признак ‘*эмоциональность*’ (о нем мы уже упоминали ранее, когда говорили об эксплицирующих словоформах со знчаением эмоций, чувств). На его присутствие в содержании типовой пропозиции «состояние природы» также указывают лексемы со значением «эмоционально-волевое состояние», марикрующие предикативы структурных схем.

Таким образом, группа метафорических высказываний реализует четыре базовых идеи – идея единения природы и человека, одушевления природы, идея цикличности природных состояний, идея укрытия – для фрагмента языковой картины мира XIX – XX веков, описывающей природные состояния.

§3. Классификация высказываний с семантикой «состояние природы» по способу проявления состояния в русской языковой картине мира XIX – XX вв.

3.1. Высказывания с семантикой «состояние природы, проявляемое наличием или отсутствием света».

Высказывания, представляющие состояния, информация о которых получена на основе данных *зрительных* рецепторов Наблюдателя, не составляют однородной группы. В русской языковой картине мира XIX – XX вв. частотны высказывания с семантикой состояний природы, проявляемых *наличием*, *появлением*, *испусканием света* или, напротив, *его отсутствием* (29 % высказываний выборки). Востребованность таких высказываний в процессе коммуникации обусловлена важностью света как источника жизни приро-

ды: «Чудная, роскошная жизнь природы, громко звучащая в миллионах разнообразных голосов и стремительно развивающаяся в бесчисленных формах, *обусловливается силою света* (курсив наш. – О.С.)… без нее все замирает» [Афанасьев 1865: 62].

Высказывания, описывающие состояния природы, проявляемые наличием или отсутствием света, в своей основе имеют две специализированные структурные схемы («где есть каково» и «где самопроисходит») и четыре неспециализированные («где есть какое состояние», «что находится в каком состоянии», «что есть каково по состоянию», «что погружается в какое состояние»). Их конститутивные компоненты (предикативы) вербализуются словами категории состояния, безличными глаголами, личными глаголами, именами существительными, именами прилагательными, которые имеют сему ‘проявляться светом’: *вспыхивать* (‘внезапно загораться, зажигаться’, т.е. ‘о свете: излучаться’), *блестеть* (‘ярко светиться, сверкать, излучать отраженный свет’), *брезжить* (‘рассветать, слабо светиться’), *заря* (‘яркое освещение горизонта перед восходом или после захода солнца’), *мерцать* (‘слабо светиться колеблющимся светом’), *развиднеться* (‘стать ясным, светлым’), *разгуляться* (‘стать яснее, светлее’), *рассветать* (‘о рассвете: начать, появиться’, о смене мрака светом), *светло* (‘хорошо освещено, со светом’), *обутреть* (‘посветлеть’), *сверкать* (‘ярко сиять переливчатым светом’), *солнечно* (‘залито солнечным светом’), *ясно* (в значении ‘светло’), *яснеть* (‘становиться светлее’) и др.

Например: *Но кругом было* ***солнечно****…* (Астафьев. Приворотное зелье); *Было* ***светло*** *и тихо*, *и даже тополя не шумели* (Домбровский. Факультет ненужных вещей) (ССПП «где есть каково»); *Как вышли мы на середину пролива*, *луна на небо взошла*, ***посветлело*** (Короленко. Соколинец); *На улице* ***посветлело*** (Успенский. Сельская аптека) (ССПП «где самопроисходит»); *Вплоть до полуночи и за полночь* ***светлынь*** *на небе стояла…* (Мельников-Печерский. В лесах) (ССПП «где есть какое состояние») и др.

Высказываниям, репрезентирующим состояния, проявляемые светом, противопоставлены высказывания, представляющие состояния, проявляемые отсутствием света. В их основе также лежат структурные схемы «где есть каково», «где самопроисходит», «где есть какое состояние», «что находится в каком состоянии», «что есть каково по состоянию», «что погружается в какое состояние». Однако предикативы схем «где есть каково», «где самопроисходит», «что находится в каком состоянии», «что есть каково по состоянию», «что погружается в какое состояние», «где есть какое состояние» вербализуются словами категории состояния, безличными глаголами, личными глаголами, именами существительными, именами прилагательными, фразеологизмом со значением ‘отсутствие света’: *глаз коли* (‘очень темно’), *вечереть* (‘о наступлении вечера, темноты’), *меркнуть* (‘пребывать в состоянии утраты яркости, блеска’), *мрачно* (‘темно, погружено во мрак’), *мрак* (‘глубокая, непроглядная тьма’), *пасмурно* (‘хмуро, сумрачно’), *примеркать* (‘утратить свет’), *смеркаться* (‘о наступлении сумерек’), *сумерки* (‘полутьма между заходом солнца и наступлением ночи’), *сумрачен* (‘охвачен сумраком’), *темно* (‘не освещено, без света’), *темнеть* (‘о наступлении темноты, сумерек’), *тьма* (‘состояние без света’), *хмуро* (‘сумрачно’) и др.

Например: *Поднимаю глаза к небу – там ни одной звезды.* ***Темно*** *и пасмурно* (Чехов. Огни); *Старцев едва нашел ворота*, − *уже было* ***темно***, *как в осеннюю ночь*, − *потом часа полтора бродил*, *отыскивая переулок*, *где оставил своих лошадей* (Чехов. Ионыч) (ССПП «где есть каково»); *Хотя уже* ***смеркалось,*** *никому из охотников не хотелось спать* (Толстой. Анна Каренина); *Уже совсем* ***стемнело****…* (Тургенев. Накануне) (ССПП «где самопроисходит»); *Воздух уже* ***потемнел*** (Куприн. Лесная глушь) (ССПП «что находится в каком состоянии») и др.

В русской языковой картине мира XIX – XX вв. наиболее частотными являются высказывания, номинирующие градуальные «световые» состояния *светло* (*светлеет*, *светлынь*) и *темно* (*темнеет*, *темнота/темень/темь/тьма*) (более 36,2 % от выборки всех высказываний,

описывающих *световые* состояния): *– Где же мы ее сейчас найдем*? *– удивился Ослик*. *–* ***В лесу-то – темно****… И сугробы какие*!.. *– вздохнул Ежик* (Козлов. Правда, мы будем всегда?). *–* ***В ущелье было светло*** *и сухо*, *над самой головой сверкало солнце*, *и где-то неподалеку посвистывали птицы* (Губарев. Трое на острове) (ССПП «где есть каково») и др.

Наличие большого количества таких высказываний, маркирующих «градуальные» световые состояния, на наш взгляд, реализует *идею дихотомичных состояний* в русской языковой картине мира XIX – XX веков. Эта идея «раздвоенности» природных состояний красной нитью проходит через весь анализируемый комплекс высказываний и имеет место в любой из выделяемых нами групп.

Все остальные «световые» состояния, номинируемые высказываниями нашей выборки, представляют собой некоторое «отклонение» от градуальных состояний *тьмы* и *света* и различаются *интенсивностью* проявления состояния, источником света, его природой, *внезапностью* возникновения. Так, к *состояниям* невысокой интенсивности и неярким источником света можно отнести *мерцать*. В противоположность ему, состояния *вспыхивать*, *блестеть*, *сверкать* характеризуются высокой интенсивностью, свет ярок, переливчат: ***Над Енисеем*** *солнечно* ***мерцало*** (Астафьев. Конь с розовой гривой); ***Сверкнуло*** *еще и еще*, *теперь ярче и длиннее* (Астафьев. Хлебозары) (ССПП «где самопроисходит») и под.

Состояния *брезжить*, *развиднеться*, *солнечно*, *ясно*, *яснеть* объединены источником света – солнце, но разнятся по своей интенсивности: *брезжить*, *яснеть*, *развиднеться* – «переходные» состояния от *тьмы* (не только ночной) к *свету*; *солнечно*, *ясно* – «максимальное» состояние проявления солнечного света: *Ранним утром*, *чуть* ***брезжило***, *к воротам спящего еще дома лихо подкатила тройка*, *запряженная в небольшую кошевку* (Курицын. Томские трущобы); *Решили дальше не идти*, *пока окончательно* ***не развиднеется*** (Нагибин. Бунташный остров) (ССПП «где самопроисходит»); *Было* ***солнечно***, *ни одного облачка в небе* (Быков. Знак беды); *Было морозно и* ***ясно***.

Над грязными, *полутемными улицами*, *над черными крышами стояло темное*, *звездное небо* (Толстой. Война и мир) (ССПП «где есть каково») и др.

По перечисленным критериям разнятся и состояния, связанные с отсутствием света: *мрачно*, *мрак*, *глаз коли* – состояния некого «предельного» проявления темноты, своего рода, это «*темнее темноты*»; *меркнуть*, *пасмурно*, *смеркаться*, *сумерки*, *сумрачно*, *сумрачен*, *хмуриться*, *хмуро* – это только переход от светы к тьме, но еще не полная тьма. Таким образом, в русской языковой картине мира XIX – XX вв. возможно ранжировать состояние *темноты* по интенсивности*: полутьма → темнота → мрак*: *В село он пришел*, *когда уже были* ***сумерки*** (Толстой. Русский характер) (ССПП «где есть какое состояние») (состояние полутьмы). → *Когда я проснулся*, *на дворе уж было* ***темно*** (Лермонтов. Герой нашего времени) (ССПП «где есть каково») (состояние темноты). → *Улица.* ***Мрак.*** *Куда идти? Туда?* (Толстая. Ночь) (ССПП «где есть какое состояние») (состояние мрака).

Высказывания, описывающие состояния природы, проявляемые светом и формируемые глаголами типа *рассветать*, *обутреть*, *вечереть*, указывают не только на переход от света к тьме, тьмы к свету, но и на *временность* «светового» состояния, его прикрепленность к части суток. Свет дня при этом ассоциируется «с активной деятельностью и солнечным теплом, а мрак ночи – с пассивностью, холодом и таинственностью» [Василевич 2008: 17]: ***Вечерело***. *Солнце ушло за Карадаг и*, *как это бывает только на юге*, *сразу стемнело* (Войнович. Замысел); – *Скоро* ***рассвенет***? – ***Рассветает***. – *Укройте мне ноги шубой…* (Шолохов. Тихий Дон); *Но как* ***обутрело***, *тишина стала в мире*, *и мы головы подняли из-под снегу* (Шергин. В относе морском) и под.

Наличие высказываний с семантикой «состояние природы, проявляемое наличием или отсутствием света», в основе которых лежат специализированные структурные схемы, позволяет нам вычленить такой признак типовой приропозиции «состояние природы», как ‘*свечение*’.

3.2. Высказывания с семантикой «состояние природы, проявляемое наличием или отсутствием цвета».

Помимо высказываний с семантикой «световых» состояний природы, в русской языковой картине мира XIX – XX вв. наличествуют высказывания, описывающие состояния, проявляемые *цветом* (2 % высказываний выборки). Возможность приложения цветовых атрибутов к природному пространству – воздуху, воде, земле, небу – или природным объектам обеспечивается легкостью экстраполирования атрибутов цвета на всевозможные объекты [*см.*: Рузин 1994: 81]. Цвет – это «самое ясное визуальное качество, воспринимаемое человеком и имеющее для него первостепенное значение» [Рузин 1994: 81]. Ведь от цвета часто зависит и наше настроение, и физическое самочувствие.

В основе высказываний с семантикой «цветовых» состояний природы лежат две специализированные структурные схемы «где есть каково» и «где самопроисходит» и две неспециализированные схемы «что находится в каком состоянии» и «что есть каково по состоянию». Предикативы перечисленных схем, маркированные словами категории состояния, личными глаголами в безличном употреблении, личными формами глаголов, краткими именами прилагательными, имеют сему ‘цвет’: *алеть* (‘становиться алым, алее’), *бело* (в значении ‘цвета снега, мела’), *блекнуть* (‘становиться более блеклым, терять цвет’), *буро-зелено* (‘цвета листвы с примесью серовато-рыжего цвета’), *выцвести* (‘потерять цвет’), *дымно-серо* (‘цвета пепла’), *желтеть* (‘увядая, менять зеленый цвет на цвет желтка’), *зелено* (в значении ‘цвета листвы’), *золотеть* (‘увядая, становиться золотого цвета’), *краснеть* (‘становиться краснее’), *мертенно-бело* (‘цвета мела с синевой’), *мутно* (‘непрозрачно’), *прозрачно* (‘бесцветно, пропускающее свет’), *размыто* (‘неясно, блекло’), *розово* (‘цвета недозрелой мякоти арбуза’), *сереть* (‘становиться цвета пепла, делаться пасмурным’), *сине* (‘окрашено в один из основных цветов спектра, средний между фиолетовым и зеленым’), *синевато-темно* (‘состояние без света с оттенками василькового цвета’), *цветисто* (‘насыщено различными

цветами спектра’), *черно* (‘цвета угля’), *ярко* (‘резко по чистоте и свежести тона’) и др.

Например: *Ослепительно **бело** становится вокруг* (Слонимский. Андрей Коробицын); *На пляже было **желто** от глинистых обрывов* (Паустовский. Блистающие облака) (ССПП «где есть каково»); *Еще нигде не румянилась заря*, *но уже **забелелось** на востоке* (Тургенев. Записки охотника); *В лесу чуть **синело*** (Симонов. Живые и мертвые); *В море **начинает белеть***, *– в море рассветает виднее*, *– но горы еще ночные*, *в долинах – мгла* (Шмелев. Солнце мертвых) (ССПП «где самопроисходит»); *Небо на востоке **зеленеет*** (Паустовский. Мещорская сторона) (ССПП «что находится в каком состоянии»); *Кругом все было **серо** и сумрачно*, *но это было уже утро* (Кнорре. Орехов) (ССПП «что есть каково по состоянию») и под.

В русской языковой картине мира XIX – XX вв. самыми «востребованными» *цветовыми* состояниями являются такие градуальные «ахроматические» состояния, как ***бело*** и ***черно*** (по данным нашей картотеки примеров, около 38,6 % от всех «цветовых» состояний): *Но в тайге не так **черно***, *как тут* (Горбатов. Донбасс); ***Черно** и жарко вокруг* (Слонимский. Андрей Коробицын); *На дворе – **бело**…* (Толстой. Петр Первый); *И здесь было снежно и **бело***, *но белизна была какая-то иная*, *приятно слепящая* (Бунин. Жизнь Арсеньева) и под. Наличие таких «полярных» «ахроматических» состояний вновь «вводится» реализацией идеи *дихотомичности состояний* природы. Безусловно, эта идея взаимосвязана с идеей цикличности всех природных изменений: сменой времен года (причем, «базовыми» временами года для славянина являлись два времени: зима и лето [см.: Алещенко 2005, 2008]), сменой дня и ночи, света и тьмы, холода и жары, и т.д.

Бинарная оппозиция *белого* и *черного*, по мнению лингвистов Б. Берлина и П. Кея[34], рассматривавших цвет как культурную реалию и развивавших идею поступательного развертывания системы цветовых категорий, являлась первичной для всех древних языков, что связано (как и для оппозиции

[34] Теория Берлина-Кея освещена в работе [*см.*: Василевич 2008].

состояний *светло – темно*) с регулированием человеческой жизни двумя факторами – дневным светом и ночной тьмой. Именно отсюда выводится устойчивый для большинства культур комплекс положительных значений *белого*, *белизны* и отрицательных – *черного*, *черноты* [*см.*: Василевич 2008: 17]. Находит этот «архаический» комплекс место и в русской языковой картине мира XIX – XX вв. Положительное оценивание состояний, окрашиваемых в белый цвет, в ней обусловлено, на наш взгляд, не только природными условиями, наличием зимнего времени года, характеризующегося обильным выпадением осадков в виде снега, но и как раз особым отношением русских к *белому* цвету. Состояние *бело*, *белым-бело* – это состояние чистоты, непорочности, неосквернённости лика земного человеческой деятельностью: *Впереди было* ***белым-бело***, *так* ***бело***, *что за снегом уже ничего не угадывалось* (Симонов. Живые и мертвые); ***Белым-бело***. *За склоном горы чуть тише* (Черкасов. Конь Рыжий); *Этак утром просыпаемся*, *выхожу я из палатки*, *а кругом* ***бело***, *точно саваном покрыло все*… (Мамин-Сибиряк. Клад) и др.

Об особенном отношении к белому цвету в национальной языковой картине мира говорят данные Фразеологических словарей и исследования лингвистов в области сопоставительного изучения цветовых картин мира, например, английского и русского языков [Огурцова 1988]. Так, «Фразеологический словарь современного русского литературного языка» под ред. А.Н. Тихонова фиксирует более 75 различных устойчивых сочетаний со словом *белый*: *белое золото* (‘о хлопке’), *белый шар* (‘избирательный шар, означавший: «за избрание»’), *белые земли* (‘в Русском государстве XVI – XVII в.: земли феодалов и церкви, частично или полностью освобожденные от уплаты государственных налогов’), *белый царь* (‘о русском царе (от названия русского царя у восточных народов’), *белая ворона* (‘о том, кто выделяется чем-либо среди окружающих людей, непохож на них’), *белое пятно* (‘неисследованная территория, район, край’), *белый свет* (‘земля, мир со всем существующим на нем’), *белыми нитками шито* (‘о чем-либо неумело, неискусно, не-

ловко скрываемом’) и мн. др. [Фразеологический словарь современного русского литературного языка 2004: 43–46]. О.А. Огурцова в результате эксперимента по выявлению сходства и различия в восприятии цветов русскими и англичанами отмечает, что у русских ассоциативно связаны слова *печальный – черный*, *торжественный – белый*, в то время как у англичан – *печальный – серый* (grey), *торжественный – черный* (black) [*см. подробнее*: Огурцова 1988].

В русской языковой картине мира XIX – XX вв. «световые» и «цветовые» состояния природы тесно связаны между собой. Лингвисты, занимающиеся изучением развития лексики цветообозначения в индоевропейских языках, отмечают, что связь со светом есть в семантике практически всех основ, развивших цветовые значения, как в общеславянском, так и других языках [*см.*: Кожемякова 2010: 545]. Этот факт объясняют тем, что древние праформы цветообозначений носили синкретичный, свето-цветовой характер по причине еще «не абстрагированного характера» мышления и, соответственно, восприятия окраски как признака непостоянного [Кожемякова 2010: 546].

Связь состояний, проявляемых цветом, с состояниями *света* и *тьмы*, особенно прослеживается в высказываниях с предикатными словоформами *белеть*, *синеть* (*сине*), *чернеть* (*черно*). В выбранных контекстах *белеть* – это не просто состояние изменения интенсивности цвета мела, а, в большей мере, состояния *просветления*; *синеть* – некоторое переходное состояние *от светы к тьме* или, напротив, от *тьмы к свету*, а *чернеть* – состояние наступления *темноты*.

Например: *Снег продолжал валить хлопьями*, *в воздухе* ***белело***. *За горами занималась уже*, *вероятно*, *заря*, *но сюда*, *в глубокую теснину*, *свет чуть-чуть преломился*, *и темнота становилась молочной* (Короленко. Черкес) (*белело* в данном контексте практически равно *светлело*); *Далеко вдали*, *за Доном и лесистым займищем*, *чуть брезжило*, ***белело*** (Екимов. Рассказы) (*белело* в данном контексте практически равно *светлело*) (ССПП

«где самопроисходит»); *Но по привычке и обычаю людей немолодых сестра хозяина все равно проснулась довольно рано. За окном лишь* ***синело***, *а в доме горел электрический свет* (Екимов. Пиночет) (*синело* – переход от тьмы к свету); ***Синело*** *до самой глубокой тьмы. Наступала ночь* (Садур. Сад) (*синело* – переход от света к тьме) (ССПП «где самопроисходит»); *Еще совсем* ***черно*** *было за замерзшими окнами* (Слонимский. Инженеры) (*черно* в подобных контекстах приближено к *темно*); *За окном было* ***черно***. *Хотелось есть* (Токарева. Кошка на дороге) (*черно* в подобных контекстах приближено к *темно*) (ССПП «где есть каково») и др.

Встречаются в русской языковой картине мира XIX – XX вв. и высказывания, представляющие иные «цветовые» состояния природы. Например, состояние *серости* (*дымно-серо*, *мертвенно-бело*, *серо*, *сереет*), ассоциирующееся с плохой погодой, некой тяжестью, давящими ощущениями, переходом к состоянию *тьмы*.

Например: *Но все равно было* ***серо***, *пасмурно*, *сеялся частый дождь* (Гончаров. Огненное лето) (ССПП «где есть каково»); *А на дворе еще* ***посерело*** *и поднялся ветер* (Панова. Сережа); *В воздухе начинало чуть-чуть* ***сереть***, *и Серпинин*, *когда они прошли полпути*, *метров шестьсот*, *подумал*, *что возвращаться из батальона он будет уже в темноте* (Симонов. Живые и мертвые) (ССПП «где самопроисходит») и др.

Высказывания, описывающие состояния, «окрашенные» в *зеленый* цвет, редки в русской языковой картине мира XIX – XX вв., несмотря на то, что это цвет самой матушки-Природы, цвет сочный травы, листвы. Вероятно, это связано с краткосрочностью периода проявления данного «цветового» состояния в средней полосе России – всего 3 – 4 месяца (конец апреля – первая половина августа), а на Севере, за Уралом, на Дальнем Востоке и того меньше. Характерные для климатических условий России «цветовые» состояния природы легко описываются высказываниями с лексемами *бело*, *черно*, *серо* и под.

Например: *Летом – **зелено**, но не цветисто, и колюча дорожная пыль* (Слонимский. Андрей Коробицын); *...Она вдруг ...ушла в сад – и упала на землю как подкошенная. Кругом было и светло и **зелено*** (Тургенев. Ася. Первая любовь); *Мутно-золотая заря блекла в облаках за полями, отсвечивала в лужах, мокро и **зелено** было в полях* (Бунин. Грамматика любви) (ССПП «где есть каково») и др.

Высказывания с семантикой «состояние, проявляемые *желтым цветом*», в русской языковой картине мира XIX – XX вв. встречаются чаще, чем *зеленым.* Вообще *желтый цвет* дефинируется в толковых словарях как один из цветов солнечного спектра, цвет яичного желтка, спелых злаков, золота. Это вроде бы позволяет прогнозировать положительную коннотации состояния *желто*, *желтеть* в природе. Однако для национальной языковой картины мира это не так. Состояния, проявляемые желтым цветом, – это состояния увядания природы осенью, состояния засыхания, гибели, подготовки природы ко сну.

Например: *Березы за одну эту ночь **пожелтели**…* (Паустовский. Подарок); ***Пожелтели** сверху донизу липы, а в болотцах осины и березы* (Пришвин. Календарь природы); *Деревья **начинали желтеть** снизу: я видел осины, красные внизу и совсем еще зеленые на верхушках* (Паустовский. Желтый свет); *Березовые рощи долго **не желтели*** (Паустовский. Наедине с осенью) (ССПП «что находится в каком состоянии») и др.

Н.В. Коптева отмечает отрицательную символику семантики желтого вообще для европейцев в целом [*см.*: Коптева 2005: 28], когда желтый цвет ассоциируется не только с увядающей осенней природой, но и нездоровьем тела человека, признаками болезни: *желтый крест* в некоторых странах ставили на чумных домах, *желтый флаг* на борту судна при заходе в иностранный порт обозначал наличие инфекционных больных, *желтый дом* – психиатрическая лечебница, а в славянских поверьях «мать лихорадок» звалась *желтыней* или *желтеей* [*см.*: Мурьянов 1978: 100; Коптева 2005: 29]. Перечень отрицательных коннотаций может быть и значительно расширен: в

сказках язычников-славян тридевятое царство, царство мертвых, *желтое*, как и змей, охраняющий вход в него; *желтый угол* в доме – место обитания нечистой силы (в противоположность красному), *желтый билет* – паспорт, выдававшийся в дореволюционное время проституткам, *желтый роман*, *журнал*, *пресса* – определение литературы низкого качества [*см*.: Коптева 2005: 28–29].

Предвестниками надвигающегося «ненастья» и «несчастья» выступают «обесцвеченные», «размытые» состояния, связанные с «недостаточностью/модифицированностью цветности» [Кульпина 2007: 29]. Обычно высказывания, представляющие такие состояния, символизируют, что некое былое состояние цветности частично или полностью нарушено под воздействием каких-либо причин: смены времен года, суток, действия антропогенных факторов и т.п.: *Оно отмахнулось от утренней дымки так неохотно и так вяло*, *что местами сизоватый туманчик так и остался над городом рваной кисеей: на одной улице светло*, *на другой* – ***мутно*** *и серо* (Троепольский. Белый Бим Черное ухо); *Темь*, *которая перед тем пала*, *как под самую ночь*, *будто опустили сверху над Матерой крышку*, *теперь рассосалась*, *– было серо и* ***размыто***, *и так же серо и* ***размыто*** *было в небе*, *где глаза ничего не различали*, *кроме водянистой глубины* (Распутин. Прощание с Матерой) (ССПП «где есть каково»).

«Окраска» состояний в *красный цвет* (*краснеть*, *алеть*, *пламенеть*) редка, она ассоциируется с созреванием растений, плодов деревьев, «рождением» нового дня или закатом.

Например: *Восток* ***алел*** *и пламенел, отливая в иных местах перламутром и серебром* (Куприн. Ночлег) (*алел* – изменение интенсивности цвета как свидетельство начало нового дня); *Рябина все* ***краснеет*** *и* ***краснеет*** (Пришвин. Календарь природы) (*краснеет* – состояние изменения интенсивности красного цвета в результате созревания) (ССПП «что находится в каком состоянии») и др.

Состояния, «окрашенные» в *розовый* цвет, несут ожидание тепла, света нового дня или отблески дня уходящего.

Например: ...*Солнца еще не было, но было уже совсем светло и* ***розово*** (Бунин. Жизнь Арсеньева) (ССПП «где есть каково»); *Воздух уже* ***начал розоветь*** (Куприн. Лесная глушь); *Прозрачный*, *будто много раз процеженный*, *воздух* ***розовел*** *от заката* (Паустовский. Золотая роза) (ССПП «что находиться в каком состоянии») и др.

Все «цветовые» состояния природы в русской языковой картине мира XIX – XX вв. практически всегда предстают в «чистом» виде, без «примесей» и «полутонов». Очень редко (примеры единичны) состояния природы представляются как оттенки какого-то колера: *И там было* ***дымно-серо***, *шел сильный дождь* (Панова. Сентиментальный роман); *Там было уже* ***синевато-темно***, *гроздья белой сирени казались голубыми* (Горький. Жизнь Клима Самгина); *А здесь*, *под горами*, *солнечно по сквозным садам*, *по пустым виноградникам*, ***буро-зелено*** *по холмам* (Шмелев. Солнце мертвых) и под.

Высказывания с семантикой «состояние природы, проявляемое наличием или отсутствием цвета», построенные по специализированным структурным схемам, актуализируют признак ‘*колористичность*’ типовой пропозиции «состояние природы».

3.3. Высказывания с семантикой «состояние природы, проявляемое наличием или отсутствием покрытия какими-либо объектами».

Высказывания, в основе которых лежат специализированные структурные схемы «где есть каково», «где самопроисходит», «покрывает что (В.п.) чем», способны маркировать состояния природы, проявляемые *покрытием какими-либо объектами* (5,4 % высказываний выборки). Предикатив как конститутивный элемент перечисленных схем представлен рядом лексем, содержащих в своих значениях сему «покрытие»: *безоблачно* (‘не покрыто облаками’), *бело* (в значении ‘снежно, покрыто снегом’), *вызвездить* (‘покрыться звездами’), *голо* (‘лишено какого-либо покрова’), *грязно* (‘покрыто

грязью, нечисто’), *заболочено* (‘покрыто болотами’), *заволакивать* (‘закрывать чем-нибудь стелющимся, растекающимся’), *заметать* (‘покрывать чем-нибудь сыпучим, закрывать’), *заносить* (‘то же, что засыпать, заметать’), *затягивать* (‘обволакивать чем-нибудь, покрывать целиком’), *звездно* (‘покрыто звездами’), *зелено* (в значении ‘покрыто растительностью’), *кропить* (‘слегка покрывать чем-либо’), *лунно* (‘залито лунным светом’), *нарядно* (‘красиво одето’), *облачно* (‘покрыто облаками’), *пениться* (‘находиться в состоянии покрытия пеной’), *порошить* (в значении ‘покрывать снегом’), *проясnеть* (‘о небе: сделаться чистым, без облаков’), *пыльно* (‘покрыто пылью’), *расчиститься* (‘разъясниться, сделаться безоблачным’), *росисто* (в значении ‘покрыто росой’), *ручейно* (‘покрыто ручьями’), *сковать* (‘сделать твердым, неподвижным, покрыв чем-либо’), *слякотить* (‘покрываться липкой грязью’), *снежно* (‘покрыто снегом’), *тенисто* (‘покрыто тенью’), *топко* (‘покрыто вязкой грязью’), *туманиться* (‘застилаться туманом’), *тучиться* (‘покрываться тучами’), *чисто* (‘без грязи или облаков’) и др.

Например: *Еду в тайгу на прилески, – говорил Бердышов. – В тайге места, где* ***топко*** (Задорнов. Амур-батюшка); «*Плохо*! *– подумал Вронский, поднимая коляску. – И то* ***грязно*** *было, а теперь совсем болото будет*» (Толстой. Анна Каренина); *Был небольшой мороз, тихо,* ***звездно*** (Панова. Кружилиха) (ССПП «где есть каково»); ***Вызвездило*** (Панова. Кружилиха); *На дворе уже совсем смерклось и* ***тучилось***; *был девятый час вечера…* (Лесков. На ножах) (ССПП «где самопроисходит»); ***Все снегом замело***; *небось ни одной валежины не найти…* (Дубов. На краю земли); *Дождь перестал, но от высоких белых туч тяжело и холодно тянуло сыростью, и чувствовалось, что вот-вот польет опять,* ***серой зыбкой пеленой затянет поля*** *и будет лить без конца весь день и долгую темную ночь* (Арцыбашев. У последней черты) (ССПП «покрывает что (В.п.) чем») и др.

Среди высказываний, в основе которых лежат неспециализированные структурные схемы, способны маркировать состояние-покрытие те, что построены по схемам «что находится в каком состоянии» (*вызвездить* (‘по-

крыться звездами’), *замерзнуть* (пребывать в застывшем состоянии, покрывшись льдом’), *заилиться* (‘покрыться вязким осадком из минеральных или органических веществ’), *зеленеть* (‘покрыться травой, молодой листвой’), *открыться* (‘о реке: очиститься от льда’), *расчиститься* (‘о небе: пребывать в состоянии освобождения от чего-либо затемняющего, облаков’), *цвести* (‘пребывать в состоянии цветения, покрытия цветами’)); «что есть каково по состоянию» (*безоблачно*, *голо*, *звездно*, *снежно*, *чисто* (в значении ‘безоблачно’)); «что есть какое по состоянию» (*чистый* (в значении ‘безоблачный’), *ясный* (в значении ‘безоблачный’)); «что есть в каком состоянии» (*в цвету/в цветении* (‘в состоянии цветения, покрытия цветами’), *в разливе* (в значении ‘в состоянии половодья, покрытия водой’), *во льдах* (‘покрыто льдами’), *в тучах* (‘покрыто тучами’), *в цветах* (‘покрыто цветами’)); «что покрывается чем» (*закрываться* (‘покрываться чем-либо’), *заволакиваться* (‘закрываться чем-нибудь стелющимся, растекающимся’), *затягиваться* (‘обволакиваться чем-нибудь, покрывать целиком’)); «что есть покрыто чем» (*завален* (‘покрыто сверху чем-либо’), *зарос* (‘покрыт какой-либо растительностью’), *затянут* (‘покрыт чем-либо целиком’), *покрыт* (‘усеян чем-либо по поверхности’)).

Например: *Время как раз покосное*, *ягодное.* ***Травы*** *все* ***в цвету*** (Бажов. Каменный цветок); …***Ока*** *восемь ден* ***стояла в разливе***, *восемь ден не было возможности попасть на ту сторону*! (Григорович. В ожидании парома); *Тысячи их налетали*, *когда* ***яблони стояли в цвету***, *падали в белые чашечки*, *сосали-грызли золотые тычинки* (Шмелев. Солнце мертвых); *Душистые* ***широты садов*** *–* ***в разливе*** (Пастернак. Апеллесова черта) (ССПП «что есть в каком состоянии»); *В ночь* ***небо вызвездило***... (Белов. Привычное дело); ***Луга позеленели*** (Шишков. Емельян Пугачев); ***Водоем*** *скоро* ***заилится***... (Белавин, Доронин. Земная чаша) (ССПП «что находится в каком состоянии»); ***Небо было безоблачно***, *солнце светило*; *какой-то особый запах весны носился над водою* (Герцен. Записки одного молодого человека) (ССПП «что есть каково по состоянию») и под.

Часть лексем, маркирующих предикативы схем, лежащих в основе высказываний с семантикой «состояние, проявляемое наличием или отсутствием покрытия какими-либо объектами», содержат в своих семемах, кроме семы ‘покрытие’, сему ‘покрывающий объект, объект-каузатор’ (специализированные структурные схемы «где есть каково», «где самопроисходит»; неспециализированные «что находится в каком состоянии», «что есть каково по состоянию», «что есть какое по состоянию», «что есть в каком состоянии»), другие предопределяют своей семантикой в структуре высказывания место для отдельной словоформы со значением ‘объект-стихийный каузатор’ («покрывает что (В.п.) чем», «что покрывается чем», «что есть покрыто чем»).

Например, ср.: *За полночь* ***вызвездило***, *звонко стало от мороза*, *задымили все блиндажи*, *землянки и траншеи у немцев на передовой* (Астафьев. Веселый солдат) (ССПП «где самопроисходит»: *вызвездило* → ‘покрытие звездами’). – *Черную воду* ***затянуло*** *незастаревшим* ***ледком***, *около проруби сметенные в кучу осколки льда и примерзший бычий помет* (Шолохов. Двухмужняя); А *вскоре безоблачное небо опять* ***затянуло облаками*** (Гладков. Чемпионы Свитязя) (ССПП «покрывает что (В.п.) чем»: *затянуло облаками*, *затянуло ледком*); *Ярко засияло солнце*, *на голубом небе появились легкие*, *полупрозрачные тучки*, *и* ***зеленым бархатом покрывалась земля*** (Свирский. Рыжик) («что покрывается чем»: *покрылась растительностью* (зеленым бархатом)) и под.

Состояния-покрытия в русской языковой картине мира XIX – XX вв. не представляют собой однородной группы: во-первых, они различаются наличием/отсутствием покрывающего объекта (ср.: *облачно*, *звездно*, *вызвездить*, *росисто*, *топко* и под. и *голо*, *безоблачно*, *расчиститься*); во-вторых, «характером» покрывающего объекта (*тучи*, *снег*, *травы*, *деревья*, *грязь*, *звезды*, *облака*, *ручьи*, *болота*, *тень*, *пыль*, *лед* и под.); в-третьих, «качеством» состояния-покрытия, зависящим от «качества» носителя состояния – небесного или земного пространства – и «характера» объекта-стихийного каузатора.

С учетом указанных признаков, среди высказываний с семантикой состояний-покрытий выделяем следующие группы:

1) высказывания, описывающие полное плотное состояние-покрытие нечто стелющимся или растекающимся по земной/небесной поверхности (*грязно*, *слякотить*, *заволакивать*, *затягивать*, *лунно*, *пениться*, *облачно*, *тенисто*, *топко*, *туманиться*, *тучиться* и под.): *Мы с дедушкой на лесистом гребне горы. Жаркий летний день*, *но здесь* ***тенисто***, *прохладно* (Искандер. Дедушка) (ССПП «где есть каково») и др. К этой группе относим и состояния *зелено*, *зеленеть* с той поправкой, что их носителями может выступать как земное пространство (почва), так и поверхность растений. Сравним: *В восточной долине отдельно стоял крутой холм с древним монастырем на вершине*, *дальше* ***было зелено*** *и пусто*, *долина переходила в стенные скаты* (Бунин. Жизнь Арсеньева) (ССПП «где есть каково»). – *…Потом всю зиму сажали большие деревья*, *и*, *когда наступила весна и* ***все зазеленело кругом***, *в новой усадьбе были уже аллеи*, *садовник и двое рабочих в белых фартуках копались около дома*, *бил фонтанчик*, *и зеркальный шар горел так ярко*, *что было больно смотреть* (Чехов. Новая дача) (ССПП «что находится в каком состоянии») и под. Если в первом примере состояние *зазеленело* присуще почве долины, то во втором, очевидно, и почве, и посаженным героями деревьям;

2) высказывания, описывающие ситуации полного состояния-покрытия разной степени плотности сыпучим веществом по земной поверхности (*бело*, *снежно*, *заметать*, *заносить* и под.). К этой группе примыкает состояние *пыльно*, т.к. *пыль* дефинируется как «мельчайшие, сухие частицы, носящиеся в воздухе или скапливающиеся на поверхности чего-либо» [Ожегов, Шведова 1997: 635]: *И* ***здесь было снежно*** *и бело*, *но белизна была какая-то иная*, *приятно слепящая* (Бунин. Жизнь Арсеньева) (ССПП «где есть каково»); ***Дорогу занесло снегом***; *ветер сильный*, *резкий*. (Решетников. Подлиповцы) (ССПП «покрывает что (В.п.) чем») и др.;

3) высказывания, маркирующие полное плотное состояние-покрытие льдом/водой поверхности водного объекта (*сковать*, *замерзнуть*, *в разливе*, *во льдах* и под.): *Когда* ***река замерзла***, *звук пропал*, *но потом через месяц или полтора я иногда снова стал его слышать* (Шаров. Воскрешение Лазаря) (ССПП «что находится в каком состоянии»); *Когда же мы решили вернуться домой*, *мы переплыли Каспий и поехали до Костромы по Волге*, *а* ***Волга была в разливе***, *и такой реки*, *ни до*, *ни после*, *я никогда не видал* (Бальмонт. Волга) (ССПП «что есть в каком состоянии») и др.;

4) высказывания, фиксирующие частичное состояние-покрытие объектами по земной/небесной поверхности (*заболочено*, *звездно*, *ручейно*, *вызвездить*): ***Заболочено***, *как и везде*, *в тайге…* (Задорнов. Амур-батюшка) (ССПП «где есть каково»). К этой группе относим и состояния *в цвету*, *в цветении*, *цвести* с указанием на то, что их носителями выступает поверхность растений: *Во сне все время чувствовал он смрад железного умывальника*, *стоявшего возле самого его лица*, *а видел весенний день*, ***деревья в цвету***, *зал большого барского дома и множество народа*, *со страхом ожидавшего*, *что вот-вот приедет митрополит*, и *это ожидание мучило*, *томило его всю ночь* (Бунин. Казимир Станиславович) (ССПП «что есть в каком состоянии») и под.;

5) высказывания, представляющие частичное состояние-покрытие каплями воды по земной поверхности (*кропить*, *росисто*): *На дворе было ясно*, *свежо*, ***росисто*** *и весело* (Толстой. Война и мир) (ССПП «где есть каково») и под.;

6) высказывания, маркирующие состояние-непокрытие (*безоблачно*, *голо*, *прояснеть*, *разведреть*, *чисто*, *ясно*, *расчиститься*, *чисто*, *ясный* и под.): ***На небе расчищало***, *и над вершинами деревь быстро бежали облака*, *как будто открывая звезды* (Толстой. Война и мир) (ССПП «где самопроисходит»); *А* ***в голубом небе было*** *спокойно и торжественно* ***ясно*** (Андреев. Весенние обещания) (ССПП «где есть каково»); *Темно синея в вышине*, *меж*

облаков, ***расчищалось небо*** (Бунин. Игнат) (ССПП «что находится в каком состоянии») и др.

Выявление двух групп высказываний – фиксирующих состояние-покрытие и фиксирующих состояние-непокрытие – вновь отсылает нас к идеи дихотомичности природных состояний в русской языковой картине мира XIX – XX веков.

В особую группу выделяем высказывания, формируемые словом категории состояния *нарядно.* Это объясняется тем, что состояния-покрытия Наблюдатель (как «световые» и «цветовые») воспринимает зрительно, а состояние *нарядно* основано не только на перцепции (значит, в природе все в цветах, в зелени, в буйстве красок), но и на ассоциациях с красивым нарядом человека: *И оттого*, *что* ***в лесу*** *было светло*, ***нарядно***, *радостно*, *в землянке все выглядело непригляднее*, *сумрачнее*, *тоскливее* (Смирнов. Саша Чекалин) (ССПП «где есть каково»).

Анализ высказываний с семантикой «состояние природы, проявляемое наличием или отсутствием покрытия какими-либо объектами» свидетельствует о наличии когнитивного признака ‘покрытие’ в содержании типовой пропозиции «состояние природы».

3.4. Высказывания с семантикой «состояние природы, проявляемое наполнением природного объекта/ метеорологического пространства».

Четвертую группу высказываний, дифференцируемых по способу проявления состояния в русской языковой картине мира XIX – XX вв., образуют те, что номинируют состояния природы, проявляемые *наполнением природного объекта/метеорологического пространства*. В основе таких высказываний лежит одна специализированная структурная схема «где есть каково» и шесть неспециализированных: «где есть какое состояние», «что есть каково по состоянию», «где нет какого состояния», «что есть какое по состоянию», «где нет какого состояния», «что есть полно какого состояния/каким состоянием». Предикативы этих схем маркируются лексемами, имеющими сему

‘наполнение’ типа *безлюдно* (‘не наполнено людьми’), *влажно* (‘наполнено влагой’), *высохнуть* (‘пребывать в состоянии потери влаги’), *вянуть* (‘пребывать в состоянии засыхания’), *гарно* (‘наполнено гарью’), *душен* (‘насыщен испарениями’), *дымно* (‘наполнено дымом’), *жухнуть* (‘находиться в состоянии засыхания’), *засуха* (‘состояния высыхания почвы, гибели растений из-за потери влаги’), *людно* (‘наполнено людьми’), *мглисто* (‘наполнено туманом, пылью или гарью’), *мокро* (‘пропитано водой’), *налиться* (‘пребывать в состоянии наполненности соком’), *наполнен* (‘насыщен чем-либо’), *нелюдно* (‘наполнено небольшим количеством людей’), *прозрачен* (‘очень чист’), *просторно* (‘свободно, обширно, не заполнено ничем лишним’), *пустота* (‘незаполненность пространства’), *пустынно* (‘малолюдно’), *росисто* (в значении ‘наполнено росой’), *свободно* (‘ничем не занято’), *созреть* (‘пребывать в состоянии спелости, налиться соком’), *сохнуть* (‘вянуть’), *сперт* (‘душен, насыщен испарениями’), *сухой* (‘не содержащий влаги’), *сырость* (‘насыщенность влагой’), *туманно* (‘наполнено туманом’), *увядать* (‘то же, что вянуть’), *чист* (в значении ‘не наполнен примесями’) и под.

Например: *Там было* ***пусто*** *и* ***сыро*** *от росы* (Паустовский. Бег времени); *На море было* ***пустынно*** (Афанасьев. Дерсу Узала); ***Дымно***, ***гарно*** *становится по дорогам и тропам*, *как в черной избе* (Слонимский. Андрей Коробицын); ***Мокро***, *снежно и сейчас*, *когда я в деревеньке Быковке начинаю писать о покойном друге*, *не решаясь поставить слово* «*воспоминания*» (Астафьев. Зрячий посох); *Напрасно искал он взглядом пригорок*, *лощину*, *куст – все вокруг было* ***пусто*** *и голо*… (Бабаян. Ротмистр Неженцев) (ССПП «что есть каково по состоянию»); *Давно уже не падали дожди*, *и земля* ***высохла***... (Иванов. Сердце Пармы) (ССПП «что находится в каком состоянии») и др.

Высказывания с перечисленными лексемы не представляют собой однородной группы. Эта неоднородность определяется несколькими факторами.

Во-первых, способом идентификации состояния Наблюдателем:

а) визуально: *безлюден*, *вянуть*, *глухо*, *дымно*, *жухнуть*, *людно*, *мглисто*, *мокро*, *налиться*, *нелюдно*, *просторно*, *пусто*, *пустынно*, *свободно*, *созреть*, *сохнуть*, *сыро*, *сырая*, *сыра* (о земле), *влажный* (о земле), *туманно*, *увядать* и под.: *Птиц было уже мало*, *– одни дрозды стаями*, *с веселым*, *притворно-яростным взвизгиванием и сытым квохтаньем*, *перелетали и там и сям*; *в лесу было* ***пусто***, ***просторно***... (Бунин. Жизнь Арсеньева) (ССПП «где есть каково»);

б) осязательно: *влажно* (о воздухе), *росисто*, *сухо*, *сыр* (о воздухе) и под.: *Пасмурно*; *дождь моросит*; *в воздухе* ***влажно***, *пахнет немного болотом* (Гончаров. Фрегат «Паллада ») (ССПП «где есть каково»);

в) обонятельно: *душно*, *духота*, *сперт*, *чистый* (о воздухе) и под.: *Был юг*, ***духота,*** *жаркий Батуми*, *старуха Властопуло*, *у которой снимали комнату рядом с базаром*, *какой-то абхазец*, *с кем он дрался из-за Лены на ночной набережной*... (Трифонов. Обмен) (ССПП «где есть какое состояние»).

Вторым критерием разграничения высказываний с семантикой «состояние природы, проявляемое наполнением природного объекта/метеорологического пространства», является «качество» состояния:

а) *собственно наполнение* (объект, наполняющий пространство воспринимается зрительно): *безлюден*, *вянуть*, *гарно*, *глухо*, *дымно*, *жухнуть*, *людно*, *мглисто*, *мокро*, *налиться*, *нелюдно*, *пустынно*, *созреть*, *сохнуть*, *сырой* (о земле), *туманно*, *увядать* и под.: *Ночь выдалась теплой и тихой*, *но вблизи реки было* ***туманно*** *и* ***сыро*** (Васильев. Были и небыли) (ССПП «где есть каково»);

б) *наполнение-насыщение* (объект, наполняющий пространство воспринимается осязательно или обонятельно): *влажно*, *духота*, *марево*, *росисто*, *сырой* (о воздухе), *сырость* и под.: *А беда нависла над ними маленьким белым облачком*, *что зацепилось за вершину горы и никак не хотело ее отпускать. Было* ***душно***, *и река долго огибала эту гору*, *последнюю перед тем*, *как они должны были выйти на равнину* (Варламов. Сплав) (ССПП «где есть каково»);

в) *состояние-ненаполнение*: *просторно*, *пусто*, *пустота*, *свободно*, *сухой*, *высохнуть*, *засуха*, *чист* (о воздухе) и под.: – *Плохо живется. Второй год* ***засуха***. – *Кому от засухи беда*, *а нам от дождей* (Марков. Строговы) (ССПП «где есть какое состояние»). Высказывания с семантикой собственно состояния наполнения, наполнения-насыщения с одной стороны и высказывания с семантикой состояния ненаполнения с другой выражают идею дихомичности природных состояний.

«Природа» наполняющего объекта также отличает состояния друг от друга: чаще всего это вода в любых своих проявлениях (*туман*, *мгла*, *сок растений*, *роса* и под.) или люди, реже какие-либо вещества, связанные с деятельностью человека (*дым*, *гарь*).

Например: *Летом восемьсот двадцать шестого окрест Петербурга тлели болота*, *возгорались леса*, ***душно*** *было*, ***мглисто*** (Давыдов. Дорога на Голодай); *В аллеях у Черного озера было* ***людно*** (Шишкин. Всех ожидает одна ночь); *Было светло*, *но то ли* ***дымно***, *то ли* ***туманно*** (Лазарчук. Все, способные держать оружие…) (ССПП «где есть каково») и под.

Среди состояний-наполнений для русской языковой картины мира типичны те, что связанны с наполнением влагой, водой. Носителем данных состояний по преимуществу выступает земля. В русском языке даже устойчивы сочетания *мать-сыра земля*, *лежать в сырой земле*. В нашей картотеке примеров высказывания с такими сочетаниями встречаются: ***Мать-Сыра Земля*** *ото сна пробуждалась…* (Мельников-Печерский. В лесах); *Ликовала* ***Мать-Сыра Земля*** *в счастье*, *в радости*… (Мельников-Печерский. В лесах); «*Мой отец и мать*, *– я сказал*, *– восемь лет не видали меня и не знают*, *жив ли я*, *или кости мои давно* ***лежат в сырой земле*** (Толстой. Отрочество); *Если бы я не подал вам совета объясниться хладнокровно и обстоятельно*, *один из вас*, *быть может*, *через несколько дней* ***лежал бы в сырой земле*** (Гейнце. Дочь Великого Петра); *Пришла пора*, *и ее косточки тоже* ***улеглись в сырой земле*** (Тургенев. Дворянское гнездо) и под. А если привести для сравнения с худо-

жественными текстами XIX – XX веков фольклорные тексты, особенно былины, то в них образ «сырой земли» будет доминирующим:

Тогда дали ему родители благословленьице

С буйной главы ***до сырой земли****…* (былина «Исцеление Ильи Муромца»);

Кабы бил-то копытом ***о сыру землю****,*

Вся дрожит-то ле ***матушка сыра земля****…* (былина «Потап Артамонович»);

«*Уж вы ой еси*, *рибята*, *добры молодцы*!

А топере-де мне, *право*, *конеч пришел*,

Уж вы вывезите миня да ***на сыру землю***!» (былина «Данило Борисович») и др.

Для русского языка *состояние наполненности земли влагой* обыденно, мы даже не задумываемся о том, что может быть как-то по-иному. Однако в ряде языков такое состояние для природных объектов, в частности, земли, как *сыро*, *влажно* и т.п. совсем не характерно. Например, как отмечает О.А. Корнилов, для прототипического образа *земли* в языках народов, населяющих засушливые районы Африки [*см*.: Корнилов 2011: 157].

Еще одним состоянием, характерным для русской языковой картины мира и обусловленным идеей формирования национального характера под влиянием бескрайних российских просторов, является состояние *просторно*: *Солнечные лучи пробивались сверху*, *в лесу было* ***просторно*** *и тихо* (Владимиров. Остров Пуа-ту-тахи) и др. В высказываниях, сформированных предикатом *просторно* реализуется *идея пространственной беспредельности.* В целом эта идея характеризуется лингвистами как «один из структурообразующих элементов русской культуры» [Левонтина, Шмелев 2000: 338].

Носителем состояния *просторно* в русской языковой картине мира XIX – XX вв. способно выступать как земное природное пространство, так и небесное, воздушное.

Например: ***В небесах было просторно***, *прощальные голоса перелетных птиц еще не оглашали небеса*, *лишь воронье волнами накатывало на поля* (Астафьев. Обертон) (носитель состояния – небо – маркирован именем существительным в форме предложного падежа с предлогом *в*); *Потом листва ляжет на землю*, ***и сразу станет над речкой просторно***, *далеко видать* (Екимов. В степи) (носитель состояния – воздушное пространство над рекой – маркирован именем существительным в форме творительного падежа с предлогом *над*); *Мягко пружинил под ногой прелый лист прошлогодний*, *пробивая его*, *тянулась к свету молодая трава*: *чистотел*, *одуванчик*, *стрельчатый пырей*, *морщинистый шершавый филовник*, *конский щавель*; *над головой*, *смиряя солнечный жар*, *зеленела свежая листва.* ***В займище было светло и просторно*** (Екимов. Высшая мера) (носитель состояния – земное пространство – представлен именем существительным предложного падежа с предлогом *в*) и под.

В русской языковой картине мира состояние *просторно*, во-первых, связано с *шириной*, *открытостью*, *незамкнутостью неких границ*, *огромностью пространства*. *Ширина* и *простор* становятся главными характеристиками *русской земли*: *Нет*, *брат*, *русская земля не то*: ***и широко***, ***и просторно***, ***и гладко***, *так что ты себе хоть шаром покати* (Загоскин. Москва и москвичи); ***Было широко и просторно***. *Еще зеленая трава тянулась во все стороны бесконечным гладким полем и тонула в далеких утренних туманах.* (Арцыбашев. Санин); ...***Просторно***, ***широко***, *а деться некуда… Спустился с кургана – казаков уже не стало видно. Прошел еще саженей с сотню и*, *не доходя до дороги*, *лег во ржи* (*Крюков. Зыбь*).

Во-вторых, состояние *просторно* способно выступать в контекстах, связанных с любованием природой: *Светило солнце*, *вся дымчатая лежала степь*, *тени облаков паслись на ней*, *голубым видением вставали вдали то ли холмы*, *то ли горы. И высоко над головою*, *в высоком ослепительном небе*, *строй за строем шли белые кучевые облака.* ***Как хорошо в мире***, ***боже ты мой***, ***как просторно***! (Бакланов. Навеки девятнадцатилетние).

Однако следует отметить, что гедонистический восторг, получаемый Наблюдателем от состояния *просторно*, может с легкостью сменяться состояниями душевного дискомфорта Наблюдателя – *грусти*, *одиночества*, присваиваемых природному пространству: ***Просторно*** *и* ***грустно*** *было за окном. – Завтра хороший день будет*, *– сказал дядя Володя* (Шукшин. Вянет, пропадает); *Помор был понур*, *Лачинов все время курил. Очень* ***просторно*** *и* ***одиноко*** *было кругом*. *На взморье уже были видны верки крепости*, *тогда померкло солнце*, *луна позеленела*, *и в поселке в одном единственном оконце был свет* (Пильняк. Заволочье) и др.

В-третьих, *просторно* коррелирует с состояниями *свободы*, *воли*, *покоя*: ***Вольно кругом***, ***просторно***… *Степь* (Шукшин. Из детских лет Ивана Попова); *Но в затишье долины было жарко так же*, *как в городе*, *и я поспешил взобраться на гору*, *в открытую*, *ровную степь*. ***Тихо***, ***покойно и просторно было там*** (Бунин. В августе) и др.

Такая взаимосвязь ощущения шири и неохватности окружающего пространства с состоянием свободы находило себе место еще в древнерусском сознании. Этот факт отмечается культурологами при исследовании становления нравственной культуры личности в Древней Руси [*см*.: Ржепянская 2010].

А.Д. Шмелев, ссылаясь на данные словарей, в частности, «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля, «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка», изданный под общим руководством Ю.Д. Апресяна, утверждает достаточно устойчивую ассоциативную связь ощущения *свободы* с большим пространством уже в русской языковой картине мира [*см*.: Шмелев 2010: 26]. Состояние же *покоя*, по мнению указанного исследователя, «рождается» у Наблюдателя и присваивается окружающей природе из возможности находится на *просторе* наедине с самим собой, избегая нежелательных вторжений в личное пространство [*см*.: Шмелев 2010: 28].

В целом состояние *просторно* выступает в одном однородном ряду с перцептивными состояниями, связанными с световыми и цветовыми прояв-

лениями (*светло*, *зелено*), изменением температуры (*тепло*, *горячо*, *свежо*), наполнением (*пусто*, *голо*), перемещением (*ветрено*), звуковыми состояниями (*тихо*, *шумно*), антропоморфными (*грустно*, *одиноко*, *покойно*, *хорошо*).

Например: *Сразу все кругом запестрело*, *заблистало*, *застрекотало*, *зачирикало. Стало* ***светло***, ***тепло***, ***горячо***, ***просторно***. *Он опустился под куст* (Домбровский. Факультет ненужных вещей); *Вокруг было* ***просторно*** *и* ***пусто***. *<…>В блещущей синеве неба парил коршун*, *потревоженные овражки перекликались между собою из-под земли отрывочным*, *звенящим свистом* (Вересаев. В степи); *Было блаженно* ***тихо*** *в этом сквозном лесу и* ***просторно*** *– он не загораживал белесого осеннего неба* (Чивилихин. Про Клаву Иванову); *Ласково сиял весенний день*, *Волга разлилась широко*, *на земле было* ***шумно***, ***просторно***, *– а я жил до этого дня*, *точно мышонок в погребе* (Горький. В людях) и др.

Высказывания с семантикой «состояние, проявляемое наполнением природного объекта/метеорологического пространства» составляют примерно 3,5 % нашей выборки. Те из них, что посроены по специализированным структурных схемам, позволяют выявлять два признака типовой пропозиции «состояние природы»: ‘*наполнение*’ и ‘*насыщение*’.

3.5. Высказывания с семантикой «состояние природы, проявляемое движением каких-либо объектов».

Высказывания, кодирующие состояния, проявляемые движением каких-либо объектов, составляют примерно 1,2 % высказываний нашей выборки. Они построены прежде всего по специализированным структурным схемам «где есть каково», «где самопроисходит», «где перемещает что (В.п.) откуда/куда». Обязательные компоненты схем – предикативы – маркируются рядом лексем, имеющих сему ‘движение’: *мертво* (в значении ‘оцепенело, без движений’), *мести* (‘о метели, вьюге: кружить, задувать’), *моросить* (‘на-

крапывать мелкими каплями’), *накрапывать* (‘о дожде: падать редкими каплями’), *неподвижно* (‘без движения’), *несет* (‘мчит, перемещает, увлекая за собой’), *оцепенело* (‘в состоянии неподвижности’), *порошить* (в значении ‘о мелком снеге: падать, сыпаться’), *сеять* (‘о мелком и долгом дожде, снеге: идти’), *снежить* (‘о снеге: идти’), *стихать* (в значении ‘о ненастье: прекратиться’), *сыпать* (‘о мелком дожде, неге: идти, выпадать’) и под.

Например: *На улице здорово* ***мело*** (Яковлев. Баваклава); *Все время* ***моросило***, *лузинский макинтош спасал только от проливного дождя* (Белов. Кануны) (ССПП «где самопроисходит»); ***Оцепенело***, ***неподвижно*** *и студено* (Астафьев. Ночное настроение); *В широко раскрытую дверь вагона дуло холодом*; ***после успокоившейся к утру метели вокруг неподвижно***… (Бондарев. Горячий снег) (ССПП «где есть каково») и др.

Состояния, проявляемые *движением объектов*, маркируются и высказываниями, в основе которых лежат неспециализированные структурные схемы «где есть какое состояние», «что находится в каком состоянии», «что есть каково по состоянию», «что есть полно какого состояния/каким состоянием», «где нет какого состояния». Здесь конститутивные элементы схем маркированы такими лексемами, имеющими сему ‘движение’, как: *затишье* (в значении ‘состояние временного прекращения движения’), *волноваться* (в значении ‘приходить в состояния движения’), *дрожать* (‘находиться в вибрирующем состоянии’), *замирать* (‘находиться в состоянии неподвижности’), *оживать* (‘возвращаться к жизни, движению’), *присмиреть* (‘прекратить движение’), *стихать* (‘пребывать в состоянии покоя, малоподвижности’), *цепенеть* (‘быть в неподвижном состоянии, замирать’), *штилеть* (‘о море: становится малоподвижным’), *неподвижен* (‘находящийся в состоянии без движения’), *неподвижный* (‘находящийся в состоянии без движения’), *спокойный* (в значении ‘о море: находящийся в состоянии покоя, без движения’), *тихий* (в значении ‘о водных объектах: без движения’) и под.

Например: *Душный* ***воздух неподвижен***, *как вода лесного озера* (Горький. Как сложили песню) (ССПП «что есть каково по состоянию»); *Солнце*

стояло прямо над городом, *и* ***воздух дрожал*** *от жары*, *струясь вдоль заборов зыбкой угарной дымкой* (Арцыбашев. У последней черты); *У нас ветер поет*, *море злится*, ***рожь волнуется***, *листья шепчут* (Самойлов. Проза поэта) (ССПП «что находится в каком состоянии») и др.

Состояния-движения проявляются в природном пространстве – водном, земном, воздушном или небесном – определенным способом:

1) движением-перемещением: *мести*, *моросить*, *накрапывать*, *порошить*, *сеять*, *снежить*, *сыпать* и др. высказывания с лексемами, подобным перечисленным.

Состояния, связанные с перемещением, различаются,

во-первых, траекторией перемещения (вертикально заданной (*моросить*, *накрапывать*, *порошить*, *сеять*, *снежить*, *сыпать* и под.) или горизонтально (*мести*, *нести* и под.);

во-вторых, «спектром» включаемых осадков (*мести*, *порошить*, *снежить*: только снег; *моросить*, *накрапывать*: только дождь; *сеять*, *сыпать*: и снег, и дождь и под.),

в-третьих, интенсивностью, силой их проявления (слабая степень проявления (*накрапывать*, *моросить*, *порошить*) → средняя (*сеять*, *снежить*) → сильная (*мести*, *сыпать*)): ***Моросило*** *по-прежнему*, *но внезапно тучи разошлись*, *и высоко-высоко открылась далекая голубизна и краешек белого солнца* (Семенов. Семнадцать мгновений весны); *День-другой* ***мело*** *и пуржило. Выйдешь из дома – белая мгла*, *ничего не видать* (Екимов. Пиночет) (ССПП «где самопроисходит») и под.;

2) колебательными движениями: *дрожать*. Это состояние присуще земной поверхности, воздушному пространству и связано с толчкообразными (для земли) или вибрирующими движениями (для воздуха): *Потом опять подымаемся*, *шагаем по сухой*, *серой дороге*. ***Воздух дрожит*** *от жары* (Некрасов. В окопах Сталинграда); ***Земля дрожала*** *от непрерывных взрывов* (Ильина. Четвертая высота) (ССПП «что находится в каком состоянии») и др.;

3) волнообразными движениями: *волноваться*. Носителем данного состояния способны выступать в русской языковой картине мира XIX–XX вв. водные объекты (причем той формы, которая воспринимается как округлая (озеро, море)) или открытые земные пространства, густо поросшие травой: *Это* ***море зелени начинало волноваться***, *когда по нему торопливо пробегала широкая тень от плывшего в небе облачка*; *несколько орлов черными точками парили в голубой выси северного неба* (Мамин-Сибиряк. Золото); *Берег поднимается*, ***море волнуется***, *ветры мокрые веют от синего моря…* (Ладинский. Последний путь Владимира Мономаха) (ССПП «что находится в каком состоянии») и др.;

4) с недифференцированным способом движения: *оживать*. Это состояние связано с «возвращением» природных объектов (чаще всего зеленых массивов) к «жизни», с их пробуждением: *Середина апреля по календарю*, *а жарень стоит – с ума можно съехать.* ***Все оживает***, *распускается на глазах* (Сенчин. Афинские ночи).

Большую группу образуют состояния, свидетельствующие не о движении, а его отсутствии (и здесь вновь проявляется идея дихотомичности природных состояний). Степень «отсутствия» может быть разной: от малоподвижности до полного отсутствия всякого движения: *мертво*, *недвижимо*, *неподвижно*, *оцепенело*, *стихать*, *затишье*, *замирать*, *присмиреть*, *цепенеть*, *штилеть*, *неподвижен*, *спокойный*, *тихий* и под.

Например: *Тучи неслись*, *толкаясь и опускаясь все ниже.* ***Море стихло*** (Паустовский. Кара-Бугаз); *Затихла песня*, ***степь замерла*** *в неподвижном очаровании вечера*, *сердце больно и сладко сжималось о милом*, *далеком прошлом и так рвалось к нему…* (Гарин-Михайловский. Студенты); *Вся* ***степь замерла***, *только стальные копыта размеренно били то в землю*, *то в воздух да селезенка играла в широкой утробе коня* (Шишков. Емельян Пугачев) (ССПП «что находится в каком состоянии») и др.

Состояния, проявляемые движением, могут как перцептивно восприниматься Наблюдателем, так и классифицироваться через метафорический

перенос (типа *мертво*, *цепенеть* и под.). Например, ср.: *И все* ***цепенел*** *теплый сонный* ***воздух***, *напоенный пряным ароматом болотных трав и хвои* (Бунин. Маленький роман) (ССПП «что находится в каком состоянии», типовая пропозиция «состояние природы»). – ***Монахов цепенел*** *под лаской*, *не зная*, *лестно это ему или лишне в глазах Зябликова* (Битов. Лес) (ССПП «кто находится в каком состоянии», типовая пропозиция «физиологическое и психологическое состояние одушевленного субъекта (живого существа)») и др.

Высказывания данной группы, построенные по специализированным структурным схемам, позволяют выявить признак ‘*движение*’ типовой пропозиции «состояние природы».

3.6. Высказывания с семантикой «состояние природы, проявляемое изменением структуры объектов».

Среди высказываний с семантикой состояний, воспринимаемых Наблюдателем визуально, отмечена небольшая группа тех, которые способны проявляться *изменением структуры природных объектов* (составляют около 1,5 % высказываний нашей выборки). В основе таких высказываний лежат специализированные структурные схемы «где самопроисходит», «где создает что (В.п., Р.п.)», «где разрушает что (В.п.)» и неспециализированные схемы «где есть какое состояние», «что находится в каком состоянии», «что есть каково по состоянию». Конститутивные элементы перечисленных схем (предикативы) маркированы лексемами, несущими различные семы, связанные с каким-либо изменением в структуре природных объектов (‘создание объекта’, ‘разрушение объекта’, ‘изменение плотности’ и под.) типа *вздуться* (‘то же, что вспухнуть’), *взламывать* (‘ломая, вскрывать’), *выветривание* (‘разрушение горных пород под влиянием ветра или других атмосферных явлений’), *густ* (‘в состоянии насыщенности, плотности’), *наметать* (‘подметая, сметая, собирает в каком-либо количестве’), *наносить* (‘наваливать, нагромождать в каком-либо количестве’) *оттаять* (‘выйти из замерзшего состояния под воздействием тепла’), *подмерзнуть* (‘немного замерзнуть’), *пухнуть*

(‘пребывать в состоянии увеличения’), *распуститься* (‘пребывать в раскрытом состоянии’), *редеть* (‘утрачивать состояние плотности’), *сгуститься* (‘пребывать в состоянии насыщенности, плотности’), *таять* (‘обращаться в жидкое состояние под действием тепла’), *упруг* (‘твердый, принимающий первоначальную форму после оказанного давления’), *эрозия* (‘полное или частичное разрушение, повреждение поверхности чего-либо’) и под.

Например: *То придешь*, *а в лесу еще тонкой дотаивающей корочкой лежит снег*, *то убедишься*, *ткнув острой палкой*, *что земля*, *освободившаяся от снега*, *тверда*, *потому что* ***не оттаяла*** (Солоухин. Третья охота); *Речка*, *пополняемая коричневыми потоками талой воды*, ***пухла***, *пенилась*, *подступая к улочкам* (Шолохов. Тихий Дон); *Воздух* ***сгустился***, *похолодел* (Куприн. Одиночество) (ССПП «что находится в каком состоянии»); *Про буйство вод*, *что сменялось долгим затишьем*, *а потом начиналось* ***выветривание*** *коренных пород* (Белавин, Доронин. Земная чаша) (ССПП «где есть какое состояние»); *Сырая земля была* ***упруга*** *под ногами…*(Тургенев. Лес и степь) (ССПП «что есть каково по состоянию») и под.

Высказывания с семантикой состояний, проявляемых изменением структуры объектов, в русской языковой картине мира XIX – XX вв. представляют собой:

1) изменение плотности природного объекта по признакам:

- ***твердый/мягкий*** (носителем состояния выступает почва, земля). Высказывания типа *Земля* ***подмерзла****… Какое-то тончайшее и чистейшее дыхание чуть серебрилось между землей и чистым звездным небом* (Бунин. Жизнь Арсеньева) (ССПП «что находится в каком состоянии»); *Днем* ***таяло*** *на солнце* (Толстой. Анна Каренина) (ССПП «где самопроисходит»);
- ***густотой/редкий*** (носителем состоянии выступают участки почвы, покрытые растительностью). Высказывания типа *Уже прошли сентябрьские ливни*, *переулки между садами стали грязны*, *сады желтеют и* ***редеют***, *до весны остаются наедине с морем* (Бунин. «Надежда») (ССПП «что находится в каком состоянии»);

- ***густой/жидкий*** (носителем состояния выступает воздух). Высказывания типа *Розовело*, *мягко улеглась пыль*, *и воздух был* ***густ*** *и прозрачен* (Битов. Лес) (ССПП «где есть каково по состоянию»);

- ***раскрытый/закрытый*** (носителем состояния выступают растения). Высказывания типа *Эти яблони* ***распустились*** *за одну ночь* (Паустовский. Старый повар) (ССПП «что находится в каком состоянии») и под.;

2) изменение объема природного объекта (носителем состояния выступают водные природные объекты). Высказывания типа *Горные реки* ***вздулись***... (Паустовский. Этикетки для колониальных товаров);

3) создание или разрушение некого природного объекта (носитель состояния – земное, водное пространство). Высказывания типа *На крутых берегах реки Чагры* ***намело*** *за эти дни большие пушистые* ***сугробы*** (Толстой. Детство Никиты); *На дворе декабрь в половине*: *окрестность*, *схваченная неоглядным снежным саваном*, *тихо цепенеет*; *за ночь* ***намело*** *на дороге* ***столько сугробов***, *что крестьянские лошади тяжко барахтаются в снегу*, *вывозя пустые дровнишки* (Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы) (ССПП «где создает что (В.п., Р.п.)») и под.

Высказывания с семантикой «состояние природы, проявляемое изменением структуры объектов», в основе которых лежат специализированные структурные схемы, актуализируют признак ‘видоизменение’ типовой пропозиции «состояние природы» и реализуют идею дихотомичности природынх состояний.

3.7. Высказывания с семантикой «состояние природы, проявляемое изменением температуры».

Большую группу в русской языковой картине мира XIX – XX вв. составляют высказывания, описывающие состояния природы, связанные с изменением температуры (16,6 % от общего числа высказываний выборки). Основу таких высказываний составляют специализированные структурные схемы «где есть каково», «где самопроисходит», и неспециализированные

«где есть какое состояние», «где нет какого состояния», «что находится в каком состоянии», «что есть каково по состоянию», «что есть какое по состоянию». Предикативы этих схем представлены лексемами, несущими сему ‘температура’, типа *горяч* (‘с высокой температурой’), *жара* (‘жаркая погода’), *заморозки* (‘легкий утренний мороз осенью или весной’), *знобко* (‘холодно’), *зной* (‘сильная жара от нагревания солнцем воздуха’), *зябко* (разг. ‘холодно’), *люто* (‘очень холодно’), *марить* (‘испускать зной’), *морозно* (‘о морозной погоде’), *мягко* (‘тепло’), *нагрет* (‘стать теплым’), *накален* (‘сильно нагрет’), *палить* (‘обдавать зноем’), *парить* (‘испускать сильный жар, зной’), *печь* (‘обдавать зноем, жаром’), *подмораживать* (‘о наступлении холода, мороза после оттепели или после осенней дождливой погоды’), *пригревать* (‘обогреть немного, слегка или сверху’), *прохлада* (‘приятный холодок, свежесть’), *раскалиться* (‘находиться в сильно нагретом состоянии’), *свеж* (в значении ‘прохладен’), *студено* (‘очень холодно’), *стыть* (‘теряя тепло, приходить в замерзшее состояние’), *сурово* (‘холодно’), *теплеть* (‘о наступлении тепла’), *холод* (‘холодное состояние воздуха, его температура ниже нуля’), *холодать* (‘становиться холоднее’) и под.

Например: *Утро великолепное*; *в воздухе* ***прохладно***, *солнце еще не всходило* (Гончаров. Обломов); *Тучи разошлись*, *проглянуло солнце*, *и сразу стало очень* ***жарко*** (Домбровский. Факультет ненужных вещей); *На улице было солнечно и* ***холодно***... (Горький. Жизнь Клима Самгина) (ССПП «где есть каково»); *Чуть* ***морозит***, *но воздух не зимний* (Бунин. Хороших кровей); *В воздухе* ***холодало*** *с каждым днем* (Иванов. Вечный зов); *Очень* ***парило*** *после дождя перед новым дождем* (Пришвин. Календарь природы) (ССПП «где самопроисходит»); *Легкий утренний* ***мороз*** *осенью или весной*. ***Заморозки*** (Булгаков. Морфий) (ССПП «где есть какое состояние»); *Лес был* ***накален***… (Паустовский. Последний черт) (ССПП «что есть каково по состоянию»); *Степь* ***накалилась***, *замерла*, *пожелтела* (Чарская. Грозная дружина) (ССПП «что находится в каком состоянии») и др.

Все высказывания с семантикой состояний, проявляемых изменением температуры, можно дифференцировать, хоть и условно, на две большие группы. Первая группа – это высказывания с семантикой состояний, *соответствующих некой установленной норме*. Они не снижают активную деятельность человека, не вызывают физического дискомфорта. Образующими лексемами таких высказываний являются *заморозки*, *зябко*, *морозить*, *морозно*, *мягко*, *нагрет*, *прохлада*, *прохладный*, *пригревать*, *свеж*, *свежеть*, *свежо*, *теплеть*, *холодать* и под.

Например: *Верст за шестьдесят от Гарденина приходилось переезжать Битюк.* ***Свежело.*** *В селе благовестили к вечерне* (Эртель. Гарденины, их дворня, приверженцы и враги) (ССПП «где самопроисходит»); *Запоздалый ручей.* ***В лесу тепло*** (Пришвин. Лесная капель); *В полуденный час* ***в дубраве было прохладно*** *и тихо* (Варламов. Купавна) (ССПП «где есть каково»); *Вот уж и первые* ***заморозки ударили***, *и вдруг потемнело небо*… (Попов. Стыковка) (ССПП «где есть какое состояние») и др.

Отмечаем, что такое состояние с низкой температурой воздуха как *морозно*, *морозит*, *мороз*, *холод*, *холодать* и под. не для всякой картины мира будет комфортным. Но для климатических условий России оно характерно и воспринимается как соответствующее норме при небольших отрицательных показателях (до минуса десяти градусов): ***Было тепло***, ***градусов десять ниже нуля***. *Воспитанный Чехом*, *я бесстрастно не впускал в себя оскорблений типа* «*штабной сосунок*» (Азольский. Диверсант).

Когда состояние природы, оцениваемое как соответствующее норме, начинает от нее отклоняться, высказывания включают уточнения того температурного минимума или максимума, который влечет состояние дискомфорта.

Например: *Было довольно* ***холодно***, ***градусов за десять***, *а Груня стояла на высоком крыльце в трикотажной сорочке*, *плотно обтягивающей ее мощное*, *ядреное тело*, *запрокинув голову*, *любовалась луной* (Черкасов. Чер-

ный тополь); – *Паникуй не паникуй – все.* ***Шибко морозно-то***? – ***Градусов пятьдесят есть*** (Шукшин. Как помирал старик).

Вторая группа высказываний – это те, что представляют состояния, являющие собой *некоторое отклонение от нормы*: фиксируются либо состояния природы с очень высокой, либо с очень низкой температурами, дискомфортными для человека (лексемы *горяч*, *жара*, *жарко*, *знобко*, *зной*, *зябко*, *колко*, *люто*, *марить*, *накален*, *палить*, *парить*, *печь*, *раскалиться*, *студено*, *стыть*, *сурово* и др.). В такой «полярности» природных состояний видим проявление идеи дихотомичности.

Например: *Кто его знал, что на реке по ночам так* ***студено*** *будет* (Мамин-Сибиряк. Вольный человек Яшка); *В воздухе становилось сыро и* ***знобко***. *Насилу добрались до Услона, который стоит на высоком берегу Волги* (Телешов. На тройках); *Он бросился бежать в сад; но в саду* ***жарко*** (Гоголь. Иван Федорович Шпонька и его тетушка); – ***Люто***! *Ох,* ***люто***! *А неугомонный Целуйко продолжал восхищенно рассказывать о чем-то радостном* (Бубеннов. Белая береза) и др.

Высказывания с семантикой «состояние природы, проявляемое изменением температуры», построенные по специализированным структурным схемам, выявляют в содержании типовой пропозиции «состояние природы» признак ‘*температура*’.

3.8. Высказывания с семантикой «состояние природы, проявляемое наличием/отсутствием звуков».

Значительная часть высказываний нашей выборки, построенных прежде всего по специализированным структурным схемам – «где есть каково» и «где самопроисходит», фиксирует разнообразные «звуковые» состояния природы – «звуки, издаваемые животными, птицами, насекомыми, возникшие благодаря движению ветра, воды и других природных объектов» [Волохина, Попова 2003 (а): 61] или отсутствие таковых (13,5 % высказываний выборки): *Над холмом уже* ***клокотало***, ***било***, *лило* (Булгаков. Великий канц-

лер); *Вдали густо* ***заворчало*** (Булгаков. Мастер и Маргарита); *Отдаленно* ***ворчало***, ***погромыхивало*** (Толстой. Петр Первый) (ССПП «где самопроисходит»); *Некоторое время было* ***тихо*** (Грин. Бегущая по волнам); *В лесу* ***тихо*** (Островский. Как закалялась сталь) (ССПП «где есть каково») и др.

Высказывания с семантикой состояний, проявляемых звуками, могут быть дифференцированы на несколько групп:

1) с семантикой «звукового» состояния, основанного на имитации звуков, издаваемых живыми существами (животными, человеком, птицами) (лексемы, маркирующие предикативы названных схем, имеют сему ‘звук’: *ахать* (‘издавать звуки, похожие на восклицание «ах!»’), *взвизгивать* (‘издавать визг’), *вздохнуть* (‘издавать звук, похожий на вздох человека’), *ворчать* (‘издавать звуки, похожие на бормотание человека’), *выть* (‘издавать вой’), *реветь* (‘издавать рев’), *свистеть* (‘издавать свист’), *стонать* (‘издавать протяжные звуки’), *ухать* (‘издавать громкие, отрывистые звуки’), *шипеть* (‘издавать глухие звуки, напоминающие протяжное произношение звука «ш»’)).

Например: *А за рекой бухало*, *стукало*, ***ахало***… (Толстой. Хождение по мукам); *И с тех пор уже ни на одну минуту не утихала эта страшная гроза. И днем*, *и ночью*, *и под землей*, *и на земле*, *и в воздухе – гремело*, *рушилось*, *свистело*, *шипело*, ***взвизгивало***, *трещало*, ***стонало***, ***ухало***… (Пантелеев. Ленька Пантелеев); ***Посвистывает*** (Черкасов. Конь Рыжий) (ССПП «где самопроисходит») и др.;

2) с семантикой «звукового» состояния природы, когда источник звука осмыслен как неживое существо (высказывания формируются лексемами типа *бить* (‘производить звуки ударами’), *бухать* (‘производить глухой и сильный звук’), *греметь* (‘производить громкие звуки’), *громыхать* (‘производить громкие звуки, похожие на раскаты грома’), *грохнуть* (‘произвести сильный шум, грохот’), *грохотать* (‘издавать грохот’), *гудеть* (‘издавать длительный монотонный звук’), *клокотать* (‘издавать рокочущие звуки’), *стрелять* (‘издавать звуки, похожие на выстрелы’), *стукать* (‘издавать

звуки, похожие на удары от падающего твердого предмета'), *трещать* ('издавать треск'), *ударять* ('издавать громкие, отрывистые звуки'), *хрустнуть* ('издавать треск')).

Например: *При светлом небе* ***громыхало*** *неподалеку*, *и находил на лес пасмурный свет – только какая-нибудь сосна вспыхивала под одиноким лучом* (Коваль. Гроза над картофельным полем); *Где-то вдали сверкали молнии*, ***грохотало***… (Иванов. Сердце Пармы); *Метели часто*, *всю ночь –* ***гудит***, ***гудит***, *думаешь*, *ну*, *на целую неделю*, *не меньше*, *а утром – тишина*, *спокойствие* (Гончаров. Целую вам руки) (ССПП «где самопроисходит») и т.п.

Состояния этой группы различаются, как можно видеть из семантики перечисленных лексем, маркирующих предикатив схемы «где самопроисходит», «качеством» звука, его монотонным или прерывистым характером, степенью громкости и длительностью. Например, **гудеть** – состояние, проявляющиеся монотонным длительным звучанием, **стрелять** – проявляющиеся резкими отрывистыми громкими звуками, **бухать** – резкими, отрывистыми звуками, но глухими и т.д. Однако по таким критериям, как природа источника звука («натуральные» звуки, естественно существующие в окружающем человека мире) и информационное содержание (характеризующие среду звуки) [*см.*: Якупова 2008: 979], все эти звуковые состояния природы едины.

3) Высказывания с семантикой состояния с недифференцированным звучанием (предикативы типа *гулко* ('не вполне ясно, с шумом'), *звонко* ('со звуками'), *шумно* ('с шумом'), *шуметь* ('издавать шум')).

Например: ***Гулко*** *и холодно было на земле в те давние времена* (Лазарчук, Успенский. Посмотри в глаза чудовищ); *Над речкой*, *в полыньях*, *по стремнине плывет холодный туман – парун*, *кругом* ***звонко***, *гулко* (Евдокимов. Медвежий угол) (ССПП «где есть каково»); *…Там*, *где осиновая роща*, *предостерегающе* ***зашумело*** (Ляленков. Просека) (ССПП «где самопроисходит») и др.

Затрудняясь диагностировать и «закрепить» в предикатной лексеме способ звучания, Наблюдатель с целью уточнения в подобных высказывани-

ях использует указание на причину «шумового» состояния, называет источник-причину звука: *В кедровнике было* ***шумно от стука барцев***, ***от говора и смеха*** (Марков. Строговы) (ССПП «где есть каково»).

4) Высказывания, представляющие состояния, проявляемые отсутствием звуков (предикативы, маркируемые словами категории состояния типа *глухо* (в значении ‘беззвучно’), *немо* (‘тихо, погружено в безмолвие’), *тихо* (в значении ‘беззвучно’)).

Например: *Но кругом было* ***глухо***, *как бывает только в осеннем ненастном поле* (Носов. Шопен, соната номер два); *Выйдя из дому*, *я пошел по улицам*, *– они были страшны*: ***немо***, *тепло*, *сыро*, *всюду вокруг*, *в голых садах и среди тополей бульвара*, *густо стоит белый туман*, *смешанный с лунным светом…* (Бунин. Жизнь Арсеньева); ***Тихо*** *было кругом…* (Залыгин. Комиссия) и др.

Количество высказываний с лексемами четвертой группы в русской языковой картине мира XIX – XX вв. велико (и здесь вновь «вступает в действие» идея дихотомичности природных состояний). Оно составляет 78,1 % от всех «звуковых» состояний природы. Стремление русских к *состоянию тишины*, осмысляемого именно как *беззвучие*, а не *неподвижность*, вероятно, обусловливается несколькими фактами. Во-первых, самим ходом истории и длительным отсутствием у славянской цивилизации «сопряженности с морем». Именно этой причиной объясняет Е.М. Верещагин, обращаясь к анализу славяно-русской рукописи из собрания Российского Государственного Архива Древних Актов – «Ильиной книге» (XII в.), разницу концептуализации *тишины* в языковой картине мира Древней Руси и Древней Греции [Верещагин 2002: 304].

Во-вторых, утомлением человека от формирующейся в XIX – XX веках «качественно новой акустической среды» – целого мира новых звуков, «рожденных современной цивилизацией» [Григоренко 1999: 77]. Неудивительно, что человек стремится из шумного города на лоно природы, на русские просторы, «над которыми теряется и затихает звук любой силы» [Мещеряко-

ва 2008: 25], которые убаюкивают своим великолепием и окутывают тишиной, исцеляющей, дающей силы. *Тишина* в русской языковой картине мира – это совершенно особое состояние, состояние, располагающее к размышлениям, погружению «в себя». *Тишина*, полная величия, устойчиво ассоциируется в русском сознании с умиротворением, покоем: *Зато было* ***тихо***, ***покойно***, ***казалось***, *людские страсти не проникают сюда* (Быков. Облава); *Было* ***тихо***, ***спокойно***… (Домбровский. Факультет ненужных вещей); *В лесу было* ***тихо*** *и* ***покойно***. *Утихший к полудню ветер не шевелил ветвями*, *неподвижно стояли разомлевшие от жары сосны* (Быков. Короткая песня) (ССПП «где есть каково») и др. В наступившей тишине человек «сливается с миром», прикасаясь к его тайнам. Это есть «обретение Бога, или обретение бесконечности», которыми он обладал в былом единстве с природой [Дмитровская 1994: 125–126].

Третьим фактором, обусловившим *желание* тишины в русской языковой картине мира, становится, на наш взгляд, Великая Отечественная война, осмысливаемая как величайшее потрясение XX века. *Состояние тишины в природе* в русской языковой картине мира XX века приобретает особый смысл и амбивалентную природу: она противостоит хаосу войны и вместе с тем становится тревожной, тягостной, мертвой, настораживающей: *Пустынно и* ***тихо*** *было возле небольшой речушки*, *из которой пили*, *в которой смывали*, *конечно*, *грязь и пот*, *обмывали раны и немецкие*, *и русские солдаты*, *в которую падали немецкие и русские снаряды*, *берега которой размалывали колеса и гусеницы наших и вражеских машин* (Черкасов. Вечный зов); *Но было пустынно и* ***мертвенно-тихо*** *вокруг* (Бондарев. Горячий снег); *Было* ***тихо***, *совсем не верилось*, *что недавно здесь кипел бой* (Иванов. Вечный зов) (ССПП «где есть каково») и др.

Высказывания с семантикой состояния, проявляемого наличием/отсутствием звуков, отображающих метеорологические ситуации, способны строиться и по некоторыми из неспециализированных структурных схем – «где есть какое состояние», «что находится в каком состоянии», «что есть ка-

ково по состоянию», «что есть полно какого состояния/каким состоянием», «что есть погружено в какое состояние», «что погружается в какое состояние». Разнообразные необходимые компоненты этих схем (предикативы, компоненты, занимающие позицию средства наполнения) фиксируются лексемами, несущими сему ‘звук’: *безмолвен* (‘молчалив’), *затишье* (‘состояние временного прекращения шума’), *молчание* (‘состояние без звуков’), *молчать* (‘быть погруженным в безмолвие’), *нем* (‘тих, безмолвен’), *смолкнуть* (‘погрузиться в безмолвие’), *тишина* (‘состояние без шума, безмолвие’) и др.

Например: *Та же глубокая* ***тишина*** *и мир лежат и на полях*… (Гончаров. Обломов); *Вдали широко и свободно трепетала колючим серебром равнина моря*, *замкнутый заливчик и весь его скалистый уют*, *все жарче пекло солнце*, *и такая* ***тишина*** *стояла в этой знойной пустыне и скал и мелкого южного леса*… (Бунин. Месть); *Мертвое* ***молчание*** *стыло во всем мире в этот предрассветный час* (Бунин. Веселый двор) (ССПП «где есть какое состояние»); *Бледное*, *млечно-зеркальное*, *оно* [море – О.С.] *летаргически-недвижно* ***молчит*** (Бунин. Ночь) (ССПП «что находится в каком состоянии»); *Лес был* ***безмолвен***… (ССПП «что есть каково по состоянию») (Пильняк. Мать сыра-земля) и др.

Анализ высказывания с семантикой «состояние природы, проявляемое наличием/отсутствием звуков», в основе которых специализированные структурные схемы, позволяет нам выявить признак ‘*звучность*’ типовой пропозиции «состояние природы».

3.9. Высказывания с семантикой «состояние природы, проявляемое распространением веяний или запахов».

В русской языковой картине мира XIX – XX века высока доля высказываний, в которых Наблюдатель идентифицирует природное состояние на основе данных, полученных от осязательных или обонятельных анализаторов. Состояние в этом случае «разлито» в воздушном пространстве. Высказывания, в основе которых лежат специализированные структурные схемы

«где есть каково», «где пахнет чем» и «где действует чем откуда/куда», представляют такие состояния, которые проявляются запахами/веяниями или их отсутствием (11 % высказываний выборки).

Например: ***В воздухе уже не так сильно пахло***, *– в нем снова как будто разливалась сырость* (Тургенев. Записки охотника) (ССПП «где пахнет чем»); ***По зорям от широкого лона реки***, ***от ее неоглядных берегов и синеющих далей веяло такой здоровой свежестью***, ***такою ароматной влагою – крепким запахом дубовой зелени***, *что*, *казалось*, *с каждым вздохом впитываешь в себя молодость и бодрость* (Бунин. «Казацким ходом») (ССПП «где действует чем откуда/куда»); ***Было ветрено***; *над плещущей равниной Онеги медленно плыли низкие свинцово-черные тучи* (Герман. Россия молодая) (ССПП «где есть каково») и др.

Среди лексем, маркирующих предикативы указанных схем, в значении которых содержится сема ‘веяние’ или ‘запах’, нами были отмечены следующие: *ароматно* (‘насыщено запахами’), *безветренно* (‘о погоде: без ветра’), *ветрено* (‘о погоде: с ветром’), *душисто* (‘насыщено запахами’), *смрадно* (‘наполнено отвратительными запахами’), *вонять* (‘издавать сильный, неприятный запах’), *пахнуть* (‘издавать запах’), *веять* (‘слабо, прерывисто дуть’), *дуть* (‘распространяться’), *дохнуть* (‘повеять чем-либо’), *нести* (‘распространяться’), *наносить* (‘веять’), *попахивать* (‘слегка, немного пахнуть’), *тянуть* (‘дуть слабо, но непрерывно’).

Например: *Садилось солнце*, *пыль оседала*, *от близкой реки* ***наносило*** *пресным теплом* (Екимов. Пастушья звезда) (ССПП «где действует чем откуда/куда»); *Тонко* ***пахло*** *в ночном воздухе зеленями*, *мирно было в степи*, *тихо в темной деревне…* (Бунин. Эпитафия) (ССПП «где пахнет чем»); *В долине было душно и* ***безветренно***, *тусклое марево поднималось от черных блестящих скал* (Ефремов. На краю Ойкумены); *Как звонко*, *радостно*, ***ароматно*** *и красиво было* ***вокруг***! (Куприн. Погибшая сила) (ССПП «где есть каково») и т.п.

Все состояния, проявляемые распространением, могут быть дифференцированы по двум признакам: *характеру распространения (веяние/запах)*; *степени своей интенсивности.*

Начнем с рассмотрения первого критерия и отметим, что классификация веяний в русской языковой картине мира не отличается разнообразием. Состояния, проявляемые ими, описываются как *свежесть*, *прохлада*, *тепло*, *зной* (ССПП «где действует чем откуда/куда») или *ветер* (сема ‘ветер’ включена в значение лексем *ветрено*, *безветренно*, обнаруживаемых в высказываниях, построенных по ССПП «где есть каково»).

Например: *Опять тянуло только* ***теплом***, *– как всегда перед рассветом*, *близость которого уже чувствовалась там*, *на восточном небосклоне, где горизонт уже чуть серебрился* (Бунин. Жизнь Арсеньева); *После продолжительного зноя под вечер потянуло* ***прохладой*** *с мокрого угла* [северо-западная часть неба – *О. С.*], *и скоро все небо застлалось тучами* (Мельников-Печерский. В лесах) (ССПП «где действует чем откуда/куда»); ***Было ветрено***; *по двору на свет большого желтого фонаря летели листья* (Домбровский. Факультет ненужных вещей) (ССПП «где есть каково») и др.

Состояния, проявляемые собственно веяниями или их отсутствием, в основном маркируются структурной схемой «где есть каково» (*ветрено*, *безветрено*) и «где действует чем откуда/куда», в которой предикатив вербализован лексемами с семой ‘перемещение’, легко «открывающими» место для конкретизирующего веяния – «тепло/холод».

Перечень представляемых запахов, разливающихся в воздухе, в отличие от воспринимаемых Наблюдателем веяний, в русской языковой картине мира XIX – XX вв. очень широк. Умение распознавать и именовать естественные природные запахи в современном городском мире объясняется, вероятно, особым «чувством природы», присущим русским, одухотворением ее и любованием ею.

Все распространяемые в природе запахи дифференцированы нами на основании двух критериев – *степени сложности* и *оценивания* его Наблюдателем как *приятного* или *неприятного*.

По степени сложности классифицируем запахи на *моносоставные* (например, запахи, издаваемые деревьями, кустарниками, травами типа запах *лопухов*, *крапивы*, *донника*, *дубовой зелени*, *елей*, *жасмина* и мн.др.; запахи, связанные с хозяйственной деятельностью людей типа запах *дыма*, *гари*, *нефти*, *бензина*, запахи *продуктов* и др.) и *полисоставные* (запахи атмосферных осадков, сезонных явлений типа *оттепели*, *заморозков*, *снега*; времен и месяцев года (*весны*, *зимы*, *осени*, *лета*, *февральской свежести*, *осеннего тления*); запах *почвы*, *леса*, *поля*, *луга*, *моря*, *реки*, т.е. различных природных объектов. Полисоставные запахи слагаются, как правило, из множества разнородных компонентов: *запах моря* из запахов водорослей, рыбы, соли, песка и т. п.; *запах леса* – из запахов цветов, грибов, хвойных и лиственных деревьев, кустарников, мхов, смолы, плесени, сырости и т. п.

Например: ***Гарью*** *запахло – значит*, *пожар разгорается не на шутку*, *но где*, *близко ль*, *далеко ль*, *не знает никто* (Мельников-Печерский. В лесах); *Пахнет новым* ***снегом*** (Бунин. Последняя весна); *Запахло* ***сыростью*** **(**Гончаров. Обломов) (ССПП «где пахнет чем») (моносоставные запахи); *Пахло* ***оттепелью*** (Завадовский. Золото); «*Правда*, *правда*! *– думаю я*. *– В городе даже* ***весною не пахнет***. *А вот тут пахнет*. *И проруби вон уже почернели*, *оттаивать стали…*» (Бунин. В деревне); *Пахло* ***началом*** *городской* ***зимы****…* (Пастернак. Доктор Живаго); *В воздухе пахнет* ***землею –*** *тем несколько прелым*, *сыроватым запахом*, *который издает по весне земля*, *набирающаяся могучей жизненной силы* (Крестовский. Петербургские трущобы); (ССПП «где пахнет чем») (полисоставные запахи) и др.

Поскольку запахи наименее объективны из всех чувственных впечатлений [*см.*: Рузин 1994: 86] и их строгой классификации до сих пор не создано [*см.*: Никольская 2003: 503], то дифференциация запахов по второму критерию на *приятный* (запахи времен года, сезонных явлений, растений, приго-

товленной пищи и др.) и *неприятный* (запахи медицинских препаратов, дыма, гниения, сырости, пыли и др.) является условной, полностью зависящей от Наблюдателя, который в конкретный момент времени оценивает «пахучую ауру» среды.

Например: *Сильней всего пахло любимым растением Егора – полынью* (Бунин. Веселый двор) (ССПП «где пахнет чем»). Герою рассказа запах полыни нравится, нравится он и нам, но, возможно, кем-то он мог бы быть классифицирован как неприятный. Или: *Сладко пахло корицей, гниющими плодами и фруктами, привезенными из далеких жарких стран* (Герман. Россия молодая). Запах корицы, действительно, великолепен, добавленная в выпечку корица придает тесту удивительный аромат, но как расценить запахи гниющих плодов? Ср.: *Бражно пахло молодой травой, отсыревшим черноземом* (Шолохов. Поднятая целина) (ССПП «где пахнет чем»). Так написать о запахе мог только М. Шолохов с его умением проводить параллели между миром природы и людей. Пахло *бражно…* Что это значит? В словаре С.И. Ожегова читаем: *брага* – слабоалкогольный напиток, род домашнего пива; прил. *бражный*; *бражничать* – пьянствовать, кутить, гулять [Ожегов, Шведова 1997: 57–58]. *Пахло бражно – пахло сильно, до опьянения.* Классифицируем запах как приятный. Подобных высказываний с неоднозначно квалифицируемыми запахами можно привести множество.

В русской языковой картине мира XIX – XX вв. даже неприятные природные запахи, связанные с увяданием, гниением, засыханием, обычно «поэтизируются», «элегически окрашиваются», «оправдываются» цикличностью смены цветения и увядания: *Летом в этом лесу была постоянная влага*, *стояло непрерывное затишье*, *пахло* ***сыростью***, ***гнилью***, *болотными растениями и в сказочном изобилии росла ежевика* (Эртель. Гарденины, их дворня, приверженцы и враги); *В саду пахло землей и* ***опавшими листьями*** (Грекова. Под фонарем); *В воздухе пахнет* ***первобытной гнилью***, *ноги по щиколотку уходят в рыхлую*, *прохладную землю* (Искандер. Дедушка) (ССПП «где пахнет чем») и др. Неприятный запах в природе иногда способен выполнять сиг-

нальную функцию, указывая на возникшую дисгармонию слагающих ее элементов, обусловленную вмешательством человека: *Палило солнце. На желтой осоке*, *на сером грунте полярной земли валял дурака нечесаный человек в драной рубахе.* ***Пахло сыростью***, ***горьковатым запахом взрывчатки***, ***дымом горящей тундры*** (Куваев. Территория); ***А теперь в степи пахло дымом***. *Вздымались черные столбы минных разрывов*, *авиационных бомб*, *артиллерийских снарядов* (Ильина. Четвертая высота) (ССПП «где пахнет чем») и т.п.

Встретились в нашей выборке высказывания и с переносным значением глагола *пахнуть* (*пахнуть – перен*. О чем-нибудь предполагаемом или ожидаемом: чувствовать, ощущаться *(разг.)* [Ожегов, Шведова 1997: 496]) , когда «речь уже идет не о запахах, а о настроениях присутствующих, психологических восприятиях» [Волохина, Попова 2003 (а): 62]: *Пахло снегом*, ***схваткой***, *пахло* ***смертью*** (Шишков. Угрюм-река); *В воздухе пахло порохом и* ***кровью*** (Серафимович. Бомбы); *Семь лет прошло – все равно пахло* ***войной*** (Щербакова. Год Алены) (ССПП «где пахнет чем») и т.п.

Самыми продуктивными для вербализации состояний, проявляемых запахами, являются высказывания, построенные по схеме «где пахнет чем». Предикатив этой схемы преимущественно маркируется нейтральной, не содержащей в своем составе сем, указывающих на интенсивность проявления запаха или его качество, лексемой *пахнет* (в отличие от глагола *воняет*, обнаруживающего сему ‘неприятный запах’).

Например: *В воздухе* ***пахло*** *свежим снегом*, *щеки у Шуры зарумянились*, *она с блестящими глазами нагнулась и снизу заглянула в глаза мужу* (Кнорре. Жена полковника); *В городе даже весною* ***не пахнет*** (Бунин. В деревне); *Кружились снежинки*, *и в лесу* ***пахло*** *весной* (Козлов. Правда, мы будем всегда?) и др.

Интересным кажется кодирование состояний, проявляемых запахами, высказываниями со словами категории состояния *смрадно* и *душисто*, представляющими градуальные состояния по степени приятия/неприятия запаха и

не требующими никаких конкретизаторов (ССПП «где есть каково»): *Морозно*, ***душисто*** (Бунин. Последняя весна) (сема ‘приятный запах’ включена в значение слова категории состояния *душисто*); *Неприветная дорога*, *сумрачная… По обеим сторонам ели вековые наверху ветвями сплелись*, *света белого не видно. Когда полями шли*, *перелесками*, *по опушкам*, *взгляду было где разгуляться. И солнце видно*, *и дали*, *и воздуху кругом полно*, *в общем*, «*красота*», *как Жора говорил*, *а здесь даже дыхание сперло – сыро*, *душно*, ***смрадно*** (Кондратьев. Сашка) (сема ‘неприятный запах’ включена в значение слова категории состояния *смрадно*).

Состояния, проявляемые веяниями или запахами, по второму критерию – *степень интенсивности* – можно дифференцировать на три группы: ***слабая степень*** (*веять*, *дохнуть*, *попахивать*, *тянуть*), ***средняя*** (*ветрено*, *пахнуть*, *дуть*), ***сильная*** (*душисто*, *смрадно*, *вонять*, *нести*, *наносить*).

Например: *Где-то далеко*, *в балке*, *наверное*, *был пруд или степной лиман. От него* ***потянуло*** *запахом ила*, *камыша* (Шолохов. Поднятая целина); *По зорям от широкого лона реки*, *от ее неоглядных берегов и синеющих далей* ***веяло*** *такой здоровой свежестью*, *такою ароматной влагою – крепким запахом дубовой зелени*, *что*, *казалось*, *с каждым вздохом впитываешь в себя молодость и бодрость* (Бунин. Казацким ходом) (ССПП «где действует чем откуда/куда»); *В раскидистой тени огромной первой ивы они остановились и оглянулись. Теперь*, *когда* ***не воняло***, *а зеленая влажная свежесть достигла их*, *когда церковь оказалась на холме*, *не видно было страшной изувеченности земли*, *только птичьи точки метались и плавали вокруг колокольни – смотреть отсюда было приятно* (Солженицын. В круге первом) (ССПП «где пахнет чем») и др.

Среди неспециализированных структурных схем состояния, проявляемые запахами/веяниями, маркированы схемами «где есть какое состояние», «что есть каково по состоянию», «что есть какое по состоянию», «что есть полно какого состояния/каким состоянием»: *Карета быстро неслась …вдоль созревающих нив*, *где воздух был душен и* ***душист****…* (Тургенев. Накануне)

(ССПП «что есть каково по состоянию»); *Воздух* ***пьяный*** (Толстой. Петр Первый) (ССПП «что есть какое по состоянию»); *Воздух* ***насыщен*** *бодрящей* ***свежестью*** *близкого моря* (Шишков. Емельян Пугачев) (ССПП «что есть полно какого состояния/каким состоянием»). Высказывания, подобные приведенным, в нашем материале встречаются спорадически.

Высказывания этой группы тоже реализиуют идею дихотомичности состояний природы: они фиксируют состояния, проявляемые приятными и неприятными запахами.

Высказывания с семантикой «состояние природы, проявляемое распространением веяний или запахов», в основе которых лежат специализированные структурные схемы, актуализируют такой признак типовой пропозиции «состояние природа», как ‘*распространение*’.

3.10. Высказывания, репрезентирующие комплексные состояния.

Особую группу в русской языковой картине мира XIX – XX вв. составляют высказывания с лексемами типа *буря* (‘ненастье с сильным разрушительным ветром’), *буран* (‘снежная буря, метель в степи’), *вьюжить* (‘о сильной, снежной буре’), *вьюжно* (‘с снежной бурей’), *вьюга* (‘ненастье с сильным ветром и обильным выпадением снега’), *гроза* (‘бурное ненастье с дождем, громом и молниями’), *метель* (‘ненастье с снегом и ветром’), *ненастье* (‘дождливая, пасмурная погода’), *непогода* (‘плохая погода, ненастье’), *погода* (‘состояние атмосферы’), *оттепель* (‘теплая погода с таяньем снега’), *пуржить* (‘о сильной, снежной буре’), *тайфун* (‘ураган большой силы’), *ураган* (‘сильная разрушительная буря’), *шторм* (‘сильная буря на море’), *штормить* (‘о шторме: бушевать’) и под. В основе высказываний с этими лексемами лежат две специализированные структурные схемы «где есть каково» и «где самопроисходит», а также неспециализированные «где есть какое состояние» и «где нет какого состояния», находящиеся в отношениях антонимии (2,8 % высказываний выборки).

Например: *Оттепель* (Пришвин. Кащеева цепь); *Началась пурга* (Эртель. Записки Степняка); ***Уже началось осеннее ненастье*** *и слякоть*, *и ночь темнела густым осенним мраком*; *и в тяжести этого мрака чувствовалось*, *как далеко солнце – как давно оно ушло и как еще не скоро вернется* (Андреев. Губернатор) (ССПП «где есть какое состояние»); – *Возьми меня*! – *Замерзнешь*, *гляди*, ***как вьюжно***! *И уходила она за семь верст*, *по дороге*, *затерянной в снежных полях* (Горький. Детство) (ССПП «где есть каково») и др.

Высказывания, входящие в эту десятую группу, дифференцировать по способу проявления однозначно нельзя, поскольку маркируемые ими состояния природы проявляются и исчезновением света, и звуками, и веяниями, и движениями, и повышением или понижением температуры, и т.п., каждое из состояний включает целый спектр атмосферных осадков и явлений, их слагаемых: **гроза** – гром, ветер, дождь, молнии; **буран**, **буря**, **бурно**, **вьюжно**, **вьюга**, **пурга**, **вьюжно-морозно**, **пуржить**, **метель** – ветер, снег, холод; **оттепель** – повышение температуры, таяние снега; **шторм**, **штормить** – движение волн, мрак, затянутое облаками небо; **ненастье**, **непогода, погода** – «слагаемые» зависят от «типа» непогоды/погоды и времени года; **ураган**, **тайфун** – ветер, изменение температуры, перемещение воздушного потока и т.п. Такие состояния природы, проявляющиеся одновременно сочетанием каких-либо явлений, называем *комплексными.*

В русской языковой картине мира XIX – XX вв. комплексные состояния в основном представлены различными разновидностями «общего» состояния *ненастья*, *непогоды*, которое в свою очередь дифференцируется на различные состояния *бури*: **снежные** (*вьюжно*, *пуржить*, *буран*, *метель*, *вьюга*, *пурга*, *вьюжить*, *пуржить*, *буря*), **песчаные** (*гроза*, *буря*, *ураган*), **морские** (*шторм*, *штормить*, *ураган*, *тайфун*): – *Большой* ***песчаный буран будет***, – *заметил монгол-рабочий*, *взглянув на небо* (Обручев. Видение в Гоби); *Темнеет*, *к ночи* ***поднимается вьюга*** (Бунин. В поле); ***Гроза начнется***, – *арестант повернулся*, *прищурился на солнце*, – *позже*, *к вечеру* (Булгаков. Мастер и Маргарита); ***Накануне был шторм***, *и я боялся*, *что вода окажется*

мутной, *но она была прозрачная и тихая*, *как тогда* (Искандер. Время счастливых находок) (в основе всех приведенных примеров лежит ССПП «где есть какое состояние») и др.

«Разновидность» ненастья может быть и не названа конкретно, но ясна из контекста: ***Собиралось ненастье***, *изломы молний сверкали на черно-синем небе с востока* (Белов. За тремя волоками) (ССПП «где есть какое состояние»: из контекста ясно, что речь идет о *грозе*); ***Весеннее ли ненастье***, *летнее пекло*, *когда к вечеру от жары темнеет в глазах и корочка соли запекается на губах* (Екимов. Пастушья звезда) (весенняя оттепель, таяние снега, слякоть) и т.п.

Из перечисленных наиболее частотными являются высказывания с лексемами, маркирующими различные «виды» *бури*: *вьюжно*, *пуржить*, *буран*, *метель*, *вьюга*, *пурга* и др. Они способны образовывать синонимические ряды, различающиеся степенью проявления состояния: *метель – вьюга – пурга – буран*; *вьюжить – пуржить* [Словарь синонимов 1997: 230], *буря – ураган – тайфун – шторм* [Клюева 1961: 31], и объединенные отношением к «общему» состоянию *бури.*

Например: *Темнеет. За окном* ***бушует метель*** (Пантелеев. Ночные гости); *Я шел за гробом пешком*, ***была страшная вьюга***, *я продрог до костей* (Апухтин. Между жизнью и смертью); *Красную тряпочку они взяли с собой жить и поспешили обратно*, *потому что* ***начиналась пурга*** (Садур. Старик и шапка); ***Буран свирепствовал*** *в степи трое непроглядных суток*, *а просветление наступило в одночасье* (Павлов. Казенная сказка) (ССПП «где есть какое состояние»); *Но еще тише было в детстве*: *то ли мне исполнилось пять и* ***пуржило*** *четыре дня*, *то ли исполнилось четыре*, *а* ***пуржило*** *пять дней* (Джин. Учитель); *За окном* ***вьюжило***, *надвигались ранние зимние сумерки* (Воскресенская. Сердце матери) (ССПП «где самопроисходит») и др.

В словарях синонимов в качестве синонимичной к лексеме *буря* выступает *ураган* [Словарь синонимов 1997: 46], однако отличие их состоит в степени разрушительности последствий. В русской языковой картине мира раз-

личные состояния *снежных бурь* не фиксируются как значительно отклоняющиеся от нормы, это вполне характерное для зимы состояние. В то время, как состояние *урагана* несколько «инородно», отмечено сильными разрушительными последствиями. Вербализуется оно спорадически встречаемыми в нашем языковом материале высказываниями: *Там*, *в Омске*, *был ясный солнечный день с хрустящим искрящимся снегом*, *а в Москве* ***буйствовал шквальный ураган***, *и аэропорт не принимал самолетов* (Маркова. Каприз фаворита); *В субботу ночью на Москву* ***обрушился страшной силы ураган*** (Савельев. Аркан для букмекера) и некоторые др.

Низкочастотна и лексема *тайфун*, поскольку данное состояние характерно преимущественно для природы стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (Вьетнам, Гонконг, Индонезия, Камбоджа, КНДР, Япония, Малайзия и др.). В России оно возможно лишь на определенной территории – в дальневосточных регионах (Приморский край, Сахалинская область и др.). Не во всех синонимических словарях русского языка лексема *тайфун* отмечена как синоним к слову *буря*, *ураган* [Словарь синонимов 1997], хотя в русской языковой картине мира *тайфун* – это тоже «разновидность» *бури*: *Мы все говорим полисмену*: «*Надо лодки вытягивать*, ***будет страшная буря – тайфун***, *нас всех в черепки переколотит*» (Житков. Урок географии); – ***Тайфун будет***, – *заметил он и*, *увидав*, *что Ласкин беспокойно заерзал*, *усмехнулся* (Шпанов. Домик у пролива) (ССПП «где есть какое состояние») и др.

Следует отметить, что в наивной картине мира, с которой мы и работаем, гораздо меньше дифференцированы состоянии «ненастья», чем в научной. Так, шкала Бофорта, используемая в международной синоптической практике, является 12-балльной, ранжируя состояния от безветрия до урагана [Большая советская энциклопедия 1969−1978// http://dic.academic.ru]. А шкала ураганов Саффира-Симпсона вычленяет целых 5 разновидностей ураганов [*см.*: The Columbia Encyclopedia 2001−2007// http://education.yahoo.com].

Частотность высказываний, классифицированных по способу проявления состояния природы, в русской языковой картине мира XIX − XX веков представлена в **Приложении 5**.

Следует отметить, что, анализируя высказывания с семантикой «состояние природы» в русской языковой картине мира XIX – XX веков, для сравнения мы привлекли фольклорные тексты. В качестве рассматриваемого жанра были выбраны сказки (волшебного, авантюрного или бытового характера), размещенные на сайте Фундаментальной электронной библиотеки «Русская литература и фольклор». Этот выбор обусловлен тем, что, во-первых, сказки представляют собой *прозаический* художественный устный рассказ, а во-вторых, в них отражается жизнь народа − изменения быта, природные условия, трудовые процессы и т.д.

Из текстов сказок была выбрана группа предложений с семантикой «состояние природы». Эти предложения по сравнению со сделанной и описанной нами выборкой по текстам отечественных авторов XIX – XX веков не отличаются разнообразием по структуре.

В основе выделенных примеров лежат четыре структурные схемы, две – специализированные и две – неспециализированные:

1) специализированные:

«*где есть каково*». Например: *Вот поп видит*: ***уж темно стало***, *а коров нету*, *и пошел искать по деревне* (сказка «Суд о коровах»);

«*где самопроисходит*»: Например: ***Как стемнело***, *слышу я*, *что моя хозяйка с своим другом в избе гуляет*; п*обежал в избу и только было хотел проучить жену маленько*, *а она ухватила палку*, *ударила меня по спине и сказала*: «*Доселева был ты мужик*, *а теперь стань черным кобелем*!» (сказка «Диво»);

2) неспециализированные:

«*что находится в каком состоянии*». Например: *Воронко бежит*, ***только земля дрожит***, *из очей пламя пышет*, *а из ноздрей дым столбом* (сказка «Сивко-бурко»);

«*где есть какое состояние*». Например: *Как нарочно*, ***в ту самую ночь собралась гроза***, *и полил сильный дождь* (сказка «Иванко Медведко»).

С точки зрения семантики высказывания представлены более дифференцированно. Среди них находим следующие группы:

1) высказывания, фиксирующие состояния природы, проявляемые светом или его отстутствием: ***Как только стемнеет*** *– оборочусь я сизокрылым орлом и перенесусь с тобой через стену* (сказка «Волшебный конь»);

2) высказывания с семантикой состояния природы, проявляемого покрытием: *Когда лиса увидела*, ***что прорубь замерзла***, *она сказала*: «*Побегу в деревню за медом*» (сказка «Лисичка-сестричка и волк»);

3) высказывания с семантикой состояния природы, проявляемого наполнением. Например: ***Созрела пшеница***; *мужик и гов*орит: «*Теперь ты что возьмешь*, *Миша*? *Корешок али вершок*?» (сказка «Мужик, медведь и лиса»);

4) высказывания с семантикой состояния природы, проявляемого изменением температуры: *К вечеру*, *когда солнышко стало гораздо опущаться к западу*, ***почему и в воздухе было не очень жарко***, *королевна Елена Прекрасная пошла в сад прогуливаться со своими нянюшками и с придворными боярынями* (сказка «Сказка об Иване-царевиче, жар-птице и о сером волке»);

5) высказывания с семантикой состояния природы, проявляемого движением: *Конь бежит*, ***только земля дрожит***, *из ушей и ноздрей дым столбом валит*, *изо рта огненное пламя пышет*; *стал перед ним как вкопанный* (сказка «Буря-богатырь Иван коровий сын»);

6) высказывания, фиксирующие комплексные состояния: ***Утром поднялась вдруг сильная буря***, *затряслась изба − прилетает змей*: «*Ага*! − г*оворит*. *− Прибыль есть*! *Оставил одного мужика*, *а нашел двух*. *Будет чем позавтракать*!» (сказка «Змей и цыган»);

7) высказывания с семантикой состояния природы, проявляемого звуками: *И вот смотрит стрелок −* ***в лесу зашумело*** *и на разбойников что-то налетело из-за деревьев*: *одного взбросит*, *другого вскинет*; *а кто нападает − никого не видать*! (сказка «Сказка о Бессчастном стрелке»).

Из перечисленных групп лишь три являются довольно частотными – высказывания с семантикой «состояние природы, проявляемое наличием или отсутствием света», высказывания с семантикой «состояние природы, проявляемое изменением температуры» и высказывания, номинирующие комплексные высказывания. Все остальные группы представлены единичными примерами. Суммарно на долю высказываний перечисленных трех групп приходится около 72 % примеров выборки из текстов сказок. Отметим, что выборка эта небольшая – всего лишь 69 примеров. Это свидетельствует о низкой частотности высказываний с семантикой «состояние природы» в фольклорном тексте. Возникает закономерный вопрос: каковы причины такой невостребованности анализируемых высказываний? На наш взгляд, это мотивировано концентрированностью сказки не на описании «фона» действия, а самих происходящих событий: внезапном наступлении некой беды, разрушением счастливой жизни семьи, странствий героя, бед и несчастий, благополучном исходе странствий, награде за упорство и труд [*см*.: Пропп 1928].

В текстах сказок состояния природы представлены преимущественно полярно, в своих «крайних» проявлениях: *светло – темно*, *морозно – жарко*. Такая дихотомия состояний в фольклоре, видимо, уходит своими корнями в глубокую древность: славяне представляли весь окружающий мир в двоичных системах: света и тьмы, левого и правого, верха и низа, дня и ночи, мужского и женского, холода и тепла, воды и суши, востока и запада, внутреннего и внешнего, своего и чужого и т.п. [*см*.: Шестеркина 2006; Ржепянская 2010].

Особенно важны для сказочных сюжетов состояния *света* и *тьмы*. Так, в темноте, сумерках всегда происходят таинственные превращения героев. Темнота выступает покровом, под которым часто вершатся злые деяния: *На другой день сестры поднялись на хитрости*: *вечером*, ***когда на дворе совсем стемнело***, *подставили лестницу*, ***набрали острых ножей да иголок и натыкали на окне красной девицы*** (сказка «Перышко Финиста ясна сокола»).

С приходом рассвета власть тьмы ослабевает: ***Как скоро рассвело***, *то старик*, *вставши и вышед из мельницы*, *пошел прямо к тому мосту* (сказка «Сказка о Климке»). Свет и тьма в сказке имеют символичный характер. *Свет* служит символом высокого нравственного начала. Он является метафорой добра, правды, бессмертия, чистоты, мудрости, радости, самой жизни. В противоположность этому *тьма* – символ смерти, греха, невежества, зла, зависти.

Выявленные идеи для фрагмента русской языковой картины мира XIX – XX веков – идея одушевления природы, идея целостности природы и человека, идея цикличности изменений состояний природы, идеи укрытия и пространственной беспредельности, идея дихотомичности состояний природы – проявляются не столько в конкретных высказываний с семантикой состояние природы (здесь, пожалуй, представлена лишь идея дихотомичности состояний природы), сколько в идейно-тематической организации текста сказки, системе образов.

3.11. О дискретности типовой пропозиции «состояние природы» в русской языковой картине мира и каталогизации внеязыковых ситуаций, описывающих различные состояния природы.

Анализ высказываний с семантикой «состояние природы» в русской языковой картине мира XIX – XX веков приводит нас к выводу о том, что типовая пропозиция «состояние природы» не является монолитной, она «распадается» на целый ряд типовых *микропозиций* и выступает по отношению к ним как типовая *макропропозиция*. Такие типовые макропропрозиции мы предлагаем называть *дискретными*, т.е. состоящими из нескольких «слагаемых» элементов (типовых микропропозиций) и существующих в их единстве.

В работах лингвокогнитологов, занимающихся проблемой типологизации концептов, вербализуемых лексическими средствами, спорадически можно встретить мысль о существовании в национальной концептосфере концептов особого типа. Тех, что являются «комплексным многоуровневым образованием, определить границы которого представляется возможным лишь через описание совокупности частных структурообразующих концептов, находящихся друг с другом в отношениях дополнительности (гроза – это молния + гром + осадки + состояние атмосферы + ветер)» [Фисенко 2009: 206; *о том* же: Стернин 2009: 26]. Такие концепты называют *композитивными*.

С учетом того, что мы видим в типовой пропозиции «состояние природы» феномен ментальной сферы, результат абстрагирующей и категоризующей деятельности человеческого сознания по типологизации ситуаций внеязыковой действительности, предлагаем выделить в типовой макропропозиции «состояние природы» следующие *микропропозиции*:

- «состояние, проявляемое наличием/отсутствием света»;
- «состояние, проявляемое наличием/отсутствием цвета»;
- «состояние, проявляемое наличием/отсутствием покрытия какими-либо объектами»;
- «состояние, проявляемое наполнением природного объекта/метеорологического пространства»;
- «состояние, проявляемое движением каких-либо объектов»;
- «состояние, проявляемое изменением структуры природных объектов»;
- «состояние, проявляемое изменением температуры»;
- «состояние, проявляемое наличием/отсутствием звуков»;
- «состояние, проявляемое распространением веяний/запахов»;
- «комплексное состояние природы»;
- «антропоморфное состояние природы».

Содержание каждой выделенной типовой микропозиции, на наш взгляд, можно структурировать в виде поля, выявив совокупность слагаемых когнитивных признаков (как это было сделано нами для типовой макропропозиции «состояние природы» в целом), и распределив их с учетом индексам яркости по ядерной и перифирийной зонам. Содержание типовых микропропозиций по одним признакам, полагаем, будет пересекаться (‘*стихийность*’, ‘*временность*’, ‘*фазовость*’, ‘*интенсивность*’, ‘*каузативность*’ и др.), по другим – различаться (‘*колористичность*’, ‘*звучность*’, ‘*покрытие*’, ‘*наполнение*’, ‘*движение*’, ‘*температура*’, ‘*насыщение*’, ‘*распространение*’, ‘*антропоморфность*’ и др.). Совокупность одинаковых признаков (они могут иметь колеблющийся индекс яркости) будет являться тем фактором, что позволяет объединять типовые микропропозиции в макропропозицию «состояние природы», обеспечивает возможность ее рассмотрения как целого; а различительные признаки будут разграничивать типовые микропропозиции, мотивируя возможность их существования в качестве отдельно взятых единиц мыслительной сферы.

Типовую макропропозицию и микропропозиции можно соотнести как *общее* и *частное*. Каждая типовая микропропозиция способна репрезентироваться совокупностью специализированных и неспециализированных структурных схем:

1) «*состояние природы*, *проявляемое наличием*/*отсутствием света*»: специализированные ССПП «где есть каково», «где самопроисходит»; неспециализированные ССПП «где есть какое состояние», «что находится в каком состоянии», «что есть каково по состоянию», «что погружается в какое состояние»;

2) «*состояние природы*, *проявляемое наличием*/*отсутствием цвета*»: специализированные ССПП «где есть каково», «где самопроисходит»; неспециализированные ССПП «что находится в каком состоянии», «что есть каково по состоянию»;

3) «*состояние природы*, *проявляемое наличием/отсутствием покрытия какими-либо объектами*»: специализированные ССПП«где есть каково», «где самопроисходит», «покрывает что (В.п.) чем»; неспециализированные ССПП «что находится в каком состоянии», «что есть каково по состоянию», «что есть какое по состоянию», «что есть в каком состоянии», «что покрывается чем», «что есть покрыто чем»;

4) «*состояние природы*, *проявляемое наполнением природного объекта/метеорологического пространства*»: специализированные ССПП «где есть каково»; неспециализированные ССПП «где есть какое состояние», «что есть каково по состоянию», «где нет какого состояния», «что есть какое по состоянию», «где нет какого состояния», «что есть полно какого состояния/каким состоянием»;

5) «*состояние природы*, *проявляемое движением каких-либо объектов*»: специализированные ССПП «где есть каково», «где самопроисходит», «где перемещает что (В.п.) откуда/куда»; неспециализированные ССПП «где есть какое состояние», «что находится в каком состоянии», «что есть каково по состоянию», «что есть полно какого состояния/каким состоянием», «где нет какого состояния»;

6) «*состояние природы*, *проявляемое изменением структуры объектов*»: специализированные ССПП «где самопроисходит», «где создает что (В.п., Р.п.)», «где разрушает что (В.п.)», неспециализированные ССПП «где есть какое состояние», «что находится в каком состоянии», «что есть каково по состоянию»;

7) «*состояние природы*, *проявляемое изменением температуры*»: специализированные ССПП «где есть каково», «где самопроисходит»; неспециализированные «где есть какое состояние», «где нет какого состояния», «что находится в каком состоянии», «что есть каково по состоянию», «что есть какое по состоянию»;

8) «*состояние природы*, *проявляемое наличием/отсутсвием звуков*»: специализированные ССПП «где есть каково», «где самопроисходит»; неспе-

циализированные «где есть какое состояние», «что находится в каком состоянии», «что есть каково по состоянию», «что есть полно какого состояния/каким состоянием», «что есть погружено в какое состояние», «что погружается в какое состояние»;

9) «*состояние природы*, *проявляемое распространением веяний/запахов*»: специализированные ССПП «где есть каково», «где пахнет чем», «где действует чем откуда/куда»; неспециализированные ССПП «где есть какое состояние», «что есть каково по состоянию», «что есть какое по состоянию», «что есть полно какого состояния/каким состоянием»;

10) «*комплексное состояние природы*»: специализированные ССПП «где есть каково», «где самопроисходит»; неспециализированные ССПП «где есть какое состояние», «где нет какого состояния»;

11) «*антропоморфное состояние природы*»: специализированные ССПП «где есть каково», «где самопроисходит»; неспециализированные ССПП «где есть какое состояние», «что находится в каком состоянии», «что есть какое по состоянию», «что есть каково по состоянию», «что есть в каком состоянии», «что есть полно какого состояния/каким состоянием», «что погружается в какое состояние», «где нет какого состояния», «что есть погружено в какое состояние».

Выделенные типовые микропропозиции являются ментальными образами целой совокупности ситуаций внеязыковой действительности, связанными с фиксацией и описанием состояний природы Наблюдателем. «Каталог» таких внеязыковых ситуаций можно представить следующим образом.

Наиболее большую и дифференцированную группу представляют внеязыковые ситуации **«природа – физическое состояние природы»**. Она включает 10 подгрупп, каждая из которых не предстает монолитной.

1) Ситуации «*природа – состояние*, *проявляемое светом*» состоит:

- ситуации «природа – состояние светлости»;
- ситуации «природа – состояние темноты»;

- ситуации «природа – состояние изменения интенсивности светлости»;
- ситуации «природа – состояние изменения интенсивности темноты».

2) Ситуации «*природа – состояние*, *проявляемое цветом*» «распадаются» на следующие подгруппы:

- ситуации «природа – хроматическое состояние»;
- ситуации «природа – ахроматическое состояние»;
- ситуации «природа – модифицированное состояние цветности»;
- ситуации «природа – состояние комплиментарной цветности».

3) Ситуации «*природа – состояние*, *проявляемое покрытием*» также не представляют монолитной группы, классифицируясь на:

- ситуации «природа – состояние полного покрытия»;
- ситуации «природа – состояние частичного покрытия»;
- ситуации «природа – состояние непокрытия».

4) Ситуации «*природа – состояние*, *проявляемое наполнением*» включают:

- ситуации «природа – состояние собственно наполнения»;
- ситуации «природа – состояние наполнения-насыщения»;
- ситуации «природа – состояние ненаполнения».

5) Ситуации «*природа – состояние*, *проявляемое движением*» представляют:

- ситуации «природа – состояние неподвижности»;
- ситуации «природа – состояние движения-перемещения по горизонтали»;
- ситуации «природа – состояние движения-перемещения по вертикали»;
- ситуации «природа – состояние колебательно-вибрирующе-волнообразного движения».

6) Ситуации «*природа – состояние*, *проявляемое реструктурированием*» включают:

- ситуации «природа – состояние изменения плотности»;
- ситуации «природа – состояние изменения объема»;
- ситуации «природа – состояние-создание»;
- ситуации «природа – состояние-разрушение».

7) Ситуации «*природа – состояние*, *проявляемое колебанием температуры*» не однородны. В эту подгруппу входят:

- ситуации «природа – состояние, проявляемой низкой температурой»;
- ситуации «природа – состояние, проявляемое высокой температурой»;
- ситуации «природа – состояние, проявляемое умеренной температурой»;
- ситуации «природа – состояние, проявляемое изменением температуры».

8) Ситуации «*природа – состояние звучности*» представлены как:

- ситуации «природа – состояние наличия дифференцированного звука»;
- ситуации «природа – состояние наличия недифференцированного звука»;
- ситуации «природа – состояние отсутствия звуков».

9) Ситуации «*природа – состояние-распространение*» включают:

- ситуации «природа – состояние-распространение приятных запахов»;
- ситуации «природа – состояние-распространение неприятных запахов»;
- ситуации «природа – состояние-распространение веяний».

10) Ситуации «*природа – комплексное состояние*» могут быть дифференцированы следующим образом:

- ситуации «природа – состояние снежного ненастья»;
- ситуации «природа – состояние морского ненастья»;
- ситуации «природа – состояние песчаного ненастья»;
- ситуации «природа – состояние недифференцированного ненастья»;
- ситуации «природа – погожее состояние».

Вторую группу составляют экстралингвистические ситуации **«природа – “физиологическое” состояние природы»**. По сравнению с первой группой эти ситуации более унифицированы. Они представлены:

- ситуациями «природа – болезненные состояния»;
- ситуациями «природа – состояния сна / пробуждения / бодрствования»;
- ситуациями «природа – состояния движения / обездвиживания»;
- ситуациями «природа – состояние обессиливания»;
- ситуациями «природа – состояние расслабленности»;
- ситуациями «природа – состояние нетронутости».

Третью группу экстралингвистических ситуаций составляют **«природа – “психологическое” состояние природы»**. Они наиболее часто представлены такими ситуациями, как:

- ситуации «природа – состояние спокойствия / беспокойства»;
- ситуации «природа – состояние грусти»;
- ситуации «природа – состояние радости, веселья»;
- ситуации «природа – состояние волнения»;
- ситуации «природа – состояние страха»;
- ситуации «природа – состояние испуга»;
- ситуации «природа – состояние тревоги»;
- ситуации «природа – состояние томления»;

- ситуации «природа – состояние тоски»;
- ситуации «природа – состояние безнадежности»;
- ситуации «природа – состояние одиночества»;
- ситуации «природа – состояние счастья»;
- ситуации «природа – состояние загадочности»;
- ситуации «природа – состояние уютности / неуютности»;
- ситуации «природа – состояние однообразия»;
- ситуации «природа – состояние неудовольствия»;
- ситуации «природа – состояние таинственности».

Представленный нами «каталог» внеязыковых ситуаций является основным, базовым. Полагаем, что даже при привлечении дополнительного языкового материала колебания в этом перечне будут незначительны. Проведенная «каталогизация» ситуаций позволяет утверждать возможность «обозрить» ситуации внеязыковой действительности для любого из ее «фрагментов», провести их систематизацию.

3.12. Выводы по IV главе.

1. Совокупность знаний человека о том фрагменте внеязыковой действительности, который связан с описанием состояний природы, закреплена в семантике ряда высказываний русского языка. Анализируя эти высказывания, можно выделить ряд ключевых идей, которые объединяют описываемый нами фрагмент действительности. Таких базовых идей мы выделяем шесть: идея одушевления природы, идея целостности природы и человека, идея цикличности изменений состояний природы, идея укрытия, идея пространственной беспредельности, идея дихотомичности состояний природы.

2. Перечисленные идеи в русской языковой картине мира XIX – XX веков реализуются в разных группах высказываний с семантикой «состояние

природы». Для типологизации высказываний мы предлагаем два критерия: а) *способ восприятия* состояния природы Наблюдателем; б) *способ проявления* состояния природы.

3. В соответствии с *первым критерием* выделяем две большие группы высказываний, каждая из которых включает несколько микрогрупп: а) высказывания, в которых идентификация состояния природы происходит на основе *экстероцептивного ощущения* Наблюдателя (визуального, аудиальное восприятие, восприятие осязанием, восприятие обонянием); б) высказывания, в которых идентификация состояния природы происходит через *антропоморфную метафору* (уподобление состояния природы физиологическому состоянию живого существа, уподобление состояния природы психологическим состояниям живого существа, состояния «общей оценки» или недифференцированные состояния).

Эти группы высказываний реализуют в русской языковой картине мира XIX – XX веков идеи целостности природы и человека, одушевления природы, цикличности природных состояний, идея укрытия. Перечисленные идеи восходят к архаическим представлениям славян о природе как живом существе, различных природных культах, о земле как матери всего сущего, о годовом цикле земли, зафиксированных в фольклорных текстах (в образной системе, идейно-тематической составляющей), календарной мифологии, научной литературе по проблемам этнолингвистики, фольклористики.

Особую роль здесь играют, безусловно, метафорические высказывания. Ведь именно метафора способна репрезентировать взаимодействие языка и культуры, приобретать в каждом культурном пространстве некие «индивидуальные черты».

4. Второй критерий позволяет нам классифицировать высказывания с семантикой «состояние природы» на 10 групп: проявляемые наличием или отсутствием *света*, *цвета*, *покрытия* какими-либо объектами, *звуками*, *движением* каких-либо объектов, *наполнением* природного объекта или метеорологического пространства, *изменением температуры*, распростране-

нием *веяний* и *запахов*, *изменением структуры* природных объектов, *комплексные* состояния.

Данные группы высказываний реализуют идею дихотомичности состояний природы в русской языковой картине мира XIX – XX веков и идею пространственной беспредельности. Эти идеи в разной мере входят в высказывания с семантикой «состояние природы». Идея дихотомичности свойственна практически всем группам высказываний, способным маркировать различные градуальные состояния природы (кроме высказываний с семантикой «комплексное состояние природы»). А реализацию идеи пространственной беспредельности связываем с группой высказываний с семантикой «состояние природы, проявляемое наполнением природного объекта или метеорологического пространства». Истоки двух указанных идей видим в амбивалентности восприятия природы славянами, особенностях годового круга, взаимосвязи большого окружающего пространства с состоянием свободы.

Анализ высказываний с семантикой «состояние природы», их дифференциация приводит нас к выводу о том, что типовая пропозиция «состояние природы» обладает таким свойством, как *дискретность*. Она включает в себя ряд микропропозиций, каждая из которых репрезентируется совокупностью выделенных и описанных структурных схем простых предложений. Выделенные типовые микропропозиции являются ментальными образами совокупности внеязыковых ситуаций действительности, которые можно представить в виде «каталога ситуаций».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В русском языке XIX − XX веков типовая пропозиция «состояние природы», рассмотренная нами в качестве определенного способа концептуализации знания, репрезентирована совокупностью структурных схем простых предложений: «где есть каково», «где самопроисходит», «где пахнет чем», «где действует чем откуда/куда», «покрывает что (В.п.) чем», «где перемещает что (В.п.) откуда/куда», «где создает что (В.п., Р.п.)», «где разрушает что (В.п.)», «где есть какое состояние», «что находится в каком состоянии», «что есть каково по состоянию», «что есть какое по состоянию», «что есть в каком состоянии», «что есть полно какого состояния/каким состоянием»,

«что погружается в какое состояние», «что есть погружено в какое состояние», «где нет какого состояния», «что покрывается чем», «что есть покрыто чем».

С учетом принципа специализации все выделенные схемы были дифференцированы на две большие группы: специализированные и неспециализированные. К специализированным мы отнесли схемы, являющиеся специфическими знаками типовой пропозиции «состояние природы» в русском языке («где есть каково», «где самопроисходит», «где пахнет чем», «где действует чем откуда/куда», «покрывает что (В.п.) чем», «где перемещает что (В.п.) откуда/куда», «где создает что (В.п., Р.п.)», «где разрушает что (В.п.)»). Они лежат в основе предложений, традиционно называемых «безличными». Неспециализированными структурными схемами являются те, что восходят к структурным схемам, репрезентирующим такие типовые пропозиции в русском языке, как: «бытие объекта», «инобытие объекта», «бытие признака объекта», «небытие объекта», «самостоятельное перемещение агенса», «наполнение объекта», «покрытие объекта» («где есть какое состояние», «что находится в каком состоянии», «что есть каково по состоянию», «что есть какое по состоянию», «что есть в каком состоянии», «что есть полно какого состояния/каким состоянием», «что погружается в какое состояние», «что есть погружено в какое состояние», «где нет какого состояния», «что покрывается чем», «что есть покрыто чем»).

По количеству входящих компонентов и степени продуктивности реализации в речи структурные схемы простых предложений с семантикой «состояние природы» не составляют однородной группы. В соответствии с первым критерием структурные схемы классифицируются нами на двухкомпонентные, трехкомпонентные и четырехкомпонентные, а с учетом второго – на высоко-, средне- и низкопродуктивные.

Описанные схемы не существуют в застывшем виде: в процессе речевой реализации они претерпевают различного рода модификации. Прежде всего для всех структурных схем была отмечена грамматическая модифика-

ция, представленная прошедшем временем глагола. Частотность такой модификации объясняется коммуникативными интенциями говорящего: Наблюдатель чаще сообщает о состоянии природы, которое уже имело место в прошлом. Утверждать же наличие определенного состояния природы в будущем достаточно сложно, поэтому высказывания с предикативами в форме будущего времени в нашем материале редки и, соответственно, модификация, представленная будущим временем, обнаруживается лишь для части структурных схем («где есть каково», «где самопроисходит», «покрывает что (В.п.) чем», «где создает что (В.п., Р.п.)», «где есть какое состояние», «что находится в каком состоянии», «что есть покрыто чем»). Грамматические модификации, представленные формами сослагательного наклонения, в нашем материале единичны. Они отмечены лишь при реализации структурных схем «где есть каково», «где самопроисходит», «что находится в каком состоянии».

Среди структурно-семантических модификаций для анализируемых структурных схем наиболее частотной является неполная модификация («где есть каково», «где самопроисходит», «где пахнет чем», «где действует чем откуда/куда», «где перемещает что (В.п.) откуда/куда», «где создает что (В.п., Р.п.)», «где разрушает что (В.п.)», «где есть какое состояние», «где нет какого состояния»). Эта модификация представлена эллипсисом словоформ со значением ‘локативный субъект’, ‘объект-стихийный каузатор’, ‘наименование запаха’, ‘объект, подвергаемый воздействию’, ‘конечный/исходный пункт веяния/перемещения’.

Помимо неполной, специализированные структурные схемы подвергаются фазовой модификации, отрицательной, вопросительной, модальной, авторизованной; а неспециализированные − фазовой, вопросительной, авторизованной модификации, экспрессивной и модификации абстрактности.

Позиционные схемы высказываний с семантикой «состояние природы» усложняются детерминантами, обогащающими пропозиции высказываний дополнительными смыслами. В нашем материале это смыслы ‘вре-

мя’ и ‘причина’, выявленные при речевой реализации структурных схем «где есть каково», «где самопроисходит», «где есть какое состояние», «что покрывается чем». Только смысл ‘время’ вводится в пропозиции высказываний, в основе которых лежат схемы «где действует чем откуда/куда», «покрывает что (В.п.) чем», «где перемещает что (В.п.) откуда/куда», «где создает что (В.п., Р.п.)», «где разрушает что (В.п.)», «что есть в каком состоянии», «что есть какое по состоянию», «где нет какого состояния»; а смысл ‘причина’ – в позиционные схемы высказываний, в основе которых схема «где пахнет чем». Смыслом ‘место’ способна осложняться пропозиция высказываний, построенных лишь по одной специализированной схеме – «покрывает что (В.п.) чем», потому что во всех остальных структурных схемах локативный субъектив – обязательный компонент структуры. Смыслы ‘время’ и ‘место’ присутствуют в пропозициях высказываниях, построенных по схемам «что есть каково по состоянию» и «что есть покрыто чем», а смыслы ‘причина’, ‘место’, ‘время’ – в пропозициях высказываниях, в основе которых схема «что находится в каком состоянии».

В составе позиционных схем высказываний с семантикой «состояние природы» регулярно встречаются атрибутивные словоформы, занимающие с определяемой словоформой одно синтаксическое место. Эти экспликанты, будучи введенными в высказывание с семантикой «состояние природы», выполняют несколько функций: указывают на возможность изменения интенсивности состояния природы; играют роль маркеров тех временных промежутков, в которые существует состояние, в том числе указывают на повторяемость состояния; демонстрируют эмоциональное отношение Наблюдателя к зафиксированному состоянию природы; фиксируют явление синестезии; дают дополнительную характеристику лексемам, маркирующим различные облигаторные компоненты структурных схем; конкретизируют «тип» состояния.

Анализ лексического наполнения компонентов специализированных структурных схем, лежащих в основе таких высказываний, особенностей их

грамматических и структурно-семантических модификаций в речи, обогащение пропозиций высказываний дополнительными смыслами, анализ эксплицирующих словоформ, имеющих регулярную повторяемость, позволяет нам вычленить ряд когнитивных признаков типовой пропозиции «состояние природы»: ‘стихийность’, ‘перцептивность’, ‘локализованность’, ‘временность’, ‘итеративность’, ‘фазовость’, ‘интенсивность’, ‘каузативность’, ‘пациентивность’, ‘свечение’, ‘колористичность’, ‘звучность’, ‘покрытие’, ‘наполнение’, ‘движение’, ‘температура’, ‘насыщение’, ‘распространение’, ‘антропоморфность’, ‘зооморфность’, ‘эмоциональность’, ‘объектность’, ‘видоизменение’, ‘директивность’, ‘оптативность’. Содержание типовой пропозиции «состояние природы», слагаемое совокупностью указанных признаков, представляется с использованием полевой стратификации, причем граница между зонами полевой структуры проводится по линии наибольших спадов частотности реализации конкретного признака.

Девятнадцать структурных схем, предназначенных в русском языке XIX − XX веков для репрезентации типовой пропозиции «состояние природы», образуют синтаксическое поле, структурирование которого обусловлено не только продуктивностью реализации конкретной структурной схемы в речи, но и специализированностью или неспециализированностью структурной схемы для представления типовой пропозиции «состояние природы». Ядро поля состоит из восьми специализированных структурных схем, а периферия, дифференцированная на ближнюю, дальнюю и крайнюю, − из одиннадцати неспециализированных структурных схем.

Структурные схемы поля, реализующие типовую пропозицию «состояние природы», взаимодействуют, вступая в парадигматические отношения. Синонимия была выявлена нами на уровне как специализированных, так и неспециализированных структурных схем. Синонимичны специализированные структурные схемы «где пахнет чем» и «где действует чем откуда/куда»; неспециализированные схемы «что покрывается чем», «что есть покрыто чем» и специализированная «покрывает что (В.п.) чем»; неспециализирован-

ные структурные схемы «что погружается в какое состояние» и «что есть погружено в какое состояние»; неспециализированная схема «что есть какое по состоянию» синонимична другой неспециализированной структурной схеме «что есть каково по состоянию». Помимо отношений синонимии, между специализированными схемами «где создает что (В.п., Р.п.)» и «где разрушает что (В.п.)», неспециализированными структурными схемами «где есть какое состояние» и «где нет какого состояния» обнаруживаются отношения антонимии.

Анализ высказываний с семантикой «состояние природы» приводит нас к возможности их типологизации с учетом двух классификационных критериев: а) способа восприятия состояния природы Наблюдателем; б) способа проявления состояния.

В зависимости от того, на основе какого контактного или дистантного экстероцептивного ощущения идентифицировались состояния Наблюдателем, высказывания со значением «состояние природы» можно разделить на несколько групп: а) высказывания, фиксирующие состояния природы, определяемые на основе аудиального восприятия Наблюдателя; б) высказывания, представляющие визуально воспринимаемые состояния природы; в) высказывания, представляющие состояния природы, идентифицирующиеся Наблюдателем на основе осязания; г) высказывания со значением состояния природы, определяемого на основе обоняния. Поскольку процессу восприятия свойственны многомерность и единство, то была выделена и группа полимодальных высказываний, описывающих состояния природы одновременно на основе данных различных рецепторов: слуха и зрения, осязания и слуха, осязания и зрения; а также отмечены явления синестезии и синестемии.

Способ получения информации о состоянии в некотором роде предопределяет используемую для его кодировки специализированную структурную схему предложения: восприятие обонянием – «где пахнет чем», «где действует чем откуда/куда», редко – «где есть каково»; визуальное восприятие – «где есть каково», «где самопроисходит», «покрывает что (В.п.)

чем», «где перемещает что (В.п.) откуда/куда», «где создает что (В.п., Р.п.)», «где разрушает что (В.п.)»; аудиальное – «где есть каково», «где самопроисходит»; восприятие осязанием – «где есть каково», «где самопроисходит», «где действует чем откуда/куда». Что касается неспециализированных структурных схем, то в силу их непредназначенности для обозначения типовой пропозиции «состояние природы» тенденции здесь не столь однозначны: схема «где есть какое состояние» кодирует состояния, воспринимаемые зрением, обонянием, слухом; «что находится в каком состоянии», «что есть погружено в какое состояние» – зрением и слухом; «что есть каково по состоянию», «что есть какое по состоянию» – зрением, осязанием, обонянием, слухом; «что есть в каком состоянии» – зрением; «что есть полно какого состояния/каким состоянием», «где нет какого состояния» – осязанием, зрением, слухом; «что погружается в какое состояние» – осязанием, зрением. Лишь структурные схемы «что покрывается чем» и «что есть покрыто чем» представляют состояния, воспринимаемые только зрением. Это обусловлено особенностями той типовой пропозиции, для представления которой они наработаны в русском языке («покрытие объекта», или шире – «агенс воздействует на объект»). Ведь воздействие агенса на объект преимущественно представляет какое-либо физическое действие, которое, если диагностируется Наблюдателем, то именно посредством зрения.

Помимо высказываний со значением состояний природы, источником определения которых служит один из модусов перцепции (зрение, слух, обоняние, осязание), в русском языке активной является группа высказываний, описывающих состояние природы через метафорический перенос «состояние человека – состояние природы». Эти высказывания были дифференцированы также на несколько групп: а) кодирующие состояния природы, уподобленные физиологическим состояниям человека; б) уподобленные психологическим состояниям человека («эмоционально-волевые» состояния и «морально-оценочные»); в) представляющие состояния «общей оценки» или недифференцированные состояния.

С учетом второго классификационного критерия – способа проявления состояния – все высказывания со значением «состояние природы» были классифицированы нами на десять групп: а) высказывания с семантикой «состояние природы, проявляемое наличием или отсутствием света»; б) высказывания с семантикой «состояние природы, проявляемое наличием или отсутствием цвета»; в) высказывания с семантикой «состояние природы, проявляемое наличием или отсутствием покрытия какими-либо объектами»; г) высказывания с семантикой «состояние природы, проявляемое наполнением природного объекта/ метеорологического пространства»; д) высказывания с семантикой «состояние природы, проявляемое движением каких-либо объектов»; е) высказывания с семантикой «состояние природы, проявляемое изменением структуры объектов»; ж) высказывания с семантикой «состояние природы, проявляемое изменением температуры»; з) высказывания с семантикой «состояние природы, проявляемое наличием/отсутствием звуков»; и) высказывания с семантикой «состояние природы, проявляемое распространением веяний или запахов»; к) высказывания, репрезентирующие комплексные состояния.

Выстроенная типология высказываний с семантикой «состояние природы» позволяет нам говорить о немонолитности типовой пропозиции «состояние природы», о ее дискретности, «распаде» на ряд микропропозиций: «состояние, проявляемое наличием/отсутствием света»; «состояние, проявляемое наличием/отсутствием цвета»; «состояние, проявляемое наличием/отсутствием покрытия какими-либо объектами»; «состояние, проявляемое наполнением природного объекта/метеорологического пространства»; «состояние, проявляемое движением каких-либо объектов»; «состояние, проявляемое изменением структуры природных объектов»; «состояние, проявляемое изменением температуры»; «состояние, проявляемое наличием/отсутствием звуков»; «состояние, проявляемое распространением веяний/запахов»; «комплексное состояние природы»; «антропоморфное состояние природы».

Все выделенные микропропозиции репрезентируются совокупностью специализированных и неспециализированных структурных схем.

Перечисленные выше микропропозиции являются ментальными образами целой совокупности ситуаций внеязыковой действительности, связанными с фиксацией состояний природы Наблюдателем. Мы видим возможность их упорядочивания, каталогизации. Используя принцип «от общего к частному» выделяем на первом этапе три большие группы внеязыковых ситуаций: а) «природа – физическое состояние природы», б) «природа – “физиологическое” состояние природы», в) «природа – “психологическое” состояние природы». На втором этапе в каждой группе выделяются частные экстралингвистические ситуации. Получившийся «каталог ситуаций», на наш взгляд, является базовым для фрагмента внеязыковой действительности, связанного с фиксацией и описанием различных состояний природы.

Совокупность представлений человека о различных состояниях природы, закрепленная в ряде высказываний, образует фрагмент языковой картины мира, описывающий состояния природы и объединенный несколькими ключевыми идеями: идея одушевления природы, идея целостности природы и человека, идея цикличности изменений состояний природы, идея укрытия, идея пространственной беспредельности, идея дихотомичности состояний природы. Выделение группы «сквозных» мотивов для указанного фрагмента актуально, поскольку оно доказывает упорядоченный характер когнитивной картины мира в сознании человека.

Особую роль в выявлении совокупности перечисленных инвариантных идей играют метафорические высказывания, осуществляющие перенос состояний живого существа (преимущественно человека) на состояния природы. Это обусловлено тем, что антропоморфная метафора, являясь частью древнего механизма восприятия и репрезентации действительности, запечатлевает особенности отношения, взаимодействия этноса с окружающим миром, и в «застывших» формах передает его из поколения в поколение. Действительно, выявленные идеи, реализуясь русской языковой картине

мира XIX – XX веков, своими корнями уходят в глубокую древность и отражают еще архаические воззрения славян о природе. Об этом можно судить, привлекая в качестве иллюстративного материала фольклорные тексты, данные словарей, научные работы в области фольклористики и этнолингвистики. Так, для восточных славян были характерны следующие особенности: восприятие природы как живого существа, наделенного способностью мыслить, чувствовать, говорить, в частности восприятие Земли как матери всего сущего, некого созидательного начала; осмысление мира в двоичных системах; понимание времени не как линейно текущего, а как циклического; трактование происходящих в природе изменений как имманентных, присущих самой природе и от нее исходящих.

Ключевые идеи фрагмента языковой картины мира, описывающего состояния природы, реализуются в разной мере в высказываниях с семантикой «состояние природы». Наиболее продуктивными являются идея одушевления природы и идея дихотомичности природных состояний. Так, идея одушевления природы «входит» в метафорические высказывания с семантикой «состояние природы» через реализацию устойчивого переноса «состояние живого существа (обычно человека) – состояние природы». Именно эта идея обеспечивает функционирование при речевой реализации структурных схем предложений с семантикой «состояние природы» предикатных лексем со значением различных физиологических, психо-эмоциональных состояний живых существ. Более того, на наш взгляд, именно эта идея обусловливает использование в качестве маркеров типовой пропозиции «состояние природы» структурных схем, предназначенных для номинирования типовой пропозиции «физиологическое и психологическое состояние одушевленного субъекта (живого существа)». Идея дихотомичности состояний природы проявляется практически во всех группах высказываниях, классифицированных по способу проявления состояния, за счет маркирования градуальных состояний природы.

С идеей одушевления природы связана идея цикличности природных изменений. Она обусловливает в высказываниях с семантикой «состояние природы» возможность фиксации регулярного повторения состояния природы в определенный временной период.

Идея целостности природы и человека позволяет рассмотреть в качестве центральной фигуру познающего мир Наблюдателя, выстроить целостную классификацию высказываний с семантикой «состояние природы» с учетом разницы в восприятии состояния Наблюдателем и разницы в способе проявления состояния. Эта идея «обеспечивает» существование полимодальных высказываний, высказываний, реализующих явления синестезии и синестемии. Также эта идея, на наш взгляд, обусловливает наличие метафорических высказываний, в которых состояния человека описываются по аналогии с состояниями природы.

Идея укрытия и идея пространственной беспредельности «входят» в ограниченные группы высказываний с семантикой «состояние природы», в те, что сформированы предикатами состояния *уютно* и *просторно*. По сути эти две противоречащие друг другу идеи «мирно уживаются» в русской языковой картине мира. Идея укрытия предполагает для «душевного комфорта» Наблюдателя небольшое, отгороженное природное пространство, а идея пространственной беспредельности, напротив, огромное, ничем не ограниченное природное пространство.

Если перечисленные идеи в русской языковой картине мира XIX веков проявляются именно в высказываниях с семантикой «состояние природы», то в фольклорных текстах, например, русских народных сказках, былинах, они широко представлены в образной системе, сюжетных линиях: образе «матушки сырой земли»; говорящих деревьях, способных укрыть положительных героев от настигающей их злой силы; одушевленного ветра и мороза, вредящих или помогающих героям; спорящих рек, просыпающих весной и засыпающих осенью, и т.д.

Некоторые векторы, намеченные в исследовании высказываний с семантикой «состояние природы», вполне могут быть разработаны в будущем. Полагаем, что языковой материал и предлагаемое для него описание может послужить основой для создания синтаксического словаря. Нам видится, что такой словарь «связал» бы уровень внеязыковой действительности (конкретные ситуации внеязыковой действительности) с когнитивным уровнем (типовые пропозиции как ментальные образы классифицированных сознанием человека ситуаций экстралингвистической действительности) и с языковым (совокупность представляющих типовые пропозиции форм – структурных схем).

Предложенная модель полевого структурирования признаков типовой пропозиции «состояние природы» может быть приложима и к ряду других типовых пропозиций: «воздействие агенса на объект», «бытие объекта», «небытие объекта» и мн. др. Подобная стратификация, выявление «перекрищивающихся» признаков разных типовых пропозиций будет способствовать, на наш взгляд, аргументации использования структурных схем одних типовых пропозиций для репрезентации других.

Перспективно исследование и сложных предложений, одна из предикативных единиц которых имеет семантику «состояние природы» (или любую другую заданную семантику). Мы предполагаем, что есть определенная стереотипность, взаимообусловленность структурных схем, лежащих в основе предикативных единиц сложных предложений. Но эта мысль, безусловно, требует доказательств, которые могут появиться при анализе дополнительного языкового материала – картотеки примеров сложных предложений.

Исследование предложений с семантикой «состояние природы» может быть продолжено и в рамках изучения текста как определенной формы представления реального или вымышленного мира.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Печатные источники[35]

1. Азаров Ю. Печора // Роман-газета. – М.: Издание государственного комитета СССР по печати, 1990. – №3 – №4.

2. Алексеев М.Н. Рыжонка; Быков В.В. Облава // Роман-газета. – М.: Народный журнал, 1991. – №16.

3. Ардаматский В.И. Суд // Роман-газета. – М.: Издание ГОСКОМИЗДАТА СССР, 1987. – №17.

[35] В Библиографическом описании следующих печатных источников не содержится указание страниц: в многотомных собраниях сочинений (указано общее количество томов), в произведениях, опуликованных в журнале «Роман-газета».

4. Астафьев В.П. Сочинения: В 2 т. Т.1. Последний поклон: Повести. Рассказы. – Екатеринбург: У-Фактория, 2003. – 720 с.

5. Астафьев В.П. Сочинения: В 2 т. Т.2. Печальный детектив: Роман. Рассказы. Затеси. – Екатеринбург: У-Фактория, 2003. – 624 с.

6. Астафьев В.П. Царь-рыба: Роман. – М.: Советский писатель, 1980. – 400 с.

7. Астафьев В.П. Людочка; Бородин Л.И. Третья правда // Роман-газета. – М.: Народный журнал, 1991. – №4.

8. Афанасьев В.К. Дерсу Узала. – М.: Государственное издательство географической литературы, 1960. – 236 с.

9. Белавин М., Доронин В. Земная чаша. – М.: Советская Россия, 1975. – 240 с.

10. Белов В. Кануны // Роман-газета. – М.: Издание ГОСКОМИЗДАТА СССР, 1989. – №15 – №16.

11. Белов В. Год великого перелома // Роман-газета – М.: Народный журнал, 1991. – №9.

12. Бондарев Ю.В. Горячий снег: Батальоны просят огня: Роман; Повесть. – М.: «Информпечать» ИТРК, 2000. – 608 с.

13. Боронина Е. Удивительный заклад. – Л.: Детская литература, 1991. – 111 с.

14. Булгаков М.А. Белая гвардия / Сост. В.И. Лосева. – М.: ООО «Издательство АСТ-ЛТД», Вече, 1998. – 592 с.

15. Булгаков М.А. Записки покойника: (Театральный роман) / Сост. В.И. Лосева. – М.: ООО «Издательство АСТ-ЛТД», Вече, 1998. – 528 с.

16. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита / Сост. В.И. Лосева. – М.: ООО «Издательство АСТ-ЛТД», Вече, 1998. – 544 с.

17. Бунин И.А. Собрание сочинений: В 6 т. – М.: САНТАКС, 1994.

18. В заповедном лесу / Под ред. Л.С. Лаврова. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1972. – 199 с.

19. Волков О. Погружение во тьму // Роман-газета. – М.: Издание государственного комитета СССР по печати, 1990. – №6.

20.Герман Ю. Россия молодая – Л.: Детская литература, 1958. – 694 с.

21.Глущенко В. Повести. – М.: Детская литература, 1972. – 384 с.

22.Гоголь Н.В. Ночь перед Рождеством. – М.: Детская литература, 1982. – 62 с.

23.Гончаров И.А. Обломов. – М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 2002. – 638 с.

24.Гончаров И.А. Обыкновенная история. – М.: Центрально-черноземное книжное издательство, 1985. – 304 с.

25.Гончаров Ю.Д. Огненное лето. Повести, рассказ. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1990. – 463 с.

26.Горбатов Б.Л. Донбасс: Роман // Собрание соч. в 4-х т. Т.4. – М.: Правда, 1988. – С. 5–387.

27.Горбатов Б.Л. Перед войной. Главы неоконченного романа // Собрание сочинений в 4-х т. Т.4. – М.: Правда, 1988. – С. 387–542.

28.Горький М. Жизнь Клима Самгина (Сорок лет). Повесть. Ч. 1–2. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1952.

29.Горький М. Жизнь Клима Самгина (Сорок лет). Повесть. Ч. 3–4. – М.: Издательство «Правда», 1979.

30. Горький М. Рассказы. – М.: Художественная литература, 1983. – 445 с.

31.Грин А. Бегущая по волнам: Роман; Рассказы / Худож. М. Дорохов. – М.: Художественная литература, 1989. – 288 с.

32.Домбровский Ю. Факультет ненужных вещей: Роман. – СПб.: Азбука-классика, 2003. – 544 с.

33.Евдокимов Н. Медвежий угол. – М.: Детская литература, 1991. – 80 с.

34.Ефремов И.А. Рассказы // Собрание сочинений: В 6 т. Т.1. – М.: Современный писатель, 1993. – 538 с.

35.Ефремов И.А. Дорога Ветров (Гобийские заметки). На краю Ойкумены. Повесть // Собрание сочинений: В 6 т. Т. 2. – М.: Современный писатель, 1993. – 752 с.

36.Ефремов И.А. Туманность Андромеды; Звездные корабли; Сердце Змеи // Собрание сочинений: В 6 т. Т. 3. – М.: Современный писатель, 1993. – 448 с.

37.Ефремов И.А. Час Быка: Роман // Собрание сочинений в 6 т. Т. 5. – М.: Современный писатель, 1993. – 448 с.

38.Ефремов И.А. Таис Афинская // Собрание сочинений в 6 т. Т. 6. – М.: Современный писатель, 1993. – С. 496 с.

39. Завадовский Л.Н. Золото. Роман. – Липецк: Липецкое книжное издательство, 1960. – 389 с.

40.Задорнов Н. Амур-батюшка. Роман. – Липецк: Липецкое книжное издательство, 1959. – 676 с.

41.Залыгин С.П. Комиссия: Роман – М.: Молодая гвардия, 1976. – 416 с.

42.Залыгин С.П. На Большую землю: Роман, повесть, рассказы – М.: Молодая гвардия, 1985. – 494 с.

43.Залыгин С.П. После бури: Роман. – М.: Современник, 1986. – 703 с.

44.Иванов А.С. Вечный зов. Роман в 2-х кн. Кн. 1–2. – М.: ПТИФ «Дрофа», 1993.

45.Иванов А.С. Тени исчезают в полдень. Роман. – М.: «Полиграфресурсы», 1993. – 736 с.

46. Катаев В.П. Сын полка. Повесть. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1973. – 215 с.

47.Короленко В.Г. Река играет. Рассказы. – М.: Правда, 1984. – 479 с.

48.Короленко В.Г. Слепой музыкант. – М.: Советская Россия, 1991. – 256 с.

49.Кравченко Ф.Т. Семья Наливайко: Повесть. – М.: Молодая гвардия, 1983. – 287 с.

50.Крапивин В.П. Белый шарик Матроса Вильсона: Повести. – Екатеринбург: Средне-Уральское книжное издательство, 1993. – 400 с.

51.Куприн А.И. Собрание сочинений: В 11 т. – М.: ТЕРРА; Литература, 1997–1998.

52.Курганов О.И. Челюскинская эпопея: Повесть. – М.: Детская литература, 1991. – 158 с.

53. Левитов А.И. Очерки и рассказы. Вступительная статья и сост. Э.Л. Афанасьева. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1980. – 367 с.

54.Люфанов Е.Д. Самый короткий путь. Роман. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1970. – 470 с.

55.Ляленков В.Д. Просека: роман / Рис. Ю. Шабанова. – Л.: Детская литература, 1984. – 207 с.

56. Медведев Ю. Протей; Росоховатский И. Закон лидерства // Роман-газета. – М.: Издание ГОСКОМИЗДАТА, 1989. – №12.

57.Мельников П. (Печерский А.). В лесах: Роман. – М.: ЗАО Издательство ЭКСМО – ПРЕСС, 1998. – 944 с.

58.Мельников П. (Печерский А.). На горах: Роман. – М.: ЗАО Издательство ЭКСМО – ПРЕСС, 1998. – 944 с.

59.Михановский В. Элы; Гуляковский Е. Шорох прибоя; Павлов С. Лунная радуга. Кн. вторая. // Роман-газета. – М.: Издание ГОСКОМИЗДАТА СССР, 1988. – №5–№6.

60.Можаев Б. Мужики и бабы // Роман-газета. – М.: Издание ГОСКОМИЗДАТА СССР, 1989. – №5–№6.

61.Носов Е.И. Красное вино победы. Шопен. Соната номер два. – Москва: Современник, 1984. – 77 с.

62.Обухов М. Корни врастают в землю. Ястребовы. Романы. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1964. – 678 с.

63.Островский Н. Как закалялась сталь. Рожденные бурей. – Петрозаводск: Государственное изд-во Карельской АССР, 1961. – 558 с.

64. Павлов С.И. Лунная радуга // Роман-газета. – М.: Издание ГОСКОМИЗДАТА СССР, 1987. – №18.

65. Панин Б. Посреди степей. Роман. Книга первая. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1983. – 351 с.

66. Панова В.Ф. Времена года. – Л.: Советский писатель, 1983. – 575 с.

67.Панова В.Ф. Кружилиха. Роман, повести, рассказы. – Л.: Советский писатель, 1983. – 578 с.

68.Пастернак Б.Л. Доктор Живаго. Роман // Избранное. В 2-х томах. Т. 2. – СПб: Респекс, 1998. – 560 с.

69.Паустовский К. Блистающие облака: Роман // Собрание сочинений в 8 т. Т.1. – М.: Художественная литература, 1968. – С. 181–400.

70. Паустовский К. Кара-Бугаз: Повесть // Собрание сочинений в 8 т. Т.1. – М.: Художественная литература, 1968. – С. 401–520.

71.Паустовский К. Колхида: Повесть // Собрание сочинений в 8 т. Т.1. – М.: Художественная литература, 1968. – С. 521–630.

72. Паустовский К. Черное море: Повесть // Собрание сочинений в 8 т. Т. 2. – М.: Художественная литература, 1968. – С. 7–193.

73. Паустовский К. Северная повесть // Собрание сочинений в 8 т. Т. 2. – М.: Художественная литература, 1979. – С. 195–305.

74.Паустовский К. Дым Отечества. Роман // Собрание сочинений в 8 т. Т. 2. – М.: Художественная литература, 1968. – С. 307–570.

75.Паустовский К. Героический юго-восток // Собрание сочинений в 8 т. Т. 3. – М.: Художественная литература, 1968. – С. 183–287.

76.Паустовский К. Далекие годы // Собрание сочинений в 8 т. Т. 4. – М.: Художественная литература, 1968. – С. 7–272.

77.Паустовский К. Беспокойная юность // Собрание сочинений в 8 т. Т. 4. – М.: Художественная литература, 1968. – С. 273–514.

78.Паустовский К. Начало неведомого века // Собрание сочинений в 8 т. Т. 4. – М.: Художественная литература, 1968. – С. 515–711.

79.Паустовский К. Время больших ожиданий // Собрание сочинений в 8 т. Т. 5. – М.: Художественная литература, 1968. – С. 7–216

80. Паустовский К. Бросок на юг // Собрание сочинений в 8 т. Т. 5. – М.: Художественная литература, 1968. – С. 217–404.

81. Паустовский К. Книга скитаний // Собрание сочинений в 8 т. Т. 5. – М.: Художественная литература, 1968. – С. 405–575.

82. Паустовский К. Маленькие повести и рассказы // Собрание сочинений в 8 т. Т. 6. – М: Художественная литература, 1969. – 557 с.

83.Паустовский К. Пьесы. Рассказы. Сказки // Собрание сочинений в 8 т. Т. 7. – М.: Художественная литература, 1969. – 607 с.

84.Паустовский К. Алмазный язык // Избранное: Повести и рассказы. – Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1971. – С. 258– 283.

85.Паустовский К. Старый челн // Избранное: Повести и рассказы. – Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1971. – С. 283–292.

86.Паустовский К. Мещорская сторона // Избранное: Повести и рассказы. – Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1971. – С. 23– 97.

87.Паустовский К. Повесть о лесах // Избранное: Повести и рассказы. – Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1971. – С. 98–257.

88.Паустовский К. Золотая роза: Повести, рассказы. – М.: Советский писатель, 1983. – 351 с.

89.Паустовский К. Желтый свет: Рассказы. – М.: Текст, 2002. – 396 с.

90.Платонов А.П. Город Градов // Ювенильное море. Повести. Рассказы. Публицистика. Пьеса. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1988. – С. 7–40.

91.Платонов А.П. Усомнившийся Макар // Ювенильное море. Повести. Рассказы. Публицистика. Пьеса. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1988. – С. 67–85.

92.Платонов А.П. Котлован // Ювенильное море. Повести. Рассказы. Публицистика. Пьеса. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1988. – С. 85–200.

93.Платонов А.П. Впрок // Ювенильное море. Повести. Рассказы. Публицистика. Пьеса. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1988. – С. 236–306.

94. Платонов А.П. Ювенильное море // Ювенильное море. Повести. Рассказы. Публицистика. Пьеса. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1988. – С. 306–387.

95.Погорельский А. Черная курица или Подземные жители. – Воронеж: Центрально-черноземное книжное издательство, 1982. – 41 с.

96.Пришвин М.М. Кащеева цепь: Роман / Вместо преамбулы и примечания В.Н. Чувакова. – М.: Советская Россия, 1983. – 496с.

97.Пришвин М.М. Календарь природы. – Петропавловск-Камчатский: Дальневосточное книжное издательство, 1988. – 222 с.

98.Пушкин А.С. Сочинения. В 3-х т. Т. 3. Проза. – М.: Художественная литература, 1997. – 527 с.

99.Рябинин Б.С. Нигер. – М.: Малыш, 1981. – 71 с.

100. Симонов К.М. Живые и мертвые: Роман. В 3-х кн. Кн. 1–3. Живые и мертвые. – М.: Художественная литература, 1990.

101. Слонимский М.Л. Повести и рассказы // Собрание сочинений. Т. 1. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953. – 547 с.

102. Слонимский М.Л. Инженеры. Роман // Собрание сочинений. Т. 2. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. – 451 с.

103. Смирнов В.В. Заулки // Роман-газета. – М.: Издание ГОСКОМИЗДАТА СССР, 1989. – №3–№4.

104. Смирнов В.И. Саша Чекалин. Повесть. – М.: Молодая гвардия, 1973. – 384 с.

105. Твои ровесники: Повести и рассказы. – Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1974. – 220 с.

106. Толстой А.Н Аэлита. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1983. – 141 с.

107. Толстой А.Н. Петр Первый: Роман. – М.: Советская Россия, 1986. – 720 с.

108. Толстой А.Н. Хождение по мукам. Трилогия. Том 1–2. – М.: ЭКСМО, 1993.

109. Толстой Л.Н. Анна Каренина: Роман в восьми частях. – СПб: Советский писатель, 1994. – 608 с.

110. Толстой Л.Н. Война и мир. Т. 1–4. – М.: Просвещение, 1981.

111. Толстой Л.Н. Воскресение: Повести и рассказы, 1903–1910. – М.: ООО «Фирма “Издательство АСТ”», 1999. – 752 с.

112. Толстой Л.Н. Повести. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1982. – 543 с.

113. Толстой Л.Н. Рассказы. – Калининград: Калининградское книжное издательство, 1976. – 286 с.

114. Тургенев И.С. Ася. Первая любовь. – М.: Государственное издательство Художественной литературы, 1958. – 117 с.

115. Тургенев И.С. Дым. – Благовещенск: Амурская правда, 1956. – 168 с.

116. Тургенев И.С. Записки охотника. – М.: Художественная литература, 1984. – 254 с.

117. Тургенев И.С. Накануне. – Воронеж: Центрально-черноземное книжное издательство, 1971. – 160 с.

118. Черкасов А.Т. Хмель: Сказание о людях тайги. – М.: Дом, 1993. – 605 с.

119. Черкасов А.Т., Москвитина П.Д. Конь Рыжий: Сказание о людях тайги. – М.: Дом, 1993. – 624 с.

120. Черкасов А.Т., Москвитина П.Д. Черный тополь: Сказание о людях тайги. – М.: Дом, 1993. – 462 с.

121. Чехов А.П. Степь. – М.: Современник, 1989. – 63 с.

122. Чехов А.П. Избранное. – М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 1998. – 733 с.

123. Шишков В.Я. Угрюм-река. Роман в 2-х томах. Т. 1–2. – М.: Рипол, 1993.

124. Шмелев И. Солнце мертвых: Эпопея. – СПб.: Азбука-классика, 2002. – 256 с.

125. Шолохов М.А. Донские рассказы / Вступительная статья В. Ганичева. – М.: Художественная литература, 1980. – 320 с.

126. Шолохов М.А. Поднятая целина. – М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 1998. – 702 с.

127. Шолохов М.А. Судьба человека. – М.: Советская Россия, 1979. – 40 с.

128. Шолохов М.А. Тихий Дон: Роман. В 2-х кн. Кн. 1. – М.: Амальтея, 1993. – 495 с.

129. Шолохов М.А. Тихий Дон: Роман. В 2-х кн. Кн. 2. – М.: Амальтея, 1993. – 559 с.

130. Щукин М.Н. Имя для сына // Роман-газета. – М.: Издание ГОСКОМИЗДАТА СССР, 1988. – №1.

131. Яковлев Ю. Где начинается небо: Рассказы и повести / Оформл. Б. Кыштымова. – М.: Детская литература, 1982. – 495 с.

2. Электронные издания

1. Библиотека Максима Мошкова. Русская классика (5000 произведений 325 русских писателей XVIII – первой половины XX века). – М.: ООО «ИД “Равновесие”», 2007–2008.

3. Ресурсы удаленного доступа

1. Библиотека литературы Древней Руси. – Режим доступа: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=2070

2. Информационно-справочная система «Национальный корпус русского языка». – Режим доступа: http://www.ruscorpora.ru/search-main.html

3. Публичная электронная библиотека Евгения Пескина. – Режим доступа: http://public-library.narod.ru

4. Русская виртуальная библиотека. – Режим доступа: http://rvb.ru

5. Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор». – Режим доступа: http://feb-web.ru

5. Электронная библиотека русской литературы XVIII – начала XIX века. – Режим доступа: http://www.rvb.ru/18vek/

БИБЛИОГРАФИЯ[36]

1. **Авдевнина 2011** – Авдевнина, О.Ю. Понятие *субъект восприятия* в антропологии языка и текста [Текст] / О.Ю. Авдевнина // Известия Саратовского университета. Сер. Филология. Журналистика. – 2011. – Т.11. Выпуск 2. – С. 7–16.

2. **Авдеева 2006** – Авдеева, О.И. Концепт как основа обучения неродному языку (на примере фразеологической вербализации концептов в русском языке) [Электронный ресурс] / О.И. Авдеева // Вестник Адыгейского государственного университета: сетевое электронное научное издание. – 2006. – №4. – Режим доступа: http://www.vestnik.adygnet.ru

[36] Дифференцирование работ одного автора и работ авторов-однофамильцев, выпущенных в одном и том же календарном году, производится следующим образом:

1) Иванов 2004 (а), **Иванов 2004 (б)**, **Иванов 2004 (в) и т.д. –** дифференцирование работ одного автора, выпущенных в одном и том же году;

2) Петров (1) **2002**, **Петров** (2) **2002** – дифференцирование авторов-однофамильцев, выпустивших работы в одном и том же году.

3. **Агапкина 2002** – Агапкина, Т.А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл [Текст] / Т.А. Агапкина. – М.: Индрик, 2002. – 816 с.

4. **Адамец 1978** – Адамец, П. Образование предложений из пропозиций в современном русском языке [Текст] / П. Адамец. – Praha: Univ. Karlova, 1978. – 159 с.

5. **Адмони 1955** – Адмони, В.Г. О двусоставности предложения [Текст] / В.Г. Адмони // Уч. зап. Первого ЛГПИИЯ, новая серия. – Л., 1955. – Вып. 2. – С. 131–172.

6. **Адмони 1958** – Адмони, В.Г. Завершенность конструкций как явление синтаксической формы [Текст] / В.Г. Адмони // Вопросы языкознания. – 1958. – №1. – С. 111–117.

7. **Адмони 1988** – Адмони, В.Г. Грамматический строй как система построения и общая грамматика [Текст] / В.Г. Адмони. – Л.: Наука, 1988. – 238 с.

8. **Адмони 1994** – Адмони, В.Г. Система форм речевого высказывания [Текст] / В.Г. Адмони; Российская АН, Иннститут лингвистических исследований. – СПб.: Наука, 1994. – 153 с.

9. **Актисова 2006** – Актисова, О.А. Синтаксические средства реализации концептов в аспекте эволюции типов повествовательной речи (на материале описаний в романах «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского и «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова): Дис. …канд. филол. наук [Текст] / О.А. Актисова. – Волгоград, 2006. – 174 с.

10. **Алефиренко 1998** – Алефиренко, Н.Ф. Теория языка: Введение в общее языкознание [Текст] / Н.Ф. Алефренко. – Волгоград: Перемена, 1998. – 439 с.

11. **Алефиренко 2003** – Алефиренко, Н.Ф. Проблемы вербализации концепта: Теоретическое исследование [Текст] / Н.Ф. Алефиренко. – Волгоград: Перемена, 2003. – 96 с.

12. **Алефиренко, Семененко 2011** – Алефиренко, Н.Ф. Русская ментальность и паремическая семантика: когнитивно-прагматический аспект проблемы [Текст] / Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Семененко // Вестник МГОУ. Сер. Русская филология. – 2011. – №1. – С. 5–10.

13. **Алещенко 2005** – Алещенко, Е.И. Вербализация концепта «ПРИРОДА» в русской народной сказке [Текст] / Е.И. Алещенко // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2005. – №3. – С. 22–27.

14. **Алещенко 2008** – Алещенко, Е.И. Этноязыковая картина мира в текстах русского фольклора: на материале народной сказки: Дис. ... д-ра филол. наук [Текст] / Е.И. Алещенко. – Волгоград, 2008. – 432 с.

15. **Алисова 1970** – Алисова, Т.Б. Опыт семантико-грамматической классификации простых предложений [Текст] / Т.Б. Алисова // Вопросы языкознания. – 1970. – №2. – С. 91–98.

16. **Алисова 1971 –** Алисова, Т.Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка (семантическая и грамматическая структура простого предложения) [Текст] / Т.Б. Алисова. – М.: Изд-во Московского университета, 1971. – 294 с.

17. **Алисова 1974** – Алисова, Т.Б. К вопросу о так называемых «стативных» предикатах [Текст] / Т.Б. Алисова // Всесоюзная конференция по теоретическим вопросам языкознания. Тезисы доклада секционных заседаний. – М., 1974. – С. 55–60 .

18. **Апресян, Апресян 1993 –** Апресян, В.Ю. Метафора в семантическом представлении эмоций [Текст] / В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1993. – №3. – С. 27–35.

19. **Апресян 1967** – Апресян, Ю.Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола [Текст] / Ю.Д. Апресян. – М.: Наука, 1967. – 251 с.

20. **Апресян 1995 (а)** – Апресян, Ю.Д. Образ человека по данным языка: Попытка системного описания [Текст] / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – №1. – С. 37–67.

21. **Апресян 1995 (б) –** Апресян, Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография [Текст] / Ю.Д. Апресян // Избранные труды: в 2 т. Т. II. – М.: Языки русской культуры, 1995. – С. 29–32.

22. **Апресян 2006 –** Основания системной лексикографии [Текст] / В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян, Е.Э. Бабаева, О.Ю. Богуславская, Б.Л. Иомдин, Т.В. Крылова, И.Б. Левонтина, А.В. Санников, Е.В. Урысон; Отв. ред. Ю.Д. Апресян // Языковая картина мира и системная лексикография. – М.: Языки славянских культур, 2006. – С. 33–162.

23. **Арват 1974** – Арват, Н.Н. Семантическая структура простого (односоставного) предложения: Текст лекций [Текст] / Н.Н. Арват. – Черновцы: ЧГУ, 1974. – 63 с.

24. **Арутюнова 1969** – Арутюнова, Н.Д. О минимальной единице грамматической системы [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. – М.: Наука, 1969. – С. 27–45.

25. **Арутюнова 1972** – Арутюнова, Н.Д. Синтаксис [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Общее языкознание. Внутренняя структура языка. – М.: Наука, 1972. – С. 259–344.

26. **Арутюнова 1976 (а)** – Арутюнова, Н.Д. Бытийные предложения в русском языке [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1976. – №3. – С. 229–238.

27. **Арутюнова 1976 (б)** – Арутюнова, Н.Д. Понятие пропозиции в логике и лингвистике [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1976. – №1. – С. 46–54.

28. **Арутюнова 1976 (в)** – Арутюнова, Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы [Текст] / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1976. – 383 с.

29. **Арутюнова 1980 (а)** – Арутюнова, Н.Д. Сокровенная связка (К проблеме предикативного отношения) [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1980. – №4. – С. 348–358.

30. **Арутюнова 1980 (б)** – Арутюнова, Н.Д. К проблеме функциональных типов лексического значения / Н.Д. Арутюнова // Аспекты семантических исследований. – М.: Наука, 1980. – С. 156 –250.

31. **Арутюнова 1987** – Арутюнова, Н.Д. «Пропозиция», «факт», «событие» (Опыт концептуального анализа) [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1987. – №6. – С. 529–526.

32. **Арутюнова 1988** – Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт [Текст] / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 341 с.

33. **Арутюнова, Ширяев 1983** – Арутюнова, Н.Д. Русское предложение. Бытийный тип: структура и значение [Текст] / Н.Д. Арутюнова, Е.Н. Ширяев. – М.: Русский язык, 1983. – 198 с.

34. **Афанасьев 1865** – Афанасьев, А. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. Т. 1. [Текст] / А. Афанасьев. – М.: Издание К. Солдатенкова. Типография Грачева и Комп. у Пречистинских ворот, д. Шиловой, 1865. – 803 с.

35. **Ахметсагирова 2010 –** Ахметсагирова, Л.И. Языковая картина мира сквозь призму фразеологии военной сферы: на материале русского и немецкого языков: Автореф. дис. ...канд. филол. наук [Текст] / Л.И. Ахметсагирова. – Казань, 2010. – 22 с.

36. **Бабайцева 1968** – Бабайцева, В.В. Односоставные предложения в современном русском языке [Текст] / В.В. Бабайцева. – М.: Просвещение, 1968. – 160 с.

37. **Бабайцева 1983** – Бабайцева, В.В. Семантика простого предложения [Текст] / В.В. Бабайцева // Предложение как многоаспектная единица языка. – М.: МГПИ, 1983. – С. 7–24.

38. **Бабайцева 2004** – Бабайцева, В.В. Система односоставных предложений в современном русском языке [Текст] / В.В. Бабайцева. – М.: Дрофа, 2004. – 540 с.

39. **Бабайцева, Максимов 1981** – Бабайцева, В.В. Современный русский язык. В 3-х ч. Ч. III. Синтаксис. Пунктуация [Текст] / В.В. Бабайцева, Л.Ю. Максимов. – М.: Просвещение, 1981. – 271 с.

40. **Бабушкин 1996** – Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической системе [Текст] / А.П. Бабушкин. – Воронеж: ВГУ, 1996. – 104 с.

41. **Бабушкин 2001** – Бабушкин, А.П. Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления [Текст] / А.П. Бабушкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 52–57.

42. **Баева 2006** – Баева, Т.Т. Концептуальный аспект русской пословицы [Текст] / Т.Т. Баева // Актуальные проблемы современной лингвистики. Тихоновские чтения: Материалы Международной научной конференции, посвященной 75-летию профессора А.Н. Тихонова. Том I. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2006. – С. 321–325.

43. **Баландина 1992** – Баландина, Л. А. Конкретно-предметное имя как знак пропозиции [Текст] / Л. А. Баландина // Вестник МГУ. Сер. Филология. – 1992. – №5. – С. 37–44.

44. **Балли 1955** – Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка [Текст] / Ш. Балли. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. – 416 с.

45. **Барамыгина 2000** – Барамыгина, И.Б. Личные значения безличных предложений [Текст] / И.Б. Барамыгина // Словарь, грамматика, текст в свете антропоцентрической лингвистики. Выпуск 1: Сборник статей. – Иркутск: Иркутсткий государственный университет, 2000. – С. 29–41.

46. **Басс 2008** – Басс, Г.П. Единицы синтаксического уровня как репрезентанты концепта *жертва* в современном русском языке [Текст] / Г.П.

Басс // Вестник Брянского государственного университета. – 2008. – №2. – С. 150–154.

47. **Башкирова 2008** – Башкирова, И.А. Безличные предложения в контексте романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»: Автореф. дис. … канд. филол. наук [Текст] / И.А. Башкирова. – М., 2008. – 12 с.

48. **Белошапкова 1989** – Белошапкова, В.А. Современный русский язык: Учебник для филол. спец. ун-в. 2-е изд., испр. и допол. [Текст] / В.А. Белошапкова, Е.А. Брызгунова, Е.А. Земская и др. / Под ред. В.А. Белошапковой.– М.: Высшая школа, 1989. – 800 с.

49. **Бенвенист 1974** – Бенвенист, Э. Общая лингвистика [Текст] / Э. Бенвенист. – М.: Прогресс, 1974. – 446 с.

50. **Березина 2010** – Березина, О.А. Синтаксическая безличность и семантическая бессубъектность – к вопросу о корреляции [Текст] / О.А. Березина // В мире научных открытий. – 2010. – №5 (11). Часть 2. – С. 42–44.

51. **Берестова 2012** – Берестова, О.Г. Статичность как признак предиката состояния [Текст] / О.Г. Берестова // Русский язык в контексте национальной культуры: материалы II Международной научной конференции, Саранск, 23–26 мая 2012 г. / Редкол.: В.В. Шигурнов (отв. ред.) [и др.]. – Саранск: Издательство Мордовского университета, 2012. – С. 176–179.

52. **Беседина 2010** – Беседина, Н.А. Формирование смысла в процессе морфологической репрезентации [Текст] / Н.А. Беседина // В поисках смысла: Сб. научных трудов, посвященных памяти проф. А.А. Худякова. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского госуниверситета экономики и финансов, 2010. – С. 84–92.

53. **Биджиев 2007** – Биджиев, З.А.-Д. Формально-семантические типы номинативных предложений в языках различных типологий (на материалах карачаево-балкарского, английского и русского языков) [Электронный ресурс] / З.А.-Д. Биджиев // Вестник Адыгейского государственного университета: сетевое электронное научное издание. – 2007. – №3. – Режим доступа: http://www.vestnik.adygnet.ru

54. **Бирюлин 1984** – Бирюлин, Л.А. Диатезы русских глаголов, обозначающих атмосферные явления: Дис. …канд. филол. наук [Текст] / Л.А. Бирюлин. – Ленинград, 1984. – 212 с.

55. **Бодэ 2004** – Бодэ, С. Репрезентация состояния, события, каузальности и действия [Текст] / С. Бодэ // Вопросы психолингвистики. – 2004. – №2. – С. 6–18.

56. **Болдырев 2001** – Болдырев, Н.Н. Концепт и значение слова [Текст] / Н.Н. Болдырев // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 25–35.

57. **Болдырев 2002** – Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика. Курс лекций по английской филологии [Текст] / Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Издательство ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. – 123 с.

58. **Болдырев, Беседина 2007** – Болдырев, Н.Н. Когнитивные механизмы морфологической репрезентации в языке [Текст] / Н.Н. Болдырев, Н.А. Беседина // Известия РАН. Сер. Литер. и яз. – 2007. – Т. 66. – С. 3–10.

59. **Болдырев, Фурс 2004** – Болдырев, Н.Н. Репрезентация языковых и неязыковых знаний синтаксическими средствами [Текст] / Н.Н. Болдырев, Л.А. Фурс // Филологические науки. – 2004. – №3. – С. 67–74.

60. **Болотина 2006** – Болотина, Ю.Н. Модели элементарных простых предложений русского языка с семантикой местонахождения, построенные по структурной схеме $N_1 – V_f – N_4$ [Текст] // Гуманитарные науки в Сибири. – 2006. – №4. – С. 45–51.

61. **Бондарко 1983** – Бондарко, А.В. Категориальные ситуации (К теории функциональной грамматики) [Текст] / А.В. Бондарко // Вопросы языкознания. – 1983. – №2. – С. 20–32.

62. **Бондарко 2002** – Бондарко, А.В. Категории в системе функциональной грамматики [Текст] / А.В. Бондарко // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста: Сборник статей, посвященных юбилею Галины Александровны Золотовой. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – С. 15–21.

63. **Бондарко 2011** – Бондарко, А.В. Категоризация в системе грамматики [Текст] / А.В. Бондарко. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 488 с.

64. **Борисова 2004** – Борисова, С.А. Пространственность как текстообразующая категория [Текст] / С.А. Борисова // Вестник МГУ. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2004. – №1. – С. 196–204.

65. **Борковский, Кузнецов 1963** – Борковский, В.И. Историческая грамматика русского языка [Текст] / В.И. Борковский, П.С. Кузнецов. – М.: АН СССР, 1963. – 512 с.

66. **Бородина 2009** – Бородина, Н.А. Синтаксический способ репрезентации концепта «память» [Текст] / Н.А. Бородина // Вестник ВятГУ. Сер. Филология и искусствоведение. Научный журнал. – №3(2). – Киров, 2009 (Вятский государственный гуманитарный университет). – С. 61–64.

67. **Бородина 2010** – Бородина, Н.А. Синтаксическая реализация концепта «мыслительная деятельность» в русском языке: Автореф. дис. … канд. филол. наук [Текст] / Н.А. Бородина. – Елец, 2010. – 22 с.

68. **Бохиева 1998** – Бохиева, М.В. Функционирование безличных предложений в описательном типе речи: Дис. …канд. филол. наук [Текст] / М.В. Бохиева. – Улан-Удэ, 1998. – 186 с.

69. **Бреус 2008** – Бреус, И.В. Пространство в когнитивном аспекте [Текст] / И.В. Бреус // Труды по когнитивной лингвистике: сборник научных статей, посвященный 30-летнему юбилею кафедры общего языкознания и славянских языков Кемеровского государственного университета / Отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: КемГУ, 2008. – С. 142–157.

70. **Брутян 1973** – Брутян, Г.А. Язык и картина мира [Текст] / Г.А. Брутян // НДВШ. Философские науки. – 1973. – №1. – С. 108–111.

71. **Букаренко 2009** – Букаренко, С.Г. Отражение фрагментов русской языковой картины мира в предикативных стереотипных сочетаниях: Автореф. дис. …докт. филол. наук [Текст] / С.Г. Букаренко. – М., 2009. – 37 с.

72. **Булыгина 1982** – Булыгина, Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке [Текст] / Т. В. Булыгина // Семантические типы предикатов. – М.: Наука, 1982. – С. 7–85.

73. **Булыгина, Шмелев 1997** – Булыгина, Т.В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) [Текст] / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 576 с.

74. **Булынина 2004** – Булынина, М.М. Глагольная каузация динамики синтаксического концепта (на материале русской и английской лексико-семантических групп глаголов перемещения объекта) [Текст] / М.М. Булынина. – Воронеж: ВГУ, 2004. – 212 с.

75. **Булынина 2009** – Булынина, М.М. Глагольная каузация динамики синтаксического концепта (на материале русских и английских глаголов перемещения объекта) [Текст] / М.М. Булынина // Теоретические проблемы современного языкознания / Под ред. И.А. Стернина и М.А. Стерниной. – Воронеж: Истоки, 2009. – С. 277–285.

76. **Буров 2007** – Буров, А.А. Речевая номинация и языковая картина мира (статья 1) [Электронный ресурс] / А.А. Буров // Вестник ПГЛУ. – 2007. – №1–2. – С. 57–65. – Режим доступа: http://www. pglu.ru/vestnik/2007/1

77. **Буряков 1981** – Буряков, М.А. Семантическое различие между именными и глагольными эмоциональными наименованиями в историческом освещении [Текст] / М.А. Буряков // Филологические науки. – 1981. – №1. – С. 43–49.

78. **Буслаев 1863** – Буслаев, Ф.И. Историческая грамматика русского языка, составленная Ф. Буслаевым. Изд. 2-е, переработанное. Ч. II. Синтаксис [Текст] / Ф.И. Буслаев. – М.: Университетск. тип. (Катков и К), 1863. – 374 с.

79. **Вайсгербер 2009** – Вайсгербер, Й.Л. Родной язык и формирование духа. Изд. 3-е. [Текст] / Вступ. статья и коммент. О.А. Радченко / Й.Л. Вайсгербер. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 232 с.

80. **Валгина 2003** – Валгина, Н.С. Современный русский язык. Синтаксис: учеб. для вузов; изд. 4-ое, испр. [Текст] / Н.С. Валгина. – М.: Высшая школа, 2003. – 416 с.

81. **Василевич 2008** – Василевич, А.П. Цвет и названия цвета в русском языке. Изд. 2-ое. [Текст] / А.П. Василевич, С.Н. Кузнецова, С.С. Мищенко / Под общей ред. А.П. Василевича. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 216 с.

82. **Васильева 2009** – Васильева, В.Ф. «Языковая картина мира»: миф и реальность (полемические заметки) [Текст] // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 2009. – №3. – С. 22–31.

83. **Вежбицкая 1996** – Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание [Текст] / А. Вежбицкая / Отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз; вступ. ст. Е.В. Падучевой. – М.: Русские словари, 1996. – 411 с.

84. **Вежбицкая 2011** – Вежбицкая, А. Семантические универсалии и базисные концепты [Текст] / А. Вежбицкая. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 568 с.

85. **Величко, Туманова, Чагина 1986** – Величко, А.В. Простое предложение. Опыт семантического описания [Текст] / А.В. Величко, Ю.А. Туманова, О.В. Чагина. – М.: Издательство МГУ, 1986. – 120 с.

86. **Верещагин 2002** – Верещагин, Е.М. Концепт *тишины* в древнейшей славяно-русской гимнографии [Текст] / Е.М. Верещагин // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста: Сборник статей, посвященных юбилею Галины Александровны Золотовой. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – С. 299–305.

87. **Верниковская 2001** – Верниковская, Т.В. Семантика польского предложения: Типовая ситуация с адресатным значением [Текст] / Т.В. Верниковская. – Мн.: НТЦ «АПИ», 2001. – 95 с.

88. **Верхотурова 2006** – Верхотурова, Т.Л. Исследование категории «НАБЛЮДАТЕЛЬ» (в контексте концептосферы «человек») [Текст] / Т.Л. Верхотурова // Новое в когнитивной лингвистике: Материалы I Между-

народной научной конференции «Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике» (Кемерово, 29–31 августа 2006 г.) / Отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: КемГУ, 2006. – С. 632–637.

89. **Верхотурова 2008** – Верхотурова, Т.Л. Наблюдатель в коммуникации [Текст] / Т.Л. Верхотурова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – №1. – С. 12–23.

90. **Верхотурова 2009** – Верхотурова, Т.Л. Лингвофилософская природа метакатегории «Наблюдатель»: Автореф. дис. …д-ра филол. наук [Текст] / Т.Л. Верхотурова. – Иркутск, 2009. – 36 с.

91. **Виноградов 1972** – Виноградов, В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) [Текст] / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.

92. **Виноградова, Ситарь, Важник 2007 (а)** − Виноградова, Е.Н. К вопросу об описании содержательного аспекта предложения (на материале восточнославянских языков). Статья первая [Текст] / Е.Н. Виноградова, А.В. Ситарь, С.А. Важник // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2007. − №1. – С. 9−34.

93. **Виноградова, Ситарь, Важник 2007 (б)** − Виноградова, Е.Н. К вопросу об описании содержательного аспекта предложения (на материале восточнославянских языков). Статья вторая [Текст] / Е.Н. Виноградова, А.В. Ситарь, С.А. Важник // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2007. − №1. – С. 7−30.

94. **Винокурова 2002** – Винокурова, Е.Г. Предикаты состояния. Оценка психофизиологического состояния индивида по степени интенсивности (на материале немецкого языка): Дис. …канд. филол. наук [Текст] / Е.Г. Винокурова. – Тула, 2002. – 146 с.

95. **Витгенштейн 1958 –** Витгенштейн, Л. Логико-филсоофский трактат [Текст] / Л. Витгенштейн. – М.: Наука, 1958. – 133 с.

96. **Витгенштейн 1994 –** Витгенштейн, Л. Философские работы. Часть I [Текст] / Пер. с нем., составл., вступ. статья, примеч. М.С.Козловой. – М.: Гнозис, 1994. – 612 с.

97. **Воейкова 2005 –** Воейкова, М.Д. Выражение квалитативной характеристики человека в русском и немецком языках [Текст] / М.Д. Воейкова // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры: Коллективная монография [Текст] / Отв. ред. А.В. Бондарко, С.А. Шубик. – СПб.: Наука, 2005. – С. 193–218.

98. **Волохина, Попова 2003 (а) –** Волохина, Г.А. Синтаксические концепты русского простого предложения [Текст] / Г.А. Волохина, З.Д. Попова. – Воронеж: Истоки, 2003. – 196 с.

99. **Волохина, Попова (б) –** Волохина, Г.А. Многокомпонентные сложные предложения как микротекст [Текст] / Г.А. Волохина, З.Д. Попова. – Воронеж: Истоки, 2003. – 199 с.

100. **Вольф 1982** – Вольф, Е.М. Состояния и признаки. Оценки состояний / Е. М. Вольф // Семантические типы предикатов. – М.: Наука, 1982. – С. 320–340.

101. **Вольф 1985** – Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки [Текст] / Е.М. Вольф. – М: Наука, 1985. – 228 с.

102. **Воркачев 2001 –** Воркачев, С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт. Становление антропоцентрической парадигмы в языкознании [Текст] / С.Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – №1. – С. 64–72.

103. **Воркачев 2002 –** Воркачев, С.Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологичсекого анализа [Текст] / С.Г. Воркачев. – Краснодар, 2002. – 142 с.

104. **Воркачев 2003 (а) –** Воркачев, С.Г. Культурный концепт и значение [Текст] / С.Г. Воркачев // Труды Кубанского государственного технологического университета. Сер. Гуманитарные науки. Т. 17, вып. 2. – Краснодар, 2003. – С. 268–276.

105. **Воркачев 2003 (б) –** Воркачев, С.Г. Сопоставительная этносемантика телеономных концептов «любовь» и «счастье» (русско-английские параллели): Монография [Текст] / С.Г. Воркачев. – Волгоград: Перемена, 2003. – 164 с.

106. **Воркачев 2003 (в) –** Концепт любви в русском языковом сознании [Текст] / С.Г. Воркачев // Коммуникативные исследования: Современная антология. – Волгоград: Перемена, 2003. – С. 189–208.

107. **Воронин 1982** – Воронин, С.В. Основы фоносемантики [Текст] / С.В. Воронин. – Л.: Издательство ЛГУ, 1982. – 244 с.

108. **Востоков 1831** – Востоков, А.Х. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики, полнее изложенная [Текст] / А.Х. Востоков. – СПб.: Типография И. Глазунова, 1831. – XXIV. – 408 с.

109. **Всеволодова 2000** – Всеволодова, М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. Учебник [Текст] / М.В. Всеволодова. – М.: МГУ, 2000. – 502 с.

110. **Всеволодова 2005 (а)** – Всеволодова, М.В. К вопросу о методологиях и методиках лингвистического анализа (на примере категорий пространственных, временных и причинных отношений). Статья первая [Электронный ресурс] / М.В. Всеволодова // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2005. – №1. – С. 22–49. – Режим доступа: http://www.v-sevolodova.ru/content/view/30/31/

111. **Всеволодова 2005 (б)** – Всеволодова, М.В. «Модели славянских простых предложений с учетом их типовых значений и речевых реализаций». Задачи и перспективы межнационального проекта [Электронный ресурс] / М.В. Всеволодова // Лінгвістичні студії: 36 наук. произь. Випуск 13/ Укл.: Анатолій Загнітко (наук. ред.) та іп. – Донецьк, 2005. – С. 142–146. – Режим доступа: http://www.vsevolodova.ru/content/view/21/31/

112. **Всеволодова 2007 (а) –** Всеволодова, М.В. Грамматика как средство отображения национальной языковой картины мира [Электронный

ресурс] / М.В. Всеволодова // Frazeologia a jezykowe obrazy swiata przelomu wiekow. – Opole (Польша), 2007. – Режим доступа: http://www.vsevolodova.ru/content/view/29/31/

113. **Всеволодова 2007 (б) –** Всеволодова, М.В. Инвариант содержания и парадигматики предложения [Электронный ресурс] / М.В. Всеволодова // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, 20–23. 03. 2007): Труды и материалы / Сост. М.Л. Ремнева, А.А. Поликарпов. – М.: МАКС Пресс, 2007. – С. 760. – Режим доступа: http://www.vsevolodova.ru/content/view/18/31/

114. **Всеволодова 2009 –** Всеволодова, М.В. Поля, категории и концепты в грамматической системе языка [Электронный ресурс] / М.В. Всеволодова // Вопросы языкознания. – 2009. – №3. – Режим доступа: http://www.vsevolodova.ru/content/view/43/31/

115. **Гак 1969** – Гак, В.Г. К проблеме синтаксической семантики: семантическая интерпретация «глубинных» и «поверхностных структур» [Текст] / В.Г. Гак // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения (Доклады на конференции по теоретическим проблемам синтаксиса). – М.: Наука, 1969. – С. 77–85.

116. **Гак 1973** – Гак, В.Г. Высказывание и ситуация [Текст] / В.Г. Гак // Проблемы структурной лингвистики 1972. – М.: Наука, 1973. – С. 349–372.

117. **Гак 1986** – Гак, В.Г. Теоретическая грамматика французского языка: Синтаксис. 2-ое изд., испр. [Текст] / В.Г. Гак. – М.: Высшая школа, 1986. – 220 с.

118. **Гак 1998** – Гак, В.Г. Языковые преобразования [Текст] / В.Г. Гак. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 768 с.

119. **Гак 2000** – Гак, В.Г. Пространство вне пространства [Текст] / В.Г. Гак // Логический анализ языка. Языки пространств / Отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 127–134.

120. **Галкина-Федорук 1958** – Галкина-Федорук, Е.М. Безличные предложения в современном русском языке [Текст] / Е.М. Галкина-Федорук. – М.: Издательство Московского университета, 1958. – 332 с.

121. **Гвишиани 2004** – Гвишиани, Н.Б. Контрастивные исследования современных языков и корпусная лингвистика [Текст] / Н.Б. Гвишиани // Филологические науки. – 2004. – №1. – С. 59–71.

122. **Гвоздев 1952** – Гвоздев, А.Н. Очерки по стилистике русского языка [Текст] / А.Н. Гвоздев. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1952. – 285 с.

123. **Георгиева 1968** – Георгиева, В.Л. История синтаксических явлений русского языка [Текст] / В.Л. Георгиева. – М.: Просвещение, 1968. – 167 с.

124. **Герасименко 2007** – Герасименко, Н.А. Синонимия предложно-падежных форм существительного в предикативном употреблении [Текст] / Н.А. Герасименко // Вестник МГОУ. Сер. Русская филология. – 2007. – №1. – С. 35–37.

125. **Гехтляр 2008 –** Гехтляр, С.Я. Вильгельм фон Гумбольдт: путь лингвистической концепции сквозь века (К построению и содержанию университетского курса лекций по истории и теории языкознания) [Текст] / С.Я. Гехтляр // Проблемы русского и общего языкознания: межвузовский сборник научных трудов, посвященный Году русского языка. – Выпуск 6. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2008. – С. 11–22.

126. **Гехтляр 2009 –** Гехтляр, С.Я. Русское слово в контексте духовной культуры. Монография [Текст] / С.Я. Гехтляр. – Брянск: Курсив, 2009. – 336 с.

127. **Градинарова 2008 –** Градинарова, А.А. Безличные предложения: отражение национального менталитета? [Текст] / А.А. Градинарова // Филология и человек. – 2008. – №1. – С. 50–62.

128. **Грамматика 1954** – Грамматика русского языка. Т.2. Ч.1. Синтаксис [Текст] / Под ред. В.В. Виноградова. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. – 703 с.

129. **Грамматика 1970** – Грамматика современного русского литературного языка [Текст] / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1970. – 765 с.

130. **Греч 1840** – Греч, Н.И. Чтения о русском языке Николая Греча. Ч. I. [Текст] / Н.И. Греч. – СПб.: Тип. Н. Греча, 1840. – 336 с.

131. **Грибещенко 2008** – Грибещенко, О.А. Темпоральные детерминанты в предложениях спрягаемо-глагольного класса: системный и функциональный аспекты: Дис. …канд. филол. наук [Текст] / О.А. Грибещенко. – Ростов-на-Дону, 2008. – 161 с.

132. **Григоренко 1998** – Григоренко, О.В. О некоторых особенностях отражения в языке процессов чувственного познания мира [Текст] / О.В. Григоренко // Когнитивная лингвистика: современное состояние и перспективы развития: Материалы I Международной школы-семинара по когнитивной лингвистике. Ч. 2. – Тамбов, 1998. – С. 51–54.

133. **Григоренко 1999** – Григоренко, О.В. Глаголы звучания в русском языке [Текст] / О.В. Григоренко // РЯШ. – 1999. – №4. – С. 77–81.

134. **Гришаева, Попова 2003 –** Гришаева, Л.И. Картина мира как проблема гуманитарных наук [Текст] / Л.И. Гришаева, М.К. Попова // Картина мира и способы ее репрезентации: Научные доклады конференции «Национальные картины мира: язык, литература, культура, образование» / Ред. Л.И. Гришаева, М.К. Попова. – Воронеж: ВГУ, 2003. – С. 13–38.

135. **Гумбольдт 1964** – Гумбольдт, В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода (Извлечения) [Текст] / В. Гумбольдт // Звегинцев В.А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 1. – М.: Просвещение, 1964. – С. 85–105.

136. **Гумбольдт 1984** – Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию. Пер. с нем. под ред., с предисл. [с. 5–33, и примеч.] Г. В. Рамишвили [Текст] / В. Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.

137. **Давыдов 1852** – Давыдов, И.И. Опыт общесравнительной грамматики русского языка. Изд. 2-е. [Текст] / И.И. Давыдов. – СПб.: Второе отделение Императорской академии наук, 1852. – 462 с.

138. **Даниленко 2002** – Даниленко, В.П. Универсализм и идиоэтнизм в концепции В. Гумбольдта // Вестник ИГЛУ. Язык. Сознание. Этнос. Культура. Сер. Психолингвистика. Вып.5. – Иркутск, 2002. – С. 13–18.

139. **Даниленко 2010** – Даниленко, В.П. Вильгельм фон Гумбольдт и неогумбольдтианство [Текст] / В.П. Даниленко. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 216 с.

140. **Дворецкая 2008** – Дворецкая, Е.В. Семантика компонентов бипропозициональной структуры предложений с абсолютной конструкцией [Текст] / Е.В. Дворецкая // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. Сер. Филология. – 2008. – №2(13). – С. 91–101.

141. **Дворникова 2011** – Дворникова, Е.В. Средства выражения аналога подлежащего в предложениях с второстепенным признаковым сказуемым в русском и французском языках [Текст] / Е.В. Дворникова // Грамматика разноструктурных языков: сборник научных статей к юбилею профессора Виктора Юрьевича Копрова. – Воронеж: Издательство «НАУКА-ЮНИПРЕСС», 2011. – С. 129–134.

142. **Дедова 2002** – Дедова, О.М. Предложения обладания в медико-биологических текстах: Автореф. дис. …канд. филол. наук [Текст] / О.М. Дедова. – Воронеж, 2002. – 22 с.

143. **Демьяненко 2006** – Демьяненко, М.А. Концепция языка Франца Николауса Финка (1867–1910) [Текст] / М.А. Демьяненко // Вестник СамГУ. – 2006. – №5/1 (45). – С. 191–197.

144. **Дмитровская 1994** – Дмитровская, М.А. Природа: язык и молчание (О миросозерцании А. Платонова) [Текст] / М.А. Дмитровская // Логический анализ языка: Язык речевых действий / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Н.К. Рябцева. – М.: Наука, 1994. – С. 125–130.

145. **Добрушина 2000** – Добрушина, Н.Р. *ВОЗДУХ*: вещество или пространство, материя или дух [Текст] / Н.Р. Добрушина // Логический анализ языка. Языки пространств / Отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 217–226.

146. **Долин 2000** – Долин, Ю.Т. Есть ли в русском языке односоставные предложения? (Синтаксическая теория и школьная практика) [Текст] / Ю.Т. Долин // РЯШ. – 2000. – №3. – С. 80–83.

147. **Долин 2001** – Долин, Ю.Т. К вопросу о грамматическом статусе односоставных предложений в русском языке [Текст] / Ю.Т. Долин // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2001. – №1. – С. 54–56.

148. **Долин 2007** – Долин, Ю.Т. Один из «проклятых» вопросов языкознания (К вопросу о системе односоставных предложений в русском языке) [Текст] / Ю.Т. Долин // Проблемы русского и общего языкознания: межвузовский сборник научных трудов. – Выпуск 5. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2007. – С. 127–139.

149. **Долин 2008** – Долин, Ю.Т. Вопросы теории односоставного предложения (на материале русского языка). Изд. 2-е., перераб. и допол. [Текст] / Ю.Т. Долин. – Оренбург: ГОУ ОГУ, 2008. – 118 с.

150. **Дронова 2010** – Дронова, О.В. Структурная схема «Что происходит с субъектом при участи давления» – репрезентант концепта «давление» [Текст] / О.В. Дронова // Язык как система и деятельность-2. Материалы Международной научной конференции. – Ростов-на-Дону: Изд-во НМЦ «ЛОГОС», 2010. – С. 159–161.

151. **Дронова 2011** – Дронова, О.В. Вербализация концепта «давление» структурной организацией предложения: Автореф. дис. …канд. филол. наук [Текст] / О.В. Дронова. – Елец, 2011. – 21 с.

152. **Дручинина 2002** – Дручинина, Г.П. Предложения с локативным субъектом [Текст] / Г.П. Дручинина // Коммуникативно-смысловые па-

раметры грамматики и текста: Сборник статей, посвященных юбилею Галины Александровны Золотовой. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – С. 152–158.

153. **Дручинина, Онипенко 1993** – Дручинина, Г.П. К вопросу об односоставном предложении [Текст] / Г.П. Дручинина, Н.К. Онипенко // РЯШ. – 1993. – №1. – С. 22–26.

154. **Дурова 2011** – Дурова, Е.Н. Предложения со значением процессуального состояния в семантико-структурном аспекте (сравнение русского и испанского языков) [Текст] / Е.Н. Дурова // Вестник Пермского университета. Сер. Российская и зарубежная филология. – 2011. – Вып. 1(13). – С. 39–44.

155. **Дымарский 2005** – Дымарский, М.Я. Высказывание и коммуникативность [Текст] / М.Я. Дымарский // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры: Коллективная монография [Текст] / Отв. ред. А.В. Бондарко, С.А. Шубик. – СПб.: Наука, 2005. – С. 292–332.

156. **Жирмунский 2007 –** Жирмунский, В.М. Жизнь и творчество Гердера [Текст] / В.М. Жирмунский // И.Г. Гердер. Трактат о происхождении языка. Изд. 2-е. / Вступ. ст. В.М. Жирмунского. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – С. 7–132.

157. **Зализняк, Левонтина, Шмелев 2012 –** Зализняк, А.А. Константы и переменные русской языковой картины мира [Текст] / А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. – М.: Языки славянских культур, 2012. – 696 с.

158. **Зарецкий 2008 –** Зарецкий, Е.В. Безличные конструкции в русском языке: культурологические и типологические аспекты (в сравнении с английским и другими индоевропейскими языками): монография [Текст] / Е.В. Зарецкий. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2008. – 564 с.

159. **Золотова 1967 –** Золотова, Г.А. О структуре простого предложения в русском языке [Текст] // Вопросы языкознания. – 1967. – №6. – С. 90–101.

160. **Золотова 1969 –** Золотова, Г.А. О регулярных реализациях моделей предложения [Текст] Г.А. Золотова // Вопросы языкознания. – 1969. – №1. – С. 67–78.

161. **Золотова 1973 –** Золотова, Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка [Текст] / Г.А. Золотова. – М.: Наука, 1973. – 368 с.

162. **Золотова 1979 –** Золотова, Г.А. К вопросу об объекте синтаксических исследований [Текст] / Г.А. Золотова // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1979. – Т. 38. – №1. – С. 13–23.

163. **Золотова 1982** – Золотова, Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса [Текст] / Г. А. Золотова. – М.: Наука, 1982. – 366 с.

164. **Золотова 1986** – Золотова, Г.А. О некоторых теоретических результатах работы над «Синтаксическим словарем русского языка» [Текст] / Г.А. Золотова // Вопросы языкознания. – 1986. – №1. – С. 27–33.

165. **Золотова 1988 –** Золотова, Г.А. Синтаксические основания коммуникативной лингвистики [Текст] / Г.А. Золотова // Вопросы языкознания. – 1988. – №4. – С. 52–58.

166. **Золотова 2000** – Золотова, Г.А. Понятие личности/безличности и его интерпретация [Текст] / Г.А. Золотова // Russian Linguistics. – 2000. – № 24. – С. 103–115.

167. **Золотова 2005 (а)** – Золотова, Г.А. К теории поля в языкознании [Текст] / Г.А. Золотова // Лингвистические и методологические аспекты системных отношений единиц языка и речи: Материалы X юбилейной научной конференции «Пушкинские чтения» / Сост. и отв. ред. Н.Е. Синичкина. – СПб.: САГА, 2005. – С. 96–101.

168. **Золотова 2005 (б)** – Золотова, Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. Изд. 2-е, испр. [Текст] – М.: КомКнига, 2005. – 352 с.

169. **Золотова, Онипенко, Сидорова 1998** – Золотова, Г.А. Коммуникативная грамматика русского языка [Текст] / Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова. – М.: МГУ, 1998. – 524 с.

170. **Иванов 1990** – Иванов, В.В. Историческая грамматика русского языка, 3-е изд., перераб. и дополн. [Текст] / В.В. Иванов. – М.: Просвещение, 1990. – 400 с.

171. **Иванова 2001 –** Иванова, В.И. Предложение, высказывание: системно-функциональный аспект: Автореф. дис. …д-ра филол. наук [Текст] / В.И. Иванова. – Тверь, 2001. – 37 с.

172. **Иванчикова 1965** – Иванчикова, Е.А. О структурной факультативности и структурной обязательности в синтаксисе [Текст] / Е.А. Иванчикова // Вопросы языкознания. – 1965. – №5. – С. 84–94.

173. **Ильенков 1981** – Ильенков, Э.В. Философия и культура [Текст] / Э.В. Ильенков. – М.: Политиздат, 1991. – 464 с.

174. **Исаченко 1955** – Исаченко, А.В. О возникновении и развитии «категории состояния» в славянских языках [Текст] / А.В. Исаченко // Вопросы языкознания. – 1955. – №6. – С. 48–65.

175. **Кабанова 2012 –** Кабанова, С.А. Предложно-падежные формы со значением эмоционального состояния в сербском и русском языках [Текст] / С.А. Кабанова // Русский язык в контексте национальной культуры: материалы II Международной научной конференции, Саранск, 23–26 мая 2012 г. / редкол.: В.В. Шигурнов (отв. ред.) [и др.]. – Саранск: Издательство Мордовского университета, 2012. – С. 209–213.

176. **Казарина 2002 (а)** – Казарина, В.И. К вопросу о состоянии как семантической категории [Текст] / В.И. Казарина // Предложение. Текст. Речевое функционирование языковых единиц. Межвузовский сборник научных трудов. – Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2002. – С. 60–71.

177. **Казарина 2002 (б)** – Казарина, В.И. Синтаксический концепт «состояние» в современном русском языке (к вопросу о его формировании): Монография [Текст] / В.И. Казарина. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2002. – 225 с.

178. **Казарина 2003** – Казарина, В.И. Субстантивные структурные схемы состояния в современном русском языке [Текст] / В.И. Казарина // Из-

вестия РГПУ им. А.И. Герцена. Сер. Общественные и гуманитарные науки (философия, языкознание, литературоведение, культурология, история, социология, экономика, право). – 2003. – №3(5). – С.86–94.

179. **Казарина 2004 (а)** – Казарина, В.И. Еще раз о структурной схеме простого предложения [Текст] / В.И. Казарина // Актуальные проблемы современного языкознания и методики преподавания языка: Сборник материалов Международной конференции, посвященной 105-летию со дня рождения проф. И.А. Фигуровского. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2004. – С. 31–44.

180. **Казарина 2004 (б)** – Казарина, В.И. Пропозиция и ее роль в формировании высказывания [Текст] / В.И. Казарина // Проблемы русского и общего языкознания: Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 2. – Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2004. – С. 122–127.

181. **Казарина 2005 –** Казарина, В.И. История и теория синтаксиса: учебное пособие [Текст] / В.И. Казарина. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2005. – 266 с.

182. **Казарина 2007 (а) –** Казарина, В.И. Современный русский синтаксис. Структурная организация простого предложения: Учебное пособие [Текст] / В.И. Казарина. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2007. – 337 с.

183. **Казарина 2007 (б) –** Казарина, В.И. К вопросу о синтаксическом поле предложений, представляющих концепт «состояние живого существа» [Текст] / В.И. Казарина // Проблемы русского и общего языкознания: межвузовский сборник научных трудов. – Выпуск 5. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2007. – С. 12–28.

184. **Казарина 2007 (в) –** Казарина, В.И. Номинативные предложения в русском языке [Текст] / В.И. Казарина // Филologos. – 2007. – Т. 1–2. – №№. – С. 24–40.

185. **Казарина 2008 –** Казарина, В.И. Ядерная зона синтаксического поля предложений со значением состояния живого существа [Текст] / В.И. Казарина // Вопросы филологии. – 2008. – №4. – С. 6–12.

186. **Казарина 2009 –** Казарина, В.И. Синтаксический концепт «состояние живого существа» в семантическом пространстве русского языка [Текст] / В.И. Казарина // Теоретические проблемы современного языкознания / Под ред. И.А. Стернина и М.А. Стерниной. – Воронеж: Истоки, 2009. – С. 285–292.

187. **Казарина 2011** – Казарина, В.И. Информативный компонент семантики предложения: формирование и вербализация [Текст] / В.И. Казарина // Грамматика разноструктурных языков: сборник научных статей к юбилею профессора Виктора Юрьевича Копрова. – Воронеж: Изд-во «НАУКА-ЮНИПРЕСС», 2011. – С. 162–168.

188. **Казарина, 2012** – Казарина, В.И. Синонимия структурных схем простого предложения со значением состояния живого существа, представленного косвенным падежом, в русском языке [Текст] / В.И. Казарина // Филologos. – Выпуск 12. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2012. – С. 57−64.

189. **Казарина, Пешехонова 2005** – Казарина, В.И. Структурная схема простого предложения – знак пропозиции [Текст] / В.И. Казарина, Н.А. Пешехонова // Язык как система и деятельность: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 80-летию профессора Ю.А. Гвоздарева. – Ростов-на-Дону: ООО «Сигма», 2005. – С. 224–228.

190. **Калашникова, Палатовская 2009 –** Калашникова, Г.Ф. Репрезентация внеязыковой действительности в структурной схеме многокомпонентного сложного предложения [Текст] / Г.Ф. Калашникова, Е.В. Палатовская // Слово в языке и речи: Международный сборник научных трудов в честь 70-летия доктора филологических наук профессора О.И. Литвинниковой. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2009. – С. 159–162.

191. **Карам 2009** – Карам, Р.А. Словообразовательная структура зоокомпозитов с глагольной основой в языках различных типов [Текст] / Р.А. Карам // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – №2. – С. 105–109.

192. **Карасева 2008** – Карасева, Е.В. Структурная схема «кому есть каково»: компонентный состав, речевая реализация и участие в формировании речевых регистров: Автореф. дис. …канд. филол. наук [Текст] / Е.В. Карасева. – Елец, 2008. – 21 с.

193. **Карасик, Слышкин 2001** – Карасик, В.И. Лингвокультурный концепт как единица исследования [Текст] / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сборник научных трудов / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2001. – С. 75–80.

194. **Караулов 2010** – Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е [Текст] / Ю.Н. Караулов. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.

195. **Карданова 2010 (а)** – Карданова, К.С. Языковая картина мира: мифы и реальность [Текст] / К.С. Карданова // РЯШ. – 2010. − №9. – С. 61−65.

196. **Карданова 2010 (б)** – Карданова, К.С. Языковая картина мира: мифы и реальность [Текст] / К.С. Карданова // РЯШ. – 2010. − №10. – С. 56−61.

197. **Кареев 2011** – Кареев Н.И. Исследования в области древней мифологии [Текст] / Н.И. Кареев. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 104 с.

198. **Каринский 1956** – Каринский, М.И. Классификация выводов [Текст] / М.И. Каринский // Избранные труды русских логиков XIX века. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. – 404 с.

199. **Кацнельсон 1972** – Кацнельсон, С.Д. Типология языка и речевое мышление [Текст] / С.Д. Кацнельсон. – Л.: Наука, 1972. – 216 с.

200. **Кацнельсон 2001** – Кацнельсон, С.Д. Категории языка и мышление: Из научного наследия [Текст] / С.Д. Кацнельсон. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 865 с.

201. **Кибрик 1980** – Кибрик, А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке) [Текст] / А.Е. Кибрик. – М.: Изд-во Московского университета, 1992. – 335 с.

202. **Классовский 1870** – Классовский, В.И. Нерешенные вопросы в грамматике [Текст] / В.И. Классовский. – СПб., М.: М. О. Вольф, 1870. – 92 с.

203. **Кобозева 2000 (а)** – Кобозева, И.М. Лингвистическая семантика: Учебник [Текст] / И.М. Кобозева. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.

204. **Кобозева 2000 (б)** – Кобозева, И.М. Грамматика описания пространства [Текст] // Логический анализ языка. Языки пространств / Отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 152–162.

205. **Ковшова 2009** – Ковшова, М.Л. Семантика и прагматика фразеологизмов (лингвокультурологический аспект): Автореф. дис. …д-ра филол. наук [Текст] / М.Л. Ковшова. – М., 2009. – 48 с.

206. **Кожемякова 2010** – Кожемякова, 2010 – Кожемякова, Е.А. Универсальное и национально-своеобразное в эволюции семантики цветообозначений: формирование связи с предметом в русском языке [Текст] / Е.А. Кожемякова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2010. – №4(2). – С. 545–548.

207. **Козел 2002** – Козел, Н.Я. Синтаксическая синонимия в способах выражения субъекта предложения: Дис. …канд. филол. наук. [Текст] / Н.Я. Козел. – М., 2002. – 193 с.

208. **Козлова, Клокова 2005** – Козлова, Р.П. Изучение безличных предложений в школе [Текст] / Р.П. Козлова, Л.Н. Клокова // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. – 2005. – №1 (7). – С. 135–141.

209. **Кокорина 1975** – Кокорина, С.И. О реализации структурной схемы предложения [Текст] / С.И. Кокорина // Вопросы языкознания. – 1975. – №3. – С. 73–83.

210. **Колесов 2009** – Колесов, В.В. Историческая грамматика русского языка [Текст] / В.В. Колесов. – СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2009. – 512 с.

211. **Колшанский 1979** – Колшанский, Г.В. Коммуникативная грамматика и лингвистическая интерпретация категории субъекта и предиката [Текст] / Г.В. Колшанский // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1979. – №4. – С. 318–322.

212. **Колшанский 2005** – Колшанский, Г.В. Контекстная семантика. Изд. 2-е, стереотипное [Текст] / Г.В. Колшанский. – М.: КомКнига, 2005. – 152 с.

213. **Колшанский 2006** – Колшанский, Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. Изд. 3-е, стереотипное [Текст] / Отв. ред. А.М. Шахнарович; Предисл. С.И. Мельник и А.М. Шахнаровича. – М.: КомКнига, 2006. – 128 с.

214. **Колшанский 2012** – Колшанский, Г.В. Логика и структура языка. Изд. 3-е [Текст] / Г.В. Колшанский. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 240 с.

215. **Кононенко 1970** – Кононенко, В.И. Синонимика синтаксических конструкций в современном русском языке [Текст] / В.И. Кононенко. – Киев: Наукова думка, 1970. – 143 с.

216. **Константинова 1997** – Константинова, С.К. Семантика олицетворения [Текст] / С.К. Константинова. – Курск: Издательство КГПУ, 1997. – 112 с.

217. **Копров 1999** – Копров, В.Ю. Аспекты сопоставительной типологии простого предложения (на материале русского, английского и венгерского языков) [Текст] / В.Ю. Копров. – Воронеж: ВГУ, 1999. – 160 с.

218. **Копров 2000** – Копров, В.Ю. Сопоставительная типология предложения [Текст] / В.Ю. Копров. – Воронеж: ВГУ, 2000. – 192 с.

219. **Копров 2006** – Копров, В.Ю. Предложения локализации в синтаксической концептосфере русского и английского языков [Текст] /

В.Ю. Копров // Проблемы русского и общего языкознания: межвузовский сборник научных трудов, посвящены 70-летию со дня рождения проф. В.Г. Головина. – Выпуск 4. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2006. – С. 18–25.

220. **Копров 2010** – Копров, В.Ю. Сопоставительный синтаксис русского и английского языков: Учебное пособие [Текст] / В.Ю. Копров. – Воронеж: Издательство «НАУКА–ЮНИПРЕСС», 2010. – 226 с.

221. **Коптева 2005** – Коптева, Н.В. Предметная и вербальная символика желтого в русской этнической культуре [Текст] / Н.В. Коптева // Язык как система и деятельность. – Ростов-на-Дону: ООО «Сигма», 2005. – С. 28–29.

222. **Корнилов 1962** – Корнилов, В.А. К вопросах о типах синтаксической синонимики [Текст] / В.А. Корнилов // Доклады научно-теоретической конференции аспирантов. – Ростов-на-Дону: РГПИ, 1962. – С. 140–141.

223. **Корнилов 2011** – Корнилов, О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов: учебное пособие. Изд. 3-е, испр. [Текст] / О.А. Корнилов. – М.: КДУ, 2011. – 350 с.

224. **Косова 2006** – Косова, В.А. Категория отвлеченного действия, состояния (nomina actionis) в системе номинативной деривации русского языка [Текст] / В.А. Косова // Ученые записки Казанского государственного университета. – 2006. – Том 148, кн. 2. – С. 110–118.

225. **Кошарная 2002** – Кошарная, С.А. Миф и язык: опыт лингвокультурологической реконструкции русской мифологической картины мира [Текст] / С.А. Кошарная. – Белгород: БелГУ, 2002. – 288 с.

226. **Кошарная 2003 –** Кошарная С.А. Лингвокультурологическая реконструкция мифологического комплекса «Человек – Природа» в русской языковой картине мира: Дис. ...д-ра филол. наук [Текст] / С.А. Кошарная. – Белгород, 2003. – 452 с.

227. **Кошкарева 2006 –** Кошкарева, Н.Б. Глагольные безличные предложения в составе функционально-семантического поля статальности

русского языка [Текст] / Н.Б. Кошкарева // Гуманитарные науки в Сибири. – 2006. – №4. – С. 40–45.

228. **Кравченко 1993** – Кравченко, А.В. К проблеме наблюдателя как системообразующего фактора в языке [Текст] / А.В. Кравченко // Известия АН. Сер. лит. и яз. – 1993. – №3. – С. 45–57.

229. **Кравченко 2001** – Кравченко, А.В. Когнитивная лингвистика и новая эпистемология (К вопросу об идеальном проекте языкознания) [Текст] / А.В. Кравченко // Известия РАН. Сер. лит. и яз. – 2001. – Т. 60. – №5. – С. 3–13.

230. **Красавский 2001** – Красавский, Н.А. Русская и немецкая концептосферы эмоций (опыт лингвокультурологического анализа словарных статей) [Текст] / Н.А. Красавский // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2001. – С. 113–119.

231. **Красухин 2002 –** Красухин, К.Г. Опыт построения универсальной классификации предикатов [Текст] / К.Г. Красухин // Вестник Московского государственного университета леса (Лесной вестник). – 2002. – №3. – С. 62–75.

232. **Красухин 2003 –** Красухин, К.Г. Предикаты состояния [Текст] / К.Г. Красухин // Вестник Московского государственного университета леса (Лесной вестник). – 2003. – №4. – С. 77–86.

233. **Кривоносов 2006 –** Кривоносов, А.Т. Мышление, язык и крушение мифов о «лингвистической относительности», «языковой картине мира» и «марксистско-ленинском языкознании» [Текст] / А.Т. Кривоносов. – М.; Нью-Йорк: ЧеРо, 2006. – 821 с.

234. **Кривошеева 1999** – Кривошеева, И.В. Структурные схемы русского простого предложения с глаголами эмоциональной деятельности: Дис. …канд. филол. наук [Текст] / И.В. Кривошеева. – Воронеж, 1999. – 185 с.

235. **Крылова 1976** – Крылова, О. А. Детерминанты в аспекте коммуникативного синтаксиса [Текст] / О. А. Крылова // Вопросы языкознания. – 1976. – №2. – С. 43–53.

236. **Кубрякова 1976 –** Кубрякова, Е.С. Части речи в ономасиологическом освещении [Текст] / Е.С. Кубрякова. – М.: Наука, 1978. – 115 с.

237. **Кубрякова 1997** – Кубрякова, Е.С. Язык пространства и пространство языка (К постановке проблемы) [Текст] / Е.С. Кубрякова // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. – 1997. – Т. 56. – №3. – С. 22–31.

238. **Кубрякова 2000 (а)** – Кубрякова, Е.С. Когнитивные аспекты морфологии [Текст] / Е.С. Кубрякова // Язык: Теория, история, типология. – М., 2000. – С. 22–27.

239. **Кубрякова 2000 (б)** – Кубрякова, Е.С. О понятиях места, предмета и пространства [Текст] / Е.С. Кубрякова // Логический анализ языка. Языки пространств / Отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 84–92.

240. **Кубрякова 2003 –** Кубрякова, Е.С. Сознание человека и его связь с языком и языковой картиной мира [Текст] / Е.С. Кубрякова // Филология и культура / Ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов: ТГУ, 2003. – С. 32–34.

241. **Кубрякова 2012** – Кубрякова, Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности [Текст] / Е.С. Кубрякова / Отв. ред. Б.А. Серебренников. Изд. 4-ое. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 160 с.

242. **Кузнецов 1961** – Кузнецов, П.С. О языке и речи [Текст] / П.С. Кузнецов // Вестник Московского университета. Серия VII: Филология, журналистика. – 1961. – №4. – С. 59–65.

243. **Кузьмина** (1) **2009** – Кузьмина, О.В. Инволюнтивные модификации как элемент языковой картины мира [Текст] / О.В. Кузьмина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2009. – №1(3). – С. 120–122.

244. **Кузьмина** (2) **2009 (а)** – Кузьмина, С.Е. О некоторых концептах в синтаксисе английского простого предложения [Текст] / С.Е. Кузьмина // Вестник НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. Выпуск 7. – Нижний Новгород, 2009. – С. 38–48.

245. **Кузьмина** (2) **2009 (б)** – Кузьмина, С.Е. Проблема выделения структурных схем простого предложения (на материале английского языка) [Текст] / С.Е. Кузьмина // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. Филология. Искусствоведение. Вып. 30. – 2009. – №10 (148). – С. 53–57.

246. **Кузьмина 2010 (а) –** Кузьмина, С.Е. Концептуальное содержание структурной схемы There $P_{simpleverbal}$ S A_{place} в английском языке [Текст] / С.Е. Кузьмина // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2010. – Т. 82. – №4. – С. 64–76.

247. **Кузьмина 2010 (б) –** Кузьмина, С.Е. Вариативность структурной схемы предложения (на материале английского языка) [Текст] / С.Е. Кузьмина // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. Филология. Искусствоведение. Вып. 43. – 2010. – №13 (194). – С. 88–93.

248. **Кузьмина 2011** – Кузьмина, С.Е. Концептуальное содержание структурной схемы SPADIR (на материале английского языка) [Текст] / С.Е. Кузьмина // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2011. – №3. – С. 26–32.

249. **Кульпин 2008** – Кульпин, Э.С. Путь России: Генезис кризисов природы и общества в России. Изд. 2-ое [Текст] / Э.С. Кульпин. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 212 с.

250. **Кульпина 2007** – Кульпина, В.Г. Из истории модификаторов цвета (к проекту исторического словаря терминов цвета русского языка) [Текст] / В.Г. Кульпина // Языковая система и речевая деятельность: лингвокультурологический и прагматический аспекты. Выпуск 1. Материалы международной научной конференции. – Ростов-на-Дону: НМЦ «Логос», 2007. – С. 29–30.

251. **Кулятина 2006** – Кулятина, Т.С. Предложения со значением звучания, построенные по структурной схеме N_1 – V_f, с инактивным субъектом [Текст] / Т.С. Кулятина // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История. Филология. – 2006. – Т. 5. – №2. – С. 115–117.

252. **Курбатова 2000** – Курбатова, С.А. Образы и представления мира природы в сознании русской языковой личности: Автореф. дис. …канд. филол. наук [Текст] / С.А. Курбатова. – М., 2000. – 21 с.

253. **Кустова 1999** – Кустова, Г.И. Перцептивное событие: участники, наблюдатели, локусы [Текст] / Г.И. Кустова // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М.: Индрик, 1999. – С. 229–238.

254. **Кустова 2002** – Кустова, Г.И. О типах производных значений с экспериенциальной семантикой [Текст] / Г.И. Кустова // Вопросы языкознания. – 2002. – №2. – С. 16–34.

255. **Кустова 2007** – Кустова, Г.И. Синтаксис современного русского языка: учеб. пособие, 2-е изд., испр. [Текст] / Г.И. Кустова, К.И. Мишин, В.А. Федосеев. – М.: Издательский центр «Академия», 2007. – 256 с.

256. **Лавренова 2010 (а)** – Лавренова, О.А. Русское лексико-семантическое поле «атмосферные осадки» [Текст] / О.А. Лавренова // Вестник ВГУ. Сер. Филология. Журналистика. – 2010. – №1. – С. 52–54.

257. **Лавренова 2010 (б)** – Лавренова, О.А. Параметры выявления национальной специфики одноименных лексико-семантических полей: на материале русского и английского лексико-семантических полей «Атмосферные осадки»: Дис. ...канд. филол. наук [Текст] / О.А. Лавренова. – Воронеж, 2010. – 185 с.

258. **Лаврентьев 2011** – Лаврентьев, В.А. Односоставные предложения с дезагенсным значением синтаксического лица [Текст] / В.А. Лаврентьев // Вестник Тамбовского университета. – 2011. – Выпуск 5 (97). – С. 272–278.

259. **Лазариди 2000** – Лазариди, М.И. Функционально-семантические поля психических состояний в современном русском языке [Текст] / М.И. Лазариди. – Бишкек, 2000. – 179 с.

260. **Лазариди 2001** – Лазариди, М.И. Номинативно-функциональное поле психических состояний в современном русском языке: Автореф. дис. …д-ра филол. наук. [Текст] / М.И. Лазариди. – Волгоград, 2001. – 44 с.

261. **Латышева 2007** – Латышева, Ю.А. Структура функционально-семантического поля предметной определенности/неопределенности и контекст в современном французском языке [Текст] / Ю.А. Латышева // Вестник МГОУ. Сер. Лингвистика. – 2007. – №2. – С. 39–48.

262. **Левина 2005** – Левина, Э.А. Национальная языковая картина мира как единство общечеловеческого и национально-специфического содержания [Электронный ресурс] / Э.А. Левина // Вестник ПГЛУ. – 2005. – №1. – С. 70–71. – Режим доступа: http://www. pglu.ru/vestnik/2005/1

263. **Левонтина, Шмелев 2000** – Левонтина, И.Б. Родные просторы [Текст] / И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев // Логический анализ языка. Языки пространств / Отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 338–347.

264. **Лекант 1974** – Лекант, П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке [Текст] / П.А. Лекант. – М.: Высшая школа, 1974. – 159 с.

265. **Лекант 1984** – Лекант, П.А. Синтаксическая синонимия и синтаксическая парадигматика [Текст] / П.А. Лекант // Синтаксическая синонимия в русском языке: Межвузовский сборник научных трудов. – М., 1984. – С. 3–8.

266. **Лекант 1995** – Лекант, П.А. Функции связок в русском языке [Текст] / П.А. Лекант // РЯШ. – 1995. – №3. – С. 90–95.

267. **Лекант 1999** – Лекант, П.А. Русский язык. Синтаксис. Синтаксическая синонимия. Пособие для учителей старших классов [Текст] / П.А.Лекант, Т.В. Маркелова, Т.С. Монина, Н.Ф. Павлюченкова, Т.Е. Шаповалова. – М.: Русское слово, 1999. – 112 с.

268. **Лекант 2002** – Лекант, П.А. Очерки по грамматике русского языка [Текст] / П.А. Лекант. – М.: Изд-во МГОУ, 2002. – 312 с.

269. **Лекант 2011** – Лекант, П.А. Аналитическая часть речи *предикатив* в современном русском языке [Текст] / П.А. Лекант // Вестник МГОУ. Сер. Русская филология. – 2011. – №2. – С. 20–27.

270. **Ломов 1994** – Ломов, А.М. Типология русского предложения [Текст] / А.М. Ломов. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1994. – 278 с.

271. **Ломоносов 1755** – Ломоносов, М. В. Российская грамматика Михайло Ломоносова [Текст] / М.В. Ломоносов. – СПб.: Печ. при Императорской Академии наук, 1755. – 187 с.

272. **Ломтев 1959** – Ломтев, Т.П. О некоторых вопросах структуры предложения [Текст] / Т.П. Ломтев // Филологические науки. – 1959. – №4. – С. 3–17.

273. **Ломтев 1969** – Ломтев, Т.П. Принципы построения формулы предложения [Текст] / Т.П. Ломтев // Филологические науки. – 1969. – №5. – С. 56–68.

274. **Ломтев 1979** – Ломтев, Т.П. Структура предложения в современном русском языке [Текст] / Т.П. Ломтев. – М.: МГУ, 1979. – 198 с.

275. **Ломтев 2007 –** Ломтев, Т.П. Предложение и его грамматичсекие категории [Текст] / Т.П. Ломтев. – М.: Изд-во «ЛКИ», 2007. – 200 с.

276. **Лухт 1982** – Лухт, П. И. Предикаты состояния (некоторые романские параллели) [Текст] / П.И. Лухт // Семантические типы предикатов. – М.: Наука, 1982. – С. 340–346.

277. **Лучик 2004** – Лучик, М. Об одном типе безличных перцептивных предложений русского и польского языков [Текст] / М. Лучик // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2004. – Том 4. – №7. – С. 59–67.

278. **Лучик 2005** – Лучик, М. Субъектно-предикатно-объектные отношения в семантической структуре безличных перцептивных предложений русского и польского языков [Текст] / М. Лучик // Известия Томского политехнического университета. – 2005. – Т. 308. – №3. – С. 197–201.

279. **Любоха-Круглик 2011** – Любоха-Круглик, И. О некоторых типах безличных перцептивных предложений в русском и польском языках

[Текст] / И. Любоха-Круглик // Грамматика разноструктурных языков: сборник научных статей к юбилею профессора Виктора Юрьевича Копрова. –Воронеж: Изд-во «НАУКА-ЮНИПРЕСС», 2011. – С. 250–256.

280. **Мазаева 2006** – Мазаева, А.Ю. Концептуальная и языковая картина мира и их соотношение [Текст] / А.Ю. Мазаева // Новое в когнитивной лингвистике: Материалы I Международной научной конференции «Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике» (Кемерово, 29–31 августа 2006 г.) / Отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: КемГУ, 2006. – С. 237–242.

281. **Маковский 2002** – Маковский, М.М. Семантика языческих культов (мифопоэтические этюды) [Текст] / М.М. Маковский // Вопросы языкознания. – 2002. − №6. – С. 55−81.

282. **Максимчук 2002** – Максимчук, Н.А. Нормативно-научная картина мира русской языковой личности в комплексном лингвистическом рассмотрении: Дис. ... д-ра филол. наук [Текст] / Н.А. Максимчук. – М., 2002. – 413 с.

283. **Малащенко 1972** – Малащенко, В. П. Свободное присоединение предложно-падежных форм [Текст] / В. П. Малащенко. – Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1972. – 170 с.

284. **Манаенко 2004** – Манаенко, Г.Н. Предикация, предикативность и пропозиция в аспекте «информационного» осложнения предложения [Текст] / Г.Н. Манаенко // Филологические науки. – 2004. – №2. – С. 59–68.

285. **Маркелова**, **Петрушина 2007 –** Маркелова Т.В. Семантическая структура модального значения неодобрения как соотношение ментального, эмотивного, перцептивного и волитивного модусов [Текст] / Т.В. Маркелова, М.В. Петрушина // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – 2007. – № 5. – С. 125–136.

286. **Маслова 2001** – Маслова, В.А. Лингвокультурология: учебное пособие [Текст] / В.А. Маслова. – М.: Academia, 2001. – 208 с.

287. **Маслова 2008** – Маслова, В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учебное пособие, 4-е изд. [Текст] / В.А. Маслова. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 296 с.

288. **Матезиус 1967 –** Матезиус, В. О системном грамматическом анализе [Текст] / В. Матезиус // Пражский лингвистический кружок. – М.: Прогресс, 1967. – С. 226–239.

289. **Матханова 2002** – Матханова, И.П. Высказывания с семантикой состояния в современном русском языке: Автореф. дис. …д-ра филол. наук [Текст] / И.П. Матханова. – СПб., 2002. – 44 с.

290. **Матханова 2005 –** Матханова, И.П. Поле состояния в современном русском языке: прототип и его окружение [Текст] / И.П. Матханова // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры: Коллективная монография [Текст] / Отв. ред. А.В. Бондарко, С.А. Шубик. – СПб.: Наука, 2005. – С. 103–113.

291. **Мещанинов 1982** – Мещанинов, И.И. Глагол [Текст] / И.И. Мещанинов. – Л.: Наука, 1982. – 270 с.

292. **Мещерякова 2008** – Мещерякова, О.А. Семантика перцептивной единицы в художественном тексте [Текст] / О.А. Мещерякова // Вопросы филологии. – 2008. – №4. – С. 17–26.

293. **Милых 1945** – Милых, М.К. Вопросы грамматической стилистики [Текст] / М.К. Милых // К синонимике частей речи. «Русское языковедение». Вып. 1. – Ростов-на-Дону, 1945. – С. 31–96.

294. **Миронова 2012 –** Миронова, Д.М. К вопросу о некоторых перспективах сопоставительного изучения семантических категорий свойства и состояния [Электронный ресурс] / Д.М. Миронова // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2012. – Том 2. –Выпуск №19. – С. 54–58. – Режим доступа: http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-nekotoryh-perspektivah-sopostavitelnogo-izucheniya-semanticheskih-kategoriy svoystva-i-sostoyaniya.

295. **Михасенко 1984 –** Михасенко, Ф.Т. Предикаты эмоционального состояния в предложении и тексте современного французского языка: Дис. …канд. филол. наук [Текст] / Ф.Т. Михасенко. – Минск, 1984. – 167 с.

296. **Моисеева 1998 –** Моисеева, В.Л. Безличные глагольные предикаты состояния лица в русской языковой картине мира: Автореф. дис. … канд. филол. наук [Текст] / В.Л. Моисеева. – Санкт-Петербург, 1998. – 16 с.

297. **Монина 1995** – Монина, Т.С. Проблема тождества предложения: Монография [Текст] / Т.С. Монина. – М.: МПУ, 1995. – 180 с.

298. **Монина 2007 –** Монина, Т.С. Реализация инварианта бытийного значения в простом предложении [Текст] / Т.С. Монина // Вестник МГОУ. Сер. Русская филология. – 2007. – №1. – С. 93–98.

299. **Москальская 1973 –** Москальская, О.И. Проблемы семантического моделирования в синтаксисе [Текст] / О.И. Москальская // Вопросы языкознания. – 1973. – №6. – С. 33–43.

300. **Москальская 1974 –** Москальская, О.И. Проблемы системного описания синтаксиса [Текст] / О.И. Москальская. – М.: Высшая школа, 1974. – 155 с.

301. **Мурьянов 1978** – Мурьянов, М.Ф. К интерпретации старославянских цветообозначений [Текст] / М.Ф. Мурьянов // Вопросы языкознания. – 1978. – №5. – С. 94–109.

302. **Мухачева 2008** – Мухачева, А.М. Концептосфера «ПРОСТРАНСТВО» [Текст] / А.М. Мухачева // Труды по когнитивной лингвистике: сборник научных статей, посвященный 30-летнему юбилею кафедры общего языкознания и славянских языков Кемеровского государственного университета / Отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: КемГУ, 2008. – С. 211–217.

303. **Недялков 2005** – Недялков, И.В. Английские и русские безличные конструкции: полевые структуры, центр и периферия [Текст] / И.В. Недялков // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры: Коллективная монография [Текст] / Отв. ред. А.В. Бондарко, С.А. Шубик. – СПб.: Наука, 2005. – С. 233–243.

304. **Николаева 1985** – Николаева, Т.М. Функции частиц в высказывании: На материале славянских языков [Текст] / Т.М. Николаева. – М.: Наука, 1985. – 168 с.

305. **Николина 2010** – Николина, Н.А. Тенденция употребления предикативов состояния в современной речи [Текст] / Н.А. Николина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2010. – №4(2). – С. 650–652.

306. **Никольская 2003** – Никольская, Н. Как классифицируют неклассифицируемое [Текст] / Н. Никольская // Ароматы и запахи в культуре. Книга 2. [Текст] / Сост. О.Б. Вайнштейн. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. – С. 503–512.

307. **Новаковский 1869** – Новаковский, В. Некоторые выводы из анализа русской речи [Текст] / В. Новаковский // Извлеч. из «Журнала Министерства народного просвещения». – 1869, CXLXIX, июль. – С. 8–23.

308. **Новоженова 2001** – Новоженова, З.Л. Русское глагольное предложение: структура и семантика [Текст] / З.Л. Новоженова. – Slupsk: Pomorska academia pedagogizma, 2001. – 215 с.

309. **Норман 1978** – Норман, Б.Ю. Синтаксис речевой деятельности [Текст] / Б.Ю. Норман. – Минск: Вышейш. школа, 1978. – 151 с.

310. **Норман 2013** – Норман, Б.Ю. Когнитивный синтаксис русского языка: учебное пособие [Текст] / Б.Ю. Норман. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – 254 с.

311. **Овсянико-Куликовский 1900** – Овсянико-Куликовский, Д.Н. Из синтаксических наблюдений. К вопросу о классификации бессубъектных предложений [Текст] / Д.Н. Овсянико-Куликовский // Изв. импер. Акад. наук, Отд. русск. яз. и словесности Императорской Академии наук, V, кн. 4, 1900. – С. 1146–1186.

312. **Огурцова 1988** – Огурцова, О.А. Сходство и различие в восприятии цветов русскими и англичанами [Текст] / О.А. Огурцова // Лингви-

стические единицы разных уровней в языке и речи: Сборник научных трудов. – Краснодар: КГУ, 1988. – С. 31–36.

313. **Одинцов 2002** – Одинцов, Е.В. К вопросу о системных отношениях безличных и номинативных предложений в русском языке [Текст] / Е.В. Одинцов // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста: Сборник статей, посвященных юбилею Галины Александровны Золотовой. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – С. 144–151.

314. **Ольшанский 1983** – Ольшанский, И.Г. Взаимодействие семантики слова и предложения [Текст] / И.Г. Ольшанский // Вопросы языкознания. – 1983. – №3. – С. 52–62.

315. **Омельченко 2010** – Омельченко, Л.Н. К вопросу о функционально-семантическом поле состояния в русском языке [Текст] / Л.Н. Омельченко // Вестник Бурятского государственного университета. – 2010. – №10. – С. 66–70.

316. **Осипова 2006** – Осипова, Э.Н. К системности синтаксиса: односоставность предложения [Текст] / Э.Н. Осипова // Вестник Поморского университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки – 2006. – №1. – С. 79–82.

317. **Очирова 2011** – Очирова, И.Н. Синтаксический концепт «Небытие» в русском языке: Автореф. дис. ...канд. филол. наук [Текст] / И.Н. Очирова. – Волгоград, 2011. – 20 с.

318. **Павлова 2009** – Павлова, А.В. Предикаты болезненного состояния в английском и русском языках: Автореф. дис. …канд. филол наук [Текст] / А.В. Павлова. – Уфа, 2009. – 22 с.

319. **Павлюк 1976** – Павлюк, Н.А. Сопоставление фонетического и лексического значения [Текст] / Н.А. Павлюк // Проблемы мотивированности языкового знака. – Калининград, 1976. – С. 66–74.

320. **Падучева 1993** – Падучева, Е.В. Говорящий как наблюдатель: об одной возможности применения лингвистики в поэтике [Текст] / Е.В. Падучева // Известия РАН. Сер. литер. и яз. – 1993. – №3. – С. 33–45.

321. **Падучева 2000** – Падучева, Е.В. Наблюдатель как Экспериент «За Кадром» [Текст] / Е.В. Падучева // Слово в тексте и словаре: сб. статей к семидесятилетию академика Ю.Д. Апресяна. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 185–201.

322. **Падучева 2002** – Падучева, Е.В. Дейктические компоненты в семантике глаголов движения [Текст] / Е.В. Падучева // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. – М.: Индрик, 2002. – С. 121–136.

323. **Падучева 2009** – Падучева, Е.В. Статьи разных лет [Текст] / Е.В. Падучева. – М.: Языки славянских культур, 2009. – 736 с.

324. **Панкина 2009** – Панкина, М.Ф. Формирование семантической структуры концепта «кинетическое состояние агенса» в русском и немецких языках [Текст] / М.Ф. Панкина // Теоретические проблемы современного языкознания / Под ред. И.А. Стернина и М.А. Стерниной. – Воронеж: Истоки, 2009. – С. 248–252.

325. **Пекарская 2010** – Пекарская, Е.А. Типологизация языковой личности: опыт системного описания [Текст] / Е.А. Пекарская // Вестник Читинского государственного университета. – 2010. – №1 (58). – С. 100–104.

326. **Переверзев 1998** – Переверзев, К.А. Высказывание и ситуация: об онтологическом аспекте философии языка [Текст] / К.А. Переверзев // Вопросы языкознания. – 1998. − №5. – С. 24−52.

327. **Петров 2007 –** Петров, А.В. Категория безличности в современном русском языке: Автореф. дис. …д-ра филол. наук [Текст] / А.В. Петров. – М., 2007. – 43 с.

328. **Петров 2009** – Петров, А.В. Семантика безличности [Текст] / А.В. Петров // Филологические науки. – 2009. – №1. – С. 57–64.

329. **Петров 2011** – Петров, А.В. Системность безличных предложений [Текст] / А.В. Петров // Грамматика разноструктурных языков: сборник научных статей к юбилею профессора Виктора Юрьевича Копрова. – Воронеж: Изд-во «НАУКА-ЮНИПРЕСС», 2011. – С. 290–299.

330. **Пешехонова 2008** – Пешехонова, Н.А. Предложения со значением создания объекта в результате физического труда: структура, семантика и функционирование: Автореф. дис. …канд. филол. наук [Текст] / Н.А. Пешехонова. – Елец, 2008. – 20 с.

331. **Пешковский 1930** – Пешковский, А.М. Принципы и приемы стилистического анализа и оценки художественной прозы [Текст] / А.М. Пешковский // Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики. – М.; Л.: Госиздат, 1930. – С. 133–161.

332. **Пешковский 1956** – Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении [Текст] / А.М. Пешковский. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР, 1956. – 511 с.

333. **Пименов 2006 (а)** – Пименов, Е.А. Концепт и картина мира [Текст] / Е.А. Пименов // Новое в когнитивной лингвистике: Материалы I Международной научной конференции «Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике» (Кемерово, 29–31 августа 2006 г.) / Отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: КемГУ, 2006. – С. 81–86.

334. **Пименов 2006 (б)** – Пименов, Е.А. *ЛЮБОВЬ* в немецкой и русской концептуальных системах / Е.А. Пименов // Новое в когнитивной лингвистике: Материалы I Международной научной конференции «Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике» (Кемерово, 29–31 августа 2006 г.) / Отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: КемГУ, 2006. – С. 892–898.

335. **Пименова 2011** – Пименова, М.Вас. Лексико-семантический синкретизм как проявление формально-содержательной языковой асимметрии [Текст] / М.Вас. Пименова // Вопросы языкознания. – 2011. – №3. – С. 19–48.

336. **Пименова 1999** – Пименова, М.В. Этногерменевтика языковой наивной картины внутреннего мира человека: монография [Текст] / М.В.

Пименова. – Кемерово: Кузбассвузиздат, Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 1999. – 262 с.

337. **Пименова 2004** – Пименова, М.В. Типология структурных элементов концептов внутреннего мира (на примере эмоциональных концептов [Текст] / М.В. Пименова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – №1. – С. 82–90.

338. **Пименова 2007** – Пименова, М.В. Концепт *сердце*: образ, понятие, символ: монография [Текст] / М.В. Пименова. – Кемерово: КемГУ, 2007. – 500 с.

339. **Пименова, Кондратьева 2009** – Пименова, М.В. Введение в концептуальные исследования: учеб. пособие [Текст] / М.В. Пименова, О.Н. Кондратьева. Изд. 2-е, испр. и доп. – Кемерово: КемГУ, 2009. – 160 с.

340. **Попов 1881** – Попов, А.В. Синтаксические исследования. Именительный, звательный и винительный в связи с историей развития заложных значений и безличных оборотов в санскрите, зенде, греческом, латинском, немецком, литовском и славянском наречиях [Текст] / А.В. Попов. – Воронеж: Тип. В. И. Исаева, 1881. – 308 с.

341. **Попова 2002** – Попова, Е.А. Человек как основополагающая величина современного языкознания [Текст] / Е.А. Попова // Филологические науки. – 2002. – №3. – С. 69–77.

342. **Попова 1984** – Попова, З.Д. Может ли обойтись синтаксис без учения о членах предложения [Текст] / З.Д. Попова // Вопросы языкознания. – 1984. – №5. – С. 69–75.

343. **Попова 1996** – Попова, З.Д. Структурная схема простого предложения и позиционная схема высказывания как разные уровни синтаксического анализа [Текст] / З.Д. Попова // Словарь. Грамматика. Текст. – М.: Наука, 1996. – С. 255–276.

344. **Попова 1998 –** Попова, З.Д. Синтаксический концепт как предмет когнитивной лингвистики [Текст] / З.Д. Попова // Когнитивная лингвистика: современное состояние и перспективы. – Ч.1 – Материалы Первой

международной школы-семинара по когнитивной лингвистике 26–30 мая 1998 г. – Тамбов, 1998. – С. 119–121.

345. **Попова 1999** – Попова З.Д. Модели системы языка в русском языкознании конца XX века // Вестник ВГУ. – Серия 1. Гуманитарные науки. 2/1999. – С. 171–181.

346. **Попова 2000 –** Попова, З.Д. Синтаксические концепты в структуре представления знаний [Текст] / З.Д. Попова // Вестник ВГУ. – Серия 1. Гуманитарные науки. – 2000. – № 1. – С. 171–179.

347. **Попова 2001 –** Попова, З.Д. Минимальные и расширенные структурные схемы простого предложения как однопорядковые знаки пропозитивных концептов [Текст] / З.Д. Попова // Традиционное и новое в русской грамматике. – М., 2001. – С. 219–226.

348. **Попова 2004 –** Попова, З.Д. Синтаксический концепт и межкультурная коммуникация [Текст] / З.Д. Попова // Вестник ВГУ. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2004. – №2. – С. 27–31.

349. **Попова 2005 –** Попова, З.Д. Синтаксические концепты в структурно-семантическом анализе [Текст] / З.Д. Попова // Реальность, язык и сознание. – Вып. 3. – Тамбов, 2005. – С. 132–138.

350. **Попова 2006 (а) –** Попова, З.Д. Синтаксические концепты как категория когнитивной лингвистики [Текст] / З.Д. Попова // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты). – Москва-Кострома: Элпис, 2006. – С. 349–352.

351. **Попова 2006 (б) –** Попова, З.Д. Схема описания русского синтаксиса в свете теории синтаксических концептов [Текст] / З.Д. Попова // Проблемы русского и общего языкознания. Межвуз. сборник научных трудов. – Вып. 4. – Елец, 2006. – С. 30–38.

352. **Попова 2006 (в) –** Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика и семиотика [Текст] / З.Д. Попова // Новое в когнитивной лингвистике: Материалы I Международной научной конференции «Изменяющаяся Россия: новые

парадигмы и новые решения в лингвистике» (Кемерово, 29–31 августа 2006 г.) / Отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: КемГУ, 2006. – С. 108–113.

353. **Попова 2009 –** Попова, З.Д. Синтаксическая система русского языка в свете теории синтаксических концептов [Текст] / З.Д. Попова. – Воронеж: Истоки, 2009. – 210 с.

354. **Попова, Стернин 2003 –** Попова, З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике. Изд. 3-е, стереотипное [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: ВГУ, 2003. – 191 с.

355. **Попова, Стернин 2004 –** Попова, З.Д. Общее языкознание. Учебное пособие для университетов. Изд. 2-ое, переработанное и дополненное [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 2004. – 208 с.

356. **Попова, Стернин 2007 (а)** – Попова, З.Д. Язык и национальная картина мира. Изд. 3, перераб. и доп. [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2007. – 61 с.

357. **Попова, Стернин 2007 (б)** – Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ: Восток–Запад, 2007. – 314 с.

358. **Поспелов 1955 –** Поспелов, Н.С. В защиту категории состояния [Текст] / Н.С. Поспелов // Вопросы языкознания. – 1955. – №2. – С. 55–65.

359. **Постовалова 1988 –** Постовалова, В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека [Текст] / В.И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Отв. ред. Е.А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – С. 8–86.

360. **Потебня 1899** – Потебня, А.А. Из записок по русской грамматике. Т. III. [Текст] / Сост. А.А. Потебня, изд. 2-е, испр. и доп. (I – III – 1888 – 1899). – Харьков: Издательство Д.Н. Полуехтова, 1899. – 663 с.

361. **Потебня 1905** – Потебня, А.А. Мышление поэтическое и мифическое // Из записок по теории словесности. – Харьков, 1905. – С. 397–407.

362. **Потебня 1922 –** Потебня, А.А. Мысль и язык. 4-е изд. [Текст] / А.А. Потебня. – Одесса: Гос. изд-во Украины, 1922. – 185 с.

363. **Потебня 1968 –** Потебня, А.А. Из записок по русской грамматике. Т. III. [Текст] / А.А. Потебня. – М.: Просвещение, 1968. – 551 с.

364. **Почепцов 1969 –** Почепцов, Г.Г. О принципах синтагматической классификации глаголов (на материале глагольной системы современного английского языка) [Текст] / Г.Г. Почепцов // Филологические науки. – 1969. – №3. – С. 65–76.

365. **Почепцов 1990 –** Почепцов, Г.Г. Языковая ментальность: способы представления мира [Текст] / Г.Г. Почепцов // Вопросы языкознания. – 1990. – №6 . – С. 110–122.

366. **Проблемы функциональной грамматики 2005** – Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры: Коллективная монография [Текст] / Отв. ред. А.В. Бондарко, С.А. Шубик. – СПб.: Наука, 2005. – 478 с.

367. **Провоторова 2009 –** Провоторова, Е.Ю. Реализация структурных схем односоставных безличных предложений в произведениях «орнаментальной» прозы [Текст] / Е.Ю. Провоторова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2009. – №7. – С. 101–104.

368. **Прокофьева 2010 –** Прокофьева, Л.П. Синестезия в совеременной научной парадигме [Текст] / Л.П. Прокофьева // Известия Саратовского университета. – 2010. Т. 10. – Сер. Филология. Журналистика, вып. 1. – С. 3–10.

369. **Пропп 1928 –** Пропп, В. Морфология сказки [Электронный ресурс] / В. Пропп. – Ленинград: ACADEMIA, 1928. – 130 с. (Вопросы поэтики. Выпуск XII). – Режим доступа: http://feb-web.ru/feb/skazki/default.asp

370. **Постовалова 1988** – Постовалова, В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека [Текст] / В.И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. – М., 1988. – С. 8–69**.**

371. **Пупынин 1992** – Пупынин, Ю.А. Безличный предикат и субъектно-объектные отношения в русском языке [Текст] / Ю.А. Пупынин // Вопросы языкознания. – 1992. − №1. – С. 48−63.

372. **Радбиль 2011 –** Радбиль, Т.Б. О концепции изучения языкового менталитета [Текст] / Т.Б. Радбиль // РЯШ. – 2011. − №3. – С. 54−60.

373. **Радченко 2006** – Радченко, О.А. Язык как миросозерцание: Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. Изд. 3-е, стереотипное [Текст] / О.А. Радченко. – М.: КомКнига, 2006. – 312 с.

374. **Распопов 1969** – Распопов, И.П. Несколько замечаний о синтаксической парадигматике [Текст] / И.П. Распопов // Вопросы языкознания. – 1969. – №4. – С. 92–100.

375. **Распопов 1972** – Распопов, И.П. О так называемых детерминирующих членах предложения [Текст] / И.П. Распопов // Вопросы языкознания. – 1972. – №6. – С. 55–61.

376. **Распопов 1976 –** Распопов, И.П. Что же такое структурная схема предложения? (По поводу ст. С.И. Кокориной «О реализации структурной схемы предложения») [Текст] / И.П. Распопов // Вопросы языкознания. – 1976. – №2. – С. 65–70.

377. **Рацибурская 2011 –** Рацибурская, Л.В. *Радбиль Т.Б.* Основы изучения языкового менталитета [Текст] / Л.В. Рацибурская // РЯШ. – 2011. − №6. – С. 102−103.

378. **Режабек 2003 –** Режабек, Е.Я. Мифомышление (когнитивный анализ) [Текст] / Е.Я. Режабек. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 304 с.

379. **Ржепянская 2010 –** Ржепянская, И.В. Русское народное творчество в становлении нравственной культуры Древней Руси [Текст] / И.В. Ржепянская. – М.: КРАСАНД, 2010. – 200 с.

380. **Рудакова 2004 –** Рудакова, А.В. Когнитология и когнитивная лингвистика [Текст] / А.В. Рудакова. – Воронеж: Истоки, 2004. – 80 с.

381. **Рузин 1994 –** Рузин, И.Г. Когнитивные стратегии наименования: модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выра-

жение в языке [Текст] / И.Г. Рузин // Вопросы языкознания. – 1994. – №6. – С. 79–100.

382. **Рузин 1996 –** Рузин, И.Г. Возможности и пределы концептуального объяснения языковых фактов [Текст] / И.Г. Рузин // Вопросы языкознания. – 1996. – №5. – С. 39–50.

383. **Румянцева 2006** – Румянцева, М.В. К вопросу об исследовании концептосфер «МИР», «ПРИРОДА» и «ЧЕЛОВЕК» на базе сравнительных конструкций в рассказах о животных русских и немецких авторов [Текст] / М.В. Румянцева // Новое в когнитивной лингвистике: Материалы I Международной научной конференции «Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике» (Кемерово, 29–31 августа 2006 г.) / Отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: КемГУ, 2006. – С. 554–560.

384. **Русская грамматика 1980** – Русская грамматика. Т. 2. Синтаксис [Текст]. – М.: Наука, 1980. – 709 с.

385. **Рыбаков 1987** – Рыбаков, Б.А. Язычество Древней Руси [Текст] / Б.А. Рыбаков; АН СССР, Отделение истории, Институт археологии. – М.: Наука, 1987. – 782 с.

386. **Рылов 2006** – Рылов, Ю.А. Аспекты языковой картины мира: итальянский и русский языки [Текст] / Ю.А. Рылов. – М.: Гнозис, 2006. – 304 с.

387. **Рылов 2011** – Рылов, Ю.А. Субъект действия и квалификации в подлежащных предложениях русского и итальянского языков [Текст] / Ю.А. Рылов // Грамматика разноструктурных языков: сборник научных статей к юбилею профессора Виктора Юрьевича Копрова. – Воронеж: Издательство «НАУКА-ЮНИПРЕСС», 2011. – С. 354–361.

388. **Рюкова 2009** – Рюкова, А.Р. Структурная схема предложения как средство вербализации синтаксических концептов [Текст] / А.Р. Рюкова // Вестник Башкирского университета. – 2009. Т.14. – №4. – С. 1435–1438.

389. **Рядчикова, Тарасенко 2007** – Рядчикова, Е.Н. Лингвокультурные принципы и способы отражения национального самосознания и нацио-

нальной культуры в языке [Электронный ресурс] / Е.Н. Рядчикова, С.В. Тарасенко // Вестник Адыгейского государственного университета: сетевое электронное научное издание. – 2007. – №3. – Режим доступа: http://www.vestnik.adygnet.ru

390. **Савенкова 2003** – Савенкова, Л.Б. Языковое воплощение концепта [Текст] / Л.Б. Савенкова // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: Материалы Международного симпозиума. Волгоград, 22–24 мая 2003 г.: В 2-х ч. Ч. 1. Научные статьи. – Волгоград: Перемена, 2003. – С. 258–264.

391. **Салимов 2010** – Салимов, Р.Д. Структура и семантика односоставных предложений в русском и таджикском языках: Автореф. дис. …д-ра филол. наук [Текст] / Р.Д. Салимов. – М., 2010. – 51 с.

392. **Селеменева 2006** – Селеменева, О.А. Безличные предложения с семантикой состояния природы и окружающей среды в современном русском языке: структура, семантика и функционирование: Дис. …канд. филол. наук [Текст] / О.А. Селеменева. – Елец, 2006. – 234 с.

393. **Селеменева 2009** – Селеменева, О.А. Концепт «ЛЮБОВЬ» в лирике А.А. Ахматовой [Текст] / О.А. Селеменева // Проблемы русского и общего языкознания: межвузовский сборник научных трудов, посвященный 70-летию со дня рождения профессора В.И. Казариной. – Выпуск 7. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2009. – С. 123–131.

394. **Селеменева 2011** – Селеменева, О.А. *Состояние природы* и другие концепты национальной концептосферы [Текст] / О.А. Селеменева // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2011. – №1. – С. 33–37.

395. **Селеменева 2012** – Селеменева, О.А. Концепт СОСТОЯНИЕ ПРИРОДЫ в русской языковой картине мира [Текст] / О.А. Селеменева // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2012. – № 1 (030). – С. 73–81.

396. **Селиверстова 1982** – Селиверстова, О. Н. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикативных типов рус-

ского языка [Текст] / О.Н. Селиверстова // Семантические типы предикатов. – М.: Наука, 1982. – С. 86–157.

397. **Семантико-функциональный сопоставительный синтаксис 2011** – Семантико-функциональный сопоставительный синтаксис: Субъектно-объектные отношения [Текст] / В.Ю. Копров, Т.Н. Козюра, А.Л. Лебедева, О.М. Дедова, И.М. Сушкова; под. ред. В.Ю. Копрова. – Воронеж: Издательство «НАУКА-ЮНИПРЕСС», 2011. – 263 с.

398. **Семенова 2010** – Семенова, Н.В. Трансформация языковой картины мира в межкультурном общении [Текст] / Н.В. Семенова // Вестник Башкирского университета. – 2010. – Т. 15. – №2. – С. 345–347.

399. **Сепир 1993** – Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. Пер. с англ. под ред. и с предисл., [с. 5–22] А.Е. Кибрика [Текст] / Э. Сепир. – М.: Прогресс: Изд. группа «Универс», 1993. – 654 с.

400. **Сергеева 1982** – Сергеева, В.И. Логико-грамматический и номинативный аспекты безличных предложений [Текст] / В.И. Сергеева // Синтаксическая семантика и грамматика. Межвузовский тематический сборник. – Калинин: КГУ, 1982. – С. 75–84.

401. **Серебренников 1988** – Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира [Текст] / Отв. ред. Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – 212 с.

402. **Сидорова 1997** – Сидорова, М.Ю. О средствах формирования коммуникативных типов речи (репродуктивный регистр) [Текст] / М.Ю. Сидорова // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. – 1997. – №6. – С. 6–19.

403. **Сидорова 2000** – Сидорова, М.Ю. Грамматическое единство художественного текста: Проза и поэзия: Дис. …докт. филол. наук. – М., 2000. – 485 с.

404. **Сидорова 2002** – Сидорова, М.Ю. Регистровая техника и ее возможности [Текст] / М.Ю. Сидорова // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста: Сборник статей, посвященных юбилею Галины Александровны Золотовой. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – С. 487–497.

405. **Скобликова 2001** – Скобликова, Е.С. Концептосфера человека и модели предложения [Текст] / Е.С. Скобликова // Филологические науки. – 2001. – №4. – С. 45–54.

406. **Скобликова 2006** – Скобликова, Е.С. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения. 3-е изд, испр. и доп. [Текст] / Е.С. Скобликова. – М.: Флинта, 2006. – 320 с.

407. **Смотрицкий 1979** – Смотрицкий, М. Г. Грамматика славенския правильное синтагма [Текст] / Подгот. к изд. В.В. Нимчука; Отв. ред. В.М. Русановский. – Факс. изд. «Грамматики», 1619. – в комплекте с науч. исследованиями. – Киев: Наукова Думка, 1979. – 252 с.

408. **Соломоник 2011** – Соломоник, А. Синтаксис в знаковых системах (с приложением дополненного словаря семиотических терминов). Изд. 2-е. [Текст] / А. Соломоник. – М.: Издательство ЛКИ, 2011. – 288 с.

409. **Сонин 2011** – Сонин, А.Г. Концепт как объект лингвистики: движение за границу научности [Текст] / А.Г. Сонин // РЯШ. – 2011. − №5. – С. 64−70.

410. **Степанов 1989** – Степанов, Ю.С. Индоевропейское предложение [Текст] / Ю.С. Степанов. – М.: Наука, 1989. – 248 с.

411. **Степанов 2011** – Степанов, Ю.С. Индоевропейское предложение. Изд. 2-ое [Текст] / Ю.С. Степанов. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 248 с.

412. **Степанов 2012** – Степанов, Ю.С. Имена, предикаты, предложения: Семиологическая грамматика. Изд. 5-ое [Текст] / Ю.С. Степанов / Под ред. Ю.Н. Караулова. – М.: Издательство «ЛКИ», 2012. – 360 с.

413. **Степанян 2004** – Степанян, Л.Л. Синестезия и эмоциональность речи [Текст] / Л.Л. Степанян // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 2004. – №4. – С. 115–120.

414. **Стернин 2001** – Стернин, И.А. Методика исследования структуры концепта [Текст] / И.А. Стернин // Методологичсекие проблемы

когнитвиной лингвистики / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 58–64.

415. **Стернин 2006 (а)** – Стернин, И.А. Когнитивная интерпретация результатов лингвистических исследований [Текст] / И.А. Стернин // Новое в когнитивной лингвистике: Материалы I Международной научной конференции «Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике» (Кемерово, 29–31 августа 2006 г.) / Отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: КемГУ, 2006. – С. 155–163.

416. **Стернин 2006 (б)** – Стернин, И.А. Сочетаемость ключевой лексемы-репрезентанта концепта как показатель когнитивной структуры концепта [Текст] / И.А. Стернин // Русский синтаксис в лингвистике третьего тысячелетия: Материалы международной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения профессора А.М. Ломова. – Воронеж: ВГПУ, 2006. – С. 323–327.

417. **Стернин 2009** – Стернин, И.А. Некоторые актуальные проблемы современной концептологии [Текст] / И.А. Стернин // Лингвоконцептология. Выпуск 2. – Воронеж, 2009. – С. 25–39.

418. **Семантико-функциональный сопоставительный синтаксис 2011** – Семантико-функциональный сопоставительный синтаксис: Субъектно-объектные отношений [Текст] / В.Ю. Копров, Т.Н. Козюра, А.Л. Лебедева, О.М. Дедова, И.М. Сушкова; под ред. В.Ю. Копрова. – Воронеж: Издательство «НАУКА-ЮНИПРЕСС», 2011. – 263 с.

419. **Спивак 1983** – Спивак Д.Л. Язык в условиях измененного состояния сознания // Вопросы языкознания. – 1983. – №5. – С. 43–49.

420. **Сукаленко 1991** – Сукаленко, Н.И. Образно-стереотипная языковая картина мира как отражение эмпирического обыденного сознания: Дис. ...д-ра филол. наук [Текст] / Н.И. Сукаленко. – Харьков, 1991. – 316 с.

421. **Сулейманова 2000** – Сулейманова, О.А. Релевантные типы безличных синтаксических структур и их семантические корреляты: Автореф. дис. ...д-ра филол. наук [Текст] / О.А. Сулейманова. – М., 2000. – 51 с.

422. **Сухотин 1960** – Сухотин, В.П. Синтаксическая синонимика в современном русском литературном языке [Текст] / В.П. Сухотин. – М.: АН СССР, 1960. – 160 с.

423. **Сюебэнь 2004** – Сюебэнь, Суй. Категория безличности и безличные предложения в русской языковой картине мира: Автореф. дис. … канд. филол. наук [Текст] / Суй Сюебэнь. – Уфа, 2004. – 24 с.

424. **Тарланов 1998** – Тарланов, З.К. Русское безличное предложение в контексте этнического мировосприятия [Текст] / З.К. Тарланов // Филологические науки. – 1998. – №5. – С. 65– 75.

425. **Тарнаева 2008** – Тарнаева, Л.П. Концепции языковой личности в контексте проблем переводоведения [Текст] / Л.П. Тарнаева // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Сер. Филология. – 2008. – №2(13). – С. 55–70.

426. **Телия 1988** – Телия, В.Н. Метафоризация и ее роль в создании русской языковой картины мира [Текст] / Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Отв. ред. Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – С. 173–204.

427. **Телия 1996** – Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты [Текст] / В.Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

428. **Телия 2001** – Телия, В.Н. Концептообразующая флуктуация константы культуры «*родная земля*» в наименовании *родина* [Текст] / В.Н. Телия // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова / Отв. Ред. Е.С. Кубрякова, Т.Е. Янко. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – С. 409–418.

429. **Теньер 1988** – Теньер, Л. Основы структурного синтаксиса [Текст] / Л. Теньер. – М.: Прогресс, 1988. – 653 с.

430. **Теория функциональной грамматики 1987** – Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализован-

ность. Таксис [Текст] / Под ред. А. В. Бондарко [и др.] – Л.: Наука, 1987. – 350 с.

431. **Теория функциональной грамматики 1990** – Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность [Текст] / Под ред. А.В. Бондарко [и др.] – Л.: Наука, 1990. – 263 с.

432. **Тер-Минасова 2000** – Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация [Текст] / С.Г. Тер-Минасова. – М.: СЛОВО/SLOVO, 2000. – 262 с.

433. **Тимкин 2006** – Тимкин, Ю.Н. Архаика русского мировоззрения [Текст] / Ю.Н. Тимкин // Философия хозяйства. – 2006. – Спецвыпуск /сентябрь/. – С. 33–43.

434. **Токарев 2008** – Токарев, Г.В. Культурные аспекты грамматики [Текст] / Г.В. Токарев // Вестник Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина. – Вып. 18: Филологическая серия (4). – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2008. – С. 250–257.

435. **Толстая 2011** – Толстая, С.М. Семантические категории языка культуры: Очерки по славянской этнолингвистике. Изд. 2-ое. [Текст] / С.М. Толстая. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 368 с.

436. **Топоров 2010** – Топоров, В.Н. Исследования по этимологии и семантике. Т. 4: Балтийские и славянские языки. Кн. 1. [Текст] / В.Н. Топоров. – М.: Языки славянских культур, 2010. – 416 с.

437. **Тупикова 1998 –** Тупикова, Н.А. Формирование категории имперсональности русского глагола [Текст] / Н.А. Тупикова. – Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 1998. – 263 с.

438. **Тюкинеева 2005** – Тюкинеева, О.В. История формирования семантики слов категории состояния в русском языке XI–XVII вв. (на материале исторических словарей русского языка): Автореф. дис. …канд. филол. наук [Текст] / О.В. Тюкинеева. – Новосибирск, 2005. – 22 с.

439. **Уорф 1960** – Уорф, Б. Отношение норм поведения и мышления к языку. Наука и языкознание. Лингвистика и логика [Текст] / Б. Уорф // Новое в лингвистике. Вып. 1. – М., 1960. – С. 135–198.

440. **Урысон 1995** – Урысон, Е.В. Фундаментальные способности человека и «наивная анатомия» [Текст] / Е.В. Урысон // Вопросы языкознания. – 1995. – №3. – С. 3–17.

441. **Урысон 1998** – Урысон, Е.В. Языковая картина мира vs. обиходные представления (модель восприятия в русском языке) [Текст] / Е.В. Урысон // Вопросы языкознания. – 1998. – №2. – С. 3–22.

442. **Устинова 2007** – Устинова, Е.В. Функционально-семантическое поле агентивности/неагентивности в современном русском литературном языке XX – начале XXI в.: Автореф. дис. …канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2007. – 26 с.

443. **Уфимцева 1974** – Уфимцева, А.А. Типы словесных знаков [Текст] / А.А. Уфимцева. – М.: Наука, 1974. – 206 с.

444. **Уфимцева 1986** – Уфимцева, А.А. Лексическое значение: Принципы семиологического описания лексики [Текст] / А.А. Уфимцева. – М.: Наука, 1986. – 240 с.

445. **Уфимцева 2009** – Уфимцева, Н.В. Культура и ее отражение в языковом сознании славян [Текст] / Н.В. Уфимцева // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2009. − №5. – С. 86−99.

446. **Ушакова 1979** – Ушакова, Т.Н. Функциональные структуры второй сигнальной системы: Психофизиологические механизмы внутренней речи [Текст] / Т.Н. Ушакова. – М.: Наука, 1979. – 248 с.

447. **Фесенко 2003** – Фесенко, Т.А. Лингвофилософская концепция В. фон Гумбольдта в контексте семиотики [Текст] / Т.А. Фесенко // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2003. – №2. – С. 17–26.

448. **Федоров 2006** – Федоров В.А. Французские структурные схемы с глаголом avoir и их перевод на русский язык [Текст] / В.А. Федоров // Вест-

ник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – №1. – 2006. – С. 104–115.

449. **Федоров 2007** – Федоров, В.А. Лексический состав французской структурной схемы, выражающей ‘модус’ высказывания [Текст] / В.А. Федоров // Вестник ТГУ. Сер. Гуманитарные науки. Филология. – Выпуск 6 (50). – 2007. – С. 268–285.

450. **Федоров 2009 (а)** – Федоров, В.А. Синтаксический концепт модуса источника сообщения во французском языке (на фоне русских переводных соответствий) [Текст] / В.А. Федоров // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. Филология. Искусствоведение. – 2009. – №13(151). – С. 126–129.

451. **Федоров 2009 (б)** – Федоров, В.А. Французская структурная схема с глаголом *manquer* и ее русские эквиваленты [Текст] / В.А. Федоров // Вестник НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. Выпуск 6. – Нижний Новгород, 2009. – С. 195–203.

452. **Федоров 2010** – Федоров, В.А. Французские обороты с местоимением *il* в зеркале русского языка: монография [Текст] / В.А. Федоров. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр ВГУ, 2010. – 216 с.

453. **Федоров 2013** – Федоров, В.А. Национальная специфика синтаксических концептов: Дис. …докт. филол. наук [Текст] / В.А. Федоров. – Воронеж, 2013. – 380 с.

454. **Фигуровская 2000** – Фигуровская, Г.Д. Полевые модели в синтаксисе [Текст] / Г.Д. Фигуровская // Русский язык вчера, сегодня, завтра. – Воронеж: ВГУ, 2000. – С. 23–27.

455. **Фигуровская 2001** – Фигуровская, Г.Д. Функциональная грамматика и синтаксические поля [Текст] / Г.Д. Фигуровская // Проблемы изучения и преподавания языка: Межвузовский сборник научных трудов. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2001. – С. 3–17.

456. **Филипенко 1997** – Филипенко, М.В. Об иерархии аспектуальных характеристик в высказывании (к анализу адвербиалов – определителей «процесса») [Текст] // Вопросы языкознания. – 1997. – №5. – С. 3–15.

457. **Фисенко 2009** – Фисенко, О.С. Концепт *гроза* в научном сознании носителей русского языка [Текст] / О.С. Фисенко // Лингвоконцептология. Выпуск 2. – Воронеж, 2009. – С. 182–208.

458. **Фомина 2007** – Фомина, А.Ю. Способы моделирования макрособытия в синтаксисе [Текст] / А.Ю. Фомина // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2007. – №4. – С. 39–44.

459. **Фурс 2004** – Фурс, Л.А. Синтаксически репрезентируемые концепты: Дис. …д-ра филол. наук [Текст] / Л.А. Фурс. – Тамбов, 2004. – 370 с.

460. **Фурс 2010** – Фурс, Л.А. Когнитивная основа синтаксической репрезентации [Текст] / Л.А. Фурс // В поисках смысла: Сб. научных трудов, посвященных памяти проф. А.А. Худякова. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского госуниверситета экономики и финансов. – С. 92–97.

461. **Хамитова 2008 (а)** – Хамитова, Э.Р. Концептуальная метафора «природа – человек» в антропоцентрической парадигме исследования [Текст] / Э.Р. Хамитова // Вестник Башкирского университета. – 2008. – Т. 13. –№4. – С. 941–943.

462. **Хамитова 2008 (б) –** Хамитова, Э.Р. Концептуальная метафора «природа – человек» в русской поэтической картине мира XIX – XX веков: лингвокультурологический и лексикографический аспекты: Дис. ...канд. филол. наук [Текст] / Хамитова Э.Р. – Уфа, 2008. – 331 с.

463. **Хамитова 2009 –** Хамитова, Э.Р. Концептуальная метафора «природа – человек» в русской поэтической картине мира XIX–XX веков: лингвокультурологический и лексикографический аспекты: монография [Текст] / Э.Р. Хамитова. – Уфа: РИО Баш ГУ, 2009. – 145 с.

464. **Харченко 2009** – Харченко, В.К. Перспективы развития сенсорной лингвистики [Текст] / В.К. Харченко // Теоретические проблемы

современного языкознания / Под ред. И.А. Стернина и М.А. Стерниной. – Воронеж: Истоки, 2009. – С. 60–67.

465. **Хашимов 2007** – Хашимов, Р.И. О билексемах русского языка [Текст] / Р.И. Хашимов // Европейские языки: историография, теория, история: Межвузовский сборник научных работ. – Выпуск 6. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2007. – С. 39–48.

466. **Хашимов 2008** – Хашимов, Р.И. Билексема как особая единица языка [Текст] / Р.И. Хашимов // Вопросы филологии. – 2008. – №4. – С. 30–38.

467. **Хроленко 2000** – Хроленко, А.Т. Лингвокультуроведение: пособие к спецкурсу по проблеме «Язык и культура» [Текст] / А.Т. Хроленко. – Курск: ГУИП «Курск», 2000. – 165 с.

468. **Хроленко 2009** – Хроленко, А.Т. Основы лингвокультурологии: учебное пособие [Текст] / А.Т. Хроленко / Под ред. В.Д. Бондалетова. – 5-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 184 с.

469. **Цейтлин 1976** – Цейтлин, С.Н. Синтаксические модели со значением психического состояния и их синонимика [Текст] / С.Н. Цейтлин // Синтаксис и стилистика. – М.: Наука, 1976. – С. 161–180.

470. **Цепунова 2007** – Цепунова, О.А. Предикаты умственного состояния в английском и французском языках: Автореф. дис. …канд. филол. наук [Текст] / О.А. Цепунова. – Уфа, 2007. – 21 с.

471. **Цивьян 1990** – Цивьян, Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира [Текст] / Т.В. Цивьян. – М.: Наука, 1990. – 207 с.

472. **Черемисина 1997** – Черемисина, М.И. Исследование моделей элементарного простого предложения в тюркских языках Южной Сибири [Электронный ресурс] / М.И. Черемисина // Гуманитарные науки в Сибири. Филологическая серия. – 1997. – №4. – Режим доступа: http://www.philosophy.nsc.ru/journals/humscience/4_97/09

473. **Черепанов, Орлова 2003** – Черепанов, М.В. Смысловая структура концептов «свет» и «тьма» и их языковое выражение [Текст] / М.В. Че-

репанов, Н.М. Орлова // Известия Саратовского университета. – 2003. – Т. 3. – Вып. 2. – С. 116–125.

474. **Черкасова 2010** – Черкасова, А.А. Когнитивный аспект структуры составных сложных слов [Текст] / А.А. Черкасова // Филologos. – Выпуск 7 (№№3–4). – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2010. – С. 48–52.

475. **Чесноков 1977** – Чесноков, П.В. Неогумбольдтианство [Текст] / П.В. Чесноков // Философские основы зарубежных направлений в языкознании / Под ред. В.З. Панфилова. – М.: Наука, 1977. – С. 7–63.

476. **Чеснокова 1980** – Чеснокова, Л.Д. Связи слов в современном языке: пособие для учителя [Текст] / Л.Д. Чеснокова. – М.: Просвещение, 1980. – 110 с.

477. **Чон 2010** – Чон, Ч.В. Способы выражения эмоционального состояния в русском языке и их семантические особенности [Текст] / Ч.В. Чон // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 2010. – №4. – С. 15–32.

478. **Чугунекова 2007** – Чугунекова, А.Н. Глаголы физического состояния как предикаты элементарного простого предложения в современном хакасском языке [Текст] / А.Н. Чугунекова // Вестник ВЭГУ. – 2012. – №5. – С. 123–127.

479. **Чуланова 2009 –** Чуланова, А.П. К вопросу о целесообразности и значении термина «синтаксическая синонимия» [Текст] / А.П. Чуланова // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – №320. – С. 27–30.

480. **Чумакова 1998 –** Чумакова, Т.В. Синонимия односоставных инфинитивных предложений: Дис. …канд. филол. наук [Текст] / Т.В. Чумакова. – М., 1998. – 341 с.

481. **Шаманова 2006 –** Шаманова, М.В. Афоризмы как средство объективации концепта *общение* [Текст] / М.В. Шаманова // Культура общения и ее формирование. Выпуск 16. – Воронеж: Истоки, 2006. – С. 163–169.

482. **Шаповалова 2000** – Шаповалова, Т.Е. Категория синтаксического времени в русском языке. Монография [Текст] / Т.Е. Шаповалова. – М.: МПУ, 2000. – 151 с.

483. **Шаталова 2008** – Шаталова, О.В. Концепт *бытие* в русском языке: Автореф. дис. …д-ра филол. наук [Текст] / О.В. Шаталова. – М., 2008. – 47 с.

484. **Шатуновский 1993** – Шатуновский, И.Б. Семантическая структура предложения. «Связки» и нереферентные слова [Текст] / И.Б. Шатуновский // Вопросы языкознания. – 1993. – №3. – С. 76–85.

485. **Шатуновский 1996** – Шатуновский, И.Б. Семантика предложения и нереферентные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика) [Текст] / И.Б. Шатуновский. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 399 с.

486. **Шатуновский 2000** – Шатуновский, И.Б. Предложения наличия vs. бытийные и локативные предложения в русском языке [Текст] / И.Б. Шатуновский // Логический анализ языка. Языки пространств / Отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 189–197.

487. **Шахматов 1941** – Шахматов, А.А. Синтаксис русского языка [Текст] / А.А. Шахматов. – Л: Гос. научно-пед. изд-во Наркомпроса РСФСР, 1941. – 620 с.

488. **Шведова 1952** – Шведова, Н.Ю. Полные и краткие формы прилагательных в составе сказуемого в современном русском языке [Текст] / Н.Ю. Шведова // Уч. зап. МГУ. №150. – М., 1952. – С. 73–132.

489. **Шведова 1967 –** Шведова, Н.Ю. Парадигматика простого предложения в современном русском языке (опыт парадигматики) [Текст] / Н.Ю. Шведова // Русский язык. Грамматические исследования. – М.: Наука, 1967. – С. 3–77.

490. **Шведова 1969 –** Шведова, Н.Ю. О понятии «регулярная реализация структурной схемы простого предложения» [Текст] / Н.Ю. Шведова // Мысли о современном русском языке. – М.: Просвещение, 1969. – С. 67–80.

491. **Шведова 1973 (а) –** Шведова, Н.Ю. К спорам о детерминантах (обстоятельственная и необстоятельственная детерминация простого предложения) [Текст] / Н.Ю. Шведова // НДВШ. Филологические науки. – 1973. – №5. – С. 66–77.

492. **Шведова 1973 (б) –** Шведова, Н.Ю. Спорные вопросы описания структурных схем простого предложения и его парадигм [Текст] / Н.Ю. Шведова // Вопросы языкознания. – 1973. – №4. – С. 25–36.

493. **Шведова 1973 (в) –** Шведова, Н.Ю. О соотношении грамматической и семантической структуры предложения [Текст] / Н.Ю. Шведова // Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Варшава, август 1973 г.: Докл. сов. делегации. М.: Наука, 1973. – С. 458–483.

494. **Шведова 1974** – Шведова, Н.Ю. Место семантики в описательной грамматике (синтаксис) [Текст] / Н. Ю. Шведова // Грамматическое описание славянских языков. – М., 1974. – С. 456–483.

495. **Шведова 2001** – Шведова, Н.Ю. Еще раз о глаголе БЫТЬ [Текст] / Н.Ю. Шведова // Вопросы языкознания. – 2001. – №7. – С. 3–13.

496. **Шеина 2011** – Шеина, И.М. Картина мира как метаконцепт (к теории проблемы) [Текст] / И.М. Шеина // Филologos. – Выпуск 9. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2011. – С. 32–45.

497. **Шестеркина 2006** – Шестеркина, Н.В. Дихотомия день–ночь как репрезентанты темпорального признака концепта «свет–тьма» (на материале русского и немецкого языков) [Текст] / Н.В. Шестеркина // Новое в когнитивной лингвистике: Материалы I Международной научной конференции «Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике» (Кемерово, 29-31 августа 2006 г.) / Отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: КемГУ, 2006. – С. 590–596.

498. **Шеховцева 2007** – Шеховцева, Т.М. Вербализация концепта «сила» английскими афоризмами [Текст] / Т.М. Шеховцева // Языковая система и речевая деятельность: лингвокультурологический и прагматический аспекты. Выпуск I. Материалы международной научной конференции. – Ростов-на-Дону: НМЦ «Логос», 2007. – С. 128–129.

499. **Шмелев 2010** – Шмелев, А.Д. Русская языковая картина мира [Текст] / А.Д. Шмелев // Россика/Русистика/Россиеведение. Кн. 1: Язык/История/Культура / Отв. ред. Е.И. Пивовар. – М.: РГГУ, 2010. – С. 16–39.

500. **Шмелева 1994** – Шмелева, Т.В. Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык». 2-ое изд. [Текст] / Т.В. Шмелева. – Красноярск: Изд-во Красноярского университета, 1994. – 54 с.

501. **Шубина 1980** – Шубина, Л.В. К вопросу о месте перефразы в микросистеме, вырабатывающей эмоциональные чувства, состояния и воздействия [Текст] / Л.В. Шубина // Проблемы теории и истории русского языка. – М.: МГУ, 1980. – С. 138–148.

502. **Шутун 2007** – Шутун, Е.В. Синтаксическая синонимия безлично-инфинитивных предложений [Текст] / Е.В. Шутун // Вестник МГОУ. Сер. Русская филология. – 2007. – №1. – С. 187–191.

503. **Щерба 1957** – Щерба, Л.В. О частях речи в русском языке [Текст] / Л.В. Щерба // Л.В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1957. – С. 63–84.

504. **Щур 2009** – Щур, Г.С. Теории поля в лингвистике. Изд. 3-е. [Текст] / Г.С. Щур / Предисл. М.М. Маковского. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 264 с.

505. **Юрикова 2003** – Юрикова, Н.И Мифологические, философские и психологические аспекты изучения приема персонификации [Текст] / Н.И. Юрикова // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2003. – №7. – С. 25–29.

506. **Юрченко 1976** – Юрченко, В.С. О выражении субъекта в простом предложении [Текст] / В.С. Юрченко // РЯШ. – 1976. – №1. – С. 90–94.

507. **Юрченко 1991** – Юрченко, В.С. Односоставные предложения: Лингвистические заметки [Текст] / В.С. Юрченко // РЯШ. – 1991. – №6. – С. 62–67.

508. **Юрченко 2000** – Юрченко, В.С. Очерки по философии языка и философии языкознания [Текст] / В.С. Юрченко. – Саратов: Изд-во Саратовского педагогического института, 2000. – 366 с.

509. **Яковлева 1994 –** Яковлева, Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени, восприятия) [Текст] / Е.С. Яковлева. – М.: Гнозис, 1994. – 344 с.

510. **Яковлева 2004 –** Яковлева, И.Н. Семантическая категория состояния и средства ее реализации (на материале русского и английского языков): Автореф. дис. …канд. филол. наук [Текст] / И.Н. Яковлева. – Воронеж, 2004. – 23 с.

511. **Якупова 2008 –** Якупова, Л.Н. Актанты информационно-смысловых блоков сферы звука и слухового восприятия в башкирском языке [Текст] // Вестник Башкирского университета. – 2008. – Т. 13. – №4. – С. 979–981.

512. **Якушин, Ярославцева 1980 –** Якушин, Б.В. Критерий близости текстов по содержанию (ситуативный критерий) [Электронный ресурс] / Б.В. Якушин, Е.М. Ярославцева // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. – 1980. – №6. – Т. 39. – С. 549–551. – Режим доступа: http://feb-web.ru/feb/izvest/1980/06/806-549.htm

513. **Comrie 1976** – Comrie, B. Aspect: An Introduction to the Study of Verbal Aspect and Related Problems [Текст] / B. Comrie. – Cambridge: Cambridge University Press, 1976. – 142 p.

514. **Davies 2005 –** Davies, L.E. A construction-grammatical analysis of impersonalization in Russian: dis. …Ph.D [Текст] / Laura Elaine Davies. – Princeton: Princeton University. – 2005. – 193 p.

515. **Jackendoff 1983** – Jackendoff, R. Semantics and cognition [Текст] / R. Jackendoff. – Cambridge: MIT Press, 1983. – 283 p.

516. **Le Ny 1979** – Le Ny, J. F. La sémantique psychologique [Текст] / J.F. Le Ny. – Paris: Presses Universitaires de France, 1979. – 342 p.

517. **Le Ny 1989** – Le Ny, J.F. Science cognitive et compréhension du langage [Текст] / J.F. Le Ny. – Paris: Presses Universitaires de France, 1989. – 249 p.

518. **Pavlova, Bezrodnyj 2010** – Pavlova, A. How to Catch a Unicorn? The Image of the Russian Language from Lomonosov to Wierzbicka [Электронный ресурс] / A. Pavlova, M. Bezrodnyj // Toronto Slavic Quarterly. – Spring 2010. – TSQ №32. − Режим доступа: http://www.utoronto.ca/tsq/32/index.shtml

519. **Russell 1956** – Russell, B. Logic and knowledge [Текст] / B. Russell. – London: Allen and Unwin LTD, 1956.

520. **Searle 1983** – Searle, J.R. Intentionality [Текст] / J.R. Searle. – Cambridge: Cambridge University Press, 1983. – 270 p.

521. **Sériot 2004** − Sériot, P. Oxymore ou malentendu? Le relativisme universaliste de la métalangue sémantique naturelle universelle d'Anna Wierzbicka [Текст] / P. Sériot // Cahiers Ferdinand de Saussure. – 2005. − №57. – P. 23−43.

522. **Frege 1952 –** Frege, G. On sense and reference [Текст] / G. Frege // Translations from philosophical writings of Gottlob Frege. – Oxford: Blackwell, 1952. – P. 56–78.

Словари, справочники, энциклопедии

1. **Большая советская энциклопедия 1969–1978** – Большая советская энциклопедия. 3-е изд. Онлайн-версия на Яндексе [Электронный ресурс]. – М.: Советская энциклопедия, 1969–1978 // Режим доступа: http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/Бофорта%20шкала/

2. **Большой толковый словарь русского языка 2000** – Большой толковый словарь русского языка [Текст] / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб: Норинт, 2000. – 1536 с.

3. **Даль 1998** – Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Репринтное воспроизведение издания 1912–1914 гг. [Текст] /

В.И. Даль / Под ред. проф. Бодуэна де Куртенэ: В 4-х т. Т. 3. П–Р. – М.: Цитадель, 1998. – 896 с.

4. **Золотова 1988** – Золотова, Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса [Текст] / Г.А. Золотова. – М.: Наука, 1988. – 440 с.

5. **Клюева 1961** – Клюева, В.Н. Краткий словарь синонимов русского языка [Текст] / В.Н. Клюева. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР, 1961. – 343 с.

6. **Кубрякова 1996** – Кубрякова, Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина / Под общей ред. Е.С. Кубряковой. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. – 245 с.

7. **Литературная энциклопедия 2003** – Литературная энциклопедия терминов и понятий [Текст] / Ред. и сост. А.Н. Николюкин. – М.: Интелвак, 2003. – 1600 с.

8. **Ломов 2007** – Ломов, А.М. Словарь-справочник по синтаксису современного русского языка [Текст] / А.М. Ломов. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 416 с.

9. **Львов 1987** – Львов, М.Р. Словарь антонимов русского языка: Более 2500 антонимических пар. 6-е изд., испр. и доп. [Текст] / М.Р. Львов / Под ред. Л.А. Новикова. – М.: ТЕРРА, 1997. – 480 с.

10. **Новый объяснительный словарь синонимов русского языка 2004** − Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-ое изд., исправ. и допол. [Текст] / Под общим руководством акад. Ю.Д. Апресяна. − М.; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004. – 1488 с.

11. **Ожегов 2006** – Ожегов, С.И. Словарь русского языка: Ок. 60 000 слов и фразеологических выражений. 25-е изд., испр. и доп. [Текст] / С.И. Ожегов; Под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. – М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство “Мир и Образование”», 2006. – 976 с.

12. **Ожегов, Шведова 1997** – Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., дополненное [Текст] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – М.: Азбуковник, 1997. – 944 с.

13. **Русский семантический словарь 1998** − Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений [Электронный ресурс] / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; Под общей ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Азбуковник, 1998. Режим доступа: http://www.slovari.ru/default.aspx?p=235

14. **Саяхова, Хасанова 1976** – Саяхова, Л.Г. Тематический словарь русского языка для башкирской средней школы [Текст] / Л.Г. Саяхова, Д.М. Хасанова. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1976. – 144 с.

15. **Славянские древности 1995** – Славянские древности: этнолингвистичексий словарь. Т. 1–4 [Текст] / Под общей ред. Н.И. Толстого. – М.: «Международные отношения», 1995–2009.

16. **Славянская мифология 2002** – Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е. [Текст] / Отв. ред. С.М. Толстая. – М.: Международные отношения, 2002. – 512 с.

17. **Словарь современного русского литературного языка 1961** – Словарь современного русского литературного языка: В 17-ти т. Т. 11: Пра – пятью [Текст] / Под ред. Е.Э. Биржаковой, Р.П. Рогожниковой. – М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1961. – 1842 с.

18. **Словарь русского языка 1987** – Словарь русского языка: В 4-х т. Т.3: П–Р [Текст] / Гл. ред. А.П. Евгеньева. – 3-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1987. – 750 с.

19. **Словарь синонимов 1997** – Словарь синонимов [Текст] / Под. ред. И. Писарева. – М.: ТОМ, 1997. – 648 с.

20. **Степанов 2001** – Степанов, Ю.С. Константы: словарь русской культуры [Текст] / Ю.С. Степанов. – М.: Академический Проект, 2001. – 990 с.

21. **Ушаков 2008** – Ушаков, Д.Н. Большой толковый словарь русского языка. Современная редакция [Текст] / Д.Н. Ушаков. – М.: ООО «Дом Славянской книги», 2008. – 960 с.

22. **Философский словарь 1963** – Философский словарь [Текст] / Под ред. М.М. Розенталя и П.Ф. Юдина. – М.: Политическая литература, 1963. – 544 с.

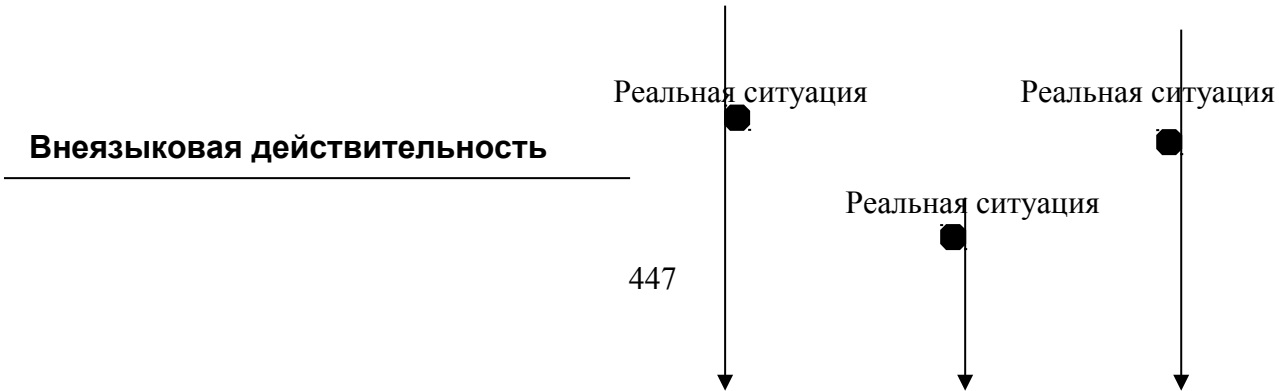
23. **Философский энциклопедический словарь 1983** – Философский энциклопедический словарь [Текст] / Под ред. Л.Ф. Ильичева, П.Н. Федосеева, С.М. Ковалева, В.Г. Панова. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.

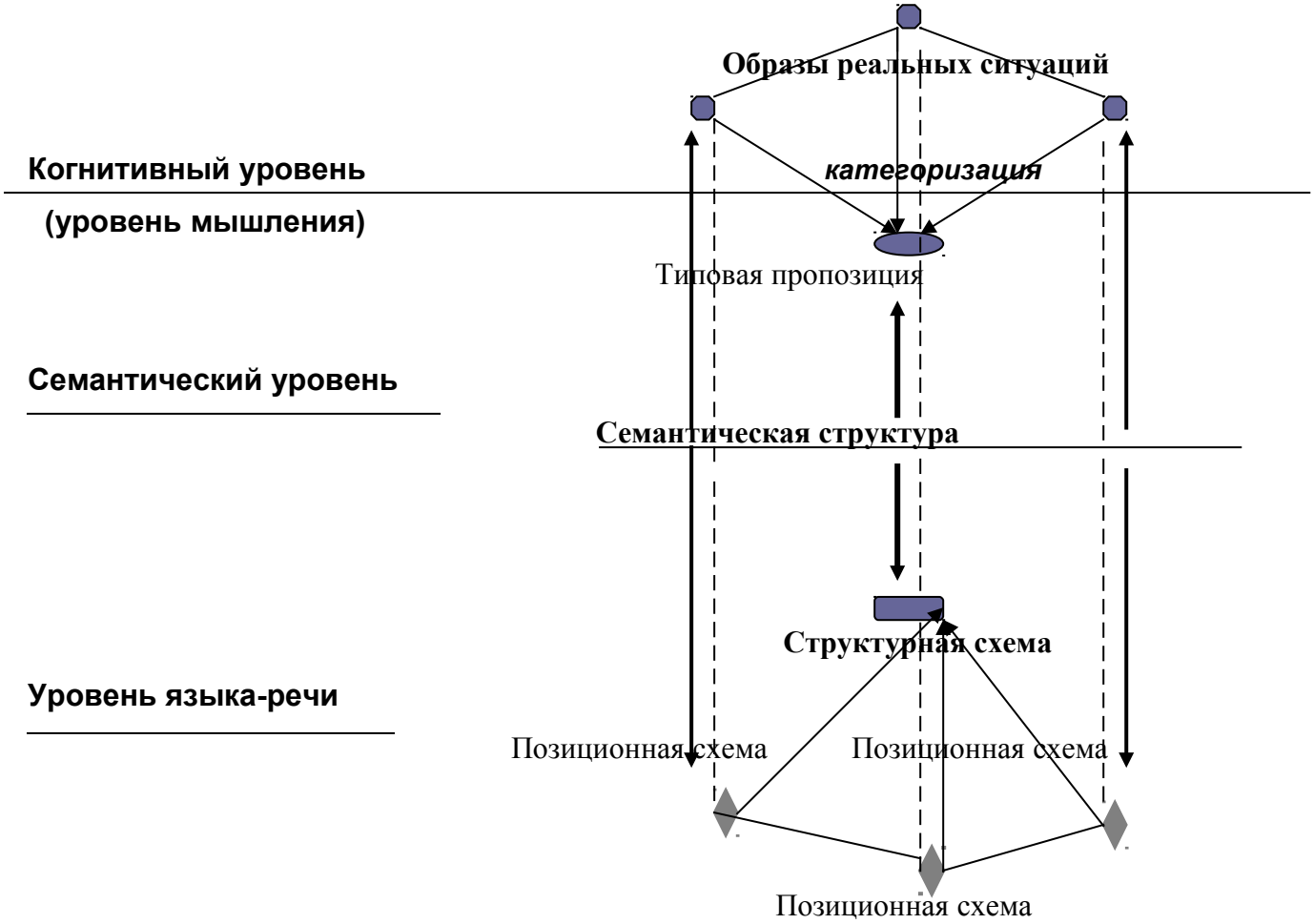
24. **Фразеологический словарь современного русского литературного языка 2004** – Фразеологический словарь современного русского литературного языка [Текст] / Под. ред. проф. А.Н. Тихонова / Сост. А.Н. Тихонов, А.Г. Ломов, А.В. Королькова. Справочное издание: В 2. т. Т. 1. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 832 с.

25. **Экспериментальный синтаксический словарь 2002** − Экспериментальный синтаксический словарь: Русские глагольные предложения [Электронный ресурс] / Под общ. ред. Л.Г. Бабенко. −М.: Флинта-Наука, 2002. − 464 с. − Режим доступа: http://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=2847

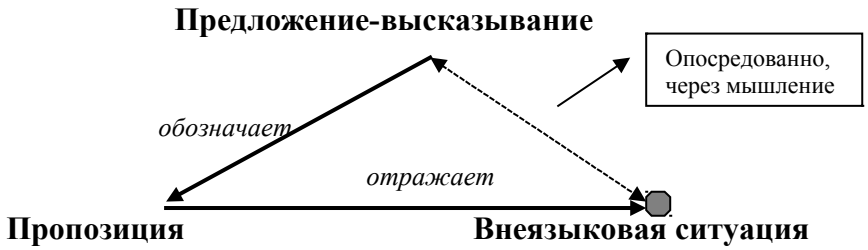
26. **The Columbia Encyclopedia 2001-2007** – The Columbia Encyclopedia, Sixth Edition. 2001–2007 (Saffir-Simpson scale) [Электронный ресурс]. − Режим доступа: http:// www.education.yahoo.com/reference/encyclopedia

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Единица синтаксической подсистемы

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ЧАСТОТНОСТЬ

реализации в речи специализированных и неспециализированных структурных схем, репрезентирующих

типовую пропозицию «состояние природы» в русском языке XIX – XX вв.

Тип схемы по специализации	№	Структурная схема простого предложения	Кол-во высказываний (от общего количества высказываний выборки)	Процент высказываний от объема тех, в основе которых СССПП[i] или НССПП/от общего объема выборки
Специализированные	1.	«где есть каково»	3156	48,2% /33,69 %
	2.	«где самопроисходит»	1994	30,45%/21,28%
	3.	«где пахнет чем»	787	12,02% /8,4%
	4.	«где действует чем откуда/куда»	331	5,05% /3,53 %
	5.	«покрывает что (В.п) чем»	214	3,26% /2,28 %
	6.	«где перемещает что (В.п.) откуда/куда»	28	0,42%/0,29%
	7.	«где создает что (В.п., Р.п.)»	22	0,33%/0,23%
	8.	«где разрушает что (В.п.)»	15	0,22%/0,16%
Всего СССПП			**6547**	**100%/70%**

неспециализированные	1.	«где есть какое состояние»	1235	43,79 %/13,18%
	2.	«что находится в каком состоянии»	711	25,21%/7,59%
	3.	«что есть каково по состоянию»	324	11,48%/3,45%
	4.	«что есть какое по состоянию»	173	6,13%/1,84%
	5.	«что есть в каком состоянии»	83	2,94%/0,88%
	6.	«что покрывается чем»	72	2,55%/0,76%
	7.	«что есть полно какого состояния/каким состоянием»	60	2,12%/0,64%
	8.	«что погружается в какое состояние»	51	1,8%/0,54%
	9.	«что есть покрыто чем»	48	1,7%/0,51%
	10.	«что есть погружено в какое состояние»	34	1,2%/0,36%
	11.	«где нет какого состояния»	29	1,02%/0,3%
Всего НССПП			2820	100%/30%
Всего СССПП и НССПП			9367	100%

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

ГРАММАТИЧЕСКИЕ МОДИФИКАЦИИ[ii]
структурных схем, репрезентирующих типовую пропозицию «состояние природы» в русском языке XIX – XX вв.

Специализированные структурные схемы

Неспециализированные структурные схемы

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ МОДИФИКАЦИИ[iii]
структурных схем, репрезентирующих типовую пропозицию «состояние природы» в русском языке XIX – XX вв.

Неполная модификация специализированных структурных схем

Неполная модификация неспециализированных структурных схем

Другие структурно-семантические модификации

Специализированные структурные схемы

Неспециализированные структурные схемы

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

КРИТЕРИИ КЛАССИФИКАЦИИ

высказываний с семантикой «состояние природы»

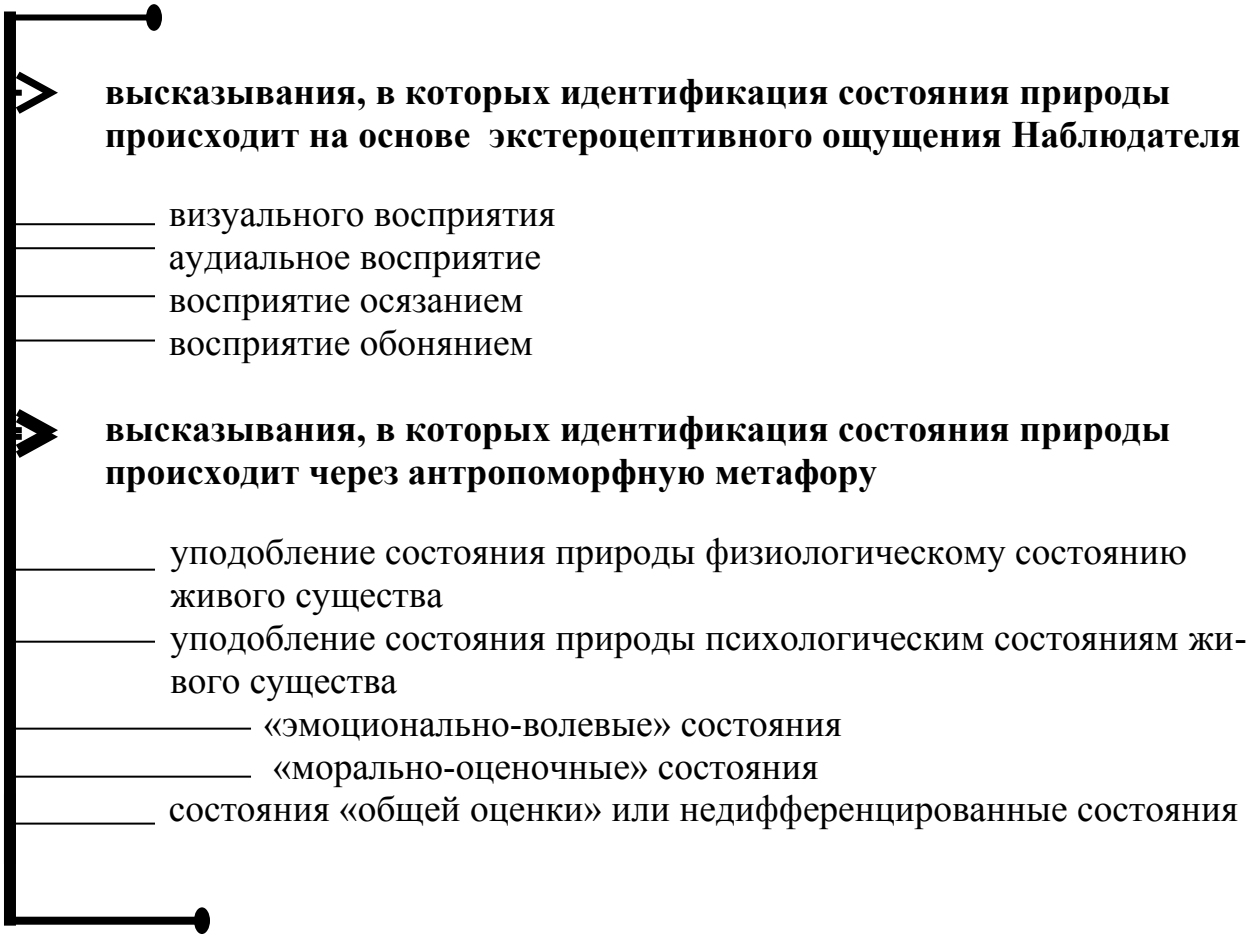
в русском языке XIX – XX вв.

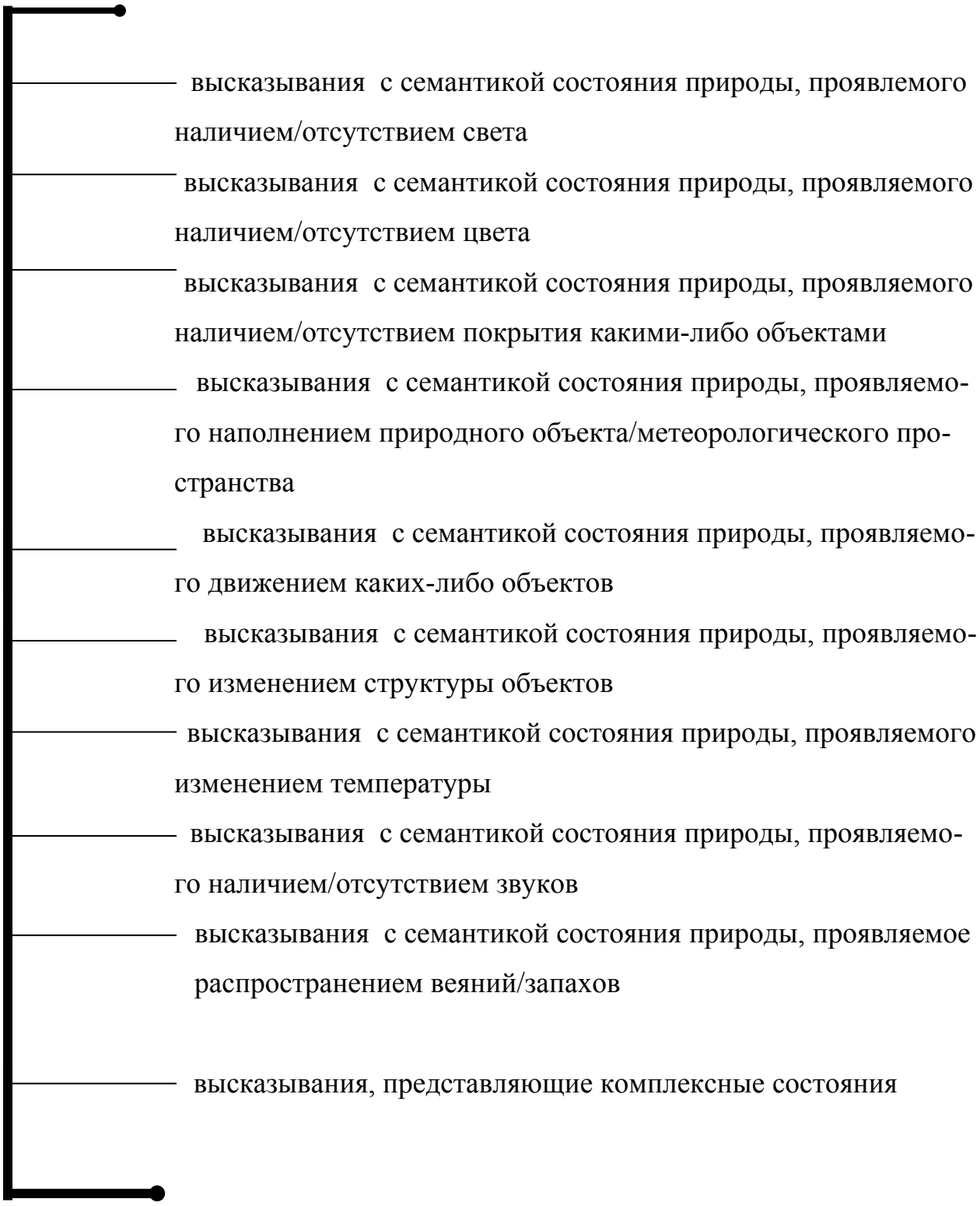
по способу восприятия состояния природы Наблюдателем

по способу проявления состояния природы

I. Классификация высказываний с семантикой «состояние природы» по способу восприятия состояния природы Наблюдателем

II. Классификация высказываний с семантикой «состояние природы» по способу проявления состояния природы

ПРИЛОЖЕНИЕ 5[iv]

ЧАСТОТНОСТЬ

высказываний, классифицированных по способу проявления состояний природы, в русской языковой картине мира XIX – XX вв.

[i] СССПП – специализированная структурная схема простого предложения; НССПП – неспециализированная структурная схема

[ii] Приведенные в *Приложении 3* гистограммы представляют собой сводку данных о грамматических модификациях выделенных специализированных и неспециализированных структурных схем простых предложений с семантикой «состояние природы». Все цифровые данные на оси Y выражены в процентах. Процентное соотношение исходной формы и грамматических модификаций структурных схем подсчитано, исходя из количества высказываний, пришедшихся на совокупность специализированных и неспециализированных структурных схем (в отдельности), принятых за 100 % (соответственно 6547 и 2820 высказываний).

[iii] Приведенные в *Приложении 3* гистограммы представляют собой сводку данных о структурно-семантических модификациях выделенных специализированных и неспециализированных структурных схем простых предложений с семантикой «состояние природы». Все цифровые данные на оси Y выражены в процентах. Особое внимание уделено неполной модификации, т.к. эллиптированию в процессе речевой реализации могут подвергаться различные компоненты структурных схем. Процентное соотношение предложений с эллиптированным компонентом и с реализованным подсчитано, исходя из количества высказываний, пришедшихся на совокупность специализированных и неспециализированных структурных схем (в отдельности), потенциально имеющих этот конститутивный элемент и принятых за 100 %:

локативный субъектив – 6333 высказывания;
наименование запаха/веяния – 1118 высказываний;
объект-стихийный каузатор – 214 высказываний;
объект, подвергающийся воздействию, – 65 высказываний;
исходный/конечный пункт веяния/перемещения – 359 высказываний;
область бытия/небытия состояния – 1264 высказывания.

[iv] Данная в *Приложении 5* линейная гистограмма представляет сводку данных о частотности высказываний, дифференцированных по способу проявления состояния природы, в русской языковой картине мира. Все цифровые данные, выраженные в процентах, представлены на оси X. Процент высказываний, приходящийся на ту или иную группу, подсчитан от общего числа высказываний выборки (9367), принятых за 100 %.